

7

С. В. МАКСИМОВ

Сергей Васильевич

МАКСИМОВ

Собрание сочинений

ТОМ 7

Сергей Васильевич
МАКСИМОВ

Собрание сочинений
в семи томах

Сергей Васильевич

МАКСИМОВ

Собрание сочинений
в семи томах

Сергей Васильевич

МАКСИМОВ

Собрание сочинений
в семи томах

ТОМ 7

КРАЙ КРЕЩЕНОГО СВЕТА

ОБИТЕЛЬ И ЖИТЕЛЬ

БЕЛОРУССКАЯ СМОЛЕНЩИНА

КРЕСТЬЯНСКИЙ БЫТ

ПЕРВОБЫТНЫЙ ЛЕС

ГОРОДА ОЗЕРНОЙ ОБЛАСТИ

Москва 2010

КЖККНИГОВЕЖ™
КНИЖНЫЙ КЛУБ | BOOK CLUB

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)1
М17

Внешнее оформление художника
А. БАЛАШОВОЙ

Максимов С. В.

М17   Собрание сочинений: В 7 т. Т. 7: Край крещеного света; Обитель и житель; Белорусская Смоленщина; Крестьянский быт; Первобытный лес; Города озерной области: Рассказы; Примечания. — М.: Книжный Клуб Книговек, 2010. — 464 с.

ISBN 978-5-4224-0035-5 (т. 7)

ISBN 978-5-4224-0028-7

Сергей Васильевич Максимов (1831—1901) — русский путешественник, писатель, исследователь-этнограф, знаток русского быта.

Глубокое знание быта и нравов народа, правдивость и живость зарисовок обеспечили С. Максиму подобающее ему достойное место в русской литературе.

В своих повестях и рассказах автор правдиво повествует о народах Сибири, о Белоруссии, крестьянской жизни, а также старинных русских городах, Великом Новгороде и Пскове.

В седьмой том собрания сочинений вошли рассказы «Край крещеного света», «Белорусская Смоленщина», «Крестьянский быт», «Города озерной области».

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)1

ISBN 978-5-4224-0035-5 (т. 7)
ISBN 978-5-4224-0028-7

© Книжный Клуб Книговек, 2010

КРАЙ КРЕЩЕНОГО СВЕТА

Рассказы

КРАЙ КРЕЩЕНОГО СВЕТА

I

ДРЕМУЧИЕ ЛЕСА

В уйме не без зверя.

Пословица

Леса — это украшение земли и сокровищница вод — обильно покрывают бóльшую часть нашего громадного и разнообразного отечества. В глуши их родились все наши длинные, широкие и многоводные реки; в них получают свою пищу все те светлые и крупные озера, которые на севере идут сплошными рядами, в неразрывной цепи на несколько сотен верст. В лесах появились первые пашни и в них человек впервые мог стать оседлым: леса пособили людям построить первые постоянные жилища, они же доставляют людям обильную, сытую и подручную пищу. Выгоды лесов неисчислимы и польза от них настолько велика и очевидна, что давно все согласились с тем, что леса составляют богатство России. Расчищенные лесные чащи укрепили русский народ (несмотря на все невзгоды суровой и холодной природы) в таких местах, где бродили прежде только дикие звери да прилетали на время перелетные птицы. Нерасчищенные леса или дремучие боры, уймы, тайболы, тайги еще до наших дней держат окрестный народ в полукочевом состоянии. Успевши отучить народ от постоянного кочеванья с места на место, дремучие леса нашей северной России и Сибири ждут только расчистки пашен, чтобы вконец усадить народ на одном месте. До тех пор жизнь лесных обитателей не будет походить на житье-бытье людей русских и лесные скитальцы все-таки будут оставаться дикарями.

Для дикой жизни — в дремучих лесах большое при-
волье. В Сибири леса совсем нетронуты, оттого там и
народов диких удержалось больше; в России кочевые
народы мало-помалу начинают нравами и обычаями
приближаться к русским: давно расчищают леса и для
того, чтобы заводить пашни. и для того, чтобы строить
постоянные избы и жить в селениях.

Леса, как в России, так и в Сибири, начинают расти
сейчас там, где кончается мерзлая тундра. Лишь толь-
ко земля успевает таять летом в таком размере, чтобы
дерево могло укрепиться и прорасти своими сложны-
ми и раскидистыми корнями, — леса покрывают землю
там, где земля не разрыхлена обильной влагой и не яв-
ляется болотной трясиной или зыбуном. В мерзлой тун-
дре кустарники ивы или можжевельника, березы или
тальника расстилают свои тонкие стволы по поверхно-
сти земли и прячутся под покровом мхов и лишаяев. Но
лишь только холод леденящих ветров потерял свою си-
лу и не мешает росту деревьев, деревья встают во весь
свой стройный рост, обрастают огромные пространства
земли целыми общинами, где каждое дерево встает на
защиту соседей, и все вместе, громадным строем своим,
упорно стоят против всех бурь и невзгод, насылаемых
на них вражеской силой пустынной тундры.

Прежде всего и ближе к тундровым трясинам вы-
растают леса хвойные: либо сосна, либо ель, идут на
несколько сотен верст, не мешаясь ни с каким другим
лесом. И если не прошел тут лесной пожар, пущенный
злой рукой или по неосторожности, хвойные леса растут
неизменно. Но после пожара почва, удобренная золой,
всегда произращает березу: березник встает на смену
боров. Эти три вида деревьев попадаютя всего чаще в
тех лесах, которые образуют громадную грань тундры
и опушку лесной полосы России. Но как сосна и ель, так
и береза на полуночных окраинах лесной полосы мед-
ленно растут в толщину и представляют стволы до того
дряблые, что достаточно легкого толчка, чтобы пере-
ломить их. Коротких летних жаров хватает только на

то, чтобы выгнать молодые побеги, которые вырастают в ущерб древесины. Так лиственницы, которые появляются в соседстве других хвойных деревьев на окраине лесной полосы, почти совершенно лишены ветвей, иногда на стволе в две или три сажени. Один только дуб, защищенный корой, устает против сильных холодов; но зато он и не частый гость в крайних лесах северных, а в Сибири он и совсем пропадает: дубов в Сибири нет вовсе, а с ними нет там ни вяза, ни клена, ни ясеня. Но как в Сибири, так и в России хвойные леса неизмеримы и всегда представляют одинаковую картину: в еловых лесах почва покрывается белыми лишаями и зелеными мхами; в сосновых лесах на почве вырастают мелкие деревья или кусты березы, можжевельника, вербы, черники, клюквы, голубики и других. Елью обрастают самые высокие и более крупные горы; на горах меньшей высоты она уступает свое место пихте; часто оба эти вида деревьев перемешиваются в больших лесах. И самые большие, так называемые дремучие леса нашей России — леса хвойные. Они покрывают большую часть России и Сибири и до той поры, пока не осияют их леса лиственные, представляют пустыню, неудобную к поселениям, неспособную дать место оседлым народам. Хвоя, осыпаясь на землю, приготовляет такую почву, которая непригодна ни к какой растительности; в особенности мертвят всякую почву твердые, смолистые, трудно гниющие иглы ели. К тому же ель всегда образует густые, непролазные леса и покрывается до того широкими ветвями, что сквозь них не проникают и животворные, все оживляющие лучи солнца. Хвойные леса не приготовляют и почвы, в них и под защитой ветвей их сберегается и все то обилие влаги и сырости, которая так сильно обездолила нашу северную лесную Россию. Ко всему этому природа снабдила хвойные деревья сильным ростом. Быстро вырастая, хвойные деревья замедляют рост деревьев лиственных. Оттого-то всегда лиственные леса являются только как бедное подлесье при хвойных и сменяют их не прежде, когда

хвойные деревья, в силу закона природы, достигнут предела своей жизни, прогниют и свалятся бурей, сгорят от огня или падут от топора догадливых и опытных лесных хозяев. Как вырождаются людские роды и народы, замещаясь свежими, дотоле не выступавшими и молодыми силами, так и на смену старых и мертвых лесов хвойных, вечно темно-зеленых, скупо меняющих наряд, вырастают лиственные леса, которые сбрасывают прошлогодний наряд для того, чтобы в перегное листвы приготовить в почве на будущий год свежую силу. Сила эта пригодилась людям на то, чтобы в расчистях лиственных лесов стать из кочевников-звероловов оседлыми земледельцами. Вместо того чтобы сторониться и бояться соседа, как соперника, народы начинают жить селениями и городами в кучках и обществах, на взаимную пользу и на пущее преуспеянье. В хвойных лесах нашей России, а в особенности в лесах Сибири и до сих пор целые народы живут дикарями, стараясь жить особняком. В России обитатели хвойных лесов, каковы чухны, корелы, зыряне, вотяки, чуваша, мордва, черемисы, стали мало-помалу отвыкать от кочевой и бродячей жизни. В Сибири жители тамошних дремучих лесов, как: вогулы, тунгусы, якуты, камчадалы и жители побережья Амура, все еще дикари, все еще находят для себя много подспорья к тому, чтобы оседлой жизни на месте предпочитать жизнь бродячую по лесам и тайгам своей родины. Непочатые сибирские леса предлагают к тому богатые средства: и сибирские лесные дикари все еще продолжают стрелять пушного зверя на деревьях той тайги, из почвы которой русские люди давно уже старательно промывают золото.

Леса России, от неправильного хозяйства и постоянного истребления, стали исчезать даже в таких местах, где еще недавно существовали непроходимые дебри. Недавно измельчали леса даже в таких дальних местах, где давно водились редкостные и дорогие пушные звери. Пушной зверь стал уходить в сибирские трещи, и от русских звероловов слышались жалобы на ску-

дость промысла и заработков. Лес поднялся в цене, и на леса пала заповедь; за вырубку заповедных лесов положено наказание, — самовольная порубка названа преступлением. За леса вступился закон, и правительство стало думать и заботиться об их сохранении, положило награды за разведение новых и за правильное хозяйство и сбережение старых. Только сибирские леса продолжают сохранять свой старый вид и свои вековечные добродетели. Широкой, мрачной стеной стоят сибирские леса на всем протяжении своем от лесистых Уральских гор, отделяющих Сибирь от России, до гор, прорезающих полуостров Камчатку и круто оступающихся в соленые воды дальнего Тихого океана. Раз только уступили они свое место в Тобольской губернии знаменитым Васьюганским болотам, которые на протяжении 600 верст покрыты бесчисленным множеством озер, болот и зыбунов, не поднимающих не только ноги человека, но даже и лося. Доступные только зимой на лыжах, покрытые весной, как море, водой и посещаемые только медведем — охотником до ягод и людьми на ходулях — охотниками до болотной птицы, Васьюганские трясины окружены возвышенностями. По ним потянулись сибирские леса в виде вековых, непроходимых и дремучих урманов и всей своей неоглядной массой на восток Сибири. Там деревья сидят так близко одно к другому, что ветви их не пропускают ни одного луча солнечного; земля, загроможденная валежником, пропитана непросыхающею сыростью. Леса превращаются в трещу, доступную только зимою на лыжах, и называются тайгою везде там, где хвойные деревья покрывают горные хребты, так что нет прохода ни конному, ни пешему. Самые птицы не любят этих тущоб, а из дикого зверя водится только мелкий, каковы летучая белка — летяга и бурундук. Крупный зверь здесь не найдет себе пищи и потому не бывает; даже палы или беспощадные лесные пожары глохнут в чащах этих и на них прекращаются.

Обрастая по опушкам березой, по берегам речек калиной, вербой, ветлой, ивой и рябиной, густые дремучие леса охотливо поднимаются на горы Станового хребта и вместе с ним уходят в самую глубь Сибири. И только по приближении к мерзлой тундре и стуже Ледовитого океана, они начинают мельчать, редеть, дрябнуть стволом, пока наконец в терпеливых березках, тальнике и можжевельнике не приникнут к земле и не скроются в моховых подушках мерзлой пустыни нашего Севера.

Сибирские леса состоят из сосны и ели, которая отличается от всех других пород этого дерева. Рядом с сосной растет ее верная спутница пихта — одно из самых распространенных деревьев в Сибири. Вместе с сосной тянется долговечная, живучая лиственница; а где сосна и пихта, там вырастает превосходное дерево — сибирский кедр, который в России составляет редкость; но и в Сибири, к сожалению, редко растет сплошным лесом. По необычайной легкости своей хорошо пригодное для речных судов, дерево сибирского кедра обладает еще тем драгоценным свойством, что приносит плоды — шишки с орехами. Плоды эти не только услаждают и сокращают досужее и докучное время сибирячек, но главным образом питают несметные стада белок. Белки дают столь распространенный и теплый мех, который оттого и любим, что дешев; оттого и дешев, что кедровые сибирские леса не перестают воспитывать этого веселого, шаловливого и резвого зверька. Прыгая с дерева на дерево, белки ищут пищу в лиственничных губках или шишках кедров и других хвойных деревьев. Иногда целыми стаями переплывают, подняв как паруса свои пушистые хвостики, через большие реки, когда выгонит их лесной пожар или неурожаем кедровых орехов. Летом белки хлопочут о запасах, которые хоронят в древесных дуплах подле гнездышка из моху и прутьиков. В него ложится на зиму белка и засыпает, если не подвернулась осенью на пулю охотника, не попала в

его западню, не завязла в силках. Говорят, что 15 миллионов шкурок этого зверька каждый год потребляется Сибирью и Россией, сбывается в Европу и особенно в Китай. В русской белке к серому цвету примешивается краснина, и эта белка-зырянка почитается низшим сортом; сплошь серая шкурка сибирской белки ценится больше чем вдвое, а забайкальская втрое дороже.

На счет тех же кедровых орехов плодятся в сибирских лесах, в соседстве с белками, бурундуки, и роют в земле ходы, куда также складывают запасы иногда до 15 фунтов орехов. На приманку дудочкой из бересты выходит из своей норы этот зверек (с пятью черными и двумя белыми продольными полосами не очень густой шерсти), оглядывается, нанюхивает воздух и падает оглушенный тупой стрелой с набалдашником, которую остяк или тунгус прямо досылает в морду. Шкурку дикарь продает очень дешево; мясо жарит и ест с наслаждением. Не охотятся дикари только на мясо трех, сродственных по природе и сходных по обычаям, кровожадных сибирских зверьков: соболя, колонка и горноста́я: почти у всех этих животных есть железки, которые выделяют вонючую жидкость. Жидкость эту зверьки бросают во врагов и преследователей, и тем защищаются, но сами нападают на крыс, мышей и птичек. Собо́ль ест и кедровые орехи, ловит и зайцев, и тетеревов; маленький горноста́й бросается даже на медведя, вгрызается в ухо и мучит этого большого и сердитого зверя до смерти, а всегда злой колонок не дает пощады ни мелким птичкам, ни полевым мышам. Он так ловко лазит по стенам, что сибирские хозяйки не уберегут от него ничего из мясного. И его, и собо́ля, и горноста́я природа снабдила таким тонким телом, что трудно найти дыру в избе, куда бы эти три зверька не пролезали. Они длинны и тонки телом, легки на бегу и потому достаются только опытному охотнику. Колонок соблазняет своей зимней шкуркой (белой), которая прочнее горностаевой; горноста́й драгоценен

нежной белой шкуркой и черным пушком шерсти на хвосте. Хвостики его имеют высокую цену у китайских чиновников, как украшение их шапок. Горностаевым мехом подпушается императорская порфира, в которой коронуются наши Государи. Соболий мех высоко ценим всеми народами. Гоняясь за этим зверем, наши сибирские казаки проведали про неизвестные страны и, заводя меновую торговлю с дикими сибирскими народами, незаметно покорили их русской власти. Теперь соболь стал редок: почти весь ушел от преследования охотников в непроницаемые тайги и урманы, где на полной свободе отращивает длинную, густую и черную ость с черной же подпушкой и белым кончиком. Все же, однако, ежегодно в Сибири убивают до 60-ти тысяч зверьков и из них считают лучшими шкурки тех, которые убиты в вершинах реки Олекмы. Яблоновый хребет — отечество соболя, а реки, из него вытекающие, — его жилище. Живет в хребтах или в дремучих лесах вблизи речек; как горностаи и колонок, на ночь прячется в норе, которую делает или в дупле, или под деревом. Таких гнезд у каждого соболя по нескольку в околотке, на пяти верстах; но если он забежит дальше, то ночует в чужом гнезде. Самка родит двух, трех, а иногда семь и даже девять щенков, скрытно от самца, в горе под плитой: отец детей жрет. Соболю ест и белок, и хорьков, и горностаев. Тунгусы промышляют их обыкновенно *собачьей ногой*, т. е. такими ищейками, которые умеют выгнать соболя на дерево зимой, на глубоких снегах, когда собачья нога не держится; на след соболя ставят ловушку и лук со стрелой. Задевая за шнурок, соболь сдергивает закрепу; стрела летит в него, а оцеп или перевес приподымает его с земли, чтобы проходящие мимо товарищи не могли достать и сожрать убитого. Соболей, как и мышей, птиц и зайцев, едят лисицы: и огневки-рыжие, и белодушки с белой подшейкой желтые, и сиводушки бурые с черною душкою и сивым пятном на крестце,

и крестоватики черные с желтиной или желтоватые с крестом на зашейке, и овсянки — черные с белой остью, и наконец — черные, чернобурые. Чернобурые — самые дорогие (60—70 руб. сер. за шкуру, иногда до 300 руб. и больше, тогда как огневка стоит всего 15 руб.). Чернобурые лисицы к тому же и редки, потому что не составляют особого рода, а являются, как случайность, как бы красавец в некрасивом племени. Ближний родич лисицы — волк, бродит серым в лесах и белым по тундре. Росомахи во множестве живут в самых холодных лесах Восточной Сибири, уходят от жилищ людских, спят в снегу, ночью вслед за всеми пушными хищными зверями выходят на добычу. Попадают, вместе с медведем, в капканы и вместе со всеми крупными и мелкими лесными зверьками охотятся на зайцев русаков и беляков. Ради этого же зверя, во множестве рыскающего по сибирским пустыням, взлезает на дерево и прячется в ветвях рысь, ростом с волка, с прекрасным дорогим мехом (особенно с реки Колымы).

И как один зверь гоняется за другим и каждый живится на счет ближнего, так ради всех их, без разбору, подселились к дремучим лесам дикие люди из инородных племен нашей России: все эти самоеды, остяки, юкагиры и чукчи, о которых мы говорили, и все эти камчадалы, якуты, тунгусы и другие, о которых намерены говорить теперь. Все эти народы и народцы без лесного зверя не добудут променом ни хлеба, ни табаку, ни водки на усладу жизни, ни пороху, ни свинцу для ее поддержки в таких негостеприимных лесах, каковы хвойные леса северной Сибири. Оттого-то они и берега рек усеяны неисчислимым множеством силков, капканов, западней и самострелов. Плохой зверолов имеет таких снарядов меньше сотни. Одна североамериканская компания продает мехов на два миллиона рублей, а продукция, получаемая от царства животных всей Россией, оценивается приблизительно до 350 миллионов рублей в год!

КАМЧАТКА И ЕЕ ЖИТЕЛИ

Некогда место для ссылки, недавно пристанище казенных военных судов с Петропавловским портом, Камчатка теперь покинута и полузабыта. Военный порт переведен к устьям Амура; поселения русских крестьян (заведенные в первый раз в начале царствования Екатерины II) теперь прекращены. Камчатка остается по-старому в руках тех же дикарей, которых в конце XVII столетия нашел здесь казак Атласов, овладевший почти всюю странюю. В северной половине ее, не защищенной от холодных ветров и потому суровой, кочуют коряки и олюторы; в южной части, защищенной горами, с более умеренным климатом, живут камчадалы — коренной и главный народ этого полуострова. На долю их досталась земля, во многом не похожая на суровые страны соседней и ближней тундры.

Камчатку с севера на юг прорезают высокие горы и разделяют ее на две части, из которых восточная половина оказывается лучшею для житья и удобною для земледелия. Камчатские горы произошли от действия подземного огня, сила которого до сих пор выбрасывает пепел и сажу из Ключевской сопки, находящейся на полуострове. Ключевская — самая высокая (до 2350 сажен); другие десять по временам выбрасывают только грязь. Камчатские горы, оканчивая полуостров мысом Лопаткой, скрылись в океане, и потом показались, при помощи того же подземного огня, на поверхности океана длинную цепью островов до самой Японии. Под именем Курильских известны острова эти и населены особым племенем народов — айнами или курильцами: 19 крупных островов принадлежат России, три самых дальних и южных — Японии. Острова эти печально-го вида и с нездоровым и суровым климатом; прежде около них водились бобры, которые теперь удалились

как отсюда, так и от восточных берегов Камчатки. Но на Камчатке горы покрыты лесом каменной березы, а почва густым ковром трав и кустов. Кусты даже оглашаются пением соловья, а между травами по равнинам вырастает такая крапива, которая достигает в вышину до двух сажен. Из волокон ее жители готовят тонкую пряжу. Климат в восточной части полуострова позволяет возделывать хлебные растения. Здесь легко созревает яровая пшеница, рожь и терпеливый ячмень. Несвоевременные морозы и по временам непрерывные ливни иногда мешают земледелию. Иногда поедают хлеб на корню водящиеся во множестве полевые мыши. Но главным препятствием к успехам земледелия служат все те же дары камчатской природы.

Обилие рек и водных источников поразительно: все они кишат богатою и всегда готовою к услугам рыбною пищею; не надо большого труда человеку, когда собаки сами ходят ловить рыбу и медведь таскает ее лапой прямо из воды. Вода речная, как каша, кишит весной гольцами, летом — чавычой, осенью — красной рыбой, потом хайкой и горбушей, наконец, кижучем. Нижнекамчатский протопоп неводом в 30 сажен в одну неделю выловил 27 тысяч штук, из которых 12 тысяч отдал собакам, а прочее солдатам, помогавшим ловить. В лесах, окружающих озера, изобильно плодится разного рода дичина, которую туземцы даже неохотно стреляют, облюбивши легче промышляемую рыбную пищу. По местам, где протекают ключи, растет в изобилии дикий лук или черемша. Довольствуясь ею, камчадал не заботится об огородах, хотя в Петропавловском порте отлично растут капуста, горох и картофель. От обильной сырости некоторые травы остаются сочными до глубокой осени и замерзая так, — зимою доставляют хороший корм. Лошадей и рогатый скот, приведенный из Сибири, не узнают потом от камчатского корма. Сено косят здесь иногда три раза в год. Ко всему этому в

камчатских лесах в обилии попадают лисицы, соболи, куницы, горностаи, олени, дикие козы; в водах преследуют рыбу бобры. А так как торговля мехами легче, то земледелие еще не возникло ж не возникнет до тех пор, пока добыча пушных зверей не будет ничтожна. Потому-то до сих пор Камчатка довольствуется хлебом, привозимым из дальних стран, какова Россия и Америка; потому-то камчадалы и мрут с голоду, когда не бывает подвоза. Число их, после того как познакомился с ними Атласов, значительно уменьшилось, и едва ли можно положить все население Камчатки, считая даже и русских, свыше 10 тысяч человек.

Прежде камчадалы живали в землянках или ямах, вырытых в земле, с отверстием наверху, откуда лез и дым, вылезали и сами хозяева. От дыму страдали глазными болезнями, от неудобных выходов бывали хромыми, горбатыми, уродуясь в молодых летах и ребячьем возрасте. Верили во множество богов и поддавались обманам шаманов, питались рыбой; приручили таких собак, которые легко и удобно заменили им лошадей. Били зверя пушного на морских берегах и на лесных вершинах; слыли людьми тихими, добродушными и услужливыми. Повиновались они своим старикам — тойонам, а больше своей вольной воле да приметам, которые вели их или на морские берега за бобрами, или в леса за дорогим пушным зверем. Получая обильную добычу, камчадалы за недосугом не выучились опрятности, были неприхотливы в пище: не гнушались есть из одной посуды с собаками; никогда не умывались; по доброй воле не лазили в воду, несмотря на ее обилие; летом и зимой носили олени или собачьи парки, шерстью к телу, и кухлянки шерстью наверх. Жир олений, медвежий, тюлений и китовый предпочитали всякому мясу; мясо любили больше рыбы и жили во всем по старинке, как жили их стародавние праотцы. Но пришли русские, объявились хозяевами: камчадалы по их примеру из земляных юрт переселились в на-

земные маленькие избы с белыми трубами и красными окнами; выучились говорить шепеляво по-русски; приняли Христову веру и перестали, под страхом, принимать шаманов. Привыкли и полюбили хлеб, а еще пуще тот крепкий напиток, который гонится из этого хлеба. За вино стали отдавать свою добычу и терять на такой мене так много, что скоро обнищали и попали в конечную кабалу. Стали сами хитрить и обманывать: получивши задаток от одного, запродавали промышленные шкурки другому. Начали жаловаться на притеснения чиновников, на обманы купцов. Но затем уже ни в чем больше и не изменялись: так же ходили неумытыми, так же пели невеселые, тоскливые песни и медленное хожденье друг против друга называли пляской. Маленькие ростом, с большой головой на широких плечах, с широким желтоватым лицом, украшенным очень толстыми губами, маленькими глазами и отвислым брюхом — камчадалы все те же. Не переродились они сами, но выродились целым племенем своим: русские завезли к ним оспу, горячку, венерическую болезнь и тяжелые работы по наймам — и камчадалов стало теперь в три раза меньше, чем было прежде. Прежде они нападали на пришельцев и убивали их; теперь, как волы, охотно и послушно возят воду и на купцов русских, и на чужеземных китобоев, которые приезжают на Камчатку пьянствовать и озорничать. Одна российско-американская компания некогда насчитывала долгу на этом народе до 150 тысяч и продавала право получения за 16 тысяч, но купец Мясников, знавший близко дела, сосчитал не больше 11 тысяч, которые и предлагал компании за все ее камчатские долги.

Пушного зверя продают камчадалы за ту цену, которую назначит купец, и мало прекословят, особенно когда мену подслащивают водкой. Не перестают только камчадалы заботливо уберегать собак, которые и вывозят еще их от иных невзгод и несчастий, когда

отошел бобр, когда и мертвых китов стало меньше выбрасывать на берега. Китов промышляют сетями, сделанными из толстых моржевых ремней (в руку толщиной и прокопченных), только те из обитателей Камчатки, которые живут на севере этого полуострова около Олюторского залива, и потому называются олюторами. Собственно камчадалы охотятся на больших морских зверей китовой породы, называемых белугами. Из шкур их режут ремни и подошвы; кости нижней челюсти употребляют на полозья нарт или собачьих санок, теми же костями камчатские щеголи, или каюры, украшают собачью сбрую. Из белужьих кишок готовят пузыри и сосуды, из сухих жил — веревки для лисьих капканов. Камчадалов русские признают слабоумными, хотя народ этот охотно перенимает чужие обычаи и, не видя хороших, в самом деле, стоят на той степени дикости, как и все соседние с ними народы. Как все дикари, камчадалы душою и сердцем преданы лени: только одна нужда поднимает их на труд и работы: им бы весело прожить и в бедности, и всяких лишениях, не заботясь о завтрашнем дне: вот то желание и та цель, к которой подгоняет свою жизнь обитатель полузабытой Камчатки.

Русские забыли Камчатку ради западных берегов Восточного океана и променяли ее на более счастливые берега реки Амура. Сюда мы и перейдем теперь, не останавливаясь на ламутах Народ этот живет близ Охотского моря, но почти ничем не отличается от соседей.

III

РЕКА АМУР И ЕЕ ОБИТАТЕЛИ

Кто на Амуре не бывал,
Тот и горя не видал.
Кто на Амуре побывал,
Тот и горе распознал.

Из казачьей песни

Невеселую песню (из которой мы взяли конец) поют сибирские казаки, спознавшиеся с этой вновь приобретенной рекой от китайцев. Неладны были первые попытки заселений, немалые невзгоды встретили казаков на первых порах прибытия на эту малопочатую, но хорошую почву Амурской страны. Казацьи неудачи породили жалобы, жалобы сложились в песню, которую слышал пишущий эти строки на самой реке Амур, проехавши по ней все три тысячи верст ее течения из Забайкалья в Восточный туманный океан. Но не о казацьих жалобах и несчастьях речь наша, а по задаче нашей о самой стране и о тех народах, которых нашли сибирские казаки на берегах этой хваленой реки и которые живут там теперь.

В первый раз Амурская страна стала известна сибирским казакам, по слухам от тунгусов, в 1636 году. Первым попал туда казачий атаман Поярков, посланный якутским воеводой. Перевалил он через Становой хребет на реке Зее, впадающей в Амур там, где теперь строится город Благовещенск. Поярков, не выдавший верховьев реки, спустя три года возвращался через Охотск, потерявши третью часть своей партии, погибшую голодною смертью. В 1649 году счастливее его был Ерофей Хабаров, который достиг по Олекме-реке и через хребет Становой до верховьев реки. Здесь он укрепился; привлек новые партии русских зверовщиков, с ними ходил вниз по Амуру, нашел оседлые народы; собрал дани мехами и вернулся назад. В верховьях Амура выстроился русский город Албазин, возведена была

церковь, распаханы поля; казаки приспособились жать на долгие сроки, ждали из Сибири поддержки; отправили туда обозы с пушными зверями (120 сороков соболей, не считая лисицы) царю Московскому на поклон и в подарок, прося военных снарядов. Китайцы, заметив следы русских ног на своей почве, всполошились, стали беспокоить казаков мелкими отрядами, на помощь к которым стали появляться свежие многочисленные. Завязалась борьба. Сорок лет отстаивались русские в укрепленном Албазине и на берегах Амура. Наконец в 1682 году китайская сила сломила казацкую. Албазин был осажден десятитысячным войском китайцев; казаки держались долго, но по недостатку пороха уступили китайцам и вышли из города. Через несколько месяцев они вернулись назад со свежими людьми и снова заняли Албазин, где опять слишком год выдерживали осаду. Но в это время в Нерчинске — невыгодный мир, заключенный нашими уполномоченными с китайцами, принудил казаков очистить Албазин и выйти с Амура. В руках русских остались те две реки (Аргунь и Шилка), из слияния которых образовался Амур. По ним поселены были казаки и ссыльные, и отсюда вплоть до последнего присоединения Амура к России казаки наши ходили зверовать и менять у дикарей тамошних меха на свинец и порох. Чтобы не пускать русских к себе и сдерживать казаков в намеченных нерчинским договором границах, китайцы выстроили крепость Айгун. Когда через полтора столетия с лишним лет русские снова завладели Амуром, айгунская деревянная крепость уже оказалась сгнившей, полуразвалившейся. Все те же маньчжуры, которые завоевали Китай, сидели в соседстве главным населением своей страны. Они вымогали подати у племен, кочующих в верховьях — у ороحوнов и манегиров, пользовались непрочною властью, не пользовались никаким уважением у племен гольдов, кочующих в среднем течении Амура и по реке Уссури, и мало знали с тех племенах, которые живут

около устьев этой многоводной и разнообразной реки, под названием гиляков. Гиляки — народ независимый; до прихода русских никому не платили податей и оказались с весьма дикими нравами и недружелюбным характером. В этом племя гиляков сильно отличается от кроткого и миролюбивого племени гольдов, живущих у них в ближних соседях.

Устья Амура и все берега в нижнем течении его обросли девственными хвойными лесами; река широка и глубока до того, что далеко в нее верст на двести заходит крупный морской зверь — белуха. Как все малонаселенные и первобытные реки, Амур кишит крупной рыбой, давая обильную и дешевую пищу. Оттого и гиляки и гольды прежде всего занимаются рыбной ловлей; но так как и в амурских дремучих лесах водятся кедры, а с ними и для них пушные звери, то ловля их, или — по-сибирски — зверованье занимает вторую половину жизни приамурских народов. Между тем и другим промыслом опять-таки не остается времени для земледелия, и приамурские народы, исключая маньчжур, не знают плуга. Жизнь их по этой причине развалилась надвое: летом живут они на берегах реки Амура или ее притоков в легких юртах, называемых летниками; на зиму переходят в леса, ближе к зверю, в зимние или такие юрты, которые уже строятся попрочнее и потеплее. Летние жилища ладятся из кольев или у самой воды, или на прибрежных пригорках (подушках); зимние устраиваются землянками в лесной чаще. Летники окружаются в свое время грязью и вонью от кеты и горбуши (род семги), которую режут на ремни и вялят на солнце, чтобы куски эти, под названием юколы, пускать в зимние запасы для пищи. Зимой и гиляки и гольды ходят в леса, где гоняются за соболем и другими пушными зверями. Но амурский соболь нехорош и промышленный этими народами ценится дешево; тем не менее этот проданный мех (русским теперь и маньчжурам прежде) доставляет дикарям все нужное: табак, свинец, порох и одежду. И гиляки и гольды

любят принарядиться в китайскую нанку и русскую дабу. Только зимнюю одежду из звериных шкур нет нужды выменивать ни тем, ни другим: в них они могут укутаться страшнее соседа по владениям — медведя, которого особенно чтут и уважают гильяки. Из дабы и нанки дикари шьют куртки (курмы) на манер маньчжурских и по образцу их же плетут из волос косу и спускают ее по курме на спину. Плоские, почти четверугольные лица, маленький приплюснутый лоб, несомерно большая голова и выпуклые скулы, делают их похожими на всех народов монгольского племени, к которому принадлежат также маньчжуры. Гольды, как будто приниженный, несчастный осколок того же народа, оставшийся при кочевой и подвластной жизни в то время, когда более сильное племя маньчжур покорило Китай, посадили императора из своего племени, занялись земледелием и всеми теми работами, которые давно были в великой силе у побежденных ими и с незапамятных времен оседлых китайцев. Маньчжуры теперь народ оседлый и домовитый и мало отличаются от образованных китайцев; даже самый вид их не так дик теперь, и черты лица сделались круглее и мягче, чем у тех их родичей, которые платят им подать и живут на берегах Амура под прозвищем гольдов. Гольды и до сих еще пор кочуют, несмотря на то, что юрты их стоят на сочном, роскошном черноземе, копившем силы целые сотни лет. Они выучились сеять только листовой табак там, где у маньчжур растут и просо, и кукуруза, и всякие огородные и садовые овощи в изобилии. Гольды не замечают того, что ближе к местам их кочевьев хвойный лес удалился с берегов Амура на горы и заменился лиственным; травяная растительность стала пышнее; роскошная степь на тысячу верст занимает оба берега Амура в середине его течения. Маньчжуры давно воспитывают тут сытый рогатый скот. Смекают про то и русские пришельцы на берегах реки Уссури, где гольды опять не понимают и не ценят всей роскоши природы

берегов реки этой: там подлесье переплетено диким виноградом, где грецкий орех растет рядом с плодовыми деревьями груш и яблок, Амурская степь покрыта травой выше человеческого роста: сибирские пришельцы пустили уже на нее свои палы, которые огненными реками пожирают старую траву, чтобы не глушила она новой, и чтобы не держался в ней всякий гнус: и комар, и мошкá, и слепень, и змеи. Между змеями на Амуре попадаются ядовитые. На Амурскую степь, там, где она к верховьям реки сменяется опять хвойным лесом, китайские манегиры на летнее время выгоняют табуны лошадей, с которыми на зиму снова прячутся в горных хребтах, покрытых лесами.

Горные края Большого Хингана сопровождают Амур на всем верхнем его течении, покрытые непроходимым хвойным лесом. Лес этот тот самый сибирский лес, который богат пушными зверями. Как там за Становым хребтом якуты и тунгусы звероловы, так и орочоны здесь, в верховьях Амура, ходят за белкой и соболем (албазинский сорт почитается самым лучшим и дает самую крупную шкурку). Как там худо прививается хлебопашество, так и здесь оно плохо ведется даже у привычных сибирских казаков, которые охотно обменяли плуг на винтовку. И теперь, как и в давние времена прежде, они охотнее ходят на *больжоры* — самодельные торги в условном месте и в известное время, применяясь к переменам луны. На торгах они меняются с тунгусами и орочонами не русским товаром на соболей и белок, а чаще свинцом и порохом, табаком и водкой.

Но хотя орочон и амурских тунгусов обяжали ясаком звериных шкур лучших сортов и стараются привлечь их на нашу сторону и ласками и запасными хлебными магазинами с дешевой продажей казенного хлеба, все же подчинение их очень шатко. Манегиры верны Китаю до раболепства и большую часть времени проводят далеко внутри их владений. Гольды хотя и жалуются

на притеснения маньчжурских властей и полюбили русских, но на последний шаг едва ли скоро решатся; а гиляки, и сами того не замечая, быстрыми шагами идут в объятия русских. Конечно, дольше устоят в независимости только те народы, которые живут в непроходимых дебрях по побережьям океана, каковы тазы и свирепы взглянули на русских соседи их — манзы. Манзы — это одичавшие китайцы: частью ссыльные, частью беглые от маньчжурских притеснений. Остальная и бóльшая часть народов, сидящих по берегам Амура и океана (тазы, гиляки, гольды, ороконы и другие мелкие) принадлежат к монгольскому роду и есть не что иное, как ветви, части, подразделения того многочисленного племени, которое под именем тунгусов населяет почти весь восток Азии, всю нашу Восточную Сибирь. В то время, когда соотчичи и родичи их — маньчжуры — завладевают самой огромной в свете Китайской империей, тунгусы, стеснившие якутов и загнавшие юкагиров и чукчей в тундру, сами подпали под русское владычество. Не устояли луки и стрелы дикарей против казачьих пуль и пороху.

Итак — об этом народе, который в количестве 30-ти тысяч душ рассеян на громадном пространстве от трех рек Тунгусок до Охотского моря и от Ледовитого океана до китайской границы.

ТУНГУСЫ

Где два оленя прошло —
там тунгусу большая дорога.

Сибирская поговорка

Тунгусы, кочующие (охотнее) по сибирским лесам, обыкновенно подразделяются на тунгусов оленных, собачьих, конных, скотоводных, лесных и береговых. По этим прозваниям, по роду прирученных к быту животных отчасти можно судить о том разнообразии рода жизни, которую ведет с незапамятных времен это племя. А так как сибирская природа не любит сильно меняться, а дикарь не умеет ее разнообразить, то и подробности жизни тунгусов скажутся повторением того же, что испытывают другие кочующие по лесам народы. Но тунгусы или эвены резко отличаются от них своим характером. При воинственном виде этот народец свободен в обращении со всяким, весел нравом до смешливости, опрятен до щеголеватости. Чумы, юрты или урасы свои они не только содержат опрятно, но даже стараются щеголять узорной покраской; внутренности и пол всегда усыпают рубленными мелко ветками лиственницы. Садясь на своего любимого оленя, они кажутся ловкими наездниками; и даже женщина смело несется на быстроногой лани ничуть не хуже соседнего якута, обменявшего оленя на лошадь. Приготавливая одежду из тех же оленьих кож, как и самоедки, и также украшаясь бисером и побрякушками, тунгуска кажется не в пример щеголеватее неряшливой самоедки. Она и мужа одевает нарядно, украшая бусами его куртку, шитую из прокопченной замши, которая плотно обтягивает стан. По швам верхней одежды тунгуска нашивает бахрому из козлиных волос, белых и крашенных. На голову тунгус надевает шитую бисером ермолку наподобие татарской тюбетейки; тунгуска в этой ермолке

оставляет наверху отверстие, чрез которое пропускает пук и косичку волос. Тунгус через плечо перекидывает перевязь, к которой на колечках привешивает и сангу (трубочку), и чехольчики с табаком, огнивецом, трупом и ножиком. Для непривычного глаза тунгусский наряд кажется шутовским; для самого дикаря он легок и удобен при его лесной жизни и промыслах. Только иркутские или байкальские тунгусы одеваются как буряты; но енисейские придерживаются и старого наряда, и старого обычая — уродовать лица. Для этого маленькому тунгусу мать продевает под кожу самую тоненькую струну, натертую угольным порошком. Оставаясь под кожицей, черная струна отливает наружу голубым цветом, который кажется красивым и матери, и будущим невестам взрослого парня. Желю себе тунгус покупает калымом в десять оленей, а если торг не состоится, то тунгус не задумается увезти и даром. На свадьбах и других празднествах поют песни и пляшут. Поют, как поют все дикари — без ладу, и на тот предмет, который попался на глаза, без разбора — лес и болото, веселая травка и мертвый снег. В плясках безудстанно вертятся, хватаясь руками, и то приударят, то заволочат ногами тихо и медленно. Тунгус, даже и остановясь на одном месте, спроста не встанет, а старается встать красивее: чаще обопрется на палку, как красивый черкес на ружье, и выставит вперед одну ногу, как столичный обученный танцор на театре. Этот живой и веселый народец никогда не унывает ни перед какими бедами, он даже насмешлив по общим приметам. Кочевье в лесах он любит до страсти, несмотря на то что лесная жизнь преисполнена всяких невзгод и злоключений. Не видать даже и слабой надежды, чтобы этот народ сделался когда-нибудь оседлым земледельцем и почтенным мещанином какого-нибудь сибирского города. Для рыбы он иногда садится на берега рек, но плачет и тоскует неутешно, когда неудачи выгонят его из возлюбленного и бесценного леса. На ветвях деревьев вешают и его

труп, зашитый в оленью кожу возле высокого столба, на котором привязывают и ружье, и котел, и лук со стрелами, чтобы и по смерти душа тунгуса тешилась возлюбленным и развеселым лесным промыслом. Пробовали тунгусов окрестить в Христову веру, но и тогда он остался верен своей языческой вере, которую коноводят ловкие плуты — шаманы.

Как все лесные дикари, опрятный, чистоплотный тунгус неразборчив на пищу и ест в охоту все, что ни попало: вонючее мясо не отличает от сладкого и оленью требуху с ягодами ест и прихваливает, как самый лакомый кус. Нерчинские тунгусы пристрастились к кирпичному чаю и варят его, по тамошнему обычаю, с салом и солью, с мукой и ягодами.

Таких ловких ямщиков-проводников по дремучим сибирским лесам, каковы тунгусы, мало находится; одни только якуты не хуже их. И положительно хуже их в том, что сумрачный и тяжелый якут еще бóльшую наводят тоску на путника; тунгус же и на дорожных невгодах себе неизменен. Нарубили ветвей для постели, развели огонек для пищи, повесили котелок, — смотришь, двое тунгусов держат и вертят веревку, третий прыгает через нее до упаду. Ловкий тунгус поспел на все сибирские ярмарки: в Восточной Сибири самые дальние и разделенные огромными пространствами, без них не обходятся. На оленях они привозят все, чем промышляют и меняют преимущественно на то, что еще больше веселит дух: всего охотнее на вино или табак. Любимые промыслы их рыбный и звериный, любимое животное всех тунгусов — неизменный олень. Им уже давно известно искусство делать медные и железные вещи; из кости мамонтов (допотопных животных, вырываемых в сибирской земле) они вытачивают ложки, чашечки и ящички для пороха, наручники для стрельбы из лука и другие мелкие безделушки. Все это умели и знали они и в те времена, когда впервые встретились с русскими казаками в 1640 году. Но не все

тунгусы в одно время покорились России — прежде других байкальские (в 1643 и в 1657 годах); дальние в начале XVIII столетия. До сих пор они кротки нравом; лжи и обманов не знают, и если якут — неудержимый воришка, из тунгусов еще ни один до сих пор в сибирских острогах не сиживал. Пьяный тунгус все ломает, дерется, рубит, колет, валяется по полу и, лишившись сил, засыпает; полупьяный, он превеселый и предобрый человек. Когда запретили нашим купцам ездить по тунгусским улусам с водкой, большая часть пушных зверей пошла на Амур в Китай, откуда маньчжуры вывозят свою рисовую водку — араки. В водке тунгусская услада и — погибель.

ЯКУТЫ

Якуты — *бурдучники* (их любимое кушанье бурдук — из муки, разваренной в кипятке наподобие русского свиного корма).

Про якутов впервые прослышали сибирские казаки в 1628 году; в 1631-м атаман Василий Мартынов нашел их и обложил ясаком. В следующем году заложен был острог или деревянная крепость на том месте, где стоит теперь большой областной город Якутск. С 1804 года якутов стали обращать в христианство, а в 1834 году учреждены были для этого народа две походные церкви.

Всех якутов насчитывают до 195-ти родов, в количестве полутора ста тысяч душ, так что якуты — самое многочисленное инородческое племя Сибири после татар; оно же и менее других дикое и далеко не слабоумное. Все ремесленники в Якутске — якуты: они хорошие печники и плотники, даже мебельщики; женщины — хорошие кухарки, швеи. В Якутске все няньки — якутки; русские охотно женятся на них и охотно говорят на их языке, так что в тех местах якутский язык модный и любимый настолько же, насколько у русских дворян язык французский.

Вообще же якуты народ даровитый и переимчивый: склонны к художествам (отлично режут из кости всякие поделки); скоро выучиваются читать и писать. Давно они умеют плавить железо, хотя оно у них и мягко, и в деле нехорошо. На добрых руках племя это ожидает хорошее будущее. Теперь они народ хитрый, коварный, злопамятный и мстительный; к тому же заражены страстью к ябедам и жалобам всякого рода. Заразу эту, как полагают, привезли сюда те кляузники-подьячие, которых губернатор Трескин выслал из Иркутска и

поселил в Якутске. Соболей якуты ловят мало, ленясь ходить далеко, и стараются жить селениями, отвыкая от жизни в одиночку или двумя и тремя юртами, которые обшивают берестой и зовут урасами. Урасы эти служат им на лето; зимой якуты живут в бревенчатых избах, обложенных дерном, но с неизменным очагом, по-якутски чувалом, посередине, который дымит и коптит в ту же силу, как и во всех юртах диких лесных и тундровых обитателей. Но якуты уже сделали большой шаг к оседлости; до полной им уже не слишком далеко. Они в особенности полюбили скотоводство; разведение лошадей и рогатого скота стало их главной заботой: из лошадей сделали особую породу терпеливую, выносливую и неприхотливую. Вместо овса якутская лошадь ест кору ивы, лиственницу, хвощи и старую траву, а между тем скачет по 30-ти верст без отдыха; на отдыхе довольствуется травой и, все в поту и мыле, не простужаются на самом сильном морозе, на самых страшных зимних вьюгах. Якуты защищают навесом только коров и в сильные вьюги загоняют их в юрты; лошади — всегда во дворе и на морозе. Якут и сам таков же: в дальний путь он отправляется в домашнем наряде; спит охотнее на свежем воздухе под той же меховой курткой, которою прикрыт днем и которую снимает на ночь даже в сильные морозы. Огонек нагревает ему один бок; к нему же поворачивает он и другой, настуженный и прохваченный жгучей морозной болью. Якут только затыкает шерстью нос и уши и прикрывает лицо, когда мороз хватает и его привычное и притерпевшееся лицо. Постоянная езда по дорогам, по которым якуты охотно перевозят купеческие товары (без этого народа сибирский купец в тех местах ничего бы не сделал), — постоянные разъезды изощрили у якута память. У него все на примете: и куст, и дерево, и камень, и лужайка. Годы пройдут, но якут своих примет не забудет и едет, руководясь ими и коротая вре-

мя безустанно, бесконечными и бестолковыми своими песнями.

Ловкий якут (у которого бережливость до скупости и корысть до отвращения — племенная добродетель) всегда держится в лесах для лошадей и рогатого скота. Обнищавший переходит к рекам и тогда получает страсть к собакам и на них переносит ту любовь и заботы, которыми награждал прежних товарищей своей невеселой жизни. Собаке отдает кости рыбы и свои объедки. Сам никакой пищей не гнушается, тогда как, живя в селении, любит и сладкий кус: кобылье молоко, сваренное с мукой и сушеными ягодами, и те же ягоды, истертые с медом на манер городского пирожного. Якуты, впрочем, не столько лакомки, сколько обжоры; и у них, как у вятских, кто больше съест, тот и молодец. Самая лакомая и любимая пища якута — груда прогорклого жира любого зверя: лесного или морского без разбору.

Крепкие телом, смугловатые лицом, с черными волосами, якуты остались бедовать в лесах Сибири в то время, когда сродственное им тюркское племя ушло в Европу, завоевало там большие государства и под именем турок владеют огромными пространствами земель с двух сторон Черного моря. Якуты завладели побережьями огромной, но пустынной реки Лены, сидят и на тундре, где суровый климат и скудная природа вконец воспитали в них дикарей, особенно по берегам реки Хатанги. Собирая лес, плывущий в весенний разлив по реке этой, тамошний якут влачит свою жизнь хуже лесного якута. И этот, убивая пушного зверя, не сам доставляет соболя и куницу своему родичу — турецкому султану, а через чужие руки, которые в то же время крепко держат его и медленно ведут к просвещению. Якут все еще дикарь и уступает даже кочевому татарину, который бродит в минусинских степях, и перехвастает, может быть, только вогула, который ведет

бродячую жизнь в лесах Западной Сибири, на границах с Россией.

Туда перенесемся и мы, через всю Западную Сибирь, не встречая на пути других кочующих народов, которые могли бы остановить нас и задержать. Таковы камачи, живущие оседло на реке Енисее — народ исчезающий, и кайбалы, кочующие в лесах по верховьям той же реки — народ, складом лица похожий на самоедов, а нравами и одеждою на татар. Об остяках мы рассказали при описании «Мерзлой пустыни»; о кочующих татарах расскажем при описании «Русских степей».

VI

ВОГУЛЫ

Худ пермяк, да два языка
знает.

Русское присловье

Племя вогулов некогда было так велико и сильно, что хаживало войной на соседей, упорно противилось русской власти и изо всех русских инородцев показало сильнее других упорство, когда стали вводить между дикарями нынешней Пермской губернии христианскую веру. Первого проповедника, епископа Питири-ма, замучили в 1455 году; с первыми завоевателями, пришедшими из Москвы, ратью в 1485 году вступили в бой; были разбиты, покорились, послали своего князя в Москву, обещали платить ясак, но все-таки продолжали жечь русские городки и селения и уводили жителей в плен; в 1582 году они подступили даже под город Чердынь. Когда казнили их князя со старшим сыном и главными родичами, вогулы притихли; но в начале XVII столетия пелымские вогулы опять несколько раз бунтовали и замышляли даже взять города Тюмень и Березов и истребить всех тамошних русских. Когда в 1715 году ехал к ним проповедник слова Божия, они собрались на берегу, не пускали его лодку и грозили всем смертью.

Теперь вогулы — маленькое племя, которое с трудом отличают от остяков. Часть вогулов обрусела и пелымских не отличают от тамошних крестьян: те же дома, та же одежда, то же пьянство; разница только в том, что, умея говорить по-русски, вогулы болтают и по-своему: оттого и знают два языка, как говорит про них тамошнее присловье. Они не пахут земли, любят жить дикарями, особенно те из них, которые кочуют по обеим сторонам Уральского хребта, не спускаясь к югу ниже реки

Чусовой и не поднимаясь на север выше реки Усы. В Верхотурском уезде Пермской губернии сделаны попытки их усадить, что и приведено в исполнение по реке Лозве; но дремучие леса и охота продолжают сбивать их с толку. Завалясь за непролазными болотами и зыбунами, их паулы делаются доступными только тогда, когда зима намостит мосты. Зимой вогул оживает: обменяет лесную добычу на вино и разгуляется: задерет нескладные песни, зашуркает на своей самодельной домбре по металлическим струнам, запляшет и раздерется. Если остались шкурки от размена, он купит сукна и холстов для себя, для жены и девок. Хлебом он запасается прежде и высоко ценит этот продукт и потому, что умеет гнать из него водку. Когда и откуп господствовал, вогул под защитой летнего бездорожья в родных трущобах своих не боялся заниматься этим запретным промыслом. Те же трущобы пособили вогулам остаться самым грубым и диким народом и не подойти под мерку даже с соседями своими, пермяками и зырянами, хотя вогулы с 1722 года и считаются крещеными, но охотно прикармливают кудесников-шаманов и под рукой поклоняются какой-то деревянной бабе, навешивая на нее звериные шкурки. Не так давно боготворилась ими около Пельма огромная лиственница, а на реке Корде имелась кумирня, вход в которую всегда охранялся двумя вооруженными вогулами. С остяками вогулы одного происхождения; живут счастливее их и лучше тамошних русских с хлебом, порохом и свинцом, которые доставляются к ним по казенным ценам. Рекрутства не знают, казенных повинностей не правят. Преступлений между ними сроду не слышано, и воровство — замечательная редкость. К этому остатку старины можно прибавить еще то, что некоторые вогульские старики, хотя и редко, но еще заплетают до сих пор волосы в косу, по образцу китайцев, бурят и тунгусов.

Вогулы вывели нас из Сибири, за Уральский хребет, на Русь — в ближайшие к нам леса, где переста-

ла кочевать большая часть их соплеменников, и мало-помалу сливаются с русским народом. На Руси стоят дела иначе. Лесной кочевник большею частью стал оседлым и полуобрусел. Некоторые народы до того слились с русскими, что иные отличаются только языком, другие кое-какими странными обрядами и своим нарядом, а многих и вовсе не распознаешь от русских: надо на то большое умение и сильный навык. Так, напр., в Новгородской губернии указывают на чухарей, как на остаток чуди; на озере Галицком на остаток народа мери и прочее. Но как чухари новгородские, так мерь костромская решительно ничем не отличается от русских соседей: от старого языка остались какие-то клочки, какая-нибудь другая-третья сотня слов, а странные обычаи и суеверные приметы все те же самые, как и у окольных жителей, которых наверняка признают все людьми русскими.

Перевалившись вслед за вогулами через Уральские горы, мы очутились сразу в соседстве с теми народами, которые хотя и дорожат дедовскими стародавними обычаями, но больше других стараются походить на русских. Таковы, на первый взгляд, пермяки и зыряне.

VII

ЗЫРЯНЕ

Упрям, как рыжий зырянин.
Зырянин рыж от Бога, татарин
рыж от черта.

Народные присловья

Пермяки, по имени которых назвали целый край и большую губернию, живут по сю сторону Уральских гор, там, где Пермская губерния примыкает к губерниям Архангельской и Вологодской. Просвещенные христианством св. Стефаном, пермским епископом, умершим в 1396 г., пермяки давно уже перестали кочевать и живут деревнями и в избах обок с коренным русским племенем. Большая их часть обрусела до того, что многие признают их за русских, от которых пермяки отличаются только тем, что помнят свой старый язык и между собою говорят на нем. Коренных пермяков немного, но если рассказывать и об их житье-бытье, обычаях и нравах, то придется рассказать почти то же, что и про русских. Дальние русские считают их *колдунами*, прозывают чертовыми *знахарями* больше за то, что, живя по самым глухим лесным тущобам Чердынского уезда, пермяки (столько же, сколько и тамошние русские) верят черту и его темной силе. Боясь колдунов, чердынцы верят им, как знахарям, и призывают, вместо лекарей, для излечения своих недугов. Оттого между ними и ведется много таких обманщиков и плутов, которые видят промысел и находят корысть в надувательстве простодушных земляков. Колдуны у пермяков заменяют тех шаманов, которые кормятся от простаков диких народов, кочующих в тундрах и сибирских лесах. Пермяки все еще плохие христиане.

Не таковы зыряне, в особенности ижемские, живущие по реке Ижме, впадающей в Архангельской губернии в Печору. Когда в Архангельской губернии даже у

тамошних русских большая часть церквей деревянные и маленькие, у ижемских зырян они — большие и каменные. У русских священники одеваются в бедные и ветхие ризы; у зырян в церквах ризы газетовые, горят серебром и золотом и играют цветными камнями; иконостасы также залиты серебром и золотом. Пермьки, ближние и соседние родичи зырян, живут в черных избах, едят кое-какую пищу, которая больше тяготит, чем питает, — ижемцы живут в избах на два жила, из которых верхнее изукрашено зеркалами, самоварами и московской посудой, скорее живут по-купчески, чем по-крестьянски. Едят зыряне почти всегда мясо и такую рыбу, которая славна на целую губернию. Не довольствуясь ни тем, ни другим, ижемские зыряне, как забалованные люди, лакомятся недешевыми оленьими языками и губами и дорогой осетриной, которую привозят издалека, из-за Камня, т. е. из Тобольской губернии (с реки Оби). Пермьки живут больше дома, зыряне познакомились с торговым делом и стали способными и смышленными купцами: ведут торговлю пушным зверем даже с таким далеким от них городом, каков костромской Галич. В этом зыряне не только перегнали пермяков, но и оставили их так далеко позади, что хоть и два языка те знают, но не догнать им упрямых и рыжих зырян (которые тоже, пожалуй, два языка знают). Зыряне так ловки в делах своих, что, будучи лет тридцать тому назад в пастухах при оленьих стадах у богатых самоедов, они сами теперь стали хозяевами. Пошло наоборот: сделались пастухами самоеды, и недавний хозяин живет теперь по найму у прежнего своего работника. Пермьк все еще верит черту и на лесные пни надежду кладет: зыряне ижемские верят больше деньгам и своему лукавству, а кончили тем, что отняли у самоедов почти всю тундру. Завелись между зырянами такие богачи, у которых гуляет в тундре голов оленьих тысяч по двадцати и больше. Нажили эти богатства архангельские

зыряне не добрым промыслом: они воспользовались тем, что самоеды страстно любят вино и возили его бочками в тундру, к чумам этого простодушного племени. За кубок или полуштоф скверного вина покупали и хороших лисиц, и песцов, покупали и оленей. На ласковое слово купили зыряне дружбу самоедов; на угощениях получили их расположение и кончилось дело тем, что самоеды пропили тундру, зыряне стали богачами и отмаливают теперь грех свой в каменных богатых церквах. Живя больше дома, на сытой пище, не утруждая себя тяжелыми изнурительными работами, ижемские зыряне плодятся сильно: села и деревни их поражают заезжих людей своим многолюдством. Довольство и достаток отличают зырян архангельских от всех тех родичей их, зырян вологодских, которые живут еще полудикарями в дремучих лесах Вологодской губернии (7 тысяч душ в Архангельской и 64 тысячи в Вологодской). С топором за поясом ходят лесные зыряне на рубку леса: дров и бревен, и с винтовкой за плечами на охоту за лесной птицей и зверем, везде там, где не живут подле них покорные и раболепные самоеды. Лесные зыряне и живут грязно в своих высоких одноэтажных избах (керках), которые строят кое-как без плана и чистой работы. Домашняя утварь у них грубой отделки; ремесел никаких не знают; до торговли не домеркались. Одеваются не по-самоедски, как ижемцы, а по-старинному, так чтобы легче было бродить по лесам. Одежду предпочитают шить из невыделанной кожи, а суконное и льняное платье носят только дома. В пище неразборчивы, кроме соли и капусты, никаких приправ не знают, щи с говядиной варят редко, но чаще с дичиной. Против птицы настораживают силки по пробитым лесным тропам, которые по-русски называют *путиками*: ловят много чухарей (глухарей) и тетерок, а зырянские рябчики, называемые кедровиками, почитаются лучшими в целой России. По примеру русских ходят в баню, но мыла не знают и вообще

живут очень грязно. От грязи отстать не могут даже и богачи-ижемцы, у которых только про гостей чистые комнаты; нижнее житье про себя такая же курная керка, как у лесовиков. И как лесовики, так и речные ижемцы следуют патриархальному дикому обычаю считать женщину рабынею, но не человеком. Женщин зыряне не уважают и сваливают на них все тяжелые и черные работы; в беседы к себе не пускают, совета не спрашивают, даже молодежь в играх веселится особо — парни своей кучкой, девушки своим хороводом. Подгулявший и подпивший зырянин буен, вспыльчив и мстителен без удержу, показывая тем, что лесная дичь сидит в нем целиком, не выветрилась и только прикрыта купеческим нарядом, спрятана в кое-каких русских домовитых обычаях. Хотя зыряне и показывают большую склонность к русским порядкам, однако все еще нельзя сказать про них, чтобы они совершенно обрусели. Отдаленность жилья их и дикость мест, обитаемых ими, сохранили в них кочевой дух и старинный характер и склонности. Между ними самым похвальным и дикобинным можно почитать то, что зыряне, уходя из дома, замков не кладут и припираются запором только против рогатой и плутоватой скотины. Между зырянами нет воров и, не считая за грех обидеть самоеда, они между собою честны, живут дружно и согласно, так что и враги их за это хвалят.

Зыряне привыкли пахать землю, полюбили отхожие промыслы, чтобы в чужих людях набираться ума и знания, и давно уже отличаются быстрою понятливостью и особенным усердием на тех работах, для которых пошли внаем. Все эти добрые приметы убеждают нас в том, что скоро зыряне сольются совсем с русским племенем. Ближние к ним инородцы Вятской губернии — вотяки — давно это сделали. Вотяков только по немногим приметам можно признавать теперь за особый народ.

VIII

ВОТЯКИ

Вотяк всегда Ванька.

Местная примета

На авось и хлеб сеют.

Вячки ребята хвачки:
семеро одного не боятся,
а кто больше съест, — тот
и молодец.

Народные присловья

Бывало, и не так давно бывало, вотяк, когда случится какое-нибудь несчастье в доме или болезнь приключится — бежит к такому человеку, который назывался туной и бывал у всех на почете. Туна начнет, бывало, перекидывать синие бобы по столу или воткнет иглу в краюшку хлеба и скажет, что делать. Вотяк приказание его непременно исполнит в точности; да и не один он: кудесникам повиновались целые селения, и весь народ вотяцкий верил в их силу. Случался падёж, нападала хворь на селение: вотяки хаживали на свои священные места в лесах, называемые *кереметями*, молили там прадедовских богов и приносили им в жертву ту скотину, на которую указывал кудесник; по их приказаниям и имена давались ребятам,

Теперь, когда родится у вотяка сынишко, вотяк бежит к священнику и просит его наречь парню имя. Вотяк хлопочет только об одном, чтобы имя попалося полегче: и не скупился, когда за любимое имя Ванька просили пять золотых, за Николку три золотых. Вотяк за деньгами не стоял, разве только, верный привычке, упорно торговался. Торговался вотяк потому, что он с малых лет бережлив и по отцовскому обычаю деньги любит прятать в кубышку или *бурак*; бурак этот за-

рывает где-нибудь в лесу в землю. Отдает вотяк золотые, потому что редкий из них не собирает эту монету; редкий вотяк не знает того, что деньги надо припасать для окружного и всякого начальства. Дома он живет без затей: в грязных и курных избах, ест неразборчиво, хотя и помногу, одевается в домашнего выдела холст и сермягу и даже водку, вонючую и горькую кумышку свою, имел право и по закону гнать про себя дома. Скопидом-вотяк мало покупал на стороне, но много продавал в люди и потому всегда был при деньгах. Гусьями и утками наполнены все деревни бережливых до скупости вотяков; хлебопашеством они занимаются с древних времен; приучились вытачивать из дерева посуду: чашки, ложки, плетут грохоты, и с тех пор как сели в леса — занимаются разведением пчел. Пчелиные борти вотяков дают тот отличный мед, который под именем сарапульского известен в продаже целой России. Вот откуда у вотяков деньги, и к ним же от прадедов великая бережливость, доводимая до скупости. Про скупость эту русские тех мест рассказывают целые десятки забавных анекдотов.

Бывало, вотяк, если кровно обижен соседом, не задумается *повесить ему сухую беду на ворота*, т. е. просто повесится сам, чтобы заставить соперника, после смерти своей, тягаться с судом, поплатиться всеми золотыми и посидеть в тюрьме, которой вотяки боятся пуще самого шайтана. Теперь вотяки смекнули про настоящее: и сухой беды не слышать между ними, и окружного и исправника не чтут за самых наинабольших, но знают, что и на них есть начальство. Глубокое легкоеверие и бессмысленная простота вотяков становятся сказкой, старым преданием.

Многое изменилось у них, но многое и осталось. По-прежнему вотяк выглядит подслеповатым, потому что живет в чадных избах, живет притом беззаботно и грязно, да еще вдобавок к тому любит курить тютюн

из коротеньких трубок, и оттого всего чаще, и почти целым племенем, страдает глазами. По-прежнему верит он злым духам, потому что незнаком еще с добрыми, и по-прежнему не прочь еще кое-когда и кое-где покудесить, оттого что русские приставники не умеют еще ладить с этим делом. К тому же и у вотяка, как у всех обитателей лесных трущоб русских, сильно вкоренилась вера в свои старые поверья; по-прежнему вотяк сильно суеверен. Русские успели его кое от чего отвадить, но так как не прилагают к этому старания, то и плетется новое дело тихо и вяло, и оттого, что вотяк сам собою ведет его, сам собою руководит. Бывал у вотячек обычай вплетать в косы целковые и другую серебряную монету на большие праздники, да повадились собираться плуты и воры, стали обрезать эти деньги с косами прочь: оставили вотячки прабабушкины обычаи.

По-прежнему вотяк домосед и только недавно потянулся в работы на ближние железные и другие заводы, но и то только зимой; летом он в родном лесу на пчельнике или на любезном поле у хлеба, который охотливо покупают у них слободские, орловские и вятские купцы и отправляют этот хлеб, через Архангельск, за море, в чужие земли.

По-прежнему у вотяка самый любимый и веселый праздник, когда на Страстной неделе подойдет черед выгонять шайтана. Во всей деревне отворяются настежь ворота и двери; мальчишки и ребята мчатся на маленьких, кругленьких вятках с хворостинами в руках по улицам на дворы; заходят в хлева, в амбарушки, в клетки, везде шарят хворостиной и отовсюду стараются выгнать беса.

Жену вотяк, как и все его соседние родичи финно-угорского племени, покупает и потом крадет. И, сделав женой, водит ее в черном теле, мучит ее, как рабыню. Одна утеха у ней в тяжелой доле (и у самого вотяка в

полудикой жизни его) — напиваться до упаду своей кумышкой и русской водкой. Вотяки, как известно, сильно пристрастны к крепким напиткам и в добавление к ним выдумали еще новый опьяняющий напиток из своего знаменитого меда. Терпеливо выжидая его по несколько лет зарытым в песок, вотяки получают потом такое зелье, которое обладает двумя свойствами: быть приятным на вкус и отнимать в ногах силу так, что с одного стакана они перестают повиноваться.

На первый взгляд, вотьяк в русском наряде мало отличается от своих православных соседей; но, взглядевшись, нетрудно заметить, что один человек похож на другого: рот большой до безобразия, нос с широкими ноздрями приподнят кверху; волоса либо бледно-русые, либо совсем рыжие. К тому же вотьяк низок ростом, сутуловат, кажется каким-то болезненным, словно трясла его долго лихорадка. Нет у вотяков такого разнообразия в лицах, как у русских, где один человек совсем не похож на другого и трудно найти двоих таких, которых можно было бы назвать двойниками.

В древние времена вотяки жили в Сибири на реке Енисее, потом перешли на Каму. Здесь управлялись своими князьями. Там, где теперь город Арск, построили крепость; но пришли на Русь татары и вытеснили вотяков дальше на север, в дремучие леса нынешней Вятской губернии. Там вотяков всего больше — до 85-ти тысяч. В Казанской осталось немного (около шести тысяч) и очень немного вотяков живет в губернии Оренбургской.

IX

ЧЕРЕМИСЫ

Черемиса — что миса:
чистое и поганое пожирает.

Первого черемиса ле-
ший родил, оттого они все в
лесу сидят.

Русские присловья

В густых, сплошь — чернораменных лесах, покрывающих берега главных притоков Волги (каковы: Ветлуга, Кокшага и Кама с Вяткой), и притом в самой глубине лесов этих засели черемисы — потомки некогда сильного народа, кочевавшего на Волге и долго, даже после взятия Казани, занимавшегося разбоями. Долговременные сопротивления черемисов кончились, однако, тем, что народ этот, стесняемый русскими, весь перешел на левую сторону Волги и занял те глухие места, которые лежат в вековых и диких лесах губерний: Костромской, Нижегородской, Вятской, Казанской, Оренбургской и Пермской. На большую половину свою, при защите лесных трупоб, бездорожья и по редкому населению русских в соседстве, черемисский народ остался при первобытных диких нравах. Везде там, где леса поредели, проложены торговые дороги и подселился православный люд, черемисы, просвещенные христианством, значительно подались на новую сторону и потянулись за русскими. Чтобы окончательно обрусеть, им еще надо много времени.

Ближние черемисы живут в русских избах с русскими печами, но без труб, так что дым выходит в окна и двери, покрывая стены избы толстым слоем сажи. Сажу эту лениво счищают, и потому в избах черемисских всегда грязно и неудобно; дверь избы, как у чуваш и татар, всегда обращена в сторону солнечного восхода. Как недавние кочевники, черемисы не успели полю-

бить свои избы так, как оседлые русские, но любят еще устраивать, в соседстве, на столбиках клетки, куда и перебираются всем семейством на все летнее время. Как настоящие лесовики, черемисы держатся похвального обычая сажать около своих жилищ березы, липы, дубы и рябину, и потому деревни их всегда кажутся красивее деревень русских, у которых всегда вырублены все деревья. По-прежнему в селениях своих черемисы не любят селиться в кучу и деревни их выше 30 дворов не имеют. Зато несколько деревень всегда владеют одной общей дачей. Община заведена у них и в хлебопашестве. Нет ее только в пчеловодстве — другом любимом черемисском промысле. Поля обрабатываются сообща несколькими деревнями вместе: жатва делится поровну между всеми и добытое от земли продается (*головой* или *каштаном*) оптом. Пятую часть от барышей голова берет себе, остальное, за вычетом казенных повинностей, делится между всеми. Одеваются черемисы почти так же, как и русские, но женщины придерживаются еще старинного наряда и украшают свои головы высокой кичкой или безобразным шлыком. К тому же черемиски при маленьком росте весьма некрасивы; курносые, широколицые мужчины большею частью среднего роста, сложены стройно и крепко. От природы племя это малосмышленное, вяло и медленно в работах, но зато черемисы все честны и воровство между ними считается большим преступлением — вор немедленно сдается в солдаты всем миром и пользуется общою ненавистью и преследованиями. Во вражде черемисы непримиримы и злопамятны. Этим они сильно отличаются от кротких чувашей.

Дальние черемисы, живущие в дальней глуши лесов, отличаются от остальных своих родичей тем, что еще до сих пор сильно придерживаются язычества. Они верят, что водятся на свете злые духи и между ними самый злой — кереметь. Чтобы умилостивить

его, надо проносить ему жертвы, но какие, о том узнают черемисы от особых людей, которые слывут у русских под именем колдунов. Приношение жертвы злым духам совершается обыкновенно в особых священных местах: на горах, на лужайках, в лесу. Вместе с праздниками, принятыми от русских, черемисы справляют еще свои: всегда шумно, с песнями, плясками и сильной попойкой. Для последней у них имеется свой народный хмельной напиток, приготавливаемый из молока по образцу татарского кумыса.

Пасха начинается у черемисов в среду на Страстной неделе, масленица справляется ими два раза: до русской и вместе с русской. Перед весенней пахотой справляют старинный, свой, языческий праздник на ближайшей горе между разложенными кострами. В это время с головешками в руках они бегают кругом костра и прогоняют шайтана (черта). Во всех этих обрядах черемиски участвовать не имеют права.

У дальних черемисов один день недели почитается священным, это — именно пятница (по татарскому примеру). В этот день черемисы ничего не делают и считают за большой грех работать: женщины не топят печей и ничего не стряпают, а едят все холодное.

Все вообще черемисы женятся очень молодыми; некоторые, по примеру татар, берут еще другую, а иногда и третью жену. Жену черемис ворует, хотя и заговаривает ее за себя прежде, заплатив калым (руб. до 60 сер.). Развод несогласных супругов совершается при шести глазах, т. е. при шести свидетелях.

Казанские черемисы (из которых 52 тысячи крещеных к 2 тысячи язычников) отличаются от прочих тем, что хитрее их и упрямее, но в то же время приволжские черемисы ленивы и в этом отношении значительно уступают тамошним татарам и русским. Вообще черемисы еще до сих пор очень дики и во многом походят на всех тех лесных народов, которые еще умеют прятаться в своих лесах и не умеют торить дороги.

Не таковы самые ближние соседи черемисского народа, другое инородческое племя — *чуваши*. Луговые черемисы грубее и глупее их, горные черемисы крепче, виднее и развязнее своих луговых соплеменников, но чувашей не перехвастают. Чуваши ушли дальше от всех лесных обитателей. Привычный глаз отличит их по одному наружному виду: у черемиса кафтан белый с откидным воротником, онучи также, у чуваша — кафтан или сукман всегда серый, а онучи черные.

Х

ЧУВАШИ

Чувашин — Василий Иванович. —
Васька дома? — А кто там? — Васи-
лий Иванович.

Чувашка — черноногая барыня.

Чувашская лопатка. Ответ чу-
вашина: Русский скребок.

Чуваши хоть сто человек, — все
вместе говорят.

Народные приметы

Распознают чувашей по их тяжелой, неуклюжей походке, которая у чувашек смахивает на утиную, вперевалку с боку на бок. Все они среднего роста, со смуглыми лицами и с немного выдающимися скулами. Черные глаза глядят из узко прорезанных ресниц и из-под узенького лба. Волоса у них черные либо черноватые. Но главное отличие чувашей от всех соседей: черемисов, татар, мордвы и русских состоит в том, что чувашаи смышленные, усердные и отличные земледельцы. Сами русские крестьяне не только сознаются в этом, но даже верят, что чувашаи могут предсказать с осени, каков будет урожай летом. Так или иначе, но чувашаи земледелию учились не у русских и не ими усажены на место. Когда узнали их русские, вскоре после нашествия на Русь монголов (которые вытеснили чувашей с реки Волги и степей самарских), чувашаи жили оседло и занимались земледелием; особенно любили разводить хмель. И теперь чувашское поле всегда можно отличить от русского: нет на загонах камней (все они свалены в овраг), нет в оврагах навоза (весь он лежит на полях). Если проделаны на межах канавки для стока воды, значит заботливый хозяин обряжал поле, значит — поле чувашское. Когда русские кре-

стьяне ежегодно делят между собою поля и в надежде на новое не заботится об оставшемся, чуваш от ревизии до ревизии сидит на одном месте, не только свозит на свою полосу назем из всех хлевов, но еще покупает сверх того таковой же у русских крестьян. В конце концов, выходит то, что у чувашей хлеба родится больше и хлеб этот лучше, чем у русских — так это и известно во всех тех местах, где живут чувашаи и где все еще они продолжают обставляться хмельниками. А живут они разбросанно и в большом многолюдстве всего больше (до 300 тысяч) по Казанской губернии, потом (до 100 тысяч) по Симбирской; свыше 57 тысяч живут в Оренбургской и почти столько же в Саратовской. До нашего времени татар они жили в куче, все вместе, по правому берегу Волги, вдоль по ее среднему течению. На тучных землях подлесья они выучились и так хорошо готовить пашни, и так усердно и внимательно за ними ухаживать. В то время, когда у татар и у русских года по три по четыре лежит хлеб на гумнах — в копнах, необмолоченным, ни один чуваш без того не снимет хлеба, чтобы тотчас же не приготовить его. К половине сентября хлеб у них свезен на гумна; после Покрова спешат его сушить и молотить, пользуясь и безоблачным днем, и светлую ночью. К Веденьеву дню (в исходе ноября) хлеб обмолочен и убран в амбары даже у самых ленивых и маломощных. Стоят овины пустые, обставленные для безопасности от пожаров с той стороны, откуда дует ветер, широкими лубьями и торчит наверху только один сноп, из всех необмолоченный, не в насмешку русским, а ради старого обычая — жертвы небесным птицам. Окончив тяжелые работы, когда по двое, по трое суток кряду случается не смыкать глаз, — чувашаи начинают *чукленья* свои, или *моленья* о хлебе. По очереди ходят по избам один к другому пить из нового солода и молодого хмеля домашнее пиво и покупное вино; из новой муки пекут хлебы, из новой крупы варят кашу; каждый берет по кусочку хлеба: половину съедает, другую

бросает на печь; то же и с пивом, и с кашей. Затем начинается пир, на котором, по русской примете — хоть сто человек: все говорят вместе, и который — по русскому обычаю — совершается почти так же: пьют и едят, и опять пьют, и опять едят до тех пор, пока хмель и дрема не свалят под стол. На праздниках чувашаи отличаются от русских только тем, что, по окончании обедни, сами обходят духовных, не дожидаясь их, со крестом и водой, как это делают русские. Пляшут чувашаи и под пузырь-волынку, не нуждаясь ни в балалайке, ни в гармонике. Вообще чувашаи охотно стараются походить на русских и только женский пол продолжает чуждаться и весьма неохотно и мало входит в сношения. Чувашаи забыли про свои языческие керемети (священные рощи) и вырубили их; про старых богов даже и говорить стыдятся. Обращенные в христианство (около ста лет тому), они все еще не вникли вполне в новую веру и все еще не понимают того, в чем состоит Христово учение. Сначала не ладили со священниками — жаловались на них; теперь перестали. Целыми толпами крестил чувашей иеромонах Вениамин Пуцек-Григорович и любил давать свое мирское имя — Василий. Восприемником был дьякон Иван Афанасьев, получивший потом место священника в одном из чувашских селений. Вот отчего и стали все чувашаи — Васильи Ивановичи.

По-прежнему чувашаи строят деревни в таком беспорядке, что кроме хозяев, никто не разберет, что кому принадлежит: где кончается один двор и начинается другой. У черемисов деревни разбросаны на несколько верст и отделены друг от друга большими промежутками: у чувашей избы сбиты в кучу; нет ни улиц, ни переулков, только привычный ямщик не блуждает. Черемис, как лесовик и недавний кочевник, все еще любит жить особняком, чуваш держится артели — без товарищей ни пива не пьет, ни в извоз не ходит, и только недавно бросил добрый обычай *добывать* *доса*, обычай, который однороден со старинным русским

обычаем меняться крестами, чтобы в крестовом брате приобрести себе дорогого друга.

По-нынешнему, чувашаи распознали, что дос из русских братается не ради священных прав дружбы, но из видов корысти; подарком плисовой шапки либо двухрублевого армяка надеется приобрести один-два улья пчел и притом лучших, или корову, или лошадь в ответ на подарок. Чувашаи понимают теперь, что окружной начальник не самое высшее существо под луною, что есть и старше и больше его, у которых можно просить суда и защиты. Чувашаи начинают отдавать ребятишек в школы: и число грамотных между ними стало довольно значительно. Ребята, принимаясь за азбуку неохотно, скорее русских привыкают к ней: в год выучиваются бегло читать и свободно говорить по-русски. И теперь, чем чуваш богаче, тем он ближе к русским и старается во всем походить на них.

По-старому скупы чувашаи для себя и по привычке дедов до сих пор любят прятать деньги; в пище не привередливы: едят либо житники, либо ржаной хлеб и любимую яшку — кашицу из воды с крупой, либо с борщовником или снитью. По пословице: был бы борщовник да снить, — чувашаи и без хлеба сыты. Путу или кашу, иггучь или сыр из творогу, лепешки и пиво подают только гостю.

По-старому чуваш, задумавший жениться и получивший согласие родителей, невесту не берет спроста, а крадет. Свадьбы правят особым обрядом, который чуден, но не чуднее свадебных обрядов у русских. Похороны также окружаются многими суеверными обычаями; по понятию чувашей души покойников переселяются после смерти в собак. Принося на могилы много съестного, радуются, когда собаки съедают все это. Оставленную на могилах одежду собирают русские, которые приходят на чувашские поминки толпами. У тамошних русских нет хуже упрека, как сказать: «на тебе-де и рубашка с чувашских мазарок (т. е. могил)!»

ХІ

МОРДВА

Мордва полоротая.

У мордвы две морды (т. е. два языка), а шкура одна.

Мордвин в коробе ездит.

Разъездился, как мордвин на Богоявленье (от обычая в крещенский сочельник скакать на лошадях с гиком и кнутами и выгонять шайтана или черта со всех дворов и из всех углов).

Русские присловья

Мордва имела прежде и своих царей, и свою волю, которую долго отстаивала у русских даже после покорения царем Грозным Казани. Имела мордва и свой обычай, и свою веру, но теперь почти все растеряла вконец; где живет, к тем и пристаёт. В Казанской губернии, около города Тетюши, разучились говорить по-своему: мужчины говорят по-русски и по-татарски; мордовки — по-татарски. Мордва около татар отатарилась; около русских живя, — обрусела. Во многих местах мордвини не забыли своего языка и, выучившись русскому, во всем стараются походить на своих победителей. От старого остались одежда красивая (особенно у женщин), телеги некрасивые, да кое-какие странные и старинные обычаи. Через мордовское село не проедешь на Богоявленье, когда мордвини все до единого скачут по улицам, сидя в своих коробах и впрягая всех своих лошадей поочередно, чтобы шайтан (которого они очень боятся) не смел на них ездить. Не больше ста лет назад мордова приняла крещение, но все еще не отошли от старых поверий и обрядов, как при свадьбе, так и при похоронах. Невест тоже крадут и выдают калым или кладку: рублей сто или 70 за дев-

ку. Девка старше 25 лет стоит меньше. Раньше 20 лет мордовки замуж не выходят. С покойником тоже зарывают разные любимые народом вещи: табакерку, трубку, шило, деньги и даже вино. Мордвины также верят, что душа по смерти во всем этом крепко нуждается. От язычества остались у них также некоторые годовые праздники, называемые *молянами*. Мордва празднует в начале посева, во время засухи, при конце жатвы, при постройке дома и проч. Любимая пища мордвы — горох и кислое молоко; любимое мясо — заячье, из которого пекут особенные пирожки, слывающие мордовскими. Прежде мордва почиталась племенем звероловным; теперь от старого остался любимый промысел — пчеловодство. Землю обрабатывают они так же давно, как и чуваша, и так же трудолюбивы. Мордвин очень труслив и весьма уступчив, забывчив на обиды и не знает мести. Все ссоры и браки, по примеру русских, любят кончать здоровой выпивкой. Грязно живут и соседние русские, но мордвины их превосходят: зимой живут вместе со свиньями, овцами и собаками. В то же время любимый мордовский цвет — белый с красным. Женщины одеваются в длинную, всегда белого цвета рубаху, украшенную полосами из кумача или вышитую красною шерстью или бумагой: одна полоса идет по подолу, другая от него идет к воротнику, две полосы на рукавах и плечах. Сверху рубашки мордовки надевают *шамшан*, род халата с узорчатыми фигурами на груди, вышитыми красными нитками, на голове они носят *шмычам*, вышитый крупным бисером с кистями; на шее ожерелья из монет. Мордвины одеваются, как русские, и на ногах носят лапти, привязанные длинными оборами до колен.

Мордва живет больше по берегам реки Суры и в губерниях: Нижегородской (около 39 тысяч), Пензенской (42 тысячи), Саратовской, Симбирской и Казанской (в последней их всего меньше). Всей мордвы считают до 200 тысяч душ.

КОРЕЛЫ И ЧУХОНЦЫ

Чудь белоглазая. Лопь-сыро-еды. Колдуны.

Народные прозвища

Чудь в землю ушла, живьем показала, под землей пропала.

Народное поверье

Корельский верстень: поезжай на весь день.

Народное присловье

Весь север нынешней России в древние времена населен был многочисленным народом — чудью. Когда и как пришла сюда чудь, никому неизвестно; известно только, что когда с полуденной стороны наплывали новые народы, чудское племя теснилось ими. Чудь, как племя слабое, уступало новым пришельцам, вытеснено было с лучших мест в глушь дремучих лесов и болотистых мест; самых слабых загнали в мерзлую пустыню. Когда начиналась Русь, — чудь вместе с предками нашими, новгородскими славянами, призвала правителей из-за моря, жалуясь на то, что их земля велика и обильна, но порядка в ней не было. Чудь в те темные и давние времена была еще народом сильным. Начала она терять эту силу после присоединения и подчинения своего русскому племени. В то время, когда другую чудь, под именем финнов, шведы, найдя на пути своем, теснили, жгли хижины, отбирали земли, гнали из лесов, — русские финны мало-помалу сливались с русским племенем, тут же обок в тех же дремучих лесах и на тех же болотах. Когда сама Русь просвещалась Христовою верою, — проповедовали христианство и между финскими или чудскими племенами. С верою они принимали и обычаи, и язык, и понятия. В конце концов,

чудское племя раздробилось, стало жить на земле или слившись с русскими, или отдельными племенами, под названием лопарей, корелов, чухонцев, эстов, ливов, латышей, вотяков и других (о которых мы и поведаем в своем месте).

Про исчезнувшие чудские племена осталось у русского народа только то старинное предание, что чудь, заметив в своих лесах внезапное появление белой березы, означавшей владычество белого царя, испугалась: соорудила подкопы на столбах, забралась туда со всем своим скарбом, подрубила столбы — и погибла. Осталось ее имя в курганах, городках, в вещах, выкапываемых из земли (всего чаще в Архангельской губернии). Все эти предметы и вещи носят название чудских; чудью стращают еще капризных и плаксивых ребятешек — вот и все.

Остальные чудские племена живут еще на земле под своими именами, в среде других сильнейших племен, но так, что и они близки к той судьбе, которая постигла их предков, т. е. они должны слиться с народами сильными. Финские народы, живущие на русской земле и в соседстве с русскими, каковы: лопари, корелы, вотяки, крещены в православную веру. Живущие в соседстве с немцами в губерниях: Лифляндской, Эстляндской и Курляндской и в Финляндии крещены в христианство лютеранской веры; соседние с поляками обращены в веру католическую. Во всем остальном каждое племя придерживалось обычаев и нравов своих соседей и прежних победителей. И теперь, когда стали подвластны России, они остались при тех же порядках. Эсты и ливы походят отчасти на немцев, чухонцы на финнов, корелы, лопари, вотяки и зыряне — на русских. Остались вполне при старом своем только те из чудских или финских племен, которые сидят в неприступных мерзлых пустынях, каковы некоторые вогулы, и все остяки и юкагиры.

Все эти народы схожи между собою цветом волос, которые у всех светлые: у некоторых светло-русые, у других, как у чухонцев, льняного цвета, который у многих становится красным или рыжим, как у корелов, эстов, зырян и вотяков. Все они среднего роста и крепкого сложения, но медленны и вялы в движениях. Лица их без особенного выражения, а темно-серые глаза глядят как-то тупо и вяло. Бороды у них растут плохо, какие-то реденькие; щеки впалые, цвет лица желтоватый, словно болезненный: на долю их достались самые нездоровые места, большею частью болотистые. Едят они дурно; неплодородная земля насыляет на них частый голод; но и в доброе время корелы и финны мешают муку для хлебов с заболонью сосновой коры, высушенною и истолченною в порошок. Все народы финского племени задумчивы, медленны, но настойчивы на своем до упрямства; терпеливо переносят лишения и не заботятся о чистоте и удобстве жилищ, об опрятности одежды и посуды. Живут в курных избах и строятся охотнее особняком, чем кучками. Только те, которые сильно обрусели, начинают жить деревнями, но и тогда один двор стараются отставить подальше от другого. Подобно всем непросвещенным народам, они имеют множество предрассудков и суеверных обычаев и страстно любят старые поверья и обычаи. Но во всех зародилось желание стать лучше и не походить во всем на стариков своих. Эти стремления не прошли для многих даром.

Корелы в Архангельской губернии вблизи Белого моря приготовили таких плотников, которые почитаются лучшими строителями морских судов. Многие корельские деревни в той же губернии и в губерниях Олонецкой и Новгородской славятся кузнецами везде там, где залегла болотная железная руда: они выковывают даже винтовки не только для лесного мелкого, но и для крупного морского зверя. Корелы во многих деревнях додумались, по примеру русских, до мелкой торговли враз-

носку и большими толпами уходят к чухонцам и в окольные страны Финляндии с коробами за плечами: торгуют не хуже владимирских коробейников или офеней.

Не так везет маймистам, прозванным у русских в насмешку — чухонцами. Они также пристрастились к торговле, но производят ее только продуктами домашнего хозяйства и только там, где завелись людные жилые городские места, в особенности около новой столицы — Петербурга. Маймисты любят заниматься разведением рогатого скота и домашней птицы, оттого и вся их торговля вертится около этого дела: продают молочные сколы, домашнюю птицу и лесную дичь. Славятся чухонцы умением править речными и морскими судами, и в Петербуре лоцманы и рулевые из чухонцев предпочитают всем остальным. Женщины охотливо нанимаются к русским в прислугу, предпочитая обязанности кухарок всем остальным.

Корелы отпускают бороды, чухонцы по немецкому обычаю стараются их брить, но бреют так лениво и редко, что чухонец кажется вечно небритым. Корелы любят наряжаться в длиннополые русские армяки; чухонцы предпочитают коротенькие полукафтаны и вообще легкий наряд по образцу иностранного корабельщика. Корел походит на русского, маймист на немца. Мятая шляпа на голове, куртка на плечах, жилет на груди, вечная коротенькая трубка в зубах — вот обычный вид чухонцев, шныряющих по петербургским улицам. К этому можно прибавить еще то, что, ходя следом за своими одноколками с маслом, яйцами и рыбой-салакушкой, чухонцы представляют собою людей, погруженных в себя самих глубоко: ничто их не тревожит, ничто на улицах красивого города не останавливает внимания, не удивляет, не смешит. Подвижнее, живее его продажная рыба, его плохое молоко, которое болтается в бидонах, туго привязанных на телеге. Чухонец даже и с дороги не умеет сворачивать. Всегда, завалясь в телегу, он лежит неподвижно и спит. Спит он в дороге, спит он

и дома, оттого и не ушли они так далеко с тех пор, как запомнили их русские люди в то время, когда еще не только Петербурга, но и белокаменной Москвы русские люди не строили.

Корелы известны были еще преподобному Нестору, писавшему летопись о самых первых временах нашего отечества. Тогда же поместил он праотцев нынешних чухонцев — ямь и ижору на местах жительства нынешних петербургских маймистов. В половине XII века стал известен русским народ воть, остатки которого живут и теперь между городами Лугою и Нарвою. Со временем забыли и о Вотской земле, и о народе воти, стали называть их земли Ижорскою или Ингерманландией. В 1740 году и ее переименовали в губернию С.-Петербургскую. Все эти остатки народов, подводимых русским под общее имя чухонцев, крещены в православную веру, как и корелы. Остальная и большая часть чухонцев — лютеране. Собственного языка они не сохранили и говорят на смешанном языке, из слов немецких и финских.

Собственно финны — обитатели нынешней Финляндии, значительно удалились от своих родичей чухон: они несравненно развитее их, хорошие земледельцы, хорошие хозяева и мореходы. О Финляндии мы будем говорить в особой книжке. Теперь скажем о других ближних родичах чухонцев, о последнем народе финского или чудского племени: об эстах, или эстонцах, и ливах.

ЭСТЫ И ЛИВЫ

Эсты и ливы составляют коренное население губерний Эстляндской и Лифляндской, которые и получили от них свои прозвания. Все они составляют сословие крестьян, над которыми господами и владельцами были немцы с того самого времени, как водворились они в этих местах. Эсты и ливы сделали немцев богатыми, а сами стали скрытны, недоверчивы к немцам. Эстонцы сверх того отличаются теми же самыми качествами, как и чухонцы: они сердиты, упрямы, предаются пьянству. Жилища их не лучше медвежьих берлог; люди и скотина живут вместе. Страшная неопрятность и повсеместная бедность бросаются в глаза всякому. Мужчины и женщины одеваются почти одинаково: из грубой темной материи шьется длинное верхнее платье; ноги обуты в лапти. Язык их беден словами, но приятен для слуха; в народе осталось еще много хороших песен и много старинных обычаев и праздников. На праздниках любимое увеселение эстов — качели. Главная промышленность и главное занятие их — земледелие; самый веселый праздник — праздник жатвы «далькус». Эсты крепкого телосложения и способны к самым тяжелым и трудным работам. Довольные собою немцы — хозяева их — не довольны эстами и называют их народом весьма ленивым.

Ливы, живущие главным образом в Лифляндской губернии, в количестве двух тысяч душ, населяют также и другую немецкую губернию — Курляндскую. Не многим отличаются они от эстов; живя близ устьев реки Салиса и по берегам Рижского залива Балтийского моря, ливы стали смелыми мореходами: на небольших судах не задумываются ходить даже в Петербург, где продают рыбу. Но как и эсты, ливы так же живут в невежестве, в дымных и смрадных хижинах, освещенных зимою сосновой лучиной.

Не таковы латыши, или летты — народ индогерманского племени литовского, хотя и близкие соседи эстов и ливов: от соседства осталось то, что ливы все говорят по-латышски, а в некоторых местах эсты начали даже мешаться с латышскими. Некогда литовское племя было многолюдным и сильным. Некогда были таковыми и эсты, которые на первых порах оказали немцам упорство и за то лишены были всех земель своих и подвергнуты были рабству. Ливы и латыши покорились им добровольно и потому не потеряли ни земель, ни имущества. Теперь и латыши, и ливы, и эсты — племена покоренные.

XIV

ЛИТВИНЫ И ЛАТЫШИ

Литва беззаконная, долгополая, си-
волапая, поганая.

Литвины: мякинники, гольтепа; ли-
товский колтун. Лапотники. Магерки (за
белые валяные шляпы).

Народные прозвища

«Это видно решота гоном гнали»
(сказал литвин, глядя на лапотный след
по дороге).

«Разве лихо возьмет литвина, чтоб
он не дзекнул».

Народные присловья

Кругом вода: в середине беда.

Туземное прозвище местности

Когда пришла Литва на нынешнее свое место — не известно; в IX веке по Рождестве Христове она уже сидела тут, где теперь западные русские губернии, и делилась на три племени: пруссов, литву, или литовцев, и леттов, или летчалов. Летты назвались потом латышами. Литовцы всегда отличались воинственным духом и успели составить особое княжество, которое долгое время существовало независимо и вело равную и долгую борьбу с царством Московским и королевством Польским. Латыши, более мягкие и уступчивые, не добились независимости и всегда подчинялись сильным владельцам.

Латыш находился в вечном рабстве: из робкого и мягкого стал совсем бесхитростным и раболепным. Они ласковы и откровенны, но недоверчивы ко всему чужому и ко всякому чужому. Они непостоянны и нерешительны; часто не держат слова и не умеют показать такой настойчивости и упрямства, каким отличаются, напр., эстонцы. Эст злопамятен и мстителен; латыш при первой ласке забывает обиду. Эст драчлив, латыш

миролюбив и добродушен; за обиду осыпает противника ругательствами, но кулаком владеть не умеет. В домашнем быту латыши опрятнее эстов, и женщины их стыдливее баб эстонских. Латыши вообще честны; покражи между ними случаются редко. Они показали большую охоту идти вперед и уже давно обнаруживают сильную потребность к учению и сильную склонность к чтению (газета, издаваемая на их языке, разбирается нарасхват). Угнетения благородных баронов развили в латышах сильную страсть к тяжбам и в то же время задержали в народе этом сильную привязанность к старинным обычаям.

До сих пор латыши не любят селиться вместе и образовывать селения: всякий латыш располагает свой хутор отдельно ото всех и живет в нем бережливо, умеренно: ест, что уродит огород, и любит больше всего молочную пищу. Прежнюю страсть к вину покинул, зато полюбил пиво и, как чухонцы и эстонцы, редко выпускает изо рта свой коротенький, прокуренный насквозь чубучок. Одеваются латыши почти так же, как эсты, и только в окрестностях больших торговых городов зажиточные латыши сменяли свое недорогое и простое платье на немецкое. На свадьбах любят попировать, а из праздников больше всего любят Иванов день.

Сколько ни старалось немецкое духовенство, латыши остались в высшей степени суеверными, хотя они от многих поверий и обычаев успели отстать и отвыкнуть. Разница, которая существует между латышами той или другой губернии, небольшая. Разнится всего чаще наречие. Как в языке литовском, так и в языке латышской насчитывают большую половину слов русских (говорят, около $\frac{2}{3}$), и латышский язык, как и русский, богат поговорками и пословицами.

Число всего литовского племени, говорят, простирается до двух миллионов душ; из этого числа латышей насчитывают до 900 тысяч.

Литовцы в губерниях Гродненской и Виленской смешались с поляками, но в Ковенской и Курляндской племя это сохранилось чище и удержало свой язык. Литовцы частью православные, частью католики. Главное занятие у них — хлебопашество, пчеловодство и обработка льна, которым сильно торгуют немцы и русские в Риге с иностранными государствами. Литовцы, смешавшиеся с поляками, большею частью весьма зажиточны; жилища их опрятны и не похожи на латышские. С литовцами нам придется встретиться в то время, когда станем говорить о соседях их, русских людях — белорусах.

Коренные литовцы больше всего сохранились в том поколении своем, которое носит название самогитов или жмуди. Число всего народа жмудской отрасли, говорящего самогитским языком, простирается до 500 тысяч. Жмудь составляет сердцевину всего племени Литвы и резко отличается от всех остальных отраслей многочисленного литовского племени.

* * *

Начавши рассказ наш на богатых пушным зверем лесах сибирских, по лесам Великой России, воспитавших здоровое русское племя, мы дошли таким образом до нездоровых, болотистых лесов Западной России. Здесь дурная стоячая вода, которую пьют местные жители; дурной хлеб пополам с мякиной, которую едят и русские, и литовцы; сырые жилища, выстроенные на мокрых и сырых местах, зарождают особенную болезнь — болезнь волос, называемую колтуном. Желтые болотные лихорадки, самые губительные здесь, — нередкие гости. Желтые и бледные лица, в которых нет ни кровинки, впалые щеки, тусклые глаза, нижняя часть живота опухшая и вялая походка — одни из частых признаков, по которым можно узнавать обитателя белорусских болотистых лесов.

Вся особенность лесов этих заключается только в том, что в Пружанском уезде Гродненской губернии находится заповедный лес, или так называемая Беловежская Пуща. В этом отчасти сосновом, отчасти еловом лесу, выросшем на ровной песчаной почве, испещренной речками и ручьями, водится особая порода зверей, называемых зубрами. Беловежская Пуща — единственное место в Европе, где еще до сих пор существует эта порода диких быков, которая некогда водилась во всех болотистых лесах умеренной Европы (теперь живет только на Кавказских и Карпатских горах). Животных этих в Пуще тщательно оберегают и внимательно за ними досматривают.

Там, где кончаются русские леса, начинаются травяные степи, на смену которым выходят степи песчаные. Теми и другими богата Российская империя; те и другие населены народами чужих племен, но подвластных России; а потому мы оставляем леса, чтобы в следующей книжке повести рассказ о народах нерусского племени, населяющих русские степи.

СТЕПИ

I

СТЕПИ

Ныне про татарское счастье только в сказках слышать.

Русская поговорка

В Средней Азии между высокими горами залегли громадные степи, из которых степь Гоби или Шамо — самая огромная. Это — страна совершенного бездождия и засухи и притом близкая к жарким странам, тем не менее десять месяцев в году подвергается жестокой зиме с сибирскими холодами и своими гобийскими страшными бурунами и вьюгами. Эти буруны и вьюги нагромоздили по степи кучи желтого песка, который образует местами гряды плотин, а кое-где и целые холмы. Плотины и холмы в зимние морозы успевают сковываться и закрепляться настолько, что представляют хорошую затулу и надежную защиту для степных животных. Без того едва ли бы степь посещали живые существа и не жили бы на ней вовсе, если бы не росла на солончаковой почве особого вида степная трава, которая с помощью соли становится весьма питательным кормом для животных. Вдобавок ко всему все эти кормовые травы не теряют зелени и под глубокими снегами и не перестают расти в то время, когда суровая степь Гоби подвергается жестокой зиме. Животные здесь водятся в множестве, несмотря на то, что большая часть степи покрыта зыбучими песками (которые, как волны морские, носятся по вольному простору) и благодаря тому, что в степи не везде мертвый пустырь. Хотя местами и по временам эти пустыри покрываются растениями, большею частью колючими, которыми не брезгает

верблюды — здешний природный житель: его мозолистый язык, подобные жерновам коренные зубы и отрыгивающий жвачку желудок позволяют ему перетирать даже самые сухие степные травы. Умеренность в питье и выносливость этого животного делают его благодеянием для кочевников. Без него и самая кочевая жизнь наполовину бы не сладилась. Везде там, где стоят горы и под защитой их появляются озера и реки, где, одним словом, песчаная почва сменяется глинистой, травянистые местности в степях лежат в большом числе; травы рождаются в таком изобилии, что места эти почитаются родиной тех животных, которые давно покорены людьми и сделались домашними. Здесь по берегам рек рыщет красивый и быстрый, как ветер, дикий джигатай — родоначальник наших лошадей. В безлесных местах, покрытых утесами, прыгает в ущельях гор со скал в пропасти аргали, или дикая коза — необычайно пугливое и редко попадающееся животное — прародитель наших домашних овец. В соседях с теми и другими водятся до сих пор и куланы, или дикие ослы, и зебу, или дикие быки, из которых умелые руки сделали необходимых в домашнем быту животных.

Но, как и везде на свете, где животные, там и люди, так и здесь в степи и около нее народилось особое племя людей с выдающимися скулами, узкими глазами, которые далеко расставлены и приподняты у наружных углов, племя неуклюжее и некрасивое. Это — монголы, для которых суровые степи Средней Азии — родина: скудная, скупая на благодеяния, негостеприимная ни для каких других народов, кроме тех, которые свыклись с непоседливою кочевой жизнью. Монгольские племена стали таковыми, потому что степная жизнь, недостаток воды, отсутствие лесов препятствуют всякой оседлости. Сделавши летом запасы сена, кочующие орды монголов на зиму останавливаются на определенном месте степи: ставят палатки, располагают стада свои кучками; зимой кочуют только в тех местах, где

бесполезно делать запасы по обилию подножного корма. С наступлением весны, лишь только появится трава из-под растаявшего снега, все кибитки снимаются и складываются на быков, лошадей и верблюдов — и орды пускаются в путь. Недалеко отойдя, мужчины разыскивают места, обильные травой и водой и, найдя их, распределяют лошадей, овец и рогатый скот по пастбищам. Женщины разбивают палатки, готовят пищу, доят кобыл, овец и коров, шьют одежду, ткнут ковры и вообще исполняют все домашние работы. Между тем мужчины пасут стада и роют колодцы, которые есть не что иное, как простые ямы. В них в короткое время скапливается достаточно воды, чтобы напоить стадо. В некоторых случаях ямы эти выкладывают камнем, но часто, однако, своды разваливаются и вода становится горькою и солоноватою; к тому же времени животные вытравляют пастбища: обыкновенно через восемь дней стоянка на одном месте для кочевников делается неудобною. Орда снова пускается в путь и кочует таким образом от одной стоянки до другой, пока в конце лета не придет на то место, откуда вышла. Сделавши запас сена, она возвращается на старое место зимовки, рассчитывая свой путь так, чтобы не становиться на пастбищах, потоптанных стадами, но часто делает привалы у прежних колодцев.

От обычного кочевья степные скитальцы пришли к необходимости переселений, когда народ увеличился количеством; на пастбищах стало тесно; причин к ссорам и распрям со всех сторон накопилось в излишестве; начались войны, кровопролития. Сильные победители теснили побежденных; слабые бежали от конечного истребления. В течение многих веков народы Внутренней Азии теснили друг друга, пробиваясь к плодоносным долинам — здешним обетованным землям. Кочующие орды иногда останавливались на десятки лет и потом, отдохнув и собравшись со свежими силами, продолжали свое переселение дальше, или на северо-запад в

Европу, или на юго-запад и юг в ту же Азию. Подобно ядовитому ветру, орды народов губили на пути все то, что припасали для себя образованные и оседлые народы. Таких губительных переселений было немало, и молодая Русь наша, начинавшая свою жизнь, еще на самых первых порах почуяла на себе недоброе соседство этих откочевавших в крайнюю даль азиатских варваров. Знали наши предки этих монголов под именем печенегов, половцев, черных клобуков и прочих. Но изо всех переселений монголов памятны Европе два. Одни орды вышли из Великой Монголии и под именем гуннов два раза стояли у ворот вечного города Рима со своим вождем Аттилою, прозванным бичом Божиим. Это было в пятом столетии по Рождестве Христове. До начала пятнадцатого столетия о монгольских племенах мало было слышно. Известно то, что они разделились на два племени, из которых одно жило к востоку от степи Гоби; другое ушло на запад. Первое называлось собственно монголами, второе татарами (т. е. подданными). Монгольское племя было сильнее других и в XIII столетии снова явилось грозой вселенной.

В 1155 году вблизи верховьев реки Амур, там, где теперь русские промывают золото и добывают серебро, у одного владельца 30 или 40 семейств родился сын Темучин. Оставшись в 13 лет по смерти отца, когда старшины семейств и подчиненные не хотели ему поклониться, он повелел сварить в 80 котлах с кипятком восемьдесят человек и тем показал, кем он будет впоследствии. Когда поднялись новые враги, Темучин женился на дочери одного сильного хана и с помощью его войск разбил соперников, но тотчас же бросился на самого тестя, убил его, разбил его войска и войска других соперников. В 1205 году он стал уже обладателем большей части Монголии. Со старшинами племен на берегу одной быстрой реки Темучин пил воду с торжественным обрядом и клялся делить с ними все горькое и сладкое в жизни. Когда после этого торжества стоял он

среди многочисленного войска, расположенного в девяти станах, явился какой-то пустынный, возвестивший народу и войску, что бог отдает Темучину всю землю и велит называть его великим ханом — Чингисханом. Чингисхан решился оправдать это название. Войско и народ поклялись следовать за ним, куда бы он ни повел их. Чингисхан повел их на Китай, завладел большею частью этого громадного государства, принял подданство киргизов, бухарцев, царя тибетского; дошел до Персии, завоевал ее и вернулся назад на родину, в Онон, к истокам Амура, чтобы с новыми силами нагряться на непокорную часть Китая.

В Персии он оставил двух своих полководцев, которые dokonчили его завоевание и ринулись через кавказский проход в южнорусские степи, где на то время кочевали половцы. Хан половецкий, Котян, бросился со всем своим народом в Галицию и просил защиты у русского князя Мстислава Удалого. Мстислав разбил передовые отряды, но, встретившись с монголами близ Азовского моря на берегу реки Калки, в 1224 году, был сам разбит ими. Монголы гнались за бегущими до Днепра и опустошили всю землю половецкую. От Днепра они повернули назад, чтобы соединиться с Чингисханом и, не желая завоеваний, скрылись за Волгой.

Некоторое время Россия оставалась спокойною; но это затишье предвещало сильную грозу. В монгольских ордах готовы были силы и ждали только приказаний. Но Чингисхан умер, оставив двум сыновьям владения, простиравшиеся на 10 тысяч верст в длину. Великим ханом стал Октай, который и пошел по следам отца с 600 тысяч монголов. Октай остановился на Китае; но вперед послал своего сына Кашука с двумя племянниками, из которых отличался неистовством Батый, или Бату. На его долю пало покорение России.

По обычаю всех монгольских завоевателей, Батый шел с летучими конными отрядами впереди; позади его войска тянулась орда с лошадьми, верблюдами,

кибитками, женщинами, детьми и стариками. Подобно степным ураганам своей родины, монголы не щадили ничего на пути своем: луга топтали и травили скотом; пашни уничтожали огнем; укрепленные города брали приступом; жителей или убивали, или уводили в плен за собою в обозе. Если князь выходил навстречу с повинною и хлебом-солью, — монголы требовали только дани и войска, которое обязано было следовать за врагами против своих. Русские князья противопоставили в отпор свои войска и силы, и потому города их были сожжены; жители уведены в плен. Батый двигался на север. Он разгромил Рязанское княжество, опустошил Владимирское в один месяц (февраль 1238 года), разрушил 14 городов; шел на Новгород — сильный тогда. Но, не дойдя до Новгорода 70 верст, по причине болот, дремучих лесов и весеннего распутья, Батый повернул назад, за Волгу. Там орда отдохнула и в следующем году ринулась на южную Русь: покорила Чернигов, Киев, завладела Волынью, Галичем; опустошила Сербию, Боснию. Потерпев поражение, Батый с ордами вернулся на запад и новых завоеваний больше не делал. Татары его были довольны тем, что вся Русская земля признавала себя побежденною: платила дань, князья ездили на поклон; терпеливо переносили все унижения. Двести пятьдесят лет тяготело это тяжелое ярмо.

Когда создалось и укрепилось Московское царство, татарские орды — по обычаю — разделились, перессорились, растеряли силы в междоусобных войнах и вконец ослабели ко временам Ивана III и Ивана IV, или Грозного. Иван III отказал татарам в дани; Иван IV покориł своей власти все три огромных татарских царства, каковы: Казанское, Астраханское и Сибирское. В свою очередь, татары стали данниками и подданными России, и дела изменились так, что вместо свирепых наездников татары сделались мирными торговцами и земледельцами, и русские смеются над одними: «продай, князь, мыла!», а другим говорят: «князь,

а князь! возьми-ко трончатки (т. е. вилы): пособи навоз навалить». Подобное случилось и с другими монгольскими племенами: киргизы платят подати и охотно ведут сильную и живую меновую торговлю везде, где угодно русским. Калмыки и башкиры отправляют казацкую службу, а там, где находился Чингисхан, почти уже сто лет руки ссыльных преступников промывают золото. Там же кочует еще небольшой остаток монгольского народа, под именем бурят, которым тамошние русские дали прозвище «братских».

Чистые, коренные монголы кочуют теперь мирно в пределах Китайского государства, на котором еще раз попробовало в 1644 году свою силу одно из монгольских племен — маньчжуры. Посадив на престол богдыхана из своих, маньчжуры, или чжурчжени успокоились на том, что наставили везде по Китаю своих чиновников, но зато сами подчинились обычаям и нравам побежденных (окитаились): из кочевых дикарей сделались оседлыми и мирными земледельцами.

Теперь монгольские племена мы находим везде там, куда русские люди ездят без боязни, общаются с ними в торговых сделках, проведывают об них все, что знать любопытно. Расскажем, что знаем и слышали, начиная с самых дальних для нас сибирских, с самых ближних к местам настоящей их родины.

II

КОРЕННЫЕ МОНГОЛЫ И БУРЯТЫ

- Братской! Ступай работать!
- Толмач угей (не понимаю).
- А есть хочешь?
- Дай, дядюшка!

Местная насмешка

Волк, ворон да братской — три брата: волк задавит, ворон найдет, братской съест.

Народное присловье

Братской к тебе приедет: потчевай его; ты к нему поедешь: опять потчевай его.

Местное замечание

Он, как братской: Богу не молится, есть садится не умывшись.

Сибирская поговорка

Прежде всего в лености, а потом в неразборчивости к пище обвинили русские люди, пришедшие в Сибирь и поселившиеся на озере и за озером Байкалом, своих соседей по жильям, называвшихся бурятами и прозванных братскими. Стал нам известен этот народ двести лет тому назад, с тех пор когда сибирские казаки Пахалов и Бекетов заставили их покориться и платить ясак царю Московскому. С того времени буряты во многом изменились, но по большей части сохранили коренные черты своей кочевой жизни и степных обычаев. В самом деле, они еще ленивы до того, что только крайняя нужда и крепкий голод поднимают их на труд, заставляют работать. Работа не у всех одинакова, и средства к жизни добываются разными путями. Те буряты, которые живут по ту сторону Байкала, в Забайкальской области, до сих пор охотнее ведут пастушескую жизнь и кочуют со стадами овец, лошадей и быков, чему способствует обшир-

ная травяная степь, растянувшаяся между Байкалом и отрогами Яблонового хребта, между городами Верхнеудинском и Читой. Степь эта прозвана Братскою. Живущие на ней и в соседстве с нею буряты по местам кочевьев носят различные прозвища: те, которые придерживаются рек Селенги и Чикоя, называются селенгинскими; живущие в северной части Братской степи — баргузинскими; кочующие по рекам Уде и Хилке — каринскими; сидящие на Байкале — кударинскими. Из них весьма немногие перестали кочевать, и только те, которые сидят на берегах рек, начинают заниматься земледелием; но пахатники кударинские, совсем почти обрусевшие, живут бедно; буряты каринские, при пашнях владеющие стадами, самые богатые из бурят. Крайняя бедность, бурятская голь живет по сю сторону Байкала, в Иркутской губернии, в северной части побережья озера. Несмотря на то, что большая часть иркутских бурят охотно занимается земледелием, а живущие по Ангаре с большим успехом, тем не менее жизнь забайкальских пригляднее и достаточнее. Иркутские буряты и в извоз кидаются, и в город Иркутск набираются искать заработков: дрова колоть, воду возить, легковым извозом заниматься за самую дешевую, почти баснословную, плату. Этих и крайняя нужда заставит есть всякую скверну, над чем так охотливо подсмеялись сытые сибиряки. Иркутский бурят и в юрте грязен все в ту же силу и по той же причине, за что недаром обозвали их чистоплотные сибиряки-соседи. Только те из иркутских бурят кажутся счастливее, которые живут на острове Ольхон (на озере Байкал): они владеют множеством скота, у них под руками обильная ловля любимой сибирской рыбки — омуля, в бесчисленном множестве попадающей в сети во время бурных осенних непогод на Байкале. У ольхонских бурят (самого дикого рода из всех бурятских племен) ведется и скот такой, который терпеливо выносит все невзгоды, несмотря на то, что мал ростом: он сам собою отыскивает себе пищу, даже зимою, под

снегом. Мелкие лошади, по большей части белой шерсти, выносят своих хозяев, ольхонских бурят, из всех бед и напастей.

Забайкальским бурятам природа и жизнь улыбаются: скоту их не потравить всей степной травы; самим им не перестрелять всего пушного зверя, который ведется на лесных хребтах, обступивших забайкальские степи. Забайкальскому буряту не переработать и всех тех работ, которые легкая рука русских завела там, где теперь то в одном месте откроются хорошие и богатые золотые промыслы, то в другом объявятся еще богаче и лучше. Платили они прежде ясак мехами, теперь завелись деньги, — откупаются ими; ремесел они не знали прежде, не знают и теперь (кроме шитья домашнего платья, других искусств не разумеют). Вели буряты торговлю с прежними властелинами своими, китайцами — ведут ее и теперь, выменивая на Кяхте табак, шелковые материи (на халаты), благовонные свечи для богов и медные изображения их (бурханы), которые у них одни и те же, что и у китайцев. Но охотнее всего покупают буряты кирпичи особого рода чаю, без которого не только они, но, по их примеру, и тамошние русские ни лба не крестят, ни за обед, ни за ужин не садятся: им заговляются, им разговляются. Кирпичный чай для сибиряков то же, что для петербургских рабочих водка и кофе, для московских водка и чай. Разбивая кирпич чаю на кусочки и варя эти куски в воде с солью и салом, буряты и сибиряки получают лакомство; прибалтывая муки и изредка примешивая молока, — они получают здоровую и сытную пищу, которая восполняет им недостаток всякой другой.

По-прежнему бурят бреет волосы, оставляя на затылке длинную косу, которая от маковки спускается на спину, как у китайцев. Бурятка замужняя плетет косу на две прядки; девушки на шесть. Те и другие покрывают голову меховой шапкой: не иметь ее за Байкалом вменяется в стыд; точно так же редкий бурят не украшает своей шапки китайскою шелковою кистью, кото-

рая красиво рассыпается по тулье. У редкого бурята его длинная баранья шуба не покрыта материей (у богатых всегда шелковой, с опушкой из дорогих мехов на груди и по подолу); а летний халат только у бедных кожаный; и только бедные не носят рубах; забайкальские богачи давно уже носят их и похваляют. На поясе мешок с табаком, китайская трубочка-ганза, нож и огниво: эти вечные принадлежности всякого кочевого азиата, не исключая даже оседлых и образованных китайцев. При этом и неизменные степные добродетели: гостеприимство (над которым подтрунивают русские забавным присловьем), любопытство, доводимое до крайностей; покупка невест калымом; две-четыре жены, судя по достатку; кротость и всегдашнее спокойствие на лице, как будто неспособном передавать сердитых сердечных движений: бурят словно все лежал бы да думал (что он, однако, и делает).

Но если поглядеть пристальнее в его черные узенькие глаза, отененные узенькими, приподнятыми ресницами, — степного дикаря узнать в буряте нетрудно. Большие уши торчат, как у хищного зверя, настораживающего добычу; пронизательные глаза ее высматривают из-под широкого и плоского лба через коротенький нос, который словно нарочно приплюснулся для того, чтобы не мешать смотреть вдаль и видеть так, как видят только люди монгольского племени. Бурят, как и все его соотчичи, бьет соболя и белку в норку (в нос) и никогда не промахивается. К этой главной добродетели у бурят, как и у всех монголов, прибавляются еще коротенькие ноги, колесом, как будто нарочно сложенные так, чтобы охватить бока лошади, прилипнуть так, что никакими силами не оторвать. Лучших наездников мало знают в Сибири, и из бурят за эту вторую их добродетель обыкновенно снаряжают несколько конных полков. Бурятские полки с саблями и винтовками стерегут китайскую границу, преследуют тех, которые занимаются промыслом тайного провоза чаю, не оплаченного в казенной таможне пошлиною. Бурят на коротенькой лошади и с длинной винтовкой является в

горах и горных долинах (по-сибирскому *в падах*) страшилищем всех тех беглых, которые во множестве бредут с каторги и уходят в бродяжество по Сибири в Россию. Рассказывают, что бурят, выследивши бродяг, велит им или садиться на пень рядом и стреляет по ним ради потехи, или ради корысти (в расчете на денежную награду) велит им вязать друг друга, третьего вяжет сам. Во всяком случае, в Забайкалье существует повсеместное поверье о том, что бурят в этом случае думает про себя так: *худенький беглый лучше доброй козы*, т. е. на козе одна шкура, на беглом три: рубашка, кафтанишко и кое-какой полушубок.

Не так давно буряты веровали шаманству и прикармливали шаманов (обманщики эти водятся еще и до сих пор у ольхонских и соседних бурят). Теперь народ этот на большую половину принял ламайскую веру, занесенную к ним из Китая особыми людьми, известными под именем лам. Ламы — люди ученые: они и вместо священников и заместо врачей, и притом ламы — врачи опытные, на помощь скорые и охотчие. Лечат они по науке, которую некоторые изучают в дальней китайской стране — Тибете, где живет главный живой бог ламайский, Далай-лама, а другие (и большая часть лам) учатся в монгольской степи, в городе Урге, где живет другой бог, поменьше тибетского, под названием Кутухты. Ламы не имеют сильного влияния на народ, какое, напр., имеют правители, или тайши бурятского народа, разделенного на поколения. Каждое поколение делится на семейства; одно или два семейства составляют юрту, несколько юрт — улус. Достоинство начальников или тайшей переходит по наследству, но всякий раз утверждается начальством, и тайши подчинены русским земским судам. Ламы подчинены одному старшему ламе. Три раза в день они молятся в деревянных храмах своим бурхарам: утром стучат в бубен; вечером играют на духовых трубах. Бурханы делаются из дерева, жести, войлока и ягнячьих шкурок.

Многие из бурят приняли христианство, по большей части те, которые живут в Иркутской губернии, между тем как за Байкалом у селенгинских бурят из четырех человек непременно один лама. Зато в то время, когда селенгинские буряты, почитаемые за коренных монголов, живут в войлочных передвижных юртах, — крещеные в Христову веру иркутские буряты начали строить себе шести- и осьмиугольные избы. Эти учатся теперь разным ремеслам и стали хорошими кузнецами. Селенгинские же буряты или монголы калкаские или калки, по-прежнему истые степняки и кочевники: подозрительны, скрытны, ленивы и сонливы, но честны и не знают ни греха жадности, ни греха скупости, не причастны и греху воровства. Они худощавы, среднего роста, крепкого сложения; волосы черные, цвет лица смуглый, с краснотой на щеках, голова круглая и толстая, уши торчат, глаза удлиненные и мало открытые, переносье приплюснуто, скулы немного выдаются, подбородок узок, что придает лицу вообще круглому непривлекательный вид; губы тонкие, зубы белые, как перлы, борода плохо растет и к тому же волосы ее стараются выщипывать (богатые бреют); усы оставляют на китайский манер. Монгол телом ловок; глазом далеко видит и глубоко проникает. Толпами они сходятся в Маймачен на китайский праздник белого месяца (в Новый год) и не стыдясь показывают, что и они такие же горькие пьяницы, как и буряты, которые любят вино не меньше забулдыг — столичных русских мастеровых. И злые и добрые боги (которых у монголов и бурят много и которым они слепо верят) за пьянство их не наказывают и, опасаясь богов на каждом шагу, принимаясь за чарку, буряты их не боятся.

Не пьют вовсе вина киргизы — другое монгольское племя, потому что к ним давно проникала магометанская вера, строго воспрещающая всякие хмельные напитки.

КИРГИЗЫ

Три обширные степи Азии населены этим сильным и многочисленным народом. В нем чистая монгольская природа сильно изменилась и далеко не так ясно сказывается, как в бурятах, от которых мы сейчас вышли, и в калмыках, к которым мы идем теперь. Земли, обитаемые киргизами, столь огромны, что только татары занимают их больше. Внутренняя степь Киргиз-Кайсацкая, смежная с землями оренбургских и уральских казаков, с одной стороны, и примыкающая к Волге с другой и к Каспийскому морю с третьей, область киргизов букеевской орды вмещает в себе 25 тысяч кибиток (около 100 тысяч душ), подвластных России. Средняя орда, начинающаяся по ту сторону реки Урала, тянется вплоть до верховьев сибирской реки Ишим и с двух других сторон примыкает на севере к границам Оренбургской губернии, а на юге тянется даже до Аральского моря. На ней считают 100 тысяч кибиток, или около 400 тысяч душ. Большая орда, примыкающая на западе к средней, на востоке и севере к Тобольской губ. и Семипалатинской области, на юге граничит с владениями кокандскими и туркестанскими. Она вмещает в себе 75 тысяч кибиток, или около 300 тысяч жителей. Средняя до сих пор носила название области оренбургских киргизов; большая степь называлась областью сибирских киргизов. Все киргизские орды соединены в последнее время под одно управление.

Букеевская степь солончаковая, имеет ближе к середине песчаные возвышения, покрытые травой, годной для пастбищ. Во всех других шестах она усыпана солонцеватыми болотами, но эти лужи заслуживают названия рек только в весеннее время, когда они разливаются на 20 и на 30 верст, обогащая ту землю плодородною силою. Степь киргизов внутренней орды похожа на

уральскую и еще пустынное и бесплодное этой. Живой песок, поднимаемый северными и северо-восточными ураганами. не встречает никаких препятствий, а потому покрывает и уничтожает все на пути. Это бывает летом, а зимние пурги уничтожают целые стада и табуны на пастбищах. Когда долго длится жестокая зима, то в северных частях лед покрывает землю толстою корою и животные гибнут от недостатка корма, который нет уже им возможности добывать привычным путем. В южной половине этих степей, ближе к Каспийскому морю, лежат те *рын-пески*, которые почитаются ядром и месторождением всего того песка, который заметал Волгу, обездолил Каспийское море, Урал и все смежные страны.

Обе другие киргизские степи, и средняя и большая, носят одинаковый характер с букеевской: они также с огромными солончаками и переносным летучим песком; низменны и несколько возвышены только в частях восточных, юго-восточных и западных. Полагают, что эта обширная степная страна составляла дно моря, соединявшего Каспийское море с Ледовитым океаном. Как прежде северные ветры вздымали морские волны, так теперь те же господствующие северные ветры носят по воздуху волны песку, застилающего свет Божий, и почва степи имеет тот же вид, что и море, вздымаемое волнами. Степи эти так же безжизненны, как ее обитатели, и напоминают, как и ее жители, во многих отношениях первобытные времена. Здесь лето и зима сходятся и встречаются разом без переходных времен весны и осени, и этими крайностями и быстротою переходов от холода к теплу причиняют большие опустошения. Только весной, или лучше сказать, в начале лета появляется свежая трава. Летнее жгучее солнце палит и сжигает все; а зима приводит с собою те холодные бури и те сибирские ураганы, которые леденят всю страну и гонят стада с пастбищ в объятья смерти,

от которой ничто их не может спасти. И насколько жесток холод зимой, настолько жестока летняя жара, на которой высыхает вся вода в степи, а в воздухе кишат черные тучи насекомых. Жизнь для туземцев была бы несносна и невозможна, если бы они не придумали спасения от ядовитых насекомых в одежде с особыми приспособлениями.

Однако степь не везде одинакова; в некоторых местах она тенистая, во многих покрыта горами. Совершенный недостаток растений замечается в одном только месте — в обширной стране, простирающейся с востока на запад на севере реки Чу. По берегам других рек растительность травяная даже роскошна. Впрочем, на севере и на юге только эта страна представляет места, удобные для житья и для пастбищ: нет деревьев, но много кустарников, много травы и ручьев. Места на юге самые бесплодные: они пересечены песчаными пустырями, болотами и соляными озерами. В сухое время года соляные озера покрываются тонким слоем соли — как бы льдом, как серебро сверкающим на солнце в то время, когда налет соли вроде пояса кругом играет самыми разнообразными цветами. Озера, наполненные водой, из которых многие уступают величиной самым большим русским озерам, окружены непролазным лесом камышей. В камышах живут кабаны, а около воды разного рода птица. В самой степи целыми стадами разгуливают драхвы, такие же пугливые, как и те, которые налетают на русские степи. Перепелок киргизы убивают просто палками. Куланы или дикие лошади малопомалу переводятся (теперь они большая редкость), но тигр еще продолжает забегать, чтобы понаведаться, не заблудилась ли киргизская легкая лошадь, не забрела ли киргизская овца с жирным курдюком и курчавой шерстью.

Насколько мало разнообразия представляет степь в животном и растительном царстве, настолько же похожи жизнь и характер всех киргизов, несмотря на то, что

волжский киргиз бог вещь как далеко живет от заилийского. Кочевая жизнь ведет их одними и теми же путями и по тем же самым правилам, которые придумались в незапамятные времена еще далеко до времен Чингисхана. Потомки его, некоторые султаны, управляют степными кочевниками по тем же самым законам, как и во времена темные, и отличаются от султанов нечингисовой крови только совиным пером на лисьей шапке. Султан одевается в бархатный халат, подпоясывается шелковою шалью, опускает халат соболем, но и только. Живет же он в точно такой же разборной, переносной кибитке, обложенной войлоками, как у простого киргиза; только внутренность украшает дорогими коврами и спит под шелковыми занавесами. Но он такой же охотник до грабежей чужого скота и чужих лошадей; точно так же любит *баранту*, или грабеж набегом и с пролитием чужой, но соплеменной крови. Султан — ловкий наездник, но таковы в степи малые ребята: султан меткий стрелок, но в степи и подросток-киргиз редко пускает стрелу мимо цеди. Жизнь в степи всех уравнила, никто не перегнал другого, и только богатство да знатное рождение кладут между кочевниками некоторую разницу, которую, пожалуй, с первого раза и не заметишь. Живут степные людитак же, как жили первые люди, как жили, по сказаниям Библии евреи, во времена патриархов.

Мало поддаются киргизы чужому влиянию даже и после того, когда торговля лошадьми и баранами заставляла их покинуть дальние степи и притянула к русским на базары в Петропавловске, Троицке, в Оренбурге, Уральске и на все пограничные сибирскую и уральскую линии. С большим упорством не подчинялись они России и, раз согласившись, продолжали нападать на пограничных русских; объявившись за Россией, искали подданства у китайцев, у кокандского хана в Ташкенте. С особенным коварством действовали ханы киргизов Большой орды, и эта орда позднее всех признала над собою власть России. Прежде всех подчинились орды

Средняя и Малая (в 1730 году), теснимые и преследуемые джунгарами. С 1812 года часть киргизов Малой орды перешла в Астраханскую губернию и получила, по имени хана Букея, прозвание букеевской. За ними признали подданство России черные, или дикокаменные киргизы, известные у туземцев под именем буротов и живущие на горных скатах хребта Тианшана. Киргизы Большой орды тоже увидели необходимость покориться своей судьбе, и хотя сначала недоверчиво избегали сношений, но в 1859 году сами начали искать у русских помощи, когда у них возникли распри с Кокандом. Столкновения с Кокандом кончались для наших успехами, и по следам бегущих кочевников русские войска ушли так далеко внутрь Средней Азии, что летом минувшего, 1865 года завладели далеким и огромным городом Ташкентом.

Нет сомнения, что по мере того, как станут укрепляться в Киргизской степи русские, установится там порядок вместо прежней неурядицы, когда в поголовных войнах дичали нравы, в постоянных грабежах и разбоях проходило время. Теперь там, где были временные кочевья — заводятся пашни; где на берегах реки Или происходили самые кровавые киргизские расправы, там задымились русские деревни и выстроилось укрепление Верный, которое выросло в город с четырьмя тысячами жителей.

До сих пор народ этот не отличался добрыми качествами. Русские знали про их хитрость, коварство; глубоко убедились в корыстолюбии степняков; боялись их жестокости и всегда стояли настороже против мстительности — обычной черты характера воинственных диких племен. Но и проводя время в войнах и драках с соседями, киргизы не выучились стойкости в битвах: по природе они робки, нападают из засад, втихомолку и боятся открытого боя. При виде убитых товарищей тотчас обращаются в бегство. Удаливость, по их мнению, состоит в том, чтобы обмануть при торговой сделке, хищ-

нически напасть и ограбить чужие табуны ночью, потихоньку. Во всем остальном они беспечны: им зачастуюлень бывает сделать зимние запасы сена, и малорослый степной заяц собирает и сушит на солнце больше запасов сена, чем очень многие из киргизов. В образе жизни везде приметна распущенность и беспечность: любой киргиз предпочитает жить телегутом — пастухом у богатых.

В пище киргизы неприхотливы: едят лошадей, но не гнушаются и жестким мясом верблюдов; печеного хлеба не знают; вместе с мясом варят ярицу, пшено и просо, вымениваемые на скот: сами обработкой земли не занимаются (только в последнее время кое-где стали они заводить пашни). Летом пьют кумыс из кобыльего молока, проквашенного в турсуках и сабах, или мешках, сшитых из сырых кож. Но и при такой грубой пище киргизы живут до глубокой старости и отличаются между всеми другими монгольскими племенами дородностью и сытым, довольным видом; черты лица их мягче лиц калмыцких и бурятских.

Большая часть киргизов исповедуют магометанскую веру, но путают ее с остатками старой языческой веры. Судятся особыми судьями и от наказания за преступление откупаются деньгами.

IV

КАЛМЫКИ

Калмык: Иван Иванович.

Калмык под собой кобылку съел.

Ай, молодца: широка лица, глаза узенька, нос пятка.

— Кто идет ?

— Мы.

— Кто вы?

— Калмыки.

— Много ли вас?

— Я одна.

Моя — твоя, твоя — моя: да и только.

Русские насмешки

Теми же широкими степными дорогами, направляя путь по следам рогатого скота да по звездам, шли калмыки оттуда же, откуда накиннулись на Европу свирепые варвары — гунны и на Россию — монголы. Теснимые многочисленными родичами монгольского племени, калмыки, уступив им степную дорогу, сами остановились в стороне от нее на привольных равнинах в Алтайских горах. Большая часть их досиделась там до наших дней под именем черных калмыков. Другая часть отсиживалась там во все то время, когда передовые монголы покорили царства, целые столетия наслаждались властью над покоренными народами, полмира держали в своих руках, наконец пресытились, от пресыщения ослабели, сами в свою очередь были побиты и покорены. Монгольские и татарские царства рухнули без следа. Нанесенные ими язвы давно были залечены, и самое воспоминание о жгучей боли начало исчезать из памяти людей; а про татарское счастье слышно было только в сказках старого люда. В это

время, отсидевшись на местах в Алтайских горах, вышла оттуда часть *калмыков*, которые и получили это прозвание «отсталых, оставшихся» от туркестанских степняков за то, что были самыми поздними выходцами. Калмыками прозвали этот народ и русские, когда завидели их широкие лица с узенькими глазами сначала в 1630 году на берегах Урала, а потом на берегах Волги. Царь Федор Алексеевич велел отвести им места для кочевок на луговой стороне Волги, по реке Ахтубе, но калмыцкой корысти больше льстил нагорный берег. В 1708 году калмыки произвели большое опустошение в нынешних губерниях Пензенской и Тамбовской; с ними заключили договор, в силу которого они обязались отнюдь не переходить на эту сторону Волги и защищать все низовые города от Казани до Астрахани. Калмыки служили усердно, и когда Петр Великий дрался под Полтавой со шведским королем Карлом XII, калмыки находились в войсках наших. Когда понадобилась их помощь во время турецкой войны в 1710 году, калмыки выставили 10 тысяч на Дон. Эти калмыки впоследствии отделились от калмыцкого народа и остались жить на землях Войска Донского до нашего времени.

В 1761 году к заволжским калмыкам пришло из Джунгарии 10 тысяч кибиток, желавших где-нибудь укрыться от преследований китайцев. Привел эту орду хан Церен. Калмыками правил хан Убоши. Церен, желая наказать китайцев и сосчитавши 33 тысячи кибиток Убоши, уговорил его занять прежние места калмыцкой родины. Убоши пленился предложением, и в 1771 году все калмыки луговой стороны Волги в количестве 160 тысяч душ тронулись в путь и перевалили за Урал, в Джунгарскую степь. Остались на русских землях только нагорные улусы и калмыки донские, всего четыре поколения. Достоинство ханов уничтожено; калмыки были подчинены астраханскому губернатору и главному попечителю. В 1825 году издано положение об их

управлении, а в 1828 году утверждены права их верховного суда — «зарго».

Нынешние кочевья калмыков примыкают с востока к Волге, с юго-востока к Каспийскому морю, с запада к рекам Кума и Маныч. На северо-западе калмыцких кочевьев лежат губерния Саратовская и земля Войска Донского. Таким образом, вся эта обширная степная полоса, с помощью этого народа, ожила и населилась, несмотря на то, что представляет самую безутешную и неприветливую изо всех стран России.

Калмыцкая степь такая же плоская равнина, как и та, где кочует букеевская орда киргизов; у моря начинается голыми буграми, на севере разделяется на полосы песчаные, солонцеватые и иловато-глинистые. Вся степь эта как будто недавно оставлена морем, и нет сомнения, что служила она некогда дном моря, соединявшего море Каспийское с Черным. Кроме озер вблизи первого моря несколько озер залегло внутри степей при скате Иргенских гор; но озера эти обязаны своим существованием не подземным источникам, а зимним снегам. Воды в них немного, немного ее в степных реках: Маныче, Егорлыке, Сорпе и Калуасе. Только Кума многоводна, но и та в степи поглощается песками и не доходит до моря. У этой русской реки есть исток, но нет устья.

И в калмыцкой степи, как во всех соседних ей киргизских, — палящие жары летом (40° в тени) и жгучие морозы зимой (до 30°). Она также неисчерпаемо богата солью, на ней также не растет лес и степные деревья, каковы тальники, ветла и осокорь, едва годные на дрова; но также по степи обильно растет питательная солоноватая трава, на которой калмыцкие хваленые и прославленные овцы отрачивают длинную шерсть и жирные курдюки; а степные колючие поросли питают верблюдов. На верблюдах калмыки совершают самые трудные перекочевки по бесплодным местам; а на разведении скота получают средства к жизни, которая вся вертится около пастбищ.

Калмыцкий скот во всякое время года пасется на открытых степях. На зимние пастбища сперва выгоняют лошадей, и когда конские табуны достаточно разрыхлят копытами снег на траве, выпускают рогатый скот, а по его следам идут бараны. И как скот пасется, так и люди живут по старым обычаям и по тем же законам, как и все кочевые народы.

Калмык в неоглядной степи наострил глаз и далеко видит добычу. С малых лет на коне, в зрелых летах он лихой наездник, а под старость только и забавы, что зрелище конской скачки и охоты. Калмык, впрочем, любит попеть, поплясать и поиграть на своих музыкальных инструментах. Любит заезжего гостя и на степном безделье рад ему, как посланцу небесному, а на степном бездолии любит накормить его всем, что есть: а есть и табак, и кирпичный чай, который в том краю иначе и не называется, как калмыцким; водится и водка, до которой калмыки озорные охотники. Магометанская вера со своим запретам не дошла до них, и калмыки сидят все при той же языческой ламайской вере, с которой пришли сюда и которую таки порядком попризабыли и изуродовали. У бурят она чище, но зато и калмыки, как и эти их дальние сибирские родичи, обнаружили в себе склонность отставать от степных порядков (уже с давнего времени занимаются земледелием) и выказывают способность к ремеслам (водятся хорошие мастера делать седла, хомуты). Астраханские рыбопромышленники хвалят их неумоимость в работах, требующих большой силы и терпения. Мало рыбных ватаг на рукавах Волги за Астраханью, где бы ни торчали калмыцкие кибитки, как копны сена, до которых трудно добираться и потому, что кругом бегают злые и голодные собаки неисчислимыми табунами, и потому, что зловоние в жару отталкивают всякого свежего человека. Рыбы потроха и всякая скверна валяются около каждой кибитки в таком обилии, что ноги не простиавишь. Калмыки живут едва ли не грязнее всех

народов за свете. Бедность этого народа и рваная одежда вызывают на слезы глазах. К тому же калмыки пристрастны к азартным играм так, как ни один из живущих в степях народов: у них и рубль, и тулуп, и шапка в гору.

К счастью народа этого, и здесь женщина, несмотря на то, что считается товаром и тварью, несет терпеливо и безропотно тяжелые работы и неустанно работает: готовит кушанье, вяжет чулки, вьет из конских волос арканы, делает из шерсти веревки, кошмы (войлоки) и тесьмы для кибиток, шьет одежду и сапоги для себя, для детей и для пьяного, ленивого, беспечного мужа.

БАШКИРЫ

Неизвестно, когда зашли башкиры в нынешние губернии Оренбургскую и Пермскую и поселились на роскошных оренбургских степях, о которых не так давно носились в русском народе слухи, как о странах, где реки текут молоком и медом, где всякого переселенца ожидает безмятежная райская жизнь. Огромными толпами, в составе полных семейств, валил туда русский народ в конце XVIII столетия; целыми деревнями выселяли помещики крестьян своих на эти благодатные земли, которые издавна принадлежали башкирам и утверждены были за ними грамотою Ивана Грозного вскоре после казанского похода. Эти обширные земли не были тогда измерены и обмежеваны, сданы были огулом на весь народ. Из-за них завелись потом бедственные споры и поземельные тяжбы, усилившиеся с той поры, когда башкиры возмущались против правительства и оно лишало виновных земель, а верных награждало отнятыми землями; позволяло сдавать их припущенникам и выходцам. Не было никаких средств отделить правых от виноватых, тем более что земли принадлежали не одному лицу, а целому обществу. Споры и тяжбы длились по сто лет, и многие еще не решены и до сих пор. Между тем получить у башкир землю для русских пришельцев стоило небольшого труда. Вот что рассказывает об этих сделках С. Т. Аксаков, следивший за ними на месте: «Носились слухи, что стоило только позвать к себе в гости десяток *родичей отчинников* картобынской или кармалинской тюбы (волости), дать им два-три живых барана, которых они по-своему зарежут и приготовят, поставить ведро вина да несколько ведер крепкого ставленого башкирского меда, да лагун корчажного крестьянского пива, так и дело в шляпе: неоспоримое доказательство, что башкиры были не строгие мусульмане и в старину. Говорили,

правда, что такое угощение продолжалось иногда неделю и две; да с башкирцами и нельзя вдруг толковать о деле, а надо всякий день спрашивать: “А что, знаком, добрый человек, давай говорить об мой дела”. Если гости, евшие и пившие день и ночь, еще не вполне довольны угощением, не вполне напелись своих монотонных песен, наигрались на чебызгах (дудках), наплясались стоя и приседая на одном месте в самых карикатурных положениях, то старший из родичей, пощелкавши языком, покачав головой и не смотря в лицо спрашивающему, с важностью скажет в ответ: “Пора не пришел, — еще баран тащи”. Барана, разумеется, притащат, вина, меда нальют, и вновь пьяные башкиры поют, пляшут и спят где ни попадя... Но всему в мире есть конец, придет день, в который родич скажет, уже прямо смотря в глаза спрашивающему: “Ай, бачка, спасибо, больно спасибо! Ну что, какой твой нужда?” Тут, как водится, с природною русскому человеку ловкостью и плутовством, откупщик начнет уверять башкирца, что нужды у него никакой нет, а наслышался он, что башкиры больно добрые люди, а потому и приехал в уфимское наместничество и захотел с ними дружбу завести, и проч., и проч.; потом речь дойдет нечаянно до необъятного количества башкирских земель, до неблагонадежности припущенников¹, которые год-другой заплатят деньги, а там и платить перестанут, да и останутся даром жить на их землях, как настоящие хозяева; а там и согнать их не смеешь и надо с ними судиться; за такими речами (сбывшимися с поразительной точностью) последует обязательное предложение избавить добрых башкирцев от некоторой части обременяющих их земель... и за самую ничтожную сумму покупаются целые области и заключают договор судебным порядком, в котором, разумеется, нет и быть не может количества земли: ибо кто же ее мерял? Обыкновенно границы обозначают урочищами, например, вот так: “от устья речки Конлыелга до сухой березы прямо на Обций

Сырт, а от Общего Сырта до Лисьих гор, от Лисьих гор до Солтамраткиной борти и прочее". И в таких точных и неизменных местах и урочищах заключались иногда десять, двадцать и тридцать тысяч десятин земли! И за все это платилось каких-нибудь сто рублей (разумеется, целковыми) да на сто рублей подарками, не считая частных угощений.

Чудесной растительностью, — продолжает С. Т. Аксаков, — блистают степные тучные черноземные, роскошные луга и поля.. Обильной жатвой награждается ленивый и невежественный труд пахаря, кое-как и кое-где всковырявшего жалкою сохою или неуклюжим сабаном степную плодоносную почву!.. Мирны и тихи первобытные обитатели и хозяева степей, кочевые башкирские племена. Много уменьшились, но еще велики, многочисленны мелкие табуны, и коровьи, и овечьи стада их. Еще по-прежнему после жестокой буранной зимы отошальные, исхудалые, как зимние мухи, башкирцы с первым весенним теплом, с первым подножным кормом выгоняют на привольные места на половину передохшие от голода табуны и стада свои, перетаскиваясь и сами за ними, с женами и детьми.. И вы никого не узнаете через две или три недели! Из лошадиных остовов явятся бодрые и неутомимые кони, и уже степной жеребец гордо и строго пасет косяк кобылиц своих, не подпуская к нему ни зверя, ни человека... Уже поспел живительный кумыс, закис в кобыльих турсуках (или мешках из сырой кожи, снятой с лошадиной ноги) и все, что может пить, от грудного младенца до дряхлого старика, пьет допьяна целительный, благодатный, богатырский напиток и дивно исчезают все недуги голодной зимы и даже старости: полнотой одеваются осунувшиеся лица, румянцем здоровья покрываются бледные, впалые щеки...»

До прихода русских землям своим башкиры большой цены не давали. Грабежи, житье на чужой счет они предпочитали мирным земледельческим занятиям; они обгаляли чужой и собственной кровью те земли,

под дерном которых русские находили потом огромные куски золота (из них один весил с лишком двадцать четыре фунта). Привычка к буйной жизни побудила их в 1676 году, соединиться с киргизами на грабеж: они разорили все русские селения, лежащие за Камой, немного не дошли до Казани, увели и продали в Джунгарию многих русских пленных. Башкиров усмиряли три года; едва поладили, но не наказали. В 1707 году они снова поднялись с татарами, черемисами и мещеряками и снова доходили до Казани, оставляя на следах пожары и убийства. Восстановленное всепрощением спокойствие нарушено было в третий раз, в царствование Анны Ивановны в 1735 году, когда заложен был город Оренбург. Шесть лет мучилась Башкирия с таким озлоблением, что правительство принуждено было прибегнуть к крутым мерам. Более 30-ти тысяч башкиров было побито в делах, казнено, сослано, а жены и дети виновных, по тогдашнему обычаю, розданы были на руки желающим. Башкиры явились к начальнику края с повинною, сами принесли с собою топоры и плахи. Их обложили податью по 25 коп. с дыма, соль обещали выдавать безденежно, но зато потребовали содержать почты и ставить войска по требованию. В 1754 году безденежная выдача соли прекращена, а в следующем году башкиры возмутились вновь. Мещерякский мулла Матырша поднял весь народ во имя Магомета и славы его. Забунтовавшие башкиры испугались, из боязни мести оставили родные места и ушли в степь к киргизам. Но там между теми и другими ловко разожгли ссоры: киргизы били, брали пришельцев в плен, доброе соседство не ладилось; многие башкиры вернулись назад, и вернулась их большая часть, когда объявлено было всепрощение. Но при Пугачеве поднялись башкиры еще раз, в последний, и затем крупных восстаний не больше делали.

В наши времена башкиры живут мирно. Они ставят войско как для местной линейной службы, так и для внешней на тех же самых правах, что и казаки. На

службу всегда являются в форменной суконной куртке и в шароварах с красными лампасами и с пикой. Отправляя службу на деле, являются ловкими наездниками, мало имеющими соперников, тем более что и в степи любимое из воинских упражнений — конские скачки, ради которых башкиры лошадей своих вымаривают. Башкирские скачки представляют такое зрелище, каким редко где можно любоваться.

Все башкиры — мусульмане; но как большая часть кочевых народов, мусульманские обряды путают с древними языческими, и об истинах своей веры имеют самое спутанное и смутное понятие, несмотря на то, что в то же время очень набожны. Нет деревни, где бы не было над одной из изб минарета, означающего, что изба эта — мечеть.

Теперь у башкиров мало замечают их прежнего воинственного, буйного духа; они стали покорны, услужливы, послушны. Скотоводство, пчеловодство и звероловство (у тех, которые поселились в лесных местностях) почти единственные промыслы. Теперь они и от земледелия не бегают, но степные еще никак не могут отвыкнуть от старой кочевой жизни. Зиму живут в деревнях в нужде и голоде; летом там не найдешь ни души (разве только хилых стариков), все остальные откочевали в леса — в войлочные кибитки и в горы — в берестяные аулы. Там откармливают скот, отпаиваются сами весенним кумысом и, ничего не делая, праздно бродят по лесам или ездят в горы на охоту. На плечи женщин и здесь падают все важные и необходимые работы. Все утешения женщин в наряде: халаты оторачивают цветными лоскутками, косы украшают серебряными монетами, голову шапочкой, плотно унизанной бисером, корольками и другими безделушками. Мужчины носят на головах остроконечные колпаки или шляпы, с двух сторон по полям распоротые; зимой их заменяют мохнатыми малахаями. Лицом башкиры

больше похожи на татар, чем на коренных монголов, от которых многие ведут их происхождение (для других башкиры — остатки орд, громивших свет с Аттилою под именем гуннов). Башкирские лица круглые или кругловатые; глаза серые или карие, уши велики, но бороды реденькие. Между женщинами попадаетса очень много милovidных; но большая часть лиц, как мужских, так и женских, изрыта оспой, этим неизбежным бичом всех инородческих племен России.

МЕЩЕРЯКИ И ТЕПТЯРИ

Рассказавши про башкир, мы почти все рассказали и про этих двух соседей их. Добавить приходится немного.

За то, что *мещеряки* поселились на землях, уступленных им башкирцами; за то, что этот некогда сильный и самостоятельный народ вместе с башкирами принял одну веру в Магомета и его учение; одним словом, за то, что они сидят плечом к плечу, мещеряки не имеют своих отличек, ничего своего. По наружному виду они похожи на казанских татар: они тоже народ красивый, скуластые углы лица у них округлились, глаза уже не похожи на глаза степного хищного зверя. Нравственными качествами они походят на башкир. Кто знает их ближе, те говорят, что мещеряки более кроткие, чем, башкиры и тверже их в вере своей, имеют более ясные понятия о правилах, заповеданных Магометом. Они и кочевать перестали гораздо раньше башкир и земледелием занимаются с большим рвением. Живут опрятнее, избы их чище и скот не бродит в метели и степные непогоды, а стоит в затуле на все суровое зимнее время. Прежние мещеряки отправляли казачью службу, теперь откупаются от этой службы деньгами. Живут они в губерниях: Оренбургской, Пермской и Саратовской (число живущих в Пензенской губ. незначительно). Прежде они платили поземельные деньги башкирам, но, оставшись верными правительству во время башкирских бунтов, от платежа этого были избавлены. Теперь земли, ими занятые, считаются их собственностью.

В губерниях Вятской, Пермской и Оренбургской особыми деревнями живут *тептяри*, образовавшиеся из шайки бродяг, собравшихся на Урале и в Башкирии после взятия Иваном Грозным Казанского царства. Тут были и татары, и черемисы, и чувашаи, и вотяки, оттого-то и теперь всякое тептярское колено говорит своим

наречием, которое клонит в ту сторону, чья деревня ближе. Живут они, как русские, и занимаются теми же самыми промыслами; когда земли числились за башкирами, они платили им поземельное; когда башкиры взбунтовались, занятые тептярями земли отданы им в полную собственность. Почти все они мусульмане.

Однородны с тептярями так называемые (в Пермской губернии) *бобыли* — народ, происшедший также от смешения монгольской крови с финскою. Разница в том, что в тептярях сильнее сквозит татарское племя, в бобылях — финское.

Всех тептярей и бобылей насчитывают до 275 тысяч душ; мещеряков до 125 тысяч душ; башкир до 600 тысяч. Но самое многочисленное из всех племен инопородческих, опередившее всех остальных своим умственным и нравственным развитием, племя некогда владетельное, теперь давно побежденное: это татары. Всех татар, живущих под разными наименованиями в России, Сибири, в Крыму и за Кавказом, насчитывают приблизительно до 1 431 000. Из этого числа живет татар в России 1 216 000; в Сибири 64 тысячи; на Кавказе 100 тысяч; в Крыму из 240 тысяч осталось, после недавнего переселения, только 50 тысяч. Всего же количества душ народов турецко-татарского поколения, считая в том числе мещеряков, башкиров, тептярей, киргизов, якутов, телеутов и туркмен, — около четырех миллионов душ.

VII

ТАТАРЫ

Татарин либо насквозь хорош, либо
насквозь мошенник.

Народное поверье

— Где был, князь?

— Волгам шатал, базарам гулял.

Касимовский бухарец. Казанский
сирота. Казанский нищий.

Народные прозвища

Князь, а князь! Возьми-ка тройчат-
ки (вилы): пособи навоз наваливать.

Народная насмешка

Татарин — свиное ухо, собака.

Народная брань

Велика была татарская сила и сильно их могущество, когда в половине тринадцатого века по Рождестве Христовом существовала Золотая Орда (или Кипчак). Ее составляли все земли на Волге, Великая Булгария, царства Казанское и Астраханское и все русские княжества. В Сарае на Волге была татарская столица и жили их ханы, из которых Узбек был самым жестоким для русских. Он строго взыскивал подати не только с мирян, но и с духовенства. огнем и мечом опустошал русские области. Великого князя Михаила, явившегося просить о пощаде, Узбек предал мученической смерти, убил его сына, который умертвил в Сарае виновника отцовской казни, Георгия. Когда тверские жители, встревоженные опасением, что их хотят обратить в магометанство, убили татарских послов, Узбек взял и разорил Тверь, умертвил или увел ее жителей в плен. По смерти этого злодея в татарских ордах началась резня:

один хан умерщвлял другого, сын не щадил отца; тысячи людей гибли на полях битв от оружия и в степях от голода. Когда Мамай убил хана и успел умиротворить орду, татары были до того слабы, что Московский великий князь Дмитрий Иванович Донской два раза одержал над татарами решительные победы. Последняя битва его на Куликовом поле, прозванная Мамаевым побоищем, ободрила русских и показала им, что с татарами можно бороться и побеждать их. Несмотря на то, что татары вторгались потом в Россию (Тохтамыш разграбил и разорил Москву, Едигей стоял под стенами ее и взял большой выкуп) — русским удалось разорить Казань (при царе Василии) и тем ослабить Золотую Орду. Побежденные ханы искали в Москве покровительства и находили его; русские пользовались их смутами и, разжигая распри, достигли наконец до того, что царь Иван III отказался платить дань и Русь уже больше не признавала над собою татарской власти. Золотая Орда распалась. В прибрежных землях Черного моря образовалась Синяя орда, основанная ханом Ногаем; Едигей в Крыму сделал крымских татар независимыми; в Казани существовало новое царство, в Астрахани — особое. Связь между татарами рушилась; отдельные орды жили уже только каждая для себя; уходились в набегах на Русь казанские и приволжские (Иван Грозный покорил оба царства); потом татары ногайские смирились, и только крымские дольше других беспокоили южную Россию нападениями, пользуясь тем, что за них стояла Турция и защищала их, как своих подданных. Во время войн с Турциею 1770—74 гг. Крым был завоеван Россией; последние татары смирились, и слух о татарских набегах начинает исчезать из памяти народной. За единый дух с русскими ведут теперь жизнь все племена многочисленных татарских народов, живущих на землях Русского царства. По роду жизни можно разделить татар на племена кочующие и оседлые.

Кочуют татары в степях сибирских и русских; но большая часть этого племени живет оседло. Из кочевых татар только дальние сибирские придерживаются языческой веры; все остальные татары исповедуют веру Магомета, принятую ими вскоре после того, как они перешли за Волгу и поселились в России.

На минусинских степях Енисейской губернии татары кочуют под различными наименованиями: *кайбалы* самые бедные, но тихие и смирные; *кизильцы* самые неопрятные и притом плутоватые в торговых сделках и всяких сношениях; *сагайцы* — хорошие земледельцы, но пристрастные к картежной игре, и *качинцы* — лучшие из всех, гостеприимные, честные и богатые скотоводы. Все они пристрастны к вину, вопреки общим татарским обычаям, но все свободны от преступлений, несмотря на то, что охотники до драк и кулачных боев. Красота не дана в удел этим татарам: ни мужчинам, ни женщинам. Все они черноволосы, черные глаза и приплюснутый нос прячутся в глубоких ямах, образованных припухлостью на выдающихся верхних скулах. Из этих двух ям глядит острый нос с расширенными ноздрями. Как кочевники, живут они стойбищами от 4 до 12 юрт, в близком друг от друга расстоянии, обыкновенно по берегам речек, но вдали от перелесков. Летом живут в обычных кочевых юртах, собранных из обручей и сошек, вроде клетки, которая накрывается снаружи берестой. На зиму татары переносят свои стойбища в места, закрытые утесами и холмами и защищенные от постоянных ветров. Здесь они строят низенькие срубы, под названием зимовьев, которые так же нечисты, как самые черные крестьянские избы. Мужчины смотрят за табунами лошадей и стадами рогатого скота; бьют зверей. Женщины приглядывают за коровами, из молока готовят сыр, масло, кумыс, копают в земле дикие корни для заготовки впрок и в пищу, катают войлоки.

выделывают кожи, некоторые прядут и вяжут. Одеваются татары незамысловато: зимой овчинный тулуп с каким-то клапаном на груди, а летом китайчатый халат. Богатые женщины красуются шапками с околышем черной лисицы; бедные носят просто белые колпаки на голове, а на плечах длинные рубахи, которые даже и не подпоясывают. Некоторые из минусинских татар крещены в православную веру, но не оставили весьма многих обрядов языческих. Крещены также (сто лет тому назад) татары *мелетские*, живущие оседло в Ачинском округе Енисейской губернии и совершенно следующие русским обычаям. Они прилежно занимаются земледелием, говорят по-татарски, но хорошо разумеют и по-русски. В том же округе между реками Обь, Енисей и Чулым издревле живут татары *чулымские*. Это смесь разных колен: похожи и на татар, и на монголов, особенно же на бурят; язык их смесь татарского с бурятским. Народ этот суеверен, недоверчив, груб, умеет воровать, и не считает за стыд грабить иноверцев, чужих. Чулымцы стараются жить оседло, но летом многие продолжают еще кочевать в юртах. С того времени, как стали зимовать оседло, многие сеют рожь, пшеницу, ячмень, овес и коноплю. Скотоводство у них ведется кое-как, плохонькое. Большая часть приняла христианство, но тайно прикармливают и шаманов.

* * *

В окрестностях Телецкого озера и в долине сибирской реки Бии (в Кузнецком округе Томской губернии) живут *телеуты* или *теленгуты*, иногда называемые белыми калмыками. Эти родоначальники самоедов, потомки народа телессов, внешним видом похожи на татар и на калмыков: лица плоские, волосы как смоль черные и телом сухощавые. Разделены на колена (аймаки), из которых каждое управляется своим старшиной. Язычники из них ходят с хохлатыми головами; магометане

бреют головы и носят татарские тюбетейки; но большая половина придерживается шаманства; христиан между ними мало. При постройке города Томска, как крепости против набегов диких народов, с телеутами спознались русские в первый раз. После того как они, теснимые и разоряемые киргизами, прибегли к помощи русских, они были обеспечены защитой. Теперь беззаботно и мирно живут они под властью России и приспособляют свою жизнь к обычаям русским. Кочевать перестали недавно, занялись земледелием, а в зимнее время извозом. Для последнего промысла отправлялись с лошадьми на Большую сибирскую дорогу и возили купеческую кладь из Томска в Красноярск или назад в Тару. Страсть к кочевой жизни, и здесь их не покинувши, выручила из всех невзгод скорбной жизни на родине.

***

Барабинская степь, или Бараба дает приволье для кочевых татар, носящих имя *барабинцев*. Эта страна открытая, низменная, отчасти болотистая, покрытая множеством озер и солончаками, тянется от реки Иртыш до верховьев Оби и от Алтайских гор до Туя, где она получает название Абацкой степи. Озера Барабы обильны солью; южная степь почти вся сплошь покрыта солончаками. Воздух ее, отравляемый болотными испарениями, летом нездоров для человека и скота. В жару почти ежегодно вспыхивает там язва, известная под именем сибирской, откуда она перешла и в Россию, губит скот, а в последнее время губила и людей не только в Сибири, но и в России, под Петербургом и в Новгородской губернии. Весною и осенью и в дождливое время степь становится мокрою и не менее губительною для всего живущего на ней. В летнюю жару она невыносима от туч всяких насекомых, из которых некоторые весьма ядовиты. Ни сетки, ни дымокуры от этих барабинских бичей не спасают. Никогда степь эта не

манила и не усаживала жителей: тамошнее татарское население ничтожно; русских заселяли насильно, с тою целью, чтобы связать населенные места по Иртышу с теми, которые завелись по рекам Оби и Томи ближе к Томску. Степь теперь населена только по Большому сибирскому тракту; тамошние поселенцы хотя и живут с достатком от обилия скота на тучных травяных пастбищах, но многие селения терпят недостаток в пресной воде и страдают от смертельных болезней. Барабинцы, похожие обликом на коренных монголов, но характером тихие, словно пришибленные и обиженные, летом кочуют со стадами; на зиму перебираются в избы; хотя и крещены в христианскую веру, но шаманства не покидают.

* * *

В песчаной и безводной степи между морями Каспийским и Аральским кочуют *каракалпаки*, народ, происходящий от ногайцев. Часть их живет в соседстве с киргизами и нравами своими от них не отличается: исповедуют ислам, занимаются больше грабежом и о земледелии не думают. Называются они этим именем потому, что обычно носят на голове колпаки или высокие шляпы, сделанные из шкур *черных* баранов. Часть каракалпаков живет около Астрахани в низовой стороне, примыкающей к городу Черному Яру; но здесь их всего до 70-ти мужчин и 60-ти женщин.

* * *

В астраханских степях больше всех татар, называемых кундровскими; живущих зимою в селениях Красноярского уезда; летом они выбирают в кочевья. Разводят верблюдов, лошадей, рогатый скот и курдючных баранов. Это — ногайцы, покоренные Петром Великим, отданные потом под власть калмыков; но когда некоторые калмыцкие роды бежали в степи, кундровские

татары непосредственно покорились русским. В пригородных слободах, а более по деревням Астраханского уезда, живут татары, прозванные *юртовскими*. Из них живущие в селе Туллан весной выбираются на кочевье; занимаются огородничеством, продажей лучшего винограда, рыболовством, разведением арбузов и скотоводством. Татары *емешные* (от емен — работник) жили и живут на землях, жалованных табунным головам и мурзам. Эти татары — потомки пленных, взятых астраханскими татарами в войнах с соседями. Туркмены, или *мангышлакские татары* (всего до 500 кибиток) живут постоянно в Астрахани и ее окрестностях и за неимением оседлости некоторые нанимают земли для кочевок у кондровских татар и береговых владельцев.

* * *

Ногаи, или *ногайские татары* — прямые потомки орд Чингисхана и первых его преемников, начали сливаться потом с татарами, но сохранили в себе больше последних чистую монгольскую кровь. Смешанно с татарами ногаи живут преимущественно в губерниях Таврической, Ставропольской и в стране, лежащей между реками Кубанью и Лабой. Здесь они приняли нравы и обычаи ближних соседей своих, кавказских горских народов. Некогда они составляли огромный народ, образовывали отдельное царство (Синяя орда); но тревожная жизнь в постоянных набегах и междоусобных войнах значительно уменьшила число их. С семидесятых годов XVIII столетия начали они вступать в подданство России. В несколько приемов правительство переселило их на нынешние места и между прочим в приазовские степи тех ногаев, которые под именем буджакских татар жили на Днестре и Дунае под турецкой властью. Все ногаи много сохранили обычаев старой жизни (родовую месть, житье в юртах, магометанство, отчасти страсть к набегам). Немногие ведут плотную оседлую жизнь и обрабатывают земли, и это преимущественно

ногаи Молочных Вод (Таврической губ.). Кавказским ногаям досталась степь, представляющая вид обширной равнины, спускающейся к Каспийскому морю. Четыре реки, стекающие с Кавказских гор, орошают все это пространство; по мелководью и малому скату равнин они верст через 20 по выходе из ущелий начинают теряться в камышах и, не доходя до моря, исчезают в болотах, образуемых их водами. На западной половине этой степи лежит узкая полоса, лучшая часть всей степи: берега рек опушены лесом, почва везде черноземная и при хорошей поливке плодородная. Но между этой полосой и сплошным болотом у моря залегла песчаная степь, поросшая высокими камышами по руслу рек, всасываемых землею; здесь-то и кочуют ногайцы, нанимая лучшие для пастбищ земли у татар-кумыков, поселившихся на юго-западной полосе. Платя по три барана с сотни голов, ногайцы по преимуществу живут скотоводством, редко в домах, чаще кочуют. Это народ малорослый, тучный, со смугловатым цветом кожи, впалыми глазами, приплюснутым носом, отчего ноздри кажутся очень широкими. Голову бреют, бороду отпускают, но она у них растет хуже, чем у татар; одеваются красиво в материи разнообразных цветов; жен держат как рабынь и во всем мало отстали от всех азиатских варваров.

У подошвы Кавказа, при Каспийском море, живут *кумыки*, также строгие мусульмане, также люди крепких татарских обычаев, но во многом отличные от ногайцев. Кумыки ведут жизнь оседлую.

ТАТАРЫ ОСЕДЛЫЕ

Оседло живут татары в губерниях: Казанской (430 тысяч), Оренбургской (250 тыс.), Самарской (150 тыс.), Симбирской (85 тыс.), Вятской (80 тыс.), Саратовской (50 тыс.), Пензенской (45 тыс.), в губерниях Тобольской

и Томской (сибирские татары, всего 40 тыс.), в губерниях: Нижегородской (37 тыс.), Пермской (35 тыс.), Тамбовской (13 тыс.), Рязанской ($5\frac{1}{2}$ тыс.), в земле Войска Донского (600 человек), в Костромской губ. (300 человек). В Москве торгуют и промышляют татары в количестве 300 душ, в губернии Петербургской 3500 человек. 8 тысяч татар живет в литовских губерниях, 6 тысяч в астраханских городах; 100 тысяч за Кавказом. До 600 человек татар постоянно торгуют в Бухаре, Хиве и Персии. В Крыму из прежних 250 тысяч осталось теперь 50 тысяч (небольшая часть их кочует в тамошних степях).

Все оседлые татары далеко опередили во всем своих кочевых родичей, и между ними *татары казанские* представляют лучший цвет и украшение всех татарских племен. Они же и многочисленнее, и смышленнее, и предприимчивее всех других. Самые отсталые из оседлых татары—сибирские и те, которые живут в лесах и в стороне от торговых селений и дорог.

Казанские татары и сходные с ними татары всех приволжских губерний совершенно утратили ту воинственность, которая некогда была страшна для целой России. Самый облик лиц их не имеет той угловатой, некрасивой формы, которая отличает монгольские племена. Татары частью смешали свою кровь с кровью соседних финских народов, частью с русскою: лица стали продолговатые, глаза серые, нос красиво выгнут; лоб почти у всех очень выпуклый; и только, может быть, одни длинные уши, которые торчат, да черные бороды, которые плохо растут, слабо указывают на их монгольское происхождение. Толстые шеи, широкие плечи и высокая грудь обличают в татарах крепкое и сильное племя; на этих плечах давно уже выносят они все тяжелые работы на судах, в городах и на площадях по Волге. Нижегородская ярмарка почти всей своей тяжестью, со всеми своими товарами и грузами, лежит на татарах и их ответственности.

Татары там и безропотные, скорые на труд работники и честные, неизменные сторожа и лавок, и палаток. Где надобится труд, за который русский попросит большие деньги и не вдруг на него согласится, там выручает татарин и за малое вознаграждение исполняет воловью работу. Их предпочитали и на перевозах через широкие реки; они же исполняют обязанности ломовых извозчиков во всех больших приволжских городах (в Казани же ломовые — сплошь татары). Помимо крепкого телосложения, татары отличаются и многими другими добрыми качествами: они честны по отношению к людям, доверившимся им; они трезвы по самому закону своему, воспрещающему все, что горячит и возбуждает кровь, и без того кипучую; трудолюбивы до того, что ни от какой работы не отказываются. Давно умея возделывать землю, татары и теперь во многих местах прилагают к ней большое рвение, хотя племя это показывает большую склонность к торговле и разным промыслам. В торговле татар отчасти выразилась их прежняя степная страсть к кочеванью, отчасти объявились новые свойства. Торгуют татары по большей части разносным способом и, как ловкие торговцы, не побоялись приладить свои дела там, где прежде их и без них идет торговля боевая, громадная, какова она, напр., в обеих столицах. К общим свойствам татарской торговли принадлежит то, что татары торгуют со страстью, с увлечением и с таким уменьем, что, напр., имена многих казанских татар славны на всю Среднюю Азию, известны даже на Кяхте и в Китае. Живущие в городах предпочитают торговлю всем другим родам занятий; приобретая капиталы, пристраивают их к заводской и фабричной промышленности. Казанские мыльные заводы известны целой России, татарские фабрики кумачей и бумажных товаров имеют большие обороты. Татары купцы ведут дела и в Бухаре, и в Хиве, и в Персии; татары купцы пристроились и на всех азиатских рубежах России, где в покупке рогатого скота

осиливают всех других торговцев. Выделка кож и сбыт их — любимый татарский промысел.

Страсть к торговле и изворотливость на этом скользком поприще породили то весьма важное обстоятельство, что между татарами редко встречается бедность; почти никогда не видать в татарских городах и селениях нищих. В редком доме не заметно довольства и некоторого изобилия, дающих татарам возможность быть замечательно гостеприимными, любить сытный стол и редко садиться за обед без мяса. Достаток и довольство сохранили в татарском характере некоторого рода гордость и честолюбие, некогда добытые победами и завоеваниями. Редкий татарин не называет и не считает себя князем и в наше время. Немало между русскими дворянами действительных князей, обрусевших на царской службе, но происходящих прямо от татарских родов.

Татары живут опрятно в силу того же довольства, подкрепленного заповедью пророка Магомета, положившею чистоту и опрятность в числе главных добродетелей для всех правоверных последователей его. Татарские избы всегда вымыты; стены выскоблены, печи белятся по несколько раз в году; на широких скамьях или нарах всегда постланы либо ковры, либо кошмы: стены украшены нарядными коврами; полки уставлены самоварами и фарфоровой посудой. Татары вообще, а татарки в особенности — страстные любители чая; у татарок самовар почти не сходит со стола, женщины не обращают даже внимания на то, что обычные их лицевые украшения: румяна и белила стекают; они снова утираются рушником и все-таки пьют чай целый день.

Опрятностью и теплотой жилищ татары значительно отличаются от русских; но всего больше успевают они перехвастать наших православных в том, что грамотнее их. Неграмотный татарин — везде большая редкость. Редкий семьянин не посылает детей в школу; при редкой мечети нет школы и мало встречается

таких деревень, где бы не торчал минарет, с которого утром и вечером приглашают мусульман криком на молитву Аллаху. Татарские школы — медресе содержат богатые татары: мулла — учитель. Он выучивает читать и писать, не за жалованье, а за подарки, по силе даяния: мукой, медом, чаем, новым халатом к празднику Сабан или Хайд. Таких приношений каждому казанскому мулле придется получить в год рублей на сто, но и за такое вознаграждение всегда ученый и весьма уважаемый слугитель медресе передает все правила веры и жизни, и раза по четыре в течение курса заставит перечесть всю священную мусульманскую книгу — Коран. Ученики живут в училище; если заболит, то тут же и отлеживается, учитель его сам лечит; если продырявилось платье, прорвались сапоги — учитель покажет, как починить и то, и другое. Ученье обыкновенно начинается с рассветом; учатся, читая уроки в нос, нараспев, жалобным голосом. Кушанье себе варят ученики поочередно в общем котле, напиваясь салмой или пельменями. Жены муллы учат девочек, и между татарками мало таких, которые бы не умели читать; у своих матерей татарки выучиваются всяким рукодельям и вышивают золотом себе сапожки и мужьям тюбетейки (ермолки), такие, что и торжковской работе не уступают.

Каждый татарин, по магометову закону, имеет право иметь нескольких жен, но самые богатые из казанских держат только двух-трех, держат их взаперти и на улицу не выпускают иначе, как под покрывалом. Татарка на чужого мужчину глядеть не смеет, показать ему лицо свое считается великим грехом. Впрочем, в последние времена богатых татарок и в театр русский возят мужья, и в Нижний на ярмарку, и в столицы; а в бедном татарском классе и уже давно не соблюдаются эти обычаи затворничества и прятков.

В Казани, где у татар и мечети богатые каменные, и дома по образцу столичных каменные с зеркалами

и вычурной мебелью — татары всего меньше походят теперь на своих родичей, а тем более на тех, которые живут в глухих местах, где нередко промышляют темным и недобрым промыслом кражи чужих лошадей. Городские татары начали даже отступать от коренных своих обычаев, да и деревенские, попадая в людные торговые места, изменяют заповедям Магомета. Московские купцы в Нижнем на ярмарке опиваются водкой, спаивают ею всех, наконец, споили ею и татар, из которых многие уже нередко, стали валяться в грязи так же, как валяются в ней их нелюбимые животные, запрещенные и проклятые пророком. Не с таким весельем отправляются теперь в Казани и все праздники татарские, некогда похожие на настоящие праздники диких кочевых народов. В начале всех бывает общий татарский праздник *сабан* на целую неделю, которая у татар начинается с пятницы. Татары борются, скачут на лошадях, поют и пляшут трезво и благочинно, да мешают русские, подпавая татар водкой. В первый день после поста рамазана татары справляют второй свой праздник — *хайд*: пекут пирожки, жарят их в масле и едят с медом. Самый пост соблюдается до того строго, что даже в сильную летнюю жару не пьют ничего (и не едят) до солнечного заката, а последнюю ночь на 27-й день поста проводят без сна. В эту ночь Магомет дал им Коран, и, по понятию татар, царствует на земле блаженство и спасение. В 27-й день татары одевают милостыней бедных, но, вместо узаконенной десятой части от всего имущества дают только десятую часть денег и товара (корысть истолковала магометову заповедь по-своему). Через два месяца после рамазана бывает праздник *курбан-байрам*, когда колют барана на одного человека и корову на четырех. Праздник этот — остаток язычества и старины стародавней, не исчезнувшей в то время, когда все другие языческие обряды в татарских племенах стали редки. Чаще встречаются они только у сибирских татар.

Сибирские татары Тобольской и Томской губерний обрусели больше других; крымские татары меньше всех свыклись со своими победителями и владельцами. В крымских татарах даже и монгольский облик лица сохранился свежее, в особенности у тех, которые живут в степи (крымские татары, живущие на северных скатах гор, больше похожи на русских, чем на своих соплеменников). Степи богаты различного рода растениями и представляют роскошные пастбища, и татары степные почти исключительно занимаются разведением скота. Богатство их состоит из овец обыкновенной породы. Некоторые разводят табак, выращивают дыни и арбузы. Татары Крымских гор вообще занимаются разведением фруктовых садов и огородов. Фрукты их находят сбыт у московских купцов; но большая часть истребляется на месте или скупается крымскими виноделами (Крым давно и по справедливости называется садом России). От такого рода занятий и от жизни в такой благословенной и счастливой стране и самая жизнь крымских татар сложилась иначе, чем жизнь прочих татар. Поутру, с восходом солнечным, во всех татарских деревеньках женщины выходят из домов с кувшинами за водой. После омовений мужчины идут в мечеть (женщины по запрету пророка туда не допускаются). В мечеть, стены которой обыкновенно голые и без всяких украшений (только полы покрыты коврами), татары входят не иначе, как снявши туфли и оставив их при входе. Мулла читает молитвы, поучает. «Молитва, — говорит пророк, — есть самая важная обязанность всякого правоверного, и ни одна молитва не угодна Аллаху без омовений». По выходе из мечети начинаются работы, которые продолжаются восемь часов. В то время татарское семейство завтракает хлебом, луком и чесноком. Мужчины закуривают трубки и медленно идут на работу. Ребята резвятся и играют свободно до восьми лет; девочки к ним не допускаются и остаются при матерях, которые учат их домашнему хозяйству

и рукодельям. В полдень татары часа два отдыхают и снова едят хлеб с луком. С солнечным закатом все работы прекращаются, все селение возвращается домой. Когда последние лучи солнца золотят Крымские горы, татары сидят с трубками у хат своих, прислушиваясь к рассказам стариков. Когда начнет опускаться на землю ночь, татары еще раз совершают омовение, женщины еще раз ходят за водой, и затем все засыпает.

Такою безмятежною жизнью не пользуются ни астраханские татары, живущие в тревогах барышей и волнениях корысти, ни литовские, больше всех татар утратившие свой коренной характер, живя в соседстве поляков в губерниях: Минской (3 тыс.), Виленской (около 3 тыс.), Гродненской ($1\frac{1}{2}$ тыс. душ), Ковенской (400 душ) и в Царстве Польском (200 душ).

В тревогах кочевой и разбойничьей жизни находим мы сродственное татарскому племени племя туркмен.

ТУРКМЭНЫ

На долю этого племени выпала несчастная местность между Каспийским и Аральским морем, там, где залегла песчаная и солончаковая степь и где кочуют самые дальние кибитки киргизов Средней орды. Теснимые этими постоянными врагами своими, туркмены, теряя пастбища, принуждены довольствоваться самыми несчастными местами и уходить на юг по соседству с Персией или держаться около берегов Каспийского моря. В том и другом случае они выигрывают мало: степь одна и та же с переносными песками, многочисленными солончаками и солеными озерами, такая же ровная и только в середине от одного моря до другого представляет возвышенную площадь. Это — Усть-Урт, по краям имеющий холмы, небольшие хребты, овраги и лоцины; при всем том он настолько крут, что в немногих только местах удобен для въезда на верблюдах. На высоте Усть-Урта та же голая степь с солончаками, безводная: колодцы, существующие кое-где как редкость, содержат воду на глубине сажен десяти и так немного, что одно небольшое стадо способно выпить ее всю, а новая вода накапливается очень медленно. Для питья она сносна и только отчасти солоноватого вкуса. Зато растительности во всей внутренней степи никакой, и только по окраинам ее, около морей и у границ с Персией является возможность туркменам строить аулы. Часть этих аулов принадлежит хивинскому хану, часть признала власть эмира бухарского и у того и у другого служат в войсках, находя в этом занятии единственное средство к пропитанию. Туркмены, ближние к персидским границам, хотя и признают над собою власть персидского шаха, но, разбойничьей жизни не покидая, нападают на персов, уводят их в плен: отчасти продают в Хиве, отчасти употребляют на свои работы. Туркмены, живущие по берегу Каспийского моря на острове Чиликен,

руками этих пленников добывают под землю горное масло или нефть, которая водится там в неисчерпаемом количестве. Украденных женщин берут себе в жены. Как давний разбойничий народ, туркмены до того изловчились в своем промысле, что умеют воровать персидских солдат из военного лагеря ночью и придумали такие лодки, которые мелко сидят и удачно прячутся в камышах от всяких преследований. Несмотря на то, что в нескольких верстах от туркменского берега на острове Каспийского моря (Ашур-адэ) стоит русская военная станция и морские суда наши зорко следят за грабителями, грабежи не прекращаются. Туркмены таскают к себе в неволю персов, как овец. Они же грабят и купеческие суда, даже русские. Вся жизнь туркмен этих сложилась так, чтобы грабить сначала, а потом стать купцом, торговать нефтью, смолою, солью, или уже не грабить и не торговать вовсе, но всю жизнь разбойничать, а если надоедят неудачи, то пойти на службу к хивинскому хану для такой же разбойничьей и тревожной жизни. Но персы еще настолько ленивый, забытый и беззаботный народ, но туркменский хан Кадыр, живущий в заложниках на русской морской станции, настолько не пользуется уважением своего народа, что туркмены еще долго будет довольствоваться богатой поживой около берегов персидских.

Только один из тысячи туркмен умеет читать и писать. Лошади, оружие, сражения и разбой — вот все, что наполняет жизнь туркмена. Только те, которые живут на реках, пахут землю, но весьма редко и весьма неохотно. Уход за лошадьми — главная их забота: лошадь для туркмена дороже жен, дороже детей, дороже его собственной жизни: она выручает из всех бед и опасностей разбойничьей жизни. На лошадях в полночь туркмены нападают на жилые места; на восходе солнца на караваны или на враждебные племена. Пленных привязывают ногами под живот лошади и, приведя

домой, надевают им на шею цепи. При набегах действуют так: пробуют раз, пробуют другой, на третий при неудаче возвращаются назад. Грабежи, однако, не сделали их богачами: в нищете туркмены рождаются, в нищете живут и умирают.

Те туркмены, которые кочуют ближе к киргизам и к русским владениям, несколько угомонились и живут смиреннее (некогда все туркмены изъявили желание подчиниться русским в количестве 42 тысяч человек, но дело не сладилось). Смирно живут эти туркмены и потому, что вблизи их аулов выстроилось укрепление русское, прозванное Ново-Петровским. Самое удобное место для кочевьев они находят вблизи Мангышлакских гор, где укрываются от неприятелей со всеми своими богатствами, состоящими из лошадей, верблюдов, рогатого скота и большого количества овец. Вечная вражда существует у них из-за пастбищ с соседними киргизами. Исповедуют они ислам, но, принадлежа к суннитскому толку, ненавидят всех остальных мусульман-шиитов, каковы персы и прочие.

Туркмены все небольшого роста; цвет лица желто-бурый, нос длинный и прямой, глаза черные, огненные. Живут в праотеческой простоте нравов и чрезвычайно гостеприимны. Главные их качества: лень, суеверие, гордость; но в то же время они храбры и безоружным оказывают великодушие. Женщины у них не в таком презрении и рабстве, как у других татарских народов. Замечательные по своей прочности и сходные по цене туркменские ковры — дело женских рук.

Некоторая часть туркмен, значительно выродившихся, живет в Астрахани и Оренбурге, где производят торговлю и мало чем отличаются от городских татар.

Всех туркмен, кочующих около Мангышлака и признающих над собою власть русских, считают около 500 кибиток, или 2 тыс. душ.

* * *

Перейдем снова в южные русские степи, где мы видели ногайских татар и увидим в ближнем соседстве с ними других инородцев нерусского племени: таковы немцы, поселившиеся колониями в степях саратовских, новороссийских и малороссийских; таковы греки, молдаване, валахи, живущие оседло в богатых степных городах и селениях. Там же мы найдем соплеменных нам славян, пришедших под нашу защиту из Турции: это болгары и сербы.

Не останавливаемся мы на них ради того, чтоб наш рассказ о народах кочующих закончить на народе, переставшем кочевать на глазах и на памяти нашей. Это — цыгане, преимущественно живущие в степях новороссийских и всего больше в Бессарабии.

IX

ЦЫГАНЕ

Фараоново отродье.

Цыгану без обмана дня не прожить.

Где жид не прошел, там цыган пролезет.

Цыган раз на веку правду скажет, да в то покается.

Цыган что голоднее, то веселее.

Кто цыгана проведет, тот трех дней не проживет.

Народные присловья

Не подлежит сомнению, что цыгане — выходцы из дальней Индии, где и теперь еще существует каста, состоящая из бродяг, не имеющих постоянных жилищ. Бродяги эти спят в палатках, плетут корзины, готовят крышки на горшки; женщины добывают деньги предсказанием будущего. Что заставило их покинуть родину — неизвестно, но пошли они в Европу, находили во многих землях приют и были терпимы, потому что, придя без всякой веры, притворно следовали той, которую исповедовал приютивший их народ. Проникли цыгане во все европейские государства, но не везде получали одинаковый прием. В одних местах их преследовали, как напр. во Франции; в Испании их приняли и они сильно распространились; в Шотландии также; в Италии, особенно во владениях папы, они не могут жить больше трех ночей на одном месте; в Австрии, у немцев, они имели право иметь своих королей; в Молдавии и Валахии их сумели сделать крестьянами и податными, здесь они забыли свой язык, нравы и обычаи.

В России, как и везде, цыгане появились в середине XV столетия; у нас их не преследовали и цыгане оттого сильно распространились. Любимым местом кочевьев их были новороссийские степи и в особенности Бессарабия; отсюда они таборами бродили по всей Рос-

сии, и когда мужчины уводили и перекрашивали крестьянских лошадей, женщины воровали кур, гадали и нахально выманивали деньги и все, что попадалось на глаза. Из Польши их за эти деяния выгнали. В России указом 1809 года запретили им бродяжничать; в 1839 году велено принять против этого решительные меры и положен окончательный срок 1 января 1841 года. Цыгане или поселились на казенных землях, или приписались к городам. Таборы их теперь почти исчезли; цыгане в городах живут обычным мещанским промыслом, предпочитая всем другим барышничество лошаадьми и коновальство. Только в больших торговых городах им удастся продолжать развеселую свою жизнь и с помощью хитрости и ловкости добывать себе пропитание. Они выманивают у гуляк деньги на дикуую пляску и дикие песни цыганские и изуродованные русские. Так, в Москве промышлял этим делом целый квартал, населенный цыганами и известный под общим прозвищем Грузин. Впрочем, и там теперь отходит на них мода и исчезает их слава: трудовая, честная жизнь приглашает и их в компанию с другими деятелями на общую государственную пользу.

Продолжают бродить цыгане только в южной России, где в ненарушимой чистоте сохраняют прадедовские обычаи. Веры никакой нет; тот и бог, что приносит пользу в жизни. Браков не знают; четырнадцати лет мальчик берет первую попавшуюся девушку и женится на ней; разобьют кувшин — и обряд брачный весь тут. Цыгане отвратительны, нечистоплотны, цыганки бесстыдны. В пище неразборчивы; едят даже и таких животных, которые околели. Те же обычаи отчасти сохранились и у великорусских цыган.

Мужчины носят казакины, стягивающие талию, женщины носят одежды самых странных и ярких цветов; иногда накидывают на одно плечо платок или шаль, оставляя другое плечо открытым. Самое строгое повиновение царствует в цыганских таборах и в то же время

известный надзор за нравственностью. Ни один цыган не смеет оставить табора без дозволения общества и в особенности без согласия главного начальника. Женщины не очень честны; живя в крайней бедности, они шляются по окрестностям, прося милостыню и гадая до сих пор, как всегда прежде. Любят вещи, служащие для украшения, больше самих денег и сами в свою очередь очень искусно плетут кольца и брошки из конских волосьев и бисера. Живущие в России исповедуют по большей части православную веру, живущие в западных губерниях и в Польше — почти все католики. Всех цыган считается в России около 24-х тысяч душ.

* * *

Одной родины и одного племени с цыганами те редкостные и замечательные старики, которые живут в монастыре Цуруханы, в 15 верстах от Баку, на Апшеронском полуострове, вблизи Каспийского моря. Старики эти — огнепоклонники, приходят они сюда молиться и беречь вечный священный огонь, над которым желающим слушать читают свои молитвы и подносят леденцы на закуску. Огонь — это воспламененный нефтяной газ, которого на том месте так много, что стоит немного раскопать землю палкой и приложить огня. Старики эти живут подаяниями любопытных, и нередко их можно видеть в толпе бакинских нищих, собирающихся на паперти бакинского собора. Прежде число этих огнепоклонников доходило до 20 человек; теперь живет не больше трех-пяти. Видимо, эта одна из самых древних вер на свете начинает исчезать с лица земли. Красивое и диковинное зрелище монастырских огней скоро исчезнет, а газ получил уже настоящее промышленное приложение. Он отопливает комнаты и светит работам на заводе, который как раз приладил свои стены почти вплоть к тому монастырю, где этот же газ и огонь принимают за бога, служат ему и поклоняются.

Некогда индийцы торговали в Астрахани, но теперь память о них осталась там только в названии Гостиного двора, но и он пришел в запустение и в развалинах своих скоро погребет и самую память об индийцах.

Торгуют в России бухарцы, хивинцы и ташкентцы в небольшом количестве душ, но они во всем сходны с татарами и мало напоминают те народы, от которых произошли и которые живут за киргизской степью своими большими независимыми государствами. Они так же принадлежат к народам татарского корня, как чувашаи и якуты, о которых мы рассказали, говоря об обитателях наших дремучих лесов. Впрочем, бухарцы и ташкентцы живут в Тобольской губернии деревнями и занимаются там хлебопашеством.

ГОРЫ

I

ГОРЫ

Как с северной стороны ограничивает Русскую землю море, на котором уже не селится человек, так с южной стороны полагают границы Русскому царству по большей части горы, за которыми живут народы, не подчиненные России.

В горах Большого и Малого Хингана протекает река Амур, служащая пределом сибирских земель и межвою гранью с землями китайскими: на правом берегу строят наши казачьи станицы; на левом берегу маньчжуры возделывают землю под пашни и травят своим скотом тамошние поля кочующие гольды и манегиры, признающие над собою власть китайского императора. На высоких горах Станового или Яблонового хребта намечены пограничные знаки и там (в Забайкальской области) стоят казачьи пикеты, выжидающие раз в году приезда китайских чиновников, чтобы обменяться взаимными любезностями и подарками, выпить китайской араки и русской водки и расстаться довольными друг другом до следующего года.

Горы — обычные и природные грани между двумя соседними государствами, стоят на рубежах и там, где кончаются русские земли минусинских татар, и там, где находятся кочевья сибирских киргизов, примыкающие к Каспийскому морю. Южные берега Каспийского моря служат нашу границу с Персией, точно так же, как южный берег моря Черного принадлежит Турции; но там высокий хребет гор, который залег между этими двумя морями, давно уже перестал служить пределом Русского царства. Весь хребет этот со всеми землями,

далеко лежащими за ним, считается в пределах России. Кавказский хребет имеет теперь только то значение, что он отделяет Европу от Азии, точно так же как и Уральские горы, которые в то же время отделяют Россию от Сибири.

Все русские горы, в особенности те, которые находятся в пределах Сибири, так называемые Нерчинские (отроги Станового хребта), как и Барнаульские с Кузнецкими (отроги Алтайских гор), а равно и Уральские горы, обилуют неисчерпаемым количеством всяких руд и между прочим содержат в недрах своих драгоценные металлы, каковы — серебро и золото. Русские горы — богатство России, каким не владеет ни одно из европейских государств. Медь и железо образуют часто сплошные горы, в особенности в Уральском хребте (горы Благодать, Магнитная и другие). Золото и серебро являются не только в виде жил внутри самых гор, но не перестают обнаруживаться и вблизи подошвы гор; а золотом еще сильнее обилуют берега тех рек, которые берут свое начало в этих горах и протекают потом по дремучим и пустынным сибирским местам, называемым тайгой. Такова тайга к северу от Саянских гор или Ханкай, идущих от верховьев реки Енисея до реки Селенги; золотые россыпи, найденные в 1839 году по берегам ее рек, — одни из самых богатых в свете. В преддвериях Алтая, в горах Колывано-Воскресенских, Кузнецких и Сабинских находятся богатые, серебряные рудники, медь, железо и свинец, а на северных подошвах этих гор разрабатываются золотые россыпи. В Нерчинских горах, обилующих по преимуществу свинцом, содержащим серебро и золото, золотистые россыпи опять в обилии залегают по берегам рек и речек, текущих из гор, каковы: Витим, Чикой, Кара, Кудея, Бальджа и многие другие. В Уральском хребте встречается золото жилами (на Березовских рудниках), а на восточных покатостях, сверх неисчерпаемого богатства всяких

руд, попадаются драгоценные цветные камни: топазы, аметисты, изумруды и даже иногда алмазы. В особенности богат хребет яшмой и большими массами малахита, находимого при разработке медных рудников. Минеральные богатства Кавказских гор еще до сих пор мало исследованы и мало разрабатываются (на одном заводе серебро, в одном месте промывается золото); но зато эти горы изобилуют минеральными источниками или целебными водами. На северной стороне хребта в окрестностях Пяти гор источников серных, железных и углекислых вод соединено в одном месте столько, сколько разбросано их по пространству целой Европы.

Подземные богатства всех этих гор не оценены надлежащим образом теми окрестными жителями, которых судьба поселила в соседстве в незапамятные времена. Остяки, вогулы и самоеды до сих пор бродят на Уральских горах только за лесным зверем и птицей; полукочующие башкиры приходили на золотоносные уральские реки только за тем, чтобы напоить стадо, и останавливались на их берегах только потому, что находили сочные травы. С той же целью и по тем же причинам не сплотилось население и в Алтайских горах, и в Нерчинских. Как телеуты и татары выходят из Алтая на травяные долины, так ушли прочь и дальше от Нерчинских гор буряты, тунгусы и монголы, которым любезнее степное приволье. Целые столетия горы оставались нетронутыми и непочатыми; только защиты от зимних морозов искали в них кочующие и бродячие племена народов (и то некоторые), но не остановились в них на постоянных жилищах, не образовали горного населения. Когда Сибирь стала подвластна России, по казачьим следам прошли в нее промышленные люди; на берегах рек установились прочные, постоянные поселения русских людей. Отхожие промыслы за пушным зверем навели их на земные сокровища: новые посе-

ленцы прознали про золото, добрались до серебряных руд; сказали об этом в Москве. Русские цари признали эти земли за собою, объявили их казенными и велели добывать драгоценные металлы на себя. Для добычи (серебряных, а потом и золотых) руд стали из Москвы посылать ссыльных преступников; начали строить заводы, заводить селения. Сибирские горы оживились там, где руды оказались богаче, и за двести лет устроились людные большие селения, даже города. В наше время русское население стало прочным и главным везде там, где под землю находятся пласты драгоценных металлов. Часть этих богатств казна оставила за собою, часть золотоносных земель отдает за узаконенную пошлину промышленным людям, с правом промывать золото и сдавать его в казну за положенную законом плату.

Таким образом правительством были населены Алтайские и Нерчинские горы, отчасти и Уральские. Население их произведено было с исключительною целью добычи рудных богатств и остановилось теперь потому, что лишние руки показались ненужными. Жителей сибирских гор составляют по преимуществу заводские работники, исключительно почти русские люди, и при том — сравнительно с горными пространствами — в числе весьма незначительном. Свободных земель очень много; незаселенным местам числа нет, как в горах Алтайских, так точно в горах Уральских и Нерчинских.

Совсем иную картину представляют и иной имеют вид Кавказские горы. В них мы не находим рудных богатств, но на них встречаем давнее, в незапамятные времена образовавшееся население, состоящее из множества разноплеменных народов (числом больше ста племен).

Здесь, на этих горах, мы и остановимся, чтобы продолжать и окончить рассказы наши об инородческих племенах, подвластных Русской державе.

КАВКАЗСКИЕ ГОРЫ И ГОРСКИЕ НАРОДЫ

Полоса земли, пролегающая между двумя морями, Каспийским и Черным, и известная под именем Кавказского перешейка, на три четверти своего пространства изрыта высочайшими горами Кавказского хребта. Главный хребет идет от устьев реки Кубани, впадающей в Черное море, и тянется на протяжении тысячи с лишком верст, имея в ширину 200 верст. Горы круто стоят над водами Черного моря; приближаясь к Каспийскому морю, они начинают разбиваться на холмы и, врезавшись в него длинным, Апшеронским полуостровом, продолжают идти под водой, обнаруживая свои вершины над поверхностью воды в виде островов. Таким образом Каспийское море представляет как бы горб в середине, разделяющий его на две половины: глубокую — южную и мелкую — северную.

В середине протяжения своего по перешейку Кавказский хребет гор достигает наибольшей высоты. У истоков Кубани стоит одна из высочайших гор на свете, Эльбрус, поднимающийся на пять с половиной верст; у истоков реки Терек находится другая высочайшая кавказская гора, Казбек, имеющая в вышину до 2 360 сажень. По северному отлогому свесу гребня лежат вечные снега и ледники; на юге горы переходят в холмы. Северные отроги гор исчезают в степных солончаковых пустынях, населенных кочующими народами; южные холмы принадлежат счастливым странам Грузии и Закавказья, обитаемым оседлыми народами. Внутри, в горах, лежат глубокие долины и котловины, замкнутые переплетающимися отрогами так, что представляют недоступные местности, затрудняющие переход через горы. Поперечных долин нет, свесы гор необычайно круты, и вся горная местность пимеет дикий вид и представляет на всяком шагу неодолимые преграды

для прохода с севера из России на юг — в Грузию и Закавказье. Но сверхъестественными усилиями русских, послушными и терпеливыми руками кавказских солдат преграды осилены и препятствия удалены. Отбиваясь от набегов хищных горцев и испытывая всевозможные лишения и страдания, русские войска на Кавказе сумели прорубить два прохода: один вблизи Каспийского моря — Дербентский, другой в середине горного кряжа — самый трудный: так называемую Военно-Грузинскую дорогу. Это последнее сооружение справедливо считают одним из новейших чудес света, где на каждом шагу дивишься гигантским трудам строителей, положившим здесь свои лучшие силы — остаток от тех, при помощи которых теперь Кавказ завоеван и замирен. Те же войска топорами рубят просеки, ломами и заступами разбивают каменные горы для двух новых дорог, из которых одна соединит Россию с Закавказьем вблизи Черного моря; другая пройдет в Дагестан, в соседстве с Каспийским морем.

Вершины Кавказских гор, лежащие гораздо выше облаков, представляют целую область снегов, из которых берут себе пищу все реки, текущие в два соседних моря. Но кавказские реки — не что иное, как короткие и быстрые потоки. Если на горах тает снег, горные реки мчатся с ревом и пеной, разрушая и размывая все на пути: ворочают камни, вырывают с корнями и несут целые деревья, смывают целые селения. Во все другие времена они прыгают по камням с такой незначительной массой воды, что по ним безопасно проезжают вброд. Быстрые в истоках и похожие больше на непрерывный ряд водопадов, кавказские реки, попадая в степи, утрачивают там свою силу, часть из них спокойно достигает до моря (Терек, Самур, Сулак, Кубань), часть пропадает в песках и, не достигнув морей, начинает теряться в камышах и совершенно исчезает в болотах (Кума с Подкумком и три реки в кумыкской степи). Быстрота течения, засыпанные огромными

камнями русла со множеством древесных пней делают кавказские реки неудобными для судоходства и только в нижних частях Кубани, Риона и Куры могли пустить небольшие плоскодонные пароходы. Зато эти же самые речные устья представляют места, богатые рыбой, доставляющей обильный лов.

Рассматривая страну Кавказа вообще, мы находим поразительное разнообразие во всем: и в климате, и в растительности, и в почве, и в обитателях.

У подножия Кавказских гор лежат обширные пустыни и бесприветные степи с сухим воздухом: нестерпимая жара без дождей летом, сильный холод с неистовыми вьюгами-буранами зимой, сыпучие пески попеременно с солончаками; низменные болотистые места обросли камышом, в которых гнездятся кабаны или дикие свиньи. Только кое-где вырастает соленая степная трава: люди кочуют с места на место, не успевая и не умея сесть и стать оседлыми. Но по мере того, как степные пустыни приближаются к горам, почва земли становится хлебородною; вырастают леса; тучный чернозем едва разрезается плугом, запряженным двенадцатью парами волов; дожди, приносимые с гор, идут в изобилии; воздух делается весьма сырым и теплым; зимы здесь не знают; засух не бывает, но влажная почва и сырой воздух ролят изнурительные и упорные лихорадки, от которых страдают тамошние жители, сделавшиеся в этих местностях оседлыми. Лихорадки губительны как на северных покатостях Кавказа, около Черного моря (на Кубани) и около Каспийского моря (в Дербенте), так вредны и упорны они и по ту сторону гор в низменности города Ленкорани и реки Куры, и в низменностях реки Риони и города Поти. Зато растительность этих мест роскошна и разнообразна: густые девственные леса, состоящие преимущественно из красного бука, перевиты голубыми и белыми гроздьями винограда. По всему вероятно, здесь родина виногра-

да, который хотя в диком виде и мелок, но тем не менее весьма приятного вкуса. Особенно обильны этим растением южные закавказские местности; но немало его растет и в предгорьях Кавказа на севере, по реке Тереку, где город Кизляр издавна славится на всю Россию своею виноградною водкой — кизляркой.

Выходя из сочных и плодоносных равнин, кавказские леса восходят на горы, усеянные деревьями плодовыми, дикорастущими: яблонями, сливами, вишнями, кизильником, крыжовником; каштаны растут целыми лесами; весьма редко встречаются береза, ель, сосна и пихта; уединенно растут чинар и клен, но зато кипарисные можжевельники покрывают все горы в изобилии. Поднимаясь до высот, деревья обращаются в кустарник, уступают место свое ягодным растениям севера, которые вьются уже по голым гранитным камням. На них уже тотчас лежат исчезающие громады снегов, которые подтаивают в несколько лет до того, что рушат вниз губительные обвалы, которые на несколько недель заваливают долины, останавливают реки в их течении, разрушают до основания большие селения, губят людей и скот. Обвалы Казбека совершенно уничтожают воды Терека на несколько дней и на несколько недель прекращают сообщение России с Закавказьем и Тифлисом, когда снег завалится в Дарьяльское ущелье, по дну которого мчится Терек. По берегу Терека идет знаменитая Военно-Грузинская дорога.

Горные леса густы и непроходимы: чернолесье преобладает на склонах, но выше семисот сажен от поверхности моря на горах начинают расти хвойные деревья. Тут и там находят себе убежище многие породы диких животных: соболи, песцы, куницы, медведи, дикие кошки, дикие олени, бараны и козы, даже зубр, представляющий в Европе замечательную редкость и живущий только в Белоруссии, в Беловежской Пуще, под самым бдительным надзором.

Такова родина отважных кавказских племен, среди которой они закалили свою жизнь; сделались отважными и деятельными и, вступив в борьбу с таким могущественным соседом, какова Россия, в течение более чем пятидесяти лет отстаивали свою независимость и не отдавали в чужие руки свои родные горы. Нашему времени выпала на долю окончательная победа над горскими племенами, когда, таким образом, весь Кавказский перешеек считается принадлежащим России. Перешеек этот с самых незапамятных времен служил местом, через которое переходили многочисленные и разноплеменные народы из Внутренней Азии в Европу; прошло здесь и то белое племя, которое населило всю Европу и к которому принадлежат наши предки — славяне.

В течение целых тысячелетий Кавказский перешеек служил станцией для различных народов. Приходили сюда одни: располагались на роскошной местности, готовы были остановиться, но сзади надвигались новые племена, вытесняли первых; одна часть их уходила вперед; другая, теснимая и преследуемая, искала убежища в соседних горах. Вторую партию пришельцев постигала та же участь, и она, спасаясь от преследований победителей, оставляла в горах некоторые остатки своих соплеменников. Такие переселения продолжались почти до наших времен и послужили поводом к тому, что Кавказские горы населены разноплеменными народами: из них одни сохранили первобытное, полудикое состояние и язычество; другие забыли всякую веру и теперь не имеют почти никакой; третьи, по-видимому, были когда-то христианами и вера их представляет смесь странных обычаев с христианскими, у четвертых рядом с патриархальными чистыми понятиями существуют обычаи разбойничьи, грабительские. У некоторых народов нет никаких правителей, управляют сами целым миром и живут независимой общиной; у иных находим князей, беков, которым, как владельцам и сильным людям, все племя слепо и безропотно под-

чиняется; многие народы образовали целые ханства или государства. Эти ханства имели свои счастливые и несчастливые времена: были на вершине могущества и славы, испытывали невзгоды упадка и бедствий. Некоторые из них, чувствуя свое бессилие, чтобы удержаться против предприимчивых и воинственных племен горских народов, одно за другим начали искать помощи и покровительства России. В 1726 году покорился хан кубанских татар; в 1775 к России присоединились обе Кабарды — Большая и Малая. При императоре Павле изъявило такое же желание Грузинское царство, теснимое с севера горцами, с юга турками. С тех пор как в 1802 году Грузия навсегда присоединилась к России, наши войска начали бороться с беспокойными племенами горцев. С целью упрочить владения за Кавказом борьба на Кавказе сделалась постоянной. Потребовалось много времени, много усилий, много крови с обеих сторон, чтобы улеглись беспокойные силы горцев, чтобы Россия успокоилась на том, что Кавказ замирен и безопасен. Заботясь о проведении дорог, чтобы вконец отнять у горцев возможность к быстрым и отчаянным набегам и грабежам, Россия в настоящее время начинает заботиться и о том, чтобы возобновить на Кавказе христианскую веру. До сих пор там только грузины и одноплеменные с ними имеретинцы, армяне и весьма немногие горцы исповедуют Христову веру, над которою в последнее столетие взял там верх ислам, учивший ненавидеть христиан и всеми мерами и средствами преследовать их и истреблять. Один Шамиль сколько бед наделал во славу и во имя Магомета!

Одинаковые условия жизни в горах, которые в то же время сами так однообразны, так похожи одна на другую, отчасти самая вера, а всего больше опасное положение посреди сильных и враждебных соседей с двух сторон, послужили причиною к тому, что в характере горцев образовались многие схожие черты. Отметим главнейшие из них.

Прежде и сильнее всех других качеств развита в горцах горячая любовь к родине и независимости. Ради нее горец всегда вооружен и всегда наготове вступить в бой со всяким, переступившим границы и пришедшим в горы со злым воинственным намерением. Когда горы были взяты, горцы охотнее согласились покинуть их и переселиться в дальнюю Турцию, где ожидала их голодная смерть со всеми ее ужасами. Воинственные склонности победили в нем все остальные: с малым старанием занимается горец земледелием, несмотря на то, что родная почва вознаградила бы труд его сторицею. Только одно скотоводство считают для себя горцы благородным занятием, потому что овцы дают ему пищу и одежду, а с ними пасутся и лошади, в которых вся жизнь и счастье каждого горца. В хорошей лошади и в хорошем оружии он видит лучшие богатства, лучшие сокровища жизни, в телесной силе и храбрости полагаются самые высокие качества человека. Среди скал и снежных гор своей родины горцы живут в совершенном уединении, внутри своей семьи и не имеют часто никаких сношений с соседями. Беспечность и леность и все происходящие от того пороки стали их неотъемлемой принадлежностью и вовлекли их в крайнюю нищету и бедность. Дома они довольствуются самою скудною пищею, живут в самых бедных и несчастных жилищах, называемых саклями. Появление русского войска или отряда кочевых наездников одно способно было пробуждать сонливую жизнь аулов: тогда все быстро поднимались на ноги и седлали коней. До того, как и теперь, жизнь горских селений или аулов течет скучно и однообразно. На женщинах лежат все хозяйственные работы; между тем мужчины большую часть времени проводят на сборном месте аула или подле мечети, где рассказывают о своих хищнических набегах, иногда задевая других и вызывая их на кровную месть. Только у чеченцев и у черкесов женщины не испытывают та-

кого жестокого обращения, какому подвергаются они у лезгин.

Все горцы удивляют ловкостью и неутомимостью в верховой езде, искусством накидывать аркан, уменьем на самом быстром скаку скользить с лошади, чтобы схватить с земли кольцо или монету. Искусство владеть оружием, метко стрелять — составляет главную заботу и обязанность каждого мужчины. В этом занятии проходит большая часть времени, и оттого всякий горец с красивым станом ловок и проворен в движениях, имеет мужественную осанку; к тому же он одет легко и удобно. Пользуясь всеми природными и приобретенными дарами, редкий из них не старался искать случая воспользоваться ими и еще не так давно обдумывал планы к нападению и грабежу. Решившись на набег, бесстрашный и предприимчивый, но хитрый и дальновидный, горский наездник покрывал на лошади огромные пространства с непостижимой быстротой и являлся как снег на голову в назначенном месте, довольствовавшись в пути какою-нибудь горстью кукурузы.

Чем сильнее опасность, чем безвыходнее бывало положение горцев, тем охотнее пускались они на отчаянные средства. До сих пор памятен на Кавказе случай, когда отрезанные от своей шайки горцы накинули на глаза лошадей бурки и бросились в реку Кубань с целью: или погибнуть в волнах, или достичь противоположного берега. Но рядом с бешеной храбростью, доходившей до запальчивости, до безумия, нередко достаточно было ничтожного повода, чтобы у наездников храбрость обратилась в трусость и вся дикая толпа пускалась, вместо нападения, в отчаянное бегство. Во всяком случае, нападая на русских, горцы имели то убеждение, что имеют дело с гяурами (неверными), истреблять которых — первая обязанность всякого правоверного мусульманина. Эту страсть поддерживали постоянно в народе и сильнее разжигали. при нужных

случаях все начальники и все муллы. Приготовившись к набегу, горцы обыкновенно производили нападение неправильно, нестройно: дрались по большей части на лошадях и врассыпную. С особенною ловкостью они умеют воспользоваться местностью, завлечь неприятеля в самые неодолимые засады, ослаблять его беспрерывным огнем из винтовок и потом, при малейшем расстройстве, ринуться на него плотной стеной, с шашками в руках и с дикими криками. С поразительной ловкостью дрались лезгины в селениях или аулах, чеченцы в лесах; из них убыхи отличались в набегах особенною храбростью и дерзостью и поражали русских необычайным мастерством владеть лошадью. Им ничего не стоило кинуться на штыки русской пехоты, тотчас на всем скаку повернуть лошадей и исчезнуть из глаз с быстротой молнии.

Таковы горцы в набегах: дома они отличаются замечательным гостеприимством. Для горца всякий путник, переступивший порог сакли, становится кунаком — лицом священным и неприкосновенным. Его ласково встречают, радушно угощают бараниной, молоком и всем, что составляет обычную пищу хозяев. Ложится путник на мягкое ложе; выезжает из селения с проводником. Перед всем народом хозяин отвечает за безопасность своего гостя. Кто не умел уберечь его от беды, того прежде судили и наказывали; в случае надобности хозяин обязан был жертвовать жизнью своею за гостя. Забывать обиды и оскорбления у всех горцев считалось позором; мщение за обиду полагалось в числе коренных и главных добродетелей. В случае убийства или раны обиженные искали средств отомстить не только виновному, но и всему его роду. Дети и родные мстили кровью за кровь.

Большая часть горских селений (а в Дагестане все без исключения) построены полукругом на высотах, почти недосыгаемых. Улицы аула так неровны и до того узки, что два всадника не могут ехать рядом. Дома поч-

ти все состоят из двух жилищ и так близко примыкают один к другому, что плоская крыша одного служит балконом для другого. Наружная стена аула представляет непроницаемый и непрерывный забор и только узкие улицы аула служат теми путями, по которым можно проникать в селение. Верхние этажи снабжены возвышениями, из-за которых удобно стрелять и за которыми легко скрываться. Аул, кроме того, защищен еще башнями. Вдоль стены по террасам разведены сады; в редком ауле нет мечети.

Всех кавказских горцев разделяют на пять главных племен, из которых каждое составляют несколько народов.

Первое горское племя — абхазцы, или азра, из пяти народов.

Второе — адыгейцы, или черкесы: 32 народа.

Третье — чеченцы, или кисты: 14 народов

Четвертое — лезгины, или авары: 36 народов.

Пятое — осетины: 16 народов.

АБХАЗЦЫ, ИЛИ АЗРА

Пять абхазских народов живут на берегу Черного моря, между реками Ингури и Бзыбь на роскошных землях, богатых разного рода плодами (виноградом, персиками) и хлебами (кукурузою, гоми), но в диком состоянии, потому что жители не умеют заниматься садоводством и земледелием. Некоторая часть жителей живет еще в грубых нравах старины. Большая часть покорила Россию еще в 1808 году и хотя возмутилась в 1824 году по наущению Аслан-бея, но мятеж был скоро усмирен.

Развалины церквей и монастырей, сохранившиеся в Абхазии, доказывают, что народ некогда исповедовал христианскую веру, которая потом была полузабыта. В начале прошлого столетия турецкий султан, желая приобрести влияние на весь народ, прислал сюда муллу проповедовать учение Магомета (Коран). Муллы успели отклонить абхазцев от христианства, но не совсем внушили правила своей веры, так что вера абхазцев представляет смесь обрядов языческих, магометанских и христианских. В Самурзакане есть христиане; в Цебельде все население состоит из мусульман. Из всех горских племен абхазское самое грубое, во многом уступающее своим способным соседям, каковы мингрельцы и имеретины.

Знаменита Абхазия на Кавказе своими рудами (свинцовыми), которыми пользуются все, кому угодно, и ароматным медом, произведением диких пчел. Сами абхазцы хорошо готовят оружие из нежной стали, известной своею добротностью и порядочно готовят порох из собственной же селитры. Вот все, что можно сказать про этот народ, забалованный дарами природы до того, что представляет грустное зрелище лени, беспечности и неподвижности. В то же время они

мстительны, любят кровь и грабежи. От черкесов, абхазцы отличаются даже наружностью: они сухощавы, среднего роста, с неправильными чертами лица, которое у них смуглее, чем у всех других горцев. В глазах заметно дикое, неприветливое выражение. Живущие на равнинах подвержены частым болезням, между которыми туземные лихорадки убийственны. Зато в горах климат здоровый.

Всех жителей в Абхазии насчитывают до 125 тысяч душ.

АДЫГЕЙЦЫ, ИЛИ ЧЕРКЕСЫ

Под именем *черкесов* разумеют во всей России все враждебные нам племена горцев, и хотя в наших кавказских войсках всякий горец называется татаринном, тем не менее собственно черкесы — это племя *адигэ* (адыгейцев), населяющее западную половину Кавказских гор вплоть до берегов Черного моря. Тридцать два народа составляют многочисленное черкесское племя (числом до 380 тысяч душ). Самые многолюдные из этих черкесских племен: *шапсуги* (большие и малые), рассыпанные по северному склону Кавказа у низовьев реки Кубани, в количестве 160 тысяч, *абадзехи*, живущие на горном склоне, обращенном к Черному морю, и *кабардинцы* (Большой и Малой Кабарды), обитающие на северном склоне, у подножия Среднего Кавказа. Из других племен замечательны упорною борьбою, с русскими войсками только недавно покорившиеся России, *убыхи* (на самом берегу Черного моря) и *натухайцы* (за рекой Кубанью), огромными толпами переселявшиеся в последнее время в Турцию. Менее других известны *хакуши*.

Не подлежит сомнению, что черкесские племена обращены были некогда в христианство теми же греками, от которых принята вера и в России. До сих пор указывают в горах курган «Лесистый», где, по преданию, жил первый, пришедший из Греции епископ; до сих многие дворянские роды производят себя от греческих священников. После падения Византийской империи, когда в горы перестали посылать новых епископов, стала ослабевать там христианская вера и вконец исчезла, когда в 1717 году крымские ханы Девлет-Гирей и Хазы-Гирей стали огнем и мечом распространять среди черкесского племени ислам. Многие православные священники были убиты, книги сожжены, а пастырские жезлы их рас-

хищены и раскиданы. В 1830 году только у одного узденя сохранилось греческое Евангелие и уздень этот был последним из умевших читать его. Когда русские рыли ровы для крепостей, то находили в земле медные распятия и в глиняных черепках уголья и ладан. Народ до сих пор сохраняет еще предание о том, что предки их почитали пророка Аус-Герга (греческого Иисуса), пророка Илию, Моисея, царя Давида; что весною некоторое время воздерживались от мяса; что около того времени бывал большой праздник, когда пекли особый хлеб с изображением Троицы; что тут же ели яйца и сыр. Помнят также, что если ставился подле дома или сада крест, то никто не смел входить в дом или срывать что-либо в саду, и прочее. Магометанские обычаи все это затемнили; все остатки христианства уничтожили; мусульманская вера не пощадила даже и коренных народных обычаев. До того времени народ не имел никакого устройства и думал, что свобода — лучшее благо для человека. Всякий избирал место жительства и строился где хотел. В семействе старший имел власть неограниченную: отец над детьми, муж над женой, брат над сестрой. В важных случаях единоплеменные сходились для совещаний и избирали вождей. Совершив общее дело и воротясь домой, всякий снова считал себя господином в своей хижине. Впоследствии заведен был кое-какой порядок, учрежден был суд из старейшин; стариков стала слушаться и решению их подчиняться только в таком случае, когда весь народ в собрании своем решал дело точно так же, как они приговорили. У некоторых племен народными делами управляли дворяне.

Когда укоренилось магометанство, вскоре затем начали вводить между горцами и те законы, которые предписывала вера, между прочим, шариат, заключающий в себе правила для домашней и общественной жизни. По шариату решались споры и тяжбы, назначались наказания за преступления и обиды в частном быту, предписывались самые строгие правила веры: пять раз в день намаз (молитва), раз в жизни обязательство

сходить в дальнюю Мекку на поклонение гробу пророка (Магомета), известные приношения в пользу начальников, духовных лиц и бедных и проч. С введением шариата вся власть над народом перешла в руки духовных лиц. Улемы, кадии, муфтии и муллы вмешивались во все дела народа, даже в семейные, и чтобы приохотить народ к суровым законам шариата, не щадили самих себя. Кази-мулла, введивший шариат в Дагестане между лезгинами, замеченный со своими товарищами виновным в пьянстве, — велел по шариату вложить себе в спину всенародно сорок палочных ударов. Так же действовал и Шамиль, ученик и товарищ Кази-муллы, не избавивший себя от всенародного битья за прегрешение. Народ приходил в изумление от этих деяний и начинал принимать правила шариата, когда бесчисленные последователи Кази-муллы пошли с проповедью по аулам, нередко прибегая к разным штукам и фокусам, которые диким народам казались чудесами. Проповедники эти назывались *мюридами*, учение их мюридизмом. Скоро этот новый толк или секта магометанства распространилась по всем горным лезгинским аулам в Дагестане, особенно с тех пор, как взялся за это дело Шамиль. Шамиль успел так овладеть народом, что приказаниям его слепо повиновались; с ним горцы шли на самые невероятные подвиги и творили чудеса храбрости. Русские первыми почувствовали, что в горах многое изменилось: все пошло не так, и самые шаги храбрых войск наших стали укорачиваться и замедляться. Это было во времена Ермолова. Надо было удвоить свою бдительность, чаще становиться на стороже, потому что мирные горцы начали предавать и уходить в горы к немирным. В самой верной и давно покорившейся Кабарде ~~оказалась~~ оказалась измена, за ней следом сильнее прежнего зашевелились все сродные ей племена черкесские на всем протяжении от Пяти гор до самого Черного моря: Шамиль задумал соединить

все горские племена воедино и послал к черкесам своих мюридов.

У черкесов проповодывали шариат посланцы Шамиля: Хаджи-Магомет, Солиман-эфенди и Магомет-Аминь. Последний в наше время уже покорился и уехал жить в Константинополь к турецкому султану: он из этих троих больше всех наделал бед и тревог русским в этой стороне Кавказа. Абадзехи, бежавшие кабардинцы, бисленеи, махоши — первыми подчинились учению Магомет-Аминя, несмотря на то, что учение Шамилева мюридизма было им не по сердцу и не по понятиям. Но Магомет-Аминь стал проповедовать равенство и склонил их на свою сторону. Он стал стремиться к тому, чтобы взять всю власть в свои руки и иметь потом возможность собрать против русских большое войско. Обстоятельства ему благоприятствовали вначале, но они же изменили ему потом.

В марте 1853 года за Кубанью среди шапсугов явился человек, одевавшийся всегда в белое платье, по имени Абдулла-эфенди, который старался между безграмотными горцами устраивать школы для мальчиков: учил их читать и писать. Он думал даже образовать новую секту, но потом ограничился тем, что начал действовать преимущественно среди племен, покорившихся России, а когда узнал об успехах Магомет-Аминя — явился к нему и предложил свои услуги. Магомет-Аминь послал его к шапсугам и вскоре был близок к своей цели, но натолкнулся на противника. Это был Сефер-бей, начальник натухайцев.

Сефер-бей при взятии Анапы в 1807 году был захвачен русскими в плен, но из-под стражи бежал в Турцию, поступил там на службу и в чине полковника снова попался в плен к русским во время войны 1829 года. Получив позволение вернуться на родину, Сефер-бей отправился опять в Турцию, к султану, со многими другими черкесами просить помощи против русских. До Крымской войны он оставался там, но во время войны в

звании паши вернулся к своим. С Магомет-Амином он не сошелся и не поладил. Абадзехи с соседями держали сторону Шамилева друга; натухайцы — Сефер-бея; шапсуги остались ничьими. Согласия между черкесскими племенами не было, между тем русские войска начали счастливо воевать на Кубани и, пользуясь смутами горцев, наносили им сильные и частые поражения. Вдруг в это время поражает всех горцев известие о том, что Шамиль сдался и взят в плен. Вести войну было невыгодно, тем более, что русские имели возможность усилить свои войска и удвоить силы. Магомет-Аминь 20 ноября 1859 года с абадзехами и частью абхазцев покорился России; следом за ним изъявили безусловную покорность (11 января 1860 года) натухайцы, а в половине февраля удалилось от мирных враждебное население шапсугов; 17-го августа разбиты были убыхи.

Из черкесских племен только кабардинцы начинают мало-помалу отставать от своих старых обычаев и образа жизни; только кабардинцы охотнее других принимают русские нравы и обращаются к мирным занятиям. У всех других племен земледелие находится в дурном состоянии и скотоводство составляет почти главное занятие. Черкесские племена, не установившие обменов с соседями посредством торговли, проводят жизнь в набегах и взаимных раздорах; теснимые и преследуемые русскими, они обнищали. Бедность господствует повсюду; нищета сквозит и в лохмотьях одежды, поражает на каждом шагу и в аулах, которые черкесы строят в долинах и лесах своих гор. Голодная бедность служила одною из причин того, что черкесы нападали на русские земли, воровали все, что попадалось, угоняли скот у казаков, живших по линии, основанной против и вблизи черкесских аулов. Надо ожидать, что теперь при перемене образа жизни, побежденные и замиренные черкесские племена устремятся на мирные занятия. К тому приглашают их богатые земли и леса родины, которая, нет сомнения, выручит их из всех бед

голодной смерти: заставит, вместо выделки пороха и оружия, искать более мирных занятий, хотя бы и таких, до которых додумались их недалгие, но давние соседи грузины, персы и армяне. Полотна и другие ткани черкесские женщины давно уже делать умеют, да теперь и нет нужды вывозить из Турции тайком, хоронясь от дозора русских судов, с этою целию плавающих в Черном море. К тому же овцы плодятся сильно и дают отличную шерсть; шелковичные черви ведутся и по эту сторону Кавказского хребта; а кабардинские лошади давно прославились во всех ближних и дальних местах Кавказа. Но до сих пор также дико живут и не умеют пользоваться дарами счастливой природы и другие племена кавказских горцев, каковы кисты или чеченцы и лезгины.

ЧЕЧЕНЦЫ, ИЛИ КИСТЫ

Чеченское племя, состоящее из 14 народов и живущее по реке Сунже и на северном склоне Андийских гор и Главного Кавказского хребта, всегда проводило жизнь между двух огней. С западной стороны кумыки и кабардинцы издавна оспаривали друг у друга право владения обеими Чечнями (большою и малою), и жители их всегда находились под властью того или другого соседа. Вот причина, почему мы не находим в характере этого племени тех доблестей, которые свойственны народам, сознающим свою силу и ценящим свободу и славу. От черкесов чеченцы отстают в этом отношении значительно, хотя и приближаются к ним теми качествами, какие свойственны народам диким и необразованным. Точно так же и в Чечне богатый чернозем устилает горные подошвы — и лежит в пренебрежении и запустении; точно так же эта плодороднейшая и самая благорастворенная часть Кавказа, обилующая всеми дарами природы, ждет честного труда и образованного народа. Чеченцы, от природы склонные к грабегам, а с тех пор как казаки поселились на линии вблизи их, возненавидевшие русских, все еще не покидают обычаев старой жизни и показывают большую наклонность к набегам и грабегам при всяком удобном случае. Временами смиряясь, чеченцы снова принимались за оружие и принялись за него с большим ожесточением, когда и к ним пришли проповедники шариата. Мюриды проповедовали «газават», т. е. войну против неверных и неверными прежде всего называли русских, беспокоивших горские племена, и чеченцев прежде других.

Еще во времена Петра Великого, покорившего Дербент, русские выходцы с Дона и из внутренней России поселены были за Терек и переведенные на левый берег реки, образовали (теперь уже не существую-

щее, но некогда знаменитое) войско гребенских казаков. Цель этого войска состояла в том, чтобы прикрывать Астраханскую губернию от нападений лезгин и чеченцев. На противоположной стороне Кавказа, близ Черного моря, против черкесских племен на низовьях Кубани поселилось другое войско из выходцев мало-российских и запорожских казаков, прозванных потом казаками черноморскими (существующими до сих пор под этим именем). Как черноморские, так и гребенские казаки поселены были в линию и всегда были наготове; против нападений всегда находились в тревожном положении и на военной ноге. Впоследствии передняя линия стала задней и казацкие селения были заведены ближе к горцам; черноморцы поселены на р. Лабу, гребенские за Терек на р. Сунжу и за Малку — вдоль военно-грузинской дороги. Оборонительное положение России, относительно Кавказа, переменялось в наступательное, когда покорилась Грузия и были завоеваны закавказские земли у турок и персов.

Заводя укрепления, Россия устроила так, что восточные горцы были совершенно отрезаны от западных, в особенности многочисленные и беспокойные чеченские племена. Большая часть Чечни объявилась мирною: по крайней мере казались таковыми аулы, выстроенные на берегах Сунжи и отчасти Терека (Шамиль и из них успевал многих уводить в горы). Восстание лезгин, появление между ними Кази-муллы и в особенности Шамиля, поднимали чеченцев против русских, но и их смирило русское оружие, обессилевшее лезгин и Шамиля в 1859 году. Обе Чечни стали теперь безопаснее и чеченцы ждут череду, чтобы совсем примириться с русскими и сдружиться с теми мирными занятиями хлебопашцев и торговцев, с какими ежегодно являются сюда новые переселенцы из внутренней России.

Из народов чеченского племени замечательны *ингуши*, прежде других покорившиеся России (в 1810). Они крещены в христианскую веру (в 1810), но до сих пор

придерживаются языческих обрядов, среди которых приметны остатки древнего христианства. Они живут близ русского города Владикавказа, выстроенного при входе военной дороги в главный хребет гор. Из чеченских народов самые многочисленные кисты, ближние и дальние (близ р. Аргуни) и самые воинственные — ичкеры, поселившиеся в диких местах, среди неприступных гор, покрытых лесами. Неустрасимые наездники, независимые воины, ичкеры любезнее всех были сердцу Шамиля, который среди их выбрал место для постоянного пребывания. Когда Ведено, 1 апреля 1859 года было взято штурмом, Шамиль ушел в последнее свое убежище у лезгин на Гуниб. 12 мая того же года ичкеры изъявили покорность; следом за ними сделали то же ауховцы.

Насколько чеченские народы разнятся между собою, до сих пор еще пока мало известно. С остальными горцами они очень схожи: тот же гибкий стан, живой и выразительный взгляд, орлиный нос. Чеченцы стройны, но крепко сложены. В жизни домашней у них простота нравов; в делах и стычках те же самые приемы и правила, то же мастерство владеть лошадью и оружием; наконец тот же самый наряд из черкески, бешмета и бурки. Лезгины приучились носить персидское платье. Бурки, как и все необходимое из одежды и пищи, производят женские руки, умеющие и здесь ткать холст и грубые шерстяные ткани, которые отдают на обмен необходимых предметов тавлинцам — горцам, живущим на северном склоне горы Анди.

Всех чеченцев (в обеих Чечнях) насчитывают до 160 тысяч; число положивших оружие и покорившихся в 1858 и 1859 годах простирается до 90 тысяч. В настоящее время чеченцы продолжают выходить из гор и селиться на старых местах в чеченской равнине.

ЛЕЗГИНЫ

Лезгины во многом превосходят своих соседей — чеченцев: самые опытные предводители шаек на всем восточном Кавказе были лезгины; самые важные военные события происходили в Дагестане. Лезгины отличаются метким взглядом и здравым смыслом; в набегах они, может быть, не так быстры и неустрашимы, как чеченцы, но зато гораздо решительнее их и устойчивее. Они способнее к войне правильной и продолжительной; чеченцы пригодны для быстрых набегов и бешеных схваток. В местностях Дагестана, которые прилегают к Каспийскому морю, сильное влияние на лезгин имели татары. даже в одежде. Лезгин всегда отличается от остальных горцев своей остроконечной шапкой по образцу персидской, тогда как все остальные горцы носят круглые папахи.

Лезгины первыми поддались переменам веры, когда мюридизм потребовал истребления неверных. Из лезгинского народа вышли все те проповедники огня и меча у всех горских народов, с которыми так долго пришлось бороться России. Среди лезгин родился, действовал и погиб знаменитый Шамиль (Самуил).

Шамиль был учеником и последователем Кази-муллы.

Кази-мулла родился в конце прошлого столетия. В 1824 году он уже толковал на своей родине, в селении Гимрах (в Дагестане), что лезгины забыли закон Магомета, стали пьянствовать, проливать кровь своих братьев-мусульман, сделались грабителями и разбойниками. Речами своими он привел земляков в восторг и привлек их на свою сторону: его продолжали слушать и верить даже и тогда, когда он начал доказывать необходимость войны с неверными. Красноречие его имело успех и между другими лезгинскими народами. В 1830

году Кази-мулла имел уже 8 тысяч войска, но первые шаги его к победам были неудачны. Оправившись и выступив вновь, он был настолько счастлив, что число его приверженцев стало увеличиваться; к нему начали приставать и чеченцы. Кази-мулла взял город Темирхан-Шуру, разграбил Параул, овладел Тарками и обложил крепость Бурную. Взрыв порохового погреба заставил его отступить с уроном, но не помешал Кази-мулле с десятью тысячами человек подступить к крепости Внезапной. Осада эта кончилась отступлением горцев; но когда Кази-мулле удалось в ауховских лесах разбить русских, действия его войск сделались наступательными. Он с десятитысячным войском подступил к самому Дербенту и восемь дней держал город в страхе. Узнав о приближении русских войск, Кази-мулла ушел в горы и распустил там войска свои. В 1831 году он очутился между чеченцами; в короткое время поднял всю Чечню, внезапно явился 1-го ноября в русском городе Кизляре, который взял и разграбил. Скрываясь от русских отрядов, он бежал на родину, но в 1832 году снова явился в Чечне и снова вел шайки на Кавказскую линию и намеревался напасть на деревню Андрееву. Но в Чечню вступили русские войска и так успешно действовали против горцев, что Кази-мулла, человек вообще суровый и жестокий, покинут был большею частью приверженцев. С немногими бежал он в родное место Гимры и здесь окружен был русскими войсками. Войска взяли неприступную твердыню; Кази-мулла был убит в башне, где он заперся с 60 самыми преданными и отчаянными мюридами. Геройская смерть его убедила всех горцев в его святости и в том, что он пал мучеником за веру, особенно когда нашли его тело с одной рукой, приподнятой к небу, а другая рука держалась за бороду.

Вскоре после смерти Кази-муллы, наследником его славы и намерений сделался Гамзат-бек, человек деятельный, сильный, неустрашимый и предприимчивый.

Хотя он и не был способен на большие дела и предприятия, но мелкие набеги производил с замечательным успехом. Ему удалось ослабить ханов Аварии, мешавших соединению горских племен под одно знамя. Осенью 1834 года Гамзат был убит. При первом известии о его смерти Шамиль сделал набег с двумястами преданных ему мюридов на деревню, где жил Гамзат, захватил сокровища Гамзат-бека, объявил себя его преемником и признан был всеми как верховное духовное лицо — 3-й имам Дагестана и Чечни.

Шамиль родился в тех же Гимрах, откуда был родом и Кази-мулла. Отец его — бедный пастух. От природы наделенный умом, Шамиль с юных лет был прилежен в книжном учении и научился и начитался до такой степени, что когда Кази-мулла проповедовал в горах свою строгую веру, Шамиль сделался одним из трех главных и любимых учеников его. Шамиль много пособил первым успехам мюридизма, учившего трезвости, строгому ежедневному исполнению всех старых и вновь введенных обычаев и законов магометанской веры. Самые точные исполнители этой веры назывались мюридами, и чтобы получить это звание, дававшее в народе почет и уважение, следовало подвергнуться множеству испытаний и исполнить многоразличные тяжелые обряды. Между прочим, посвящаемый должен был 21 раз без отдыха, не переводя дух, проговорить те слова, которые обычно кричат муллы три раза в день с минарета: «ля иллах иль Алла» (то есть «нет Бога, кроме Аллаха»). Эти же слова посвящаемый в мюриды обязан проговорить ежедневно до пяти тысяч раз. Мужчины-горцы, принявшие это учение, обязаны были коротко стричь усы, подстригать бороды и носить чалму; молодежь не имела права петь никаких песен, кроме духовных. Но главное всего каждый за обиду должен платить кровью, а России вся горская страна должна объявить *газават*, т. е. поголовное восстание и беспрестанное мщение, — словом, обязана вести войну за веру. Так

действовали Кази-мулла и Гамзат-бек; но Шамиль, сделавшись имамом, в первые годы обратил свое внимание на то, чтобы укрепить свою власть над народом. Он устроил около тысячи укрепленных мест, вверенных надзору правителей или наибов, находящихся под непосредственным начальством самого Шамиля. Наибам подчинены были кадии и старшины. Кадии были вместе и судьями, и муллами; старшины избирались самим народом; народ весь превратился в воинов: от 16 до 60 лет каждый горец обязан быть вооруженным и на коне. Кроме того, Шамиль образовал особую конницу из 600 мюридов и составлял ее преимущественно из людей неженатых. Это была его гвардия, его верные и преданные слуги. Не такой набожный, как Кази-мулла, и не такой пылкий, как Гамзат-бек, Шамиль превосходил их обоим умом, твердостью характера, верным взглядом на вещи и умением распознавать время, когда надо действовать и нападать. Во всех странах, где бы ни привелось ему жить и работать, Шамиль был бы видным и замечательным человеком: над чеченцами и лезгинами он был неограниченным повелителем; горцы ему преданы были до последней капли крови. С ними он был опасен для России.

Начал он действовать с тою целью, чтобы на первых порах покорить Аварию, но успешные действия русских войск остановили его наступление. В 1837 году Шамилю особенно не везло; в 1839 году русские войска взяли одну из крепостей (Ахульго), отлично укрепленную на высокой, почти недоступной скале. Шамиль спасся почти чудом, принужден был приостановить свою деятельность в Дагестане — и бежал в Чечню. Здесь чеченцы уже были возмущены, и Шамиль выбрал в Ичкерии укрепленное место — Дарго, где и остался жить. Вскоре Шамиль имел в своем распоряжении 750 тысяч человек лезгин и чеченцев.

В 1845 году Дарго было взято, потому что русские усилили свои войска и придумали новый способ ве-

дения войны, более верный и для Шамиля опасный. Шамиль тотчас же, после взятия Дарго, укрепился в Ведено; Чечня сделалась театром войны. Русские начали прокладывать широкие дороги в непроходимых и густых лесах этой страны и таким способом в течение четырнадцати лет ослабили Чечню и Шамиля. Особенно верно действовали казаки, сооружая свои крепости на завоеванных землях: чеченцы должны были или покориться, или бежать в горы Андийского хребта.

Во время Крымской войны Шамиль оставался спокойным и не тревожил русских; но когда в 1856 году князь Барятинский назначен был наместником кавказским, война введена была в самую средину Дагестана и Чечни. Влияние Шамиля на горцев поколебалось, владения его постепенно уменьшались. 1 апреля 1859 года Ведено было взято штурмом; горцы, одни за другими, стали покоряться. В августе Шамиль оказался отрезанным в неприступном Гунибе, окруженном русскими войсками со всех сторон. После отчаянной защиты 25-го августа Шамиль сдался, оставленный лезгинскими племенами. Взятый в плен, он был отвезен в Петербург, где Государь Император оказал ему знаки милостей и для его пребывания назначил город Калугу. Здесь жил Шамиль под надзором пристава из военных, в нарочно для него построенном доме, со всем своим семейством, привезенным к нему с гор. Оно состоит из трех жен Шамиля, из которых одна пленная русская армянка, из одного сына женатого и зятя, женатого на дочери Шамиля от пленной армянки. Строго исполняя обряды своей веры, Шамиль жил неслышно, как самый мирный и кроткий гражданин.

Плен Шамиля ускорило покорение Кавказа. Он один был душою всех военных действий горцев и, вспоминая о родине, он говорил, что «Кавказ в Калуге». Отсюда перенесемся мы снова в горы и по очереди после чеченцев перейдем в Дагестан, коренное население которого

составляют лезгины и соплеменники их, авары. Все население дагестанских гор — говорят — состоит из 36-ти народов.

Лезгин храбр, ловок, настойчив, может в короткое время без отдыха проскакать огромные пространства: страстно любит грабежи и победы. Мечь оправдывается у них и верою, и обычаями страны, а кровная мечь падает на целые аулы и тянется целые годы. Убийца редко остается в своем ауле: он всегда перебегает в другое племя. Гостеприимство у них всегда рассчитанное, и то только для русских и богатых азиатов, от которых есть надежда получить подарок. Из-за денег лезгин готов на все; за деньги в этом племени находят убийц. Наружно он очень набожен, чтит стариков и повинуется муллам, но в армянских духанах (кабаках) любит предаваться сердитому пьянству. Теперь это стало особенно приметно, когда лезгины толпами выходят из голодных гор на сытые окрестности городов Дербента и Кубы. Здесь они находят легкую работу копать марену (красильный корень), в огромном множестве разводимый там. Лезгин с заступом стал теперь далеко не похож на того, который в шайках Шамиля гарцевал с винтовкой, хотя он все такой же оборванный, грязный нищий; такой же жадный до приобретения вещей, даже вовсе ему ненужных. Время он не ценит, на работах оказался ленивым; любит глядеть в небо, лежа у дороги, и курить запретную трубку. Так же лежал он и прежде у мечетей; прислушивался к сплетням, таскал их по саклям не хуже московских торговков и неприятным слухам предпочитал радостные. Отбивая у женщин этот любимый их промысел, лезгины отняли у них и все другие права; если худо женщинам вообще у всех магометан, — у лезгин для них сущая каторга. Покупает он ее за калым, как и все горцы, но чтит ее ниже лошади, хотя бы лезгинка и несла на своих плечах все тяжелое и бестолковое хозяйство ленивого и праздного мужа. Лезгинка сгребает сено, она же его и носит; везет

ишак сжатый хлеб, идет подле него и лезгинка, нагруженная снопами. В барышах у них только то, что прежде времени они стареются, всегда какие-то сутулые и некрасивые. Красавиц у лезгин нет вовсе, тогда как у всех других горцев они не редкость. Лезгин имеет право держать несколько жен, но не делает этого, потому что и за вторую жену надо вносить калым, а он и гол, и нищ. Бедность приучила его быть воздержным в пище, довольствоваться каким-нибудь чуреком (род сухого блина), черствым и крепким как камень и для удобства смазанным бараньим салом. Легкая пища приучила лезгина и спать недолго, хотя честный труд не отучил его валяться целые дни без дела и без мыслей. Легко одетый, почти полуголый, лезгин не ведает усталости, не знает болезней. Таково по большей части это многолюдное племя, число душ которого насчитывают, приблизительно, около 650 тысяч. Чтобы удерживать такую силу на горах и не позволять ей опрокидываться на мирную Грузию и страны, лежащие по ту сторону Кавказа, против лезгин устроен в Закавказье ряд укреплений, так называемая лезгинская кордонная линия.

ОСЕТИНЫ

Этот маленький народец (всего 30 тысяч душ) уцелел в небольших селениях, расположенных в предгорьях и на северном склоне Кавказского хребта, вблизи Военно-Грузинской дороги, на главном пути из России в Закавказье. Едущие в Тифлис при перевалах через хребет видят в глубине небольших долин, как звериные норы, жилища этого народа и часто слышат несущийся снизу колокольный звон осетинских церквей. Большая часть осетин — христиане греческого закона и притом христиане весьма древние, чему немало важным доказательством служат многие церковные торжества, до которых осетины страстные охотники. В глубине сердца народ этот все еще крайне суеверен и, по своей слабости, принужденный приставать то к одним, то к другим, сильнейшим соседям, стал крещеным от грузин, понабрался мусульманских обычаев и верований с севера от кабардинцев, с востока от чеченцев. Многие языческие предания остались при нем со времени выселения его сюда с персидских (иранских) возвышенностей. Соседние с черкесами, осетины приняли и черкесский покрой одежды, облюбленный всеми горцами; живущие южнее одеваются, как персы. От предков своих унаследовали осетины черные глаза и черные волосы, маленький рост, некоторую тучность и неуклюжесть; женщины их так же тучны, коренасты и некрасивы. Нет в осетинах ни наезднической легкости кабардинцев, ни лезгинской любви к вере и свободе. Из всех горцев они самые слабые и неустойчивые: в крови их замечают примесь татарской крови, а некоторые ученые признают их финно-угорским племенем, которое бродит по лесам русским и по пустыням северным. Заблудившись в горах Кавказских и оставшись в их коротких и плодоносных долинах, осетины бродят

по горам или как пастухи за овцами, или как охотники за промыслом лесных зверей и птиц. В Тифлисе известен (и составляет предмет значительной торговли) молочный сыр, приготовляемый этим народом.

В 1774 году, после русско-турецкой войны, по Кючук-Канарджийскому миру, Осетия-Алания присоединена к России..

VIII

ГРУЗИНСКИЕ НАРОДЫ (Картвельское племя)

Богатые роскошные страны, лежащие по ту сторону Кавказских гор, населяют восемь народов грузинского племени в соседстве с народом армянским, с закавказскими татарами, персами, курдами и небольшим числом русского народа, который поселен на грузинских землях в недавние времена. Это духоборы и молокане — секты, признанные вредными и ссылаемые на жительство сюда, в Закавказье. К картвельскому племени относятся: 1) грузины, 2) гурийцы, 3) имеретины, 4) мингрельцы и 5) сваны.

ГРУЗИНЫ

(собственно так называемые)

Со времен самой глубокой древности грузины, как и все соплеменные им народы, составляли независимые владения; издавна приняли христианскую веру и удержались в стране, несмотря на многие перевороты в судьбе своей. Особенно много несчастий испытали грузины, поселившиеся у подножия Кавказского хребта, в равнине многоводной реки Куры, Алазани и Арагвы, в двух местностях, из которых одна называлась землей Карталинской, другая — Кахетией. Та и другая составляли некогда отдельные царства, которые соединялись по временам в одно, временами находились между собою во вражде.

Карталиния до конца прошлого столетия подвергалась частым и опустошительным набегам татар, турок и персов. Кахетия испытывала ту же печальную участь. Как тут, так и там владельцами являлись то турки, то персы, и цари той и другой страны искали покровитель-

ства то у персидского шаха, то у турецкого султана; некоторые из грузинских царей в угоду покровителям отступали от христианства и принимали магометанскую веру. Внешние невзгоды и внутренние неурядицы заставили грузин искать издавна помощи единой России. Грузинские цари (у нас известные в старину под именем иверских) искали и находили убежище в России, как цари карталинские Вахтанг (в 1724) и Теймураз (в 1760). Особенно печально было положение Грузии в то время, когда с одной стороны на нее нападали лезгины, с другой курды, а в самой стране хозяйничал персидский шах, жестокий Ага-Мухамед-хан, стеснявший веру народа и подвергавший грузин, во имя Магомета, всяким истязаниям. Персы вторглись в Грузию, соединились с имеретинами, взяли Тифлис и покорили страну. Русские войска, призванные на помощь, явились поздно, когда Грузия была разграблена и неприятель уже возвращался домой. Это было во времена царствования Екатерины, по смерти которой император Павел отозвал из Грузии все русские войска. Царем Грузии был Ираклий; по его смерти наследовал ему сын Георгий IV. Этот царь принял полное подданство России и когда умер, то сын его, Давид, назначен был только временным правителем. В 1802 году Грузия, в соединении с Карталинской Землей и с Кахетинскою, объявлена русскою областью и составляет теперь Тифлисскую губернию.

Народ Грузии высок ростом, крепко сложен: женщины стройны, имеют красивые черты лица; глаза большие, но в них нельзя заметить ни ума, ни мысли, ни всего того, чем выразительны глаза народов образованных. Красота стана у женщин развита более красоты лица, но последняя скоро меркнет и исчезает. Грузинка поразительна издали в своем разноцветном наряде. Ничего нельзя лучше и картиннее представить себе, как собрание тифлиских женщин на празднике; идут они тихим, размеренным шагом: одни, одетые в коротенькие сарафаны, другие с ног до головы укутанные в длинное

белое покрывало, или чадру, которую красиво приколоть и распуścić по гибкому и стройному стану умеют одни только грузинки. На голове они носят тонкий платок в виде креста, который придерживает спадающее назад покрывало.

Главный источник существования у грузин составляет земледелие, за ним следует скотоводство и возделывание виноградников и фруктовых садов. Лучшие сады принадлежат Кахетии, где приготавливаются лучшие сорта вин, носящих название этой страны. Кахетия считается раем грузинских стран. Она обладает здоровым климатом и плодородной землей. Поля орошаются при помощи искусственных средств, известных здесь с самых древнейших времен. Места в Кахетии везде очень живописны; остатки старых зданий доказывают, что Грузия некогда была образованною страной. Поля и сады ее красивы и разнообразны; винограду отдают большее предпочтение, но еще не умеют его возделывать надлежащим образом. Грузины страстные охотники до вина и поттребляют его в большом количестве, несмотря на то, что провозимое в кожаных мешках или бурдюках, смазанных нефтью, вино отдает этим весьма неприятным запахом. Только частое употребление вина приурочивает к этому вкусу.

Грузины редко живут большими селениями, но любят ютиться семействами на уединенных хуторах, небольшими кучками. Хутора эти строятся на красивых и плодородных местах. Здесь грузины ленятся доволь целыми своими общинами. Управляются грузины начальниками, выбранными самими семействами и утвержденными тифлисским начальством. Способы орошения готовы с давних времен, уход за садами дело немудреное, — земля роскошно родит всякие хлеба. Леса, вода, пастбища и дичь не принадлежат никому отдельно: ими вправе пользоваться всякий, кто хочет.

Родились грузины воинами и до сих пор отличные наездники и храбрые солдаты, но более способны к войне

неправильной, чем к такой, которую ведут европейские народы и русские. Некогда грузины в персидских войсках составляли отдельный отряд, который обыкновенно решал победу. Теперь хвалят в грузинах их приветливость, гостеприимство, но они необразованны. Часто живя в одном селении, смешанно с армянами и татарами, они с ними не сходятся, потому что между всеми ими большая разница, особенно у грузин с армянами. Гордые, воинственные грузины не любят ни ремесла, ни промысла, ни торговли, оттого последняя вся находится в руках даровитых, хитрых, расчетливых (а потому и сильно ненавидимых грузинами) армян. Но армяне выше грузин умом и любовью к труду, и потому нет ничего удивительного в том, что грузинские имущества быстро переходят к армянам. Лучшие дома грузинских богачей в Тифлисе, лучшие сады кахетинских князей скуплены по большей части купцами-армянами. Грузины находятся у них в такой же зависимости, как поляки у евреев, и относятся к ним с таким же презрением и ненавистью (если даже не больше поляков к евреям). Однако грузины, не отличающиеся умственным развитием, умеют только читать и писать в высших слоях общества; крестьяне же совсем неграмотны. В то же время это — самый веселый народ на свете. Любит забавы, пляски и песни под открытым небом, где под звуки любимой зурны (род флейты) грузины отплясывают свой народный танец, называемый лезгинкой, при помощи мужчин, обязанных на маленьком пространстве сильно вертеться и размахивать руками по-татарски.

ИМЕРЕТИНЫ

Имеретия, так же как и Грузия, составляла некогда отдельное царство, испытывавшее меньше невзгод и злоклучений. Грузия приняла за нее на себя все удары от персов и лезгин. Когда Грузия покорилась России,

Имеретия вскоре также признала над собою власть русских и вошла теперь в состав Кутаисской губернии. Народ, населяющий эту страну, мало отличается от грузин нравами и обычаями; одевается почти так же, с тою только разницею, что имеретины носят на голове четверугольный кусок из войлока или бархата, вышитый золотом или серебром и привязанный под подбородком. Но так как кусок этот покрывает только небольшую часть головы, то имеретины волос не стригут и носят их копной. Имеретинский черный народ вообще беден, а потому и одевается во что Бог послал. В то же время это самый красивый народ на свете: лица их благородны, выразительны и умны. Народ в последнее время начал поправляться после того угнетения, которое испытывал под властью турок, когда церкви были разрушены, вера поругана, а высшее сословие погрязло в губительной праздности и пороках.

МИНГРЕЛЬЦЫ

Мингрелия состоит из двух частей: одна покрыта лесами; климат мягкий, но расслабляющий; растительность роскошная, в которой тонут мингрельские жилища. Другая часть страны представляет узкую, но плодородную полосу земли, на которой растет пшеница и виноград и живет очень мирное население, пользующееся здесь весьма здоровым климатом. Высокое положение этой половины Мингрелии дает очень жестокие зимы; без них страна казалась бы настоящим раем.

Мингрельцы важны, неразговорчивы, бледны лицом, по-видимому, страдают недугами, хотя в самом деле здоровы и крепки. Они храбры, щекотливы насчет чести, ласковы и гостеприимны. В образе жизни они многим похожи на абхазцев, одежду носят похожую на черкесскую, с тою только разницею, что прикрывают голову таким же лоскутком, как имеретины; трудолю-

бивее и сильнее грузин, но так же как и, любят жить уединенно. В домах живут без печей и без скамеек, заменяемых коврами; обычаи любят заимствовать у соседних татар и даже на базары собираются не иначе, как в пятницу.

ГУРИЙЦЫ

Гурийцы живут вблизи турецкой границы и на реке Риони, в стране, составляющей южную область Грузии; исповедуют христианскую веру; говорят на грузинском языке. Некогда управлялись своим князем, зависевшим от России, теперь входят в состав губернии Кутаисской. В Гурии обильно родится хлеб, фрукты; разводят рогатый скот и шелковичных червей; с Турцией и соседними странами торгует кукурузой; остальная промышленность страны слаба. Гуриец крепко предан своей вере и обычаям; ловок и быстр в движениях, любит гордиться богатством и красотой своего оружия и всегда уверен в собственном достоинстве.

СВАНЫ

Часть Сванетии зависит от Имеретии, а другая остается до сих пор независимой. От татар большая часть Сванетии отделена большим хребтом гор. За ним страна в течение многих веков оставалась свободною. Сваны до сих пор живут по-старому — большими семействами, в кучке, для того чтоб иметь возможность защищаться против нападений хищных соседей. Дома до сих пор строятся с высокими стенами и башнями. Вследствие здорового горного воздуха Сванетия гуще населена, чем другая какая-либо страна Кавказа. Земледелие и скотоводство — главные занятия жителей. Земледелие производится с большими трудностями, а потому

далеко не процветает. Часто добыча от земли недостаточна для пропитания семейства. Этим объясняют в сванетах склонность к грабёжам, которым теперь отошел черед, потому что нашлись более честные средства к пропитанию. Страна обилует селитрой. Жители — давно христиане.

ПШАВЫ

Пшавы — одно из грузинских племен, живущее на высотах Кавказских гор, почти вблизи снегов, где они поселились с целью защитить Кахетию от набегов диких горцев. Они дики и грубы, но, несмотря на это, ведут мирную жизнь; при случае неустрашимы и храбры. На севере они живут в соседстве с хевсурами, на западе и юге с грузинами, на востоке с тушинцами. Число их простирается до шести тысяч. Хевсуры — их враги.

ХЕВСУРЫ

В количестве трех тысяч хевсуры занимаются скотоводством; пользуясь маленькими речками, они построили мельниц. Смешавшись с горцами, выучились у них грабить и делать набеги; хотя и бедны, но довольны своим существованием. Недавно у них заведены школы, от которых они ожидают хороших плодов.

ТУШИНЦЫ

Племя это от холодов зимы уходит с гор в степи, богатые травой и лежащие от их постоянных жилищ в 300 верстах. Живут же они обыкновенно вблизи истоков реки Алазани, в соседстве с чеченцами. Тушинцев насчитывают до шести тысяч.

Пшавы, хевсуры и тушинцы исповедуют христианскую веру греческого закона, но на самом деле не знают ни правил ее, ни обычаев. Суеверие заменяет веру; кровная месть служит вместо закона; но восстановление христианства нетрудно, потому что семена его еще не совсем заглохли. Если эти три народа стали дики, то оттого, что находятся в соседстве с горцами и много потерпели от набегов персов, под предводительством Шах-Аббаса. Церкви, построенные при грузинской царице Тамаре, были разрушены; священники перебиты и целые деревни превращены в груды развалин. Многие деревни принуждены были принять ислам и были оттеснены в глубину гор, вдаль от коренного отечественного племени грузин.

АРМЯНСКИЙ НАРОД

Там, где возвышается на 2300 сажен прославленная Библиею гора Арарат — место пристанища Ноева ковчега и где в соседстве с нею тянется равнина, возвышенная на 430 сажен над поверхностью моря, — армянский народ полагает свою родину. Не соблазнительна она климатом, когда в течение шести месяцев царствует суровая зима; когда северо-восточные ветры, дующие из Сибири через Каспийское море, наносят сюда массы снега и делают совершенно невозможным выростание лесов. Не славится Армянская возвышенность или Армения (прозванная в книгах Священного Писания Землею Араратскою) ни качеством своей почвы, ни судьбами своих обитателей. Персы, магометане, пользуясь ближним соседством, притесняли армян за веру во Христа, которую исповедуют они, просвещенные св. Григорием, с IV века по Рождестве Христове. Когда свирепые монголы ринулись на восток и завоевали всю Азию (в том числе и Армению), положение армян стало еще печальнее: жизнь на родине показалась им вдвое тягостною. Спасая себя, они начали переселяться в V и VI веке по Рождестве Христове от притеснений персов, в XIII веке от монголов. В 1262 году появились армяне на Волге в Казани и Астрахани, потом и в других местах. В 1554 году им позволено было приезжать в Москву с товарами, в 1667 году не только русские, но и персидские армяне производили торговлю в России, а в Москве уже имели свой особый, так называемый армянский двор.

До сих пор еще армяне продолжают переходить из Турции в русские пределы многолюдными толпами; до сих пор еще армяне продолжают изумлять всех русских способностью, изворотливостью и неутомимостью в торговле. Торговля — их страсть и преимущественное

занятие. Ради ее для них не существует препятствий ни в суровом климате, ни в расстояниях: армяне ведут видную торговлю в обеих столицах, проникли даже в калмыцкие и киргизские степи, в Сибирь, на Север России. Мало городов на Руси, где бы не было торговцев из армян; мало государств в Европе, где бы они не имели торговых дел. Торговля на Кавказе вся находится в их руках; на Дону они поселились целым городом (Нахичевань); в Астрахани они одни из самых крупных торговцев и коренные жители (до 4 тыс.); в Крыму они также руководят тамошней торговлей; на Нижегородской ярмарке они одни из сильных и видных покупателей. В городе Кизляре они готовят из винограда знаменитую водку, составляющую предмет значительной торговли; в городах Тифлисе, Шемахе и вообще за Кавказом занимаются разведением шелковичных червей и завели фабрики шелковых материй, также составляющих предмет видной торговли. Но где бы армяне ни поселились для торговых целей, куда бы ни загнала их судьба, везде они не разрывают связей с отечеством, — везде они остаются верны своему природному характеру и, как евреи евреями, армяне повсюду остаются армянами. несмотря на насмешки, на колкости, на некоторый род презрения, которые оказывают им коренные русские. В то же время те из них, которые живут в близких сношениях с русскими, в особенности астраханские армяне, не оказывают большого упорства против влияния русских обычаев и русской жизни. В нужных случаях они покидают даже и тот образ жизни, который им любезен с детства, и тот способ приобретения, который сделал их и счастливыми, и богатыми; но опять-таки никогда не разрывают связей с отечеством. Связует их вера и та святыня, которую каждый армянин по крайней мере один раз в жизни должен посетить. Это — Эчмиадзинский монастырь, находящийся за Кавказом, в 16 верстах от губернского города Эривани. Монастырь основан просветителем Грузии

св. Григорием. В нем живет католикос (патриарх) всей армяно-григорианской церкви, с синодом или собором. Кроме того, в разных местах существуют кафедры митрополитов, архиепископов и епископов. Армяне духовенству своему оказывают замечательное почтение, не жалеют на содержание их значительных капиталов и вообще отличаются такою набожностью, в какой могут поспорить с ними разве одни только грузины. На 400 тысяч армян грегорианского исповедания приходится 1 тысяча церквей и 2 тысячи священников.

Армянская вера, не слитая с католического, а верная учению св. Григория (григорианская), отличается от православной следующим: армяне признают не все семь, а только первых четыре вселенских собора, служат не в алтаре, а на открытом престоле, в таинстве причащения употребляют пресный хлеб (опресноки), крест кладут с левого плеча на правое, посты раскладывают по несколько дней на весь год, праздник Рождества Христова отправляют 6 января вместе с Крещением. Лица белого духовенства, как и у нас, не имеют права вступать во вторичный брак; а третий брак запрещен даже и светским людям.

Армян можно поставить наряду с самыми красивыми народами на земле: они немного меньше грузин ростом, но смуглее их; стан их сложен, черты лица выразительные и крупные, большие черные глаза.

Коренные армяне, живущие на родине, немногим отличаются от своих, выселившихся в дальние страны, соплеменников.

Армению можно разделить на три части: гористую, утесистую и равнинную. Последняя теплее первых, богаче, а потому и населеннее. Население Армянского нагорья отличается характером тихим, спокойным, скромным, умеренным. Армяне далеко превосходят своих соседей, грузин и татар, умом, понятливостью, несмотря на то, что закавказские армяне также необразованны. С необыкновенною легкостью они выучи-

ваются различным языкам и изменяют себе только в произношении. При находчивости, ловкости и хитрости, они обладают еще способностью приспособляться к требованиям той страны, куда приведет их судьба: в России торгуют, на берегах Каспийского моря разводят шелковичных червей, на родине занимаются земледелием. Всегда и везде стоят друг за друга, любовь и взаимное братство — их коренные добродетели. В русской армии они храбрые воины. Детям своим стараются давать хорошее образование, и те из них, которые воспитывались в высших учебных заведениях в России, показали себя с хорошей стороны на различных житейских поприщах.

Торгующие армяне обнаруживают много хитрости, лукавства, приправленного лестью; жажда корысти и их, как и других корыстолюбцев, довела до обманов и плутовства.

Армянские женщины ленивы и вялы до неподвижности. Болтовня, смех, шутки считаются грехом, и потому скучнее общества армянок трудно себе что-нибудь представить: сидят молча, соблюдая порядок, указанный положением их мужей в обществе, перебирают четки и угощаются церемонно. Армяне одеваются, как персы, пестро и легко; армянки переняли наряд у грузинок.

Армянские деревни грязны; столько же грязно содержатся и дома внутри; богатые обзаводятся коврами, пуховиками, медной посудой; но около Нахичевани бедность повсеместная. Семейная жизнь у армян сильно развита. Песен они не знают; знакома им только одна и та переняли у татар и персов, как пляску — у горцев (своего ничего не придумали).

В соседстве с закавказскими армянами живет родственное им племя — *курдов* (в губерниях Эриванской, Бакинской и Кутаисской).

КУРДЫ

Цвет лица их не так смугл, как у армян; голова бритая, но усы носят длинные; их лица украшены орлиным носом, рост высокий, глаза выразительные; характером открытые в сношениях, честные, откровенные, храбрые, отличные ездоки, ловко управляющие конем; даже женщины мало уступают в этом отношении мужчинам, у которых они находятся в большом почтении. Они любят музыку, пение и пляску; в песнях воспевают свои деяния, которые начинаются грабежом, а кончатся кровною местью. Впрочем, большая часть курдов занимается хлебопашеством. Им давно известно искусство орошать (наводнять) поля, а посредством насыпей они умеют возделывать горные склоны до значительной высоты. Большая часть исповедует магометанство, но между ними есть и христиане. В древности курдов называли халдейцами.

Главное население курдов находится в пределах Турции, в стране, называемой Курдистаном; незначительное число их (11 тысяч) в Закавказье составляет коренное и давнее население. Большая часть их ведет кочевую пастушескую жизнь; меньшая половина живет оседло. Влияние на них турок приметнее и сильнее, чем влияние армян. Турки живут в пределах России в значительном числе около Ахалцихе (Кутаисской губ.).

ПЕРСЫ И ТАТАРЫ

Преимущественно для торговых целей персы рассеялись по многим городам русским; в особенности любят жить они в тех, которые находятся вблизи Каспийского моря; таковы: Баку, Куба, Дербент, Астрахань. С покрашенными в желтый цвет ногтями и бородами, беспрестанно куря трубки, сидят эти персы торговцы перед чугунными котелками с угольями, среди угара и груды сушеных фруктов — произведений плодородных долин своей страны. В плетенных из тростника сабетках продают они: кишмиш, или мелкий изюм, инжир, или винные ягоды, шапталу и каштаны, гранаты и груши, грецкие и фисташковые орехи, а когда пора, то и кислые португалы или апельсины, нарынги, или мандаринки и толстокожие лимоны, дикорастущие по всему южному берегу Каспийского моря. Промышляли бы персы и другим товаром, да отбивают охоту ловкие и юркие армяне, за которыми ленивым, медленным и неподвижным персам не угнаться. Кое-где персы осиливают армянскую торговлю многолюдством, и везде там, где настает нужда, персы охотно превращаются в ремесленников, но больше всего любят слесарное мастерство. Таковы они по городам; в коренных местах родины они успешно занимаются земледелием. Таковы, напр., персы-талышинцы, обитатели бывшего ханства, по присоединении к России в 1822 году после последней войны с Персией переименованного в Ленкоранский уезд Бакинской губернии. Персы здесь коренные жители и населяют в количестве 15 тысяч душ эту страну, богатую сочным черноземом, низменную, мокрую, а потому изобилующую влажным воздухом, в котором развиваются лихорадочные болезни. Ленкоранские лихорадки не уступают персидским и черноморским. На такой местности и при таких неизбежных

бедах, талышинское племя не выродилось в крепкое и здоровое, но не отстало от горцев ни красотой стана, ни правильными чертами лица; глаза так же красивы и еще выразительнее и умнее горских. Женщины их решительные красавицы: подобных им нет на целом Кавказе.

От соседства с татарами персы потеряли все то, что досталось им от давних предков — древних персов; но, выродившись в новый народ, от примеси чужой и свежей крови, закавказские персы стали лучше, понятливее, даровитее тех своих соплеменников, которые страдают под игом жестокой власти персидского шаха. Талышинцы гостеприимны, миролюбивы, благородны, но склонны к лени и праздности. На водах Каспийского моря они оказываются ловкими и смышленными мореходами; на рыбных ватагах их хвалят за честное исполнение всех работ. Тут и там их предпочитают татарам, с которыми, однако, они схожи в нравами, к тому у них и вера одна — магометанская.

Щедрая природа и татар и персов сделала беспечными, приучила полагаться на себя и редко им изменяла. Жизнь в тяжелых и скверных руках, привыкших останавливать и нажимать, но не умевших водить к просвещению и преуспеянию, — сделала с персами то, что они и из благодатной почвы не выучились извлекать трети того, что она дать может. Оттого вообще ни закавказские татары, ни закавказские персы не отличаются большим достатком. Между тем рис родится здесь в огромном изобилии; рожь, овес и разные огородные овощи дико растут сами, без помощи и содействия людей. Засух, как в Тифлисе, здесь никогда не бывает, и все-таки прикаспийские жители возделывают частую земли немного, только для себя, и значительных запасов хлеба не делают. Лошади и овцы плодятся изобильно; буйволы или дикие волы гуляют на свободе и, не требуя никакого ухода, сами себе промышляют пи-

щу и приносят татарам и персам отличное молоко, мясо и служат для полевых работ. Соседние озера и море в зимнее время усыпаны гусьями и лебедями; озера, кроме того, кишат пиявками, но и торговля пухом здесь незначительна и до продажи пивок не домыслились туземцы, оставив ее на руках у новых переселенцев из России. Это — молоканы и субботники, в недавнее время переселенные сюда с Волги и из Таврической губ. с Молочных Вод.

Закавказские татары, близкие родичи тем, о которых мы рассказали в другом месте при описании наших степей, живут вблизи берегов Каспийского моря и преимущественно в восточной части Закавказья. 500 тысяч насчитывают их в губ. Бакинской, 75 тысяч в Дагестане, 100 тысяч в Эриванской и 50 тысяч в Тифлисской губернии.

Одеваются татары по-персидски, но от древних времен сохранили обычай всегда носить при себе оружие. Народ красивый и ловкий. Занимаются земледелием и скотоводством. Некогда составляли отдельные ханства, постоянно враждовавшие с горцами.

Одной веры с персами, татары, как и персы, хорошие говоруны, очень хитры и льстивы даже в отношениях с самыми близкими друзьями, но по наружности очень преданные слуги. До сих пор сохраняют ту гордость, которую приобрели их предки от постоянных успехов в завоеваниях и опустошениях целых стран и народов. Также у них живы предания, рассеянные в народе во множестве и поддерживаемые певцами и сказочниками, которые останавливаются на площадях, ходят по рядам караван-сараев или закавказских гостиных дворов. Всякий татарин знает, что он потомок знаменитых орд Чингисхана и Тамерлана. При всем этом татары очень чувственны и прибегают к возбуждающему напитку; но женщин, по древнему обычаю, содержат дурно и обращаются с ними грубо,

вовсе не считая их за людей. Жен своих ревнуют, не доверяя им.

Гостеприимство в мирное время и удалая храбрость в военное — лучшие качества закавказских татар. Преданность к вере и набожность часто уводят их в Мекку на поклонение гробу Магомета.

Русские, как народ господствующий, повелевающий Кавказом и Закавказьем, живут рассеянно по всем местностям этих обширных стран, которые ожидает прекрасное и блестящее будущее.

ОБИТЕЛЬ И ЖИТЕЛЬ

Рассказы

ОБИТЕЛЬ

(СТРАНА КРИВИЧЕЙ)

Ой, не всхожее мае сямено,
Не взрощенная мая маць-земля!

(Из белорусской песни)

«Каков житель — такова и обитель», — говорит русская пословица, выродившаяся из обиходных наблюдений в узком кругозоре домашнего быта. Но если поставить эту пословицу наоборот и сказать: какова обитель, таков и житель, то мы получим еще более характерную формулу, выражающую истину, которая равно применима ко всем странам и народам, и существует, как факт, от самого сотворения мира, хотя только в недавнее время становится очевидною и осязательною, вследствие разъяснения причин и следствий. Едва ли еще не резче и определительнее выясняется эта простая истина и при наблюдениях над тою страной и среди того народа, который условились называть *белорусским*. Рядом очерков из собственных наблюдений мы намерены с некоторою подробностью доказать это основное положение, благоприятно применимое к стране и народу северо-западного края России.

Прежде всего — об обители, и на этот раз в общих чертах. Начнем с помощью простых наблюдений по карте, остановившись на Киеве. Обратимся к северу, по направлению течения Днепра, этой четвертой по величине из всех рек Европейского материка, силою исторических судеб доставшихся на долю народов славянского племени, третьей великой реки, орошающей земли, населенные племенами восточной расы славян, и принадлежащей двум из них младшим и меньшим (наибольшею половиною течения — нижнею — малорусскому, а наименьшею — верхнею — безраздельно

белорусскому), и первой великой реки как по времени, так и по глубокому и многостороннему значению ее в исторических судьбах всей Русской земли.

I

На север от Киева географическая карта представляет обширную область верхнего Днепра с двумя огромными, двумя большими и тремя меньшими притоками, которые, в свою очередь, разветвляясь на наименьшие реки и речки, представляют громадную площадь, всю роскошно испещренную текучими водами. Эта площадь — Белоруссия, занявшая треть по величине в целой Европе речную область Днепра. На ней, как в живом человеческом организме аорта, принимающая кровь из мелких и крупных артерий, чтоб отнести ее к периферии тела, река Днепр рисуется тем жизненным центром, около которого сосредоточилась жизнь страны во всех ее многообразных проявлениях. В пределах речной области верхнего течения великой реки Днепра расположилась и вся страна, населенная белорусским племенем, в таких условиях, что все верховье реки, со всеми без исключения притоками, теперь безраздельно принадлежит этому племени, в незапамятные времена вышедшему из-за Карпат на равнины Западной России прямыми, удобными и надежными дорогами, какими для всех первобытных народов служат реки. Здесь их колыбель, здесь основы их исторического бытия, здесь зачатки богатых городов и политических общин, в которых невольно соединяются все, населяющие одну реку, и тяготеют или, как характерно выражались в старину, тянут по земле и воде все остальные, сидящие на отраслях или притоках главной реки. Реки — главные этнографические рубежи и притом верные средства для народных расселений, обладающие одновременно двумя драгоцен-

ными качествами: прямых указателей пути движения и сообщений и подручного способа для самих передвижений. Недаром древние народы боготворили реки; недаром и славяне, перешедшие Карпаты, первую же встречную реку называли прямо Богом и присвоили то же почтенное имя второй реке, попавшейся им на пути движения и предложившей им в помощь все богатство своих даров и все обилие услуг: одна (Западный Буг) указала пришельцам дорогу на север, другая (Южный Буг) на юг, к устьям Днепра².

По отношению к расстилающейся перед нашими глазами обширной Северо-Западной Руси услуги ее рек слишком очевидны даже и в том случае, если мы не выпустим географической карты из рук и даже перенесем пункты наблюдения, перенесем их хотя бы к тому Бугу, который первым показал звездный и роковой для восточных славян путь на север.

Здесь, в пределах среднего течения этой реки, мы встречаем истоки многочисленных рек, принимающих неизменное северное направление и составляющих большую реку Припять. Здесь истоки и самой Припяти, известные сначала под именем реки Парок, потом реки Струменя (главного стрежа) со всеми ее девятью большими северными и южными притоками — указателями пути облегченных народных движений в двойном противоположном направлении: все с несомненными славянскими названиями (Турья, Струмень, т. е. то же, что стреж, Стырь, Горынь со Случью, еще Случь, Уборшь, Птичь). Здесь, одним словом, бесспорные, слишком очевидные прямые указания на те дороги, по которым двинулись в свою страну те мелкие племена славянского народа, которые слились потом в родовой тип современных нам белорусов. Движения закарпатских выселенцев и направление рек, по следам самой Припяти, приводят нас к начальному пункту наших наблюдений: на Днепр под Киевом, и, по всему вероятию, ко второму основному пункту движения

славянского племени, на этот раз прямо с юга на север, по реке Днепр и по его северным притокам.

Уже первый летописец, живший среди полян и в Киеве, называл ту отрасль славянских пришельцев, которая поселилась по Десне, севером, северянами, что прибавлялось и к городам, построенным на той же реке и соседним Северскому Новгороду. Самая река Десна могла получить свое несомненное славянское имя по обычаю переселенцев (очевидно, доказанному сейчас приведенными примерами) в таком лишь случае, когда она действительно была *одесною* рекою (т. е. правою) для двигавшихся по берегам или плывших по Днепру с юга на север. И в самом деле, назвалась она славянским именем: во-первых, по народному обычаю памятовать на новых местах старые пепелища и урочища и увековечивать их имена повторением, и, во-вторых, по неизбежному закону самых народных передвижений, принявших северное направление в глубь приднепровских лесов и пустынь, несмотря на то, что река является *левым* притоком Днепра. Обычный прием, привычный для южных переселенцев, повторивший Случь и Буг два раза, повторил Трубеж, Свислочь, Березину, Остер, Сулу, Суру и другое множество рек и потратил в то же время Десну в том же неизменном значении *правого* живого урочища, попавшего на пути движения с юга. Такова Десна — левый приток Южного Буга, таковы Десница, маленькая (50 верст течения) речка — левый приток реки Пахры (Московской губ. Подольского уезда). В противоположность тому и в несомненной последовательности *шуями* и *шуйками* двигавшийся на север народ назвал те реки и местности, которые на пути движения его с юга лежали на *левой* руке; отсюда речка Шуя, правый приток Орши, река Шуя Олонецкой губ., непосредственно впадающая в Онежское озеро, с левой его стороны (на северо-западе); село и река Шуя Архангельской губ. Кемского уезда и Малошуйка, се-

ло той же губернии и уезда для выселившихся сюда по Онеге; Шуя, приток реки Неи, впадающей в Унжу (Костромской губ.), для выходцев с устья Костромы через Галич, и наконец знаменитая Шуя Владимирской губ. Отсюда северо-западная часть Ржевского уезда около Георгиевского погоста (в 35 верстах от Ржева левая с юга ее часть) носит название Шуйщины (а жители — шуян, откуда происхождением знаменитые исторические деятели князя Шуйские) и проч.

С тою же неизменною последовательностью народ, шедший с юга и населявший обширную равнину речной области Днепра, приурочивал названия и имена жилым оседлым пунктам, — деревням и селам, — в зависимости от коренного и неудержимого движения на север. Вследствие этого обстоятельства неизбежно оказались селения с названиями Заозерьев, Заречьев, Загорев, Заболотьев, Замостьевь, Залесьев, Запольев, Забузьев и т. п. и в белорусской стране, как и в великорусской, только потому, что очутились на севере от тех, которые раньше поселились на юге. Они тем или другим способом были виновниками основания этих новых поселков или их соседями: за лесом, еще не срубленным и не сожженным под лядину (пашню), за озером, горой и за мостом, по ту сторону поля или ручья, за болотом в настоящем смысле: мокрым зыбучим, непроходимым и за мохом — болотом моховым, успевшим достаточно просохнуть, чтобы поднять ногу зверя и человека, за бузой — болотной трясиной и т. д.³ Отсюда, в виду большинства древнейших городов и селений и в особенности тех из них, которые укрепились на внутренних озерах и на южных их берегах, пригороды и слободы их очутились по ту сторону, на севере, по образцу витебского Задвинья, мстиславского Заречья, псковского Завеличья, не как первоначальные пункты заселения, а как позднейшие выселки, ставшие под защиту южных укреплений и городов. По тому

же закону и в противовес выше упомянутым пунктам выросли на славянских землях: Подгорья, Подхоллицы, Подберезья, Приселья, Прилуки, Прибережья и т. п.: все на юге березовых лесов, лесных холмов и тех мест, где река текущая, в мягкой болотистой почве, начинает прорезаться излучинами, изгибаться коленами, имеющими одно общее и старинное название — луки⁴. Если подобные придатки по отношению к исключительным случаям в данной местности служат прямыми и простыми указаниями на движение и направление местной колонизации, то, с другой стороны, ввиду приметного множества подобных случаев и последовательности явлений в сумме их, значение факта становится знаменательным для целой страны. Для Белоруссии этот факт является в форме бесспорного закона, понятного постольку, поскольку понятна была для южных киевских князей владимирская страна под именем Залесья, для новгородцев Заволоцкая чудь, Заволочье, Заонеже и т. п.

В те времена, когда южные богатые степи представляли роскошно обеспеченные и прямоезжие дороги на запад для кочевых орд, непрерывно выдвигавшихся из Средней Азии, и для желающих предлагали надежные стойбища, когда под самым Киевом останавливались на долгое время попеременно то печенеги, то половцы и, по летописным преданиям, Св. Владимиру приводилось ставить против них земляные укрепления и городки по Десне, — в те времена могло быть обеспеченным для земледельческих племен только одно это движение на север или северо-восток: по Днепру и Десне, по Сожу и Березине. Только такое направление было в то же время и вполне безопасно. Кроме того, оно было в характере всех младенчествующих народов, стремившихся на истоки рек. Несчастное заблуждение невежества, пережившее века и уцелевшее до наших дней не только в России, но и во всей Европе, — о возможности отравления воды влекло и белорусов-кривичей к тому,

чтобы захватывать верховья рек. Слабый не селился ниже сильного на основании тех же убеждений, какие впоследствии заставляли бедных обвинять богатых в отравлении колодцев во время чумы и холеры, и т. д.

Обеспечено было движение народа на север обилием дорог по рекам, из которых на долю белорусского племени одного течения Днепра приводилась почти половина и его речной области около 5 тысяч квадратных географических миль пространства, с 27 большими и малыми притоками (18 справа и 9 слева, между ними 11 сплавных и судоходных даже в настоящее время настойчивого истребления лесов и следом затем неизбежного обмеления рек). Из больших притоков Днепра одна Десна представляет длину течения в 700 верст, Сож и Березина в 500, Ипать 350, Друть в 250, Беседь около 200 и даже приток Березины Свислочь с тремя притоками в 250 верст течения. Такое облегчение передвижений, полная дорожная обеспеченность вырастет значением своим в глазах наших даже и в виду того, что истоки упомянутых рек приводят на узкие водоразделы, навстречу больших и многоводных рек: в одном случае (через Березину и Уллу) прямо на среднее течение Западной Двины, а в другом опять-таки прямо с Днепра через волок на Касплю и с днепровского же истока на Обшу — приток той же Двины.

Безопасно было это движение славян в северном направлении по западной равнине Русской земли оттого, что вся равнина лежала пустой, была свободна от поселенцев, никому не принадлежала. Если и знакомы были с ней другие, ранее посетившие ее переселенцы, то они во всяком случае были именно посетителями, т. е. прохожими людьми и притом несомненно людьми славянского рода и племени. Для них и самая страна эта была лишь удобным и прямоезжим путем: и на реку Великую, и на Ильмень-озеро по 12 притокам его с юга, и на северный Волхов, и на Мсту.

В вынужденном и непрерывном движении своем на север белорусское племя, известное древнейшим летописям нашим под именем кривичей, не видя естественных препятствий, разлилось по земле своей свободно. Земля эта со всеми реками, озерами, болотами, лесами, лугами и полями была открыта. Пришельцы могли свободно ходить по ней, выбирать любое место и возделывать его по мере сил и средств. Всяк селился на выбранном месте семейством или двором, или в обществе других, деревнями, селами и городами. Если все и ходили в лес, для звериных промыслов, ставили там пчелиные борти, по рекам и озерам ловили рыбу, торговали своими и покупными произведениями, то во всяком случае неизменно и непременно возделывали землю и сеяли хлеб. Земледелие было исконным народным занятием; на нем основывались все надежды для благосостояния и существования на земле. Чтобы северный человек, обрешивший себя на жизнь в лесах и болотах, под дождем и снегом, мог отвоевать у природы свою территорию, прежде всего он должен был владеть достаточным развитием индустрии. Во всяком случае, или исчезновение удобных угодий и вследствие того житье на клочке земли, недостаточном для пропитания, или посторонняя помеха, умевшая превращать мирное время, столь необходимое и дорогое для земледельческого труда, в тревожное, — одни могли снять целое племя с насиженного и возделанного места, чтобы взамен его отыскать иные, столь же удобные и богатые и наиболее безопасные. Если подобные мечты не всегда сбывались и желания не были удовлетворены, нужда и старый опыт указывали выход. Если в диких местах, куда устремлялись выселенцы старых городов и сел, наталкивались на места, занятые финнами или латышами, — земледелец изменял свой вид и, оставаясь таковым наполовину, с другой стороны делался

повольником, казаком. Враждебного встречного соседа надо было оттеснить или от него оборониться. Но лишь только прекращалась борьба, туземцы или удалялись, или сливались со славянским племенем, а вчерашний воин снова превращался в мирного земледельца и снова искал и высматривал подспорных промыслов, которые бы заполняли ему недостатки и недоборы и оживляли мертвое безработное зимнее снежное и осеннее дождливое время.

При заселении северо-запада и севера России такие явления особенно поучительны в истории новгородских славян, которая дает многочисленные доказательства тому, что славянам этим досталась земля не без борьбы — и с суровым врагом в лице финских народов, и с негостеприимной, могущественной силами природой. Новгородские славяне заводились поселениями на местах, занятых ранее их явившимися пришельцами. Если эти не ценили землю в качестве средства к земледельческому труду, то дорожили соседним лесом, рекой и озером — всем, что давало им дешевую пищу, обеспечивало их неприхотливую жизнь и удовлетворяло ограниченными желаниями. Старожилые племена уже занимали определенные пространства земель, считая их своим достоянием. Славянские пришельцы нашли старожилов рассеянными на группы, но соединенными под одними родовыми прозвищами, стремившимися обособиться в отдельные племена и народы и тем как бы положить по соседству определенную владельческую поземельную грань. Каждый народ под своим именем, живя общими народными интересами и умея при нападении стоять заодно и за свое, это свое (в виде заветного, богатого зверем леса, рыбной реки или озера) всегда имел на виду и на счету, всякому живому урочищу усвоил особое, соответственное и приличное имя. Новым пришельцам не надо было измышлять своих прозвищ в виду готовых, — и вот почему на всем лесном севере России, за реками и озерами, новгородские славяне до

наших дней сохранили их первоначальные имена, объяснимые только языком народов финского или чудского племени. Исключения так ничтожны, что славянам не удалось дать своих имен не только крупным рекам и озерам, но даже и мелким речным притокам, запрятанным в самых глухих лесных трущобах. Обстоятельство это настолько существенно важно, что именами этих урочищ и в настоящее время можно определить грани земель, занятых финскими племенами и выделить те земли, на которых славянские племена были и первыми пришельцами, и коренными жильцами.

Уже в нынешней Тверской губ., там, где берет свое начало великая русская река-кормилица и в ближайшем соседстве от нее обе белорусские реки (Двина и Днепр), встречаются имена рек и озер, не объяснимые славянским языком, но поразительно сродные (по коренным окончаниям) с такими же названиями живых урочищ, рассеянных по всему северу. Самая Волга сродни по имени и рекам Белого моря: Онеге, Пинеге, Ваймуге, Ваге и притокам своим Ветлуге, Мологе и Свяге, реке Балтийского бассейна — Луге и иному множеству рек и речек, разлитых по финскому северу, с окончанием на *га* и с утратившими смысл и значение начальными придатками.

Точно так же уже под Псковом, древнейшим славянским городом, поместившимся на реке необлужного русского имени, попадаетея р. Пскова с окончанием, находящим повторение в самых отдаленных краях севера России и даже Сибири и объяснение в современном зырянском и вогульском языках⁵, как и обе реки, принадлежащие нашим столицам (Нева и Москва). За белорусским Смоленском, на несомненной и бесспорной границе великорусского племени, расположилась Вязьма, получившая окончание слова (на *ма*), что значит по-корельски земля, по тому же праву, как Клязьма, Кама, Кострома и самые отдаленные, как, напр., три Грижмы, из которых две текут в архангельской тундре, одна в болотистом лесу в Вятку, каковы две пермские

Кельтмы, печорские: Ижема, Грижма, Цыльма, беломорские: Сюзьма, Колежма, Унежма и самая отдаленная океанская Тулома, на которой выстроен пресловутый город Кола⁶.

Если по истокам всех этих рек с финскими окончаниями проведена будет черта, то ею ограничится все то пространство на юг и запад, которое составляет страну, населенную лишь на малую часть новгородскими славянами и на огромную — белорусами или кривичами, с другими летописными оттенками видов, вроде дреговичей, вятичей, полочан и радимичей. Выделившаяся страна именно тем и замечательна, что на огромное большинство случаев носит при живых урочищах славянские названия; приданы ли они раньше здесь пришедшими новгородскими или ильменскими славянами, или пришельцами кривичского племени, следовавшими по пятам первых. За малыми исключениями каждая река потребовала себе объяснительного прозвания, необходимой отметки. Множество глубоких, больших и богатых озер лежало в лесных пущах в неизвестности, безымянными; никто их не знал и не звал, никто на них не жил и ими не пользовался. Мы уже имели случай указать на это раньше во многих случаях. Если и теперь пойдем по притокам Днепра, безбоязненно, сворачивая на мелкие притоки притоков его, то дойдем до озерной области, где вновь встречаемся с тем же неизменным явлением, что славяне нашли эти места незанятыми. Ни от кого они не могли получить о них справок и сведений и должны были переводить на славянское имя такие большие реки, как Десна, Березина, Великая, Волхов. Днепр ведет нас мимо таких своих притоков, имена и характер которых в большинстве понятны нам и в настоящее время и только в редких случаях дает прозвище, значение которого за долгое время забылось или утратилось. Таковы у Днепра: Друть, Жердь, Соля, Вопь, Вопец, Ужа, Устром, Березья, Оршица (Орша, Ржа), Добысня, Песоченка, Брелинка, Ворона. Таковы у Десны справа: Судость, Смячь, Лоска, Убедь, Мена,

Снов, Замелой, Стрижень, Белож. У Березины между прочим: Поня, Гойка, Уса, Свислочь, Вобр. У Сожа: Пещана, Осетр, Проня (она же Броня), Прокать, Беседь (она же Задунка), Ипутъ, Уза. У Ипути: Ржачь, Маковка, Очеса, Вороница, Вепринка, Демьянка, Злынка, Ракитна. Выходя на Двину, мы встречаем Межу, которая в этнографическом смысле не утрачивает своего значения и теперь, как пограничная река белорусского племени с великорусским. И опять у этой Межи притоки: Береза, Лучеса (богатая коленами, луками, извилистая), Чечота, Олыша (заросшая ольхой); у Обши — Белая и т. д. Перебираемся в озерную область для тех же встреч и однородных указаний. Озера в Могилевской губ. носят, между прочим, следующие названия: Лукомль (25 верст), Долгое (30), Сенно (10), Девинское (7 верст); в Витебской губ.: Неведра, Нещерда, Жужелица, Усвят или Свячь, Свибло, Княже, Лубань, Верхнее, Дольное, Езерище, Заверезье, Большая Лужа, Свино, Мелкое, Малое, Долгое, Белое, Волбое (оно же и Синица), Кривое, Березовое, Черное; в Смоленской губ. с теми же по вторениям по цветам и по очертаньям фигур и берегов и сверх того: Бездонное, Попово, Рытое, Стоячее, Щучье, Рыбье, Путное; Западная Двина проходит озеро Охват и т. д., точно также, как и в Черниговской (в северной белорусской ее половине): Березовое, Молочково, Кожановское, Яловка (единственное крупное, все небольшие).

Довольно. Довольно для того, чтобы видеть, насколько облегчен был труд человека подготовительным трудом природы, насколько свободен был путь и привольно расселение в доисторические времена пришельцам из-за Карпат и в какой мере они могут считаться хозяевами земли своей, аборигенами. Свободное течение только на западе встретило живые препоны в представительстве племен литовского и германского народов и лишь на пунктах встреч этих белорусское племя не только должно было остановиться, но и заставить, защищаясь укрепленными городами, целою сетью крепостей.

В числе их Полоцку досталась самая тревожная жизнь, которую он, однако, пережил. Зато не один десяток на него похожих и с ним однородных *огорожей* и городков, сослужив посильную службу, превратились в груды камней и кучи курганов, носящих название замковищ, городищ, церквищ и могилищ. Зато в тылу у этих крепостей свободно разгоралась мирная земледельческая жизнь и расселялось живучее племя людей славянской расы, несмотря на все физические невзгоды и политические препятствия.

III

Оставляем в стороне (до удобного места и случая) все невзгоды политические, испытанные белорусским племенем славян во всю его долгую историческую жизнь. С препятствиями этими оно столкнулось гораздо позднее, чем спознало свою землю и заняло ее никому не ведомую и никому не принадлежащую. До случайных невзгод привелось подвернуться иным тяжелым испытаниям и получит внушительно-строгие экономические и политические уроки.

Незанятая страна, лежавшая пустой, была страной дикою, с могущественными силами природы, которые скорее были враждебны, чем приветливы и гостеприимны. И теперь, когда исходит вторая тысяча лет, по меньшей мере треть страны представляет тот хаотический вид, когда как будто еще идет (и далеко не кончен) самый процесс творения и земля от воды еще не отделена вполне. Непролазный лес и обильно разлитая вода: вот те первые главные и основные картины, которые на каждом шагу преследовали и преследуют впечатлительное воображение младенческого народа, пустившегося на трудную работу переселения и водворения. Лес и вода — два неотразимых образа, тесно сопоставленных в тесной зависимости друг от друга, безотчетно и властно господствуют над всеми другими

от языческих времен заселения края до Наполеона I, сказавшего, что в Литве и Белоруссии грязь — пятая стихия.

Стихийное свойство воды, установившейся в берегах, по обилию даров и богатствам, щедро уделяемым на пользу людей, в младенчествующих народах, вызывало — как мы видели — уважение, доведенное до богопочитания. Возводя главные реки в достоинство божеств и прямо называя их богами, славянский народ белорусского племени, следом за другими народами мира, нес этим богам поклонение и жертву. Сколь ни удалены от нас языческие времена, как усердно и долго ни хлопотала за себя христианская вера, следы этого поклонения и этих жертв не только не исчезли, но и слишком еще очевидны. В особенности они наглядно сохранились там, где благодетельные реки берут свое начало. Источники их, за малыми исключениями, так называемые родники (по-белорусски криницы), остаются особенно почитаемыми, слывут местами преимущественно священными. В них предполагалось присутствие особенной божественной силы (чаще врачевания), эти места посвящались особенным божествам (кажется — Пятнице). Таких мест по Белоруссии в настоящее время рассыпаны целые десятки. Христианство принуждено было принять их под свою защиту и покровительство и освятить их, построив над ними часовни (каплицы), совершая сюда церковные крестные ходы и оставляя за ними их древнее имя *прощей* ненарушимым. За примерами ходить не далеко. Возьмем те места, которые нам удалось посетить лично и которые первыми приходят на память: одно вблизи того же Днепра, а затем другие на его притоках. На самом берегу Днепра близ города Могилева в селе Отмуте (Полыковичи) привлекает народные верования, вызывает почитание и собирает толпы молельщиков святой источник, бьющий из-под крутого насыпного древнего кургана, среди очаровательной природы. В Чаусовском уезде (той же Могилевской губ.), на притоке реки

Прони (впадающей в Сож), почитают вторую криницу, и получение воды из нее связано с особым суеверным обрядом: можно зачерпнуть воду ковшом только один раз и нельзя повторять, хотя бы в первый раз и не зачерпнулось; нести домой воду следует, не оглядываясь назад и невзирая на крики и страхи, и только в таком случае вода целебна и врачует от глазных болезней. На другом притоке Сожа, на берегу Вехры, под самым городом Мстиславлем, таких священных мест два: один ближний (в самом городе) родник — Здоровец, другой дальний (в двух верстах от города), называемый Черный Ручей (мстиславская проща). В первом вода, во втором грязь обладает чудодейственными силами исцеления. Во втором из них стоит лишь немножко покопать, чтобы найти брошенную в грязь монету, — несомненно, знак благодарственной жертвы Богу.

Отсюда, из боязни увлечься, мы не пойдём дальше, оставляя перечисление таких священных мест в воде и при воде до удобного случая. Взамен их стоят перед глазами другие священные образы, другие божества, родившиеся в воображении младенческого народа, выступившего на встречу и борьбу с могучими первобытными лесами.

В этих лесах никогда еще не ходил топор дровосека, деревья эти не сеяла и не сажала человеческая рука: одна природа безмятежно царила здесь со времен Сотворения мира. Здесь рядом с гниющими остатками отживших деревьев, густо покрытыми зеленым войлоком моха, выделяется стройный свежий представитель молодого поколения с сочной темно-зеленой хвоей, а рядом с ним мертвенно-бледный, без сучьев и коры, с изломанной вершиной, труп умершего прадеда. Все это величественно, но в то же время и ужасно не для одного напуганного младенческого воображения, но и для взором, присмотревшихся ко многим видам смерти, ко многим родам контрастов. В первобытном, нетронутом лесу действительно обуревают страх, и воображение рисует картины умирающего и возрождающегося бытия.

Но одно — для взоров, другое — для дела: колоссальные деревья завалили дорогу; на каждом шагу могучие массы валежника. В одном месте с чрезвычайным усилием можно перелезть лишь через верхушку свалившегося исполина; в другом с чрезмерным напряжением пробираться ползком между голой, обсыпанной иглами землей и стволом, со всех сторон покрытым роскошно-густым мохом. Часто скачок на такой ствол погружает ногу выше колен в гниль, бесполезно затрачивая дорогое время, безжалостно истощая физические силы и глумясь над трудом. За одним препятствием воздвигаются новые, а кучи задних сваленных деревьев неодолимой стеной заслоняют выход, увеличивая страх и приближая опасность. А между тем ни один луч горячего солнца не может проникнуть в этот вечный мрак и не нарушает постоянно влажной прохлады под высоким и страшным древесным сводом. Из-за ствола свалившегося исполина видится только верхушка головы перебравшегося на ту сторону товарища. Усиленно бьется сердце, задерживается дыхание, одолевают страх и тоска, и воображение разгорячается до чудовищных образов и мрачных представлений о злом духе — о тех существах, под защиту которых несомненно стоят и живут эти исполины, достигшие паразитических размеров и дожившие до глубокой старости.

Все в пользу этих растительных богатырей; они громадны, но страшны оттого, что множество обстоятельств благоприятствует продлению их века до крайних пределов. Они еще так свежи и жизненны, и чудовищны по той причине, что выросли в суровом климате: распределение влажности здесь весьма равномерно; почва богата перегноем, потому что тороватая и попечительная природа старается перемешать хвойный лес с лиственным; сомкнутость насаждений полная и никем и ничем ненарушима. Напротив — зауряд и на каждом шагу в густой мох свалившегося старика исполина упало, как в колыбель, семя, и в новом перегное, на небольшом просвете, из трупа выросло новое дерево, которое успело

пережить многие десятки лет жизни. Сомкнутость насаждений замедлила рост дерева в молодости, но убежала и защитила его корни и продлила рост богатыря и исполина. Им-то, за эту долгую жизнь до глубокой старости (под покровительством чего-то чудодейственного), в первобытных людях, склонных к обоготворению природы, зарождалось религиозное почитание. Деревья делались богами, священными предметами, так как и образованному христианину нельзя на них глядеть без душевного трепета и сердечного умиления, а в лесистой Белоруссии еще до сих пор свято соблюдается на второй день Троицы, в Духов день, специальный лесной праздник Куста и, для чествования, в качестве жреца, избирается самая молодая и красивая девушка.

Между деревню Мервином и Тимошаняками (в Оршанском уезде Могилевской губ.), посреди открытого поля благоговейно сохранялась до наших дней одна громадная сосна, названная Петровым деревом. По странной игре природы дерево это от старости даже казалось как бы обращенным корнями вверх, и окрестные жители берегли его, как драгоценность. Почтение к сосне передавалось из рода в род, от дедов внукам. А сколько таких священных деревьев, заповедных рощ разбросано не только по Белоруссии, но и по всей России?! Припомним мифическое значение березы, столь знаменательное не только у нашего народа, но у всех азиатских, на которых надвинулась русская сила. Страшно стало им ввиду того, что проявилась и стала распространяться белая береза, несомненная провозвестница владычества Белого царя. (Чудь, по народному преданию, при внезапном появлении белой березы соорудила подкопы на стойках, убралась туда со всем имуществом, подрубила стойки, и — погибла.) В Костромской губ. (в Ветлужском уезде), возле черемисской деревни Адошнур, стояла береза родом 300 лет, с 18 большими ветвями, имевшими как бы 84 вершины, и считалась священным деревом, а возле нее еще в 1843 году отправлялось языческое богослужение. Когда ураганом отломило от вершины ветвь и она упала

на засеянное яровым хлебом поле, то хозяин его это поле оставил необрунным, как бы принеся его в жертву Богу со всем уродившимся хлебом.

Сосна и береза — два неизменных товарища, а береза повсюду верная спутница сосны. Оба дерева любят свет, а потому оба не растут в густых труппах или в так называемых пуцах. Лишь бы только местность не была слишком сырой и не заливалась бы ежегодно выступающею из берегов рек водою, — береза растет охотно: очень быстро в молодости и медленно потом до веку в полутора лета и даже свыше. На почве свежей, не слишком вязкой, суглинистой, а также на богатой наземном песчаной почве березовые леса неизбежно расстилаются довольно редкими участками в таком множестве вблизи рек, что непосредственность впечатлений младенчествующих народов побудила их передать и самым рекам имя этого дерева (отсюда р. Береза в Смоленской губ., приток Лучосы и Береза в Виленской — приток Немана, река Березина и проч.). Под влиянием тех же непосредственных впечатлений имя березы осталось и за жилыми местами во всем разнообразии производных форм этого слова, начиная с черниговского города Березны до сибирского Березова, до сел и деревушек, носящих березовые названия: Береза, Березанка, Березки, Березетня, Березное, Березинское, Березовка (в одной Черниговской губ. такого имени селений девять), Березовая, Березка, а затем: Берестов, Берестечко и Берестечь (на р. Стыри), Березцы (на Припяти), Берестовец, Берестье или Брест (Берестий) — один из древнейших городов лесного Северо-Западного края, в XI веке представлявший уже соблазн для воинственных соседей (в 1020 году Брест-Литовский отнял Болеслав Храбрый, но в 1044 году возвращен он Киевской Руси великим князем Ярославом.

Насколько неприхотлива в выборе почвы береза, а вследствие того разнообразны и многочисленны названия урочищ ее имени, настолько же, если не более, неразборчива в качестве почвы сосна — товарищ и спут-

ник березы. Сосна охотно вырастает и на сухом песке, и на плодородном суглинке, и на болотистой почве: была бы почва настолько рыхла, чтобы дерево могло укрепить в ней свои большие корни зачастую со здоровыми боковыми придатками, да было бы достаточно свету, без которого и на любимой земле сосна пропадает. Мало таких деревьев, которые были бы распространены больше, чем это дерево (а в силу того и обилие названий живым урочищам, начиная с орловской реки Сосны и черниговского города Сосницы до деревушек и сел Сосновок). В то же время мало и таких покатоствей, прохладных и влажных, западных и северных горных склонов, на которых бы не цеплялась ель с тою особенною охотою, чем каменистее местность и чем больше разбросано обломков камней.

Оставляя сосну с березой в равнинах, ель заняла большую часть возвышенностей и холмов, породив, таким образом, опять же целую группу селений и городов своего имени; города — Елец (Орловской, 1147) и Ельня (Смоленской) и селения: Ельны, Еленцы, Елины, Елиновки, Еловки, Ельцы, Елинский и Елецкий (Богородицкий) монастырь в Чернигове с первою христианскою церковью в городе и во всем придеснинском крае (явление иконы на ели 1060, основание храма в 1069 году)⁷.

Идем дальше.

Сильно освещенные привольные берега рек, мокрые и трясиновые, на возвышенных островках и кочках любят насаждать целые леса черной ольхи. Даже на топях, совершенно залитых водой, ольшаник, оставаясь кустарным и малорослым, не перестает напоминать о себе и производить сильное и резкое впечатление. Вместе с плакучей ивой, украсившей берега всех больших рек, вместе с осиною, которая не растет только в сырых и болотистых местах (но охотно поселяется в березниках и вообще скоро растет), ольха — наиболее часто встречающееся дерево на белорусских мокрых равнинах.

Равнины с плодородной рыхлой и глубокой почвой, которые любит дуб, в белорусской стране редки; но дуб

гостит (и хорошо произрастает) здесь и на суглинисто-песчаной. Зато липа с полной готовностью вырастает на свежей лесной почве в низких предгорьях и в самых равнинах, уступая лишь самые плодородные низменности вязу⁸.

Ввиду такого богатства и разнообразия лесной древесной растительности (не считая разнообразия кустарниковой) понятно становится то неизменное и неизбежное явление, что от преобладания групп древесных пород зависят и названия групп человеческих жилищ, соединившихся в города и селения. И едва ли может быть сомнение в том, что такой дешевый первобытный прием, не требующий умственных напряжений, принадлежит самым ранним, первым временам прибытия славянских племен на *свою лесную родину*, и белорусского племени в частности, именно в те места, где встречаются обе сплошные области лесов хвойных (красных) и лиственных (черных). Однако породы первых преобладают и господствуют под самыми разнообразными формами и названиями. Форм этих много. Господствующая и чаще всего встречающаяся — бор.

В противоположность лесам, растущим на низменностях, бор представляет лес, выросший на сухой почве, нередко песчаной и непременно на возвышенности. Это — строевой сосновый или еловый лес, и если сосновый, выросший по супеси, то чистый, но зато мелкий и рыхлый, беловатый в отрубе и вскоре синеющий и не смолистый, что называется, *мяндовый*; если же на свежей почве, то крепкий, мелкослойный и смолистый с красноватой древесиной (как называют на севере, *кондовой*). Кому не памятли эти суходоны в летнее жаркое время, когда по боровому песку, среди разреженного в рощу красного леса, с трудом влачат ноги лошади, когда, утомясь сидением на месте, идешь пешком, едва волоча ноги по раскаленной солнцем боровой почве между группами корявых берез и сосен. Боры — это наши заветные и неизменные картины, в какую бы сторону лесной России мы ни направились. Вот отчего и такое

обилие городов и селений с таким названием, считая с самого древнего славянского поселения в северных лесах Изборска до Боровичей (прежнего Боровища) в Новгородской губернии, Боровска Калужской, Красноборска Вологодской и кончая множеством селений Белоруссии, каковы: Борки, Борковка, Боровая, Боровина, Борок, Боровка, Борочки, Бор, Борятин, Боровицкая, Оборок и опять Боровичи, Борколабов (монастырь женский Могилевской губ. на Днепре, лаба — брод).

В противоположность борам, леса, растущие в низменностях, называются *раменьями*, *раменьем*, если эти низменности плодородны, и лес является смешанным чернолесьем (ель, пихта, липа, береза, осина), укоренившимся по суглинку с моховиной. Раменье бывает лесом густым, дремучим и темным и представляет раздолье для житья и скитанья медведей. Все селения, притулившиеся к таким местам, носят название раменьев на том основании, на каком Дубровой, Дубровкой, Дубровной, Дубровском, Дубровным назвались в Белоруссии все те селения, которые выстроились подле чернолесьев, т. е. лиственных чистых несмешанных лесов. Потому и все то Гаи, Гайки, где имеются в соседстве убереженные, ухоженные рощи, одиноко и картинно стоящие в долине посреди обработанных полей. Потому, наконец, и все те Брянски (сокращение от Дебрянска в двух случаях русских городов), где городу удалось выстроиться на *дебре*, то есть на поросшей лесом луговине, долине или низменности, по примеру двух дебрей (верхней и нижней) в Костроме⁹.

На тех же простых основаниях появились на белорусской земле селения с названиями: Лесная и Верхолесье, Лесок, Лески, Лесец, и Лесовки, Лесковки и Лесовые, Лиственъ и Оболонье (*болонье* — луг); Пески, Песчанка и Песочня (со всеми однородными) и Луг, Лужки, Луговки (с одноименными товарищами); Пруд, Пруды и Прудовка; Глинки, Глинище и Глинянка; Каменец, Каменица и в особенности Каменка (каковых в одной Черниговской губ. 8); а следом за ними и Кременцы и

Кременки, наконец Кустичи, Кустовцы и Кусты, и всякого рода пущи (от густых непролазных и первобытных лесов). Они первыми во всем своем разнообразии предстали перед глазами и бесконечно вытянулись по пути новым пришельцам в лесную страну с юга. Они и затруднили, они же и облегчили путь. Сухие боры с редкими елями, березовые леса, не любящие густых насаждений, сами облегчали путь и, заманивая, обеспечивали выход. На непролазные пущи смешанных пород пригодились огонь, соха и топор, так как в первобытные леса свои славяне белорусского племени и имени несомненно пришли *не дикарями, а земледельцами*, с готовым знанием, умением, сноровкою, — словом, с тем, что мы привыкли называть по-иностранному *индустрией*.

IV

Намеренно уберегая, старательно блюдут свои родные заветные леса северные бродячие инородцы финского племени, выстраивая избы окнами к лесу и выделяя в нем большие участки с посвящением коремети (богу), чтобы таким образом сделать священные рощи заповедными и сбереженными. Как саранча на хлеб, истребляющая все до самого корня, с озлоблением и рвением сжигают леса огнем кочующие выходцы из среднеазиатских степей, превратившие богатые насаждения в голые травяные степи под пастбища своего кочевого скота и всю южную Россию обездолившие навеки, увеличив и выродив небывалые солончаковые степи с переносными зыбучими песками. Бережно, поскольку нужно для скромного хозяйства и ограниченного быта, брал в лесу участок для себя пришлый хозяин-хлебопашец из земледельческого племени славян, и хранил соседние участки, помня и зная, что лес его одеваает, обувает и кормит, и что, уступая труду, дает плодородные земли.

Чтобы добыть у леса такую площадку, которая годилась бы под пашню, делают *ляды* (лядины, починки,

посеки и пожоги, огнища, кулиги, валки, новины) тем же простым вековечным способом, который сохранился до наших дней и, конечно, восходит от древнейших языческих племен. Лес рубят и валят подряд по одному направлению во времена самого сильного развития растительности (всего чаще в июне): на другой год в сухую погоду (обыкновенно в апреле или мае) всю эту *валку* зажигают. Несгоревшие стволы складывают в костры и вновь пускают на них огонь. После того убирают остальной *охлам*, разгребают и это *огнище* распахивают одноконной сохой: легкая на руке и на ходу, только она одна и способна облегчить тяжелый труд, потому что на «пожогах» этих остаются еще и коренья. Стало быть, белорусское «лядо, лядина» — это великорусская «новина или починок¹⁰». Пни и коренья от времени разрушаются и обращаются на усиление почвы. Деревя, сгоревшие в полном развитии листьев, дают самое большое количество поташу, образуя ту плодородную почву, которая с древнейших времен называлась у белорусских и малорусских славян принесенным из-за Карпат словом «буда». Верхний слой этого ляда или буды обожжен, — стало быть, сгорели, превратившись в тук, и переплетшиеся корни различных травяных растений. Оставшиеся пни, сгнивая, составляют ежегодный запас легкого удобрения. Кое-как перепаханное лядо в недоступных для сохи местах (около пней и корней) взрыхляется первобытной ручной мотыжкой из дерева в виде костыля (один конец клювом, другой поперек на ребро). Лесная борона, которая еще легче ходит и веселее скачет, заборанивает лядо на последнюю отделку и под посев, хотя бы и ранней весной (просом) и поздней (в первых числах июля) репой. Когда в согласии со столь известной всем песней «просо на ляде сеяли» оно родилось роскошно, а репа получалась особенно отменного вкуса, — лядо затем становилось обыкновенным пахотным полем со всеми обязанностями на отчет по ежегодным посевам ячменя, пшеницы, гороху, овса, льнов, а по истощении — рожью, когда поле поступает

уже в общий трехпольный севооборот (озимь, яровое и пар). Имея два поля: одно под руками, другое в лесу, хозяин на ближнее кладет все накопившееся на дворе удобрение, а дальнее лядо предоставляет его собственным допотопным силам, пока они не ослабевали и не истощались. В страхе опасностей и уже в виду их, хозяин оставлял ближнее поле и старую деревню и уходил в лес, к ляду, перенося туда и свою избу, и гумна, и сарай и забирая с собою весь домашний скот и скарб. А затем опять он идет на новое лядо, куда влекут обе великие силы: нужда и соблазн.

Так делается всюду, по всему лицу земли Русской. Неизменно совершается это и теперь в лесах Белоруссии, начиная с Придесенья и кончая северными пределами страны с лесами, по великому водоразделу русских рек, до Осташковского и Ржевского уездов¹¹. Не говорим уже о странах восточной России (особенно Вятской губ.) и Сибири, где такие приемы на каждом шагу, так как и самое народное переселение там еще далеко не кончило своей двухтысячелетней истории.

Таким сравнительно медленным, но настойчивым и верным процессом передвижения расселялось по лесам исключительно земледельческое племя белорусов, оставляя позади себя пустыри и безлесье, которые и пребывали бы таковыми, если бы могущественная растительная сила природы не стояла всегда в таких случаях настороже. Покинутое поле, забытые залежи не медлят обрастать кустарниками, сосняком. Эти заросли вскоре переходят в дровяной, а затем и в строевой лес. И вся Белоруссия, засыпанная курганами (наибольшая часть которых лежит большими группами, а между ними, по всему вероятно, такими, которыми знаменуются покинутые селения, селища, займища и городища, сплошь и рядом на этих курганах), представляет полную возможность наблюдать 20-саженные сосны двухсотлетнего возраста в глухих пущах Полесья, даже на расстоянии многих десятков верст от ближайших жилых селений. Бесперывная смена одного растительного поколения

другим, из которых каждое в любой период жизни готово на службу людских поколений, повторилось, вероятно, не один десяток раз, пока не очутились белорусы на Двине и ее северных притоках и даже на одном из притоков великорусской Волги (Молодой Туд). Не зарастали лишь поростью все те местности, куда на покинутые пустоши не медлила приходиться новая свежая людская сила, умевшая оценить их и воспользоваться ими при помощи удобрения, — и, конечно, на юге страны, т. е. на первых встречных местах при переселении. Все такие селения на старых пепелищах и готовых *росчистях* назывались, как и следовало, *будами*¹². И все эти буды в наибольшем числе и при характерных особенностях сгруппировались на юге белорусской земли, чем на ее севере, и притом так, что на крайних северных границах Белоруссии самое имя это для селений исчезает и совсем неизвестно. Неизвестно это имя по той же естественной причине, по которой южные части губернии Могилевской и северные Черниговской, в окрестностях Днепра, наибольшею частью представляют безлесную песчаную и скудную плодородием страну. Северная же белорусская страна (в Витебской и Смоленской губерниях) еще очень нуждается в осушении болот и в обогащении себя пашнями, лугами и полями¹³, при помощи канав и того же огня и топора.

Стихийное начало огня, по своей громадной и неисчислимой пользе в деле заселения лесных стран, естественным образом вернее и сильнее других осуществлялось первобытными народами в самостоятельное божество, от литовского Знича до славянского Перуна включительно. И до сих пор еще пор именем этого страшного по силе, но благодетельного и богатого полезными дарами бога белорусы называют молнию, не зная для нее никакого другого имени (пёрун). До сих пор ни за одним из трех народов восточного племени славян, кроме белорусов, нельзя проследить наибольшего уважения к этой стихии и очевиднейшего почтения к огню — благодатному пособнику при первоначальной

и последующей колонизации. Трудно вообразить современного белоруса, остановившегося на дороге для отдыха лошади, который не поспешил бы разложить огонь, очень часто без всякой надобности в нем. Любая белорусская дорога чернеет тысячами таких «пожогов» в виде кругов обожженной придорожной травы (при этом лесные пожары в белорусских лесах от постоянной привычки обращения с огнем приметно реже, чем в великорусских). В редком околотке, по взаимному договору нескольких селений, не собирается ежегодно воск на так называемую свечу или *канун*, которая должна держать в нынешнем христианском храме огонь, на благополучие договорившихся селений, непрерывно и обязательно. И во всех местах Белоруссии, в поразительное исключение с другими странами русской земли, сохранился до сих пор на Сретеньев день (по христианскому летосчислению) самостоятельный праздник в честь огня, известный под общим именем *Громницы*, с чествованием той же свечи и освященного огня. Свечу эту держат в домах, как талисман, от поражения громом и молнией; при постройке нового дома огонь переносят со старого очага; на Иванов день (по-белорусски на Купалу) обязательно прыгают через огонь и т. д.

Сохранив таким образом обрядовые остатки богопочитания огня и воды, народ почтил в них обе могучие силы, укрепившие за ним право существования на своей земле, которая до сих пор богата и водой, и лесами. Жизнь в лесах белорус и в настоящее время предпочитает всякому другому, и этнографическая граница племени до сих пор характерно определяется границами этих мокрых лесов. На больших дорогах и берегах больших рек белорусские селения попадают лишь изредка. Белорус прячется по хуторам за лесами и в лесах, не брезгуя при этом болотами, которые во многих случаях кажутся даже как бы излюбленными местами¹⁴. Сталось даже так, что на границах с сильнейшими племенами со всеми тремя соседними (литовским, великорус-

ским и малорусским), где начинаются и идут худшие и болотистые земли, там непременно и неизбежно сидят белорусы. Такая неприхотливость, равно понятная и по бессилию племени, и по неизбывности и неотразимости географических условий страны, вытекает из того, что болота, по-видимому, несомненные естественные препятствия при заселении, на самом деле таковыми не были.

Богато прорезанные текучими водами, болота не преграждали пути, выводя на более удобные земли или на берега многоводных озер. На них-то мы и находим первые и древнейшие белорусские поселения. Самые озера на большую часть в болотистой Белоруссии образуют обширные водяные сети, почти непрерывно соединенные между собою. Те же болота щедро питали эти естественные пути, выводящие к наиболее надежным и наименее опасным местам для оседлости. Народ свободно прошел мимо болот, и если обошел самые большие и безнадежные, оставив их в стороне и назад, то в то же время он не затруднился и тем, что с истоков рек попал на водоразделы, — те более или менее возвышенные места, которые известны под именем *волоков*.

Самое имя волоков характерно указывает на способ переправы, каковой не только еще не исчез из народной памяти и практики, но существует во многих местах и может быть наблюдаем воочию и в наши дни.

Не говорим уже о *комягах*, первобытных орудиях речной переправы (два бревна, сшитые вместе плотом или иногда обрубисто и топорно выдолбленные корытом), которые не жаль было бросить: самые лодки не представляют такой тяжести, которую нельзя было бы *переволочить* с одного места реки на другое. Комяги эти, по простоте и дешевизне, предпочитают и до сих пор всяким лодкам в переправах по озерам, протяженностью от северо-запада к юго-востоку (какова большая часть белорусских). На таких озерах ветер не может сильно разыгрываться, а пристанище всегда недалеко: комяги в таком случае,

при простоте и дешевизне снаряда, всегда безопасны, озера же довольно часто соединены между собою или межтоками — неглубокими и короткими проливами, или реками — проливами длинными и глубокими. Для перетаскивания лодок немудрено было выдумать и нехитрому уму пару жердей для лошадиной упряжки, или два-три кряжа (два катка или медведки) для подставки под тяжесть или просто еловые ветви на низ и веревку, закинутую за самую тяжесть. Оба конца такой *волочуги* (т. е. обеих длинных жердей) «волочатся» по земле, два других служат оглоблями, в которые впрягается лошадь. В середине на вязках прилаживается плетеный кузов, в котором можно провести не только товар, но доставить и самого воеводу, и притом на санях летом. На северных волоках (вроде Пезского с р. Мезени на р. Печору) такие инструменты всегда наготове, как почтовая тройка с телегой, и еще не так давно между Волгой и Доном (Дубовкой и Качалинской станцией) волочужные снаряды были солидных размеров для крупных судов: накладывали бревна вроде гати не поперек, а вдоль для волоченья лодок; ставились подводы лошадей. Перед весной на таких волоках товары завозились на санях, а остаток зимы употреблялся на постройку судов из местных первобытных лесов, которые к тому же в старые времена были ничьими. Такие волока останавливали на себе особенное народное внимание, выражавшиеся двумя характерными явлениями. Народное суеверие сумело эти места признать нечистыми и проклятыми, помещая тут могилы каких-либо лиходеев, злых разбойников и обязывая всякого прохожего и проезжего бросать сюда древесные ветви, камни, сено и все, что попадет под руку, и чем больше, тем лучше, до того, что место это становится возвышенным и сухим. Снимать и разбрасывать накиданное считается великим грехом. С другой стороны, народная промышленность близ таких волоков, задерживающих движение и скопляющих народные массы, сумело выстроить сильные и торговые пункты в виде

доживших до нашего времени трех исторических городов этого имени (Волока-Ламского — Московской губ. и Волочка *Вышнего* — Тверской губ. и г. Переволочки и селений Переволочня, Переволок и т. п.) и, наконец Торжков и Торгов (вроде Нового) с прямым указанием на цель бытия. Здесь впоследствии образовались торговые центры, как места сближений, ассимиляции, где сильному и живому племени доставалась счастливая доля: одерживать верх над слабым и давать ему свой национальный оттенок. Так случилось на всех пунктах Великороссии при встречах с разнородными и разноплеменными народностями. Еще первоначальной летописи кривичанские выселенцы известны были как хорошие плотники и строители судов, которыми они и торговали.

Вырастанию сильных пунктов вблизи таких водоразделов, которые избирались для передвижений и сношений соседей, разобщенных болотами, преимущественно помогало именно народное движение с юга по рекам к истокам их. Само собою разумеется, в особенности знаменательным подобное явление обнаруживается там, где таких истоков сходится несколько, стало быть, скопление пришельцев производится одновременно с разных сторон. Вопрос слишком очевиден, чтобы углубляться в его объяснение, и закон достаточно силен и обязателен для всех стран и народов в такой мере, что легко видеть доказательства и на лице земли Русской, и даже в пределах страны, служащей задачей для наших наблюдений. Новгород Великий вырос в громадный город, прославившийся и торговым и политическим значением на устьях Волхова близ устья Мсты (другой исторической реки, известной первой летописи) и около озера Ильмень, в числе 30 притоков которого три большие (Полисть, Пола и Ловать) вливаются с юга, направляясь прямо из земель белорусских, а четвертый на юго-западе (Шелонь) истоками своими встречается с водами р. Великой, обеспечившей близ озера и новгородский пригород — Псков. Таким образом, эти пункты подготовлены самой природою,

и политическая роль их является следствием их географического положения. Точно так же, как соседство устьев Десны, Припяти, Сейма, Тетерева, Сулы и Псела имели несомненное влияние на централизацию Киева, в пунктах сближения истоков Сожа, Десны и Каспли (а с последнею, стало быть, и течение Зап. Двины) вырос Смоленск на *Днепре*, а вблизи истоков Березины, Велюкой и Ловати и близ устьев Десны и Уллы на Двине собрался и прославился другой древнейший город земли кривичей, столь же знаменательный в истории этого народа — Полоцк. Не забудем при этом, что только эти два пункта (в виде укреплений и центров политической жизни народа) и успели выделиться в стране белорусов, где и самые озера представляют, как сказано, сплошные водяные сети. Везде в других местах, на юге Белоруссии, в стране чудовищно-громadных болот, белорусы живут разъединенно, будучи не в состоянии создать и сгруппировать объединительных центров.

V

Белорусские реки все многоводны. Значительное число их (даже и из малых притоков) до сих пор еще сплавные, а многие на людской памяти были судоходными. Падение их незначительно: один Днепр представляет в этом отношении исключение, впрочем, не особенно резкое и характерное. Все они большей частью берут начало в болотах и текут в заболоченных берегах (имея правые берега возвышенными, а левые низменными) и оттого неприступны. Самый Днепр до сих пор не имеет ни бечевников, которые невозможны, ни береговых закрепов, устройство которых очень затруднительно: против течения приходится ходить большею частью на баграх, что чрезвычайно затруднительно. К тому же не все реки успокоились в определенных берегах и некоторые ищут новых русел, врезаясь в податливые торфяные земли прибрежных болот и подрывая обрывистые

крутояры. В Могилеве крутой берег принуждены были укрепить искусственными средствами. При настойчивом истреблении лесов у истоков успели уже достичь вредных и разрушительных результатов на больших пространствах и уже для многих поколений. Естественные следствия такого зла: увеличение уровня весенних вод над средним горизонтом; а быстрые и разрушительные наводнения, столько же неожиданные, сколько и сильные, сделались уже слишком очевидными. Дожди смыли почву с гор и засорили ею реки, подняли их русла и заставили весенние воды выступать из берегов на новые места, превращая таковые в свежие и новые болота и делая берега рек еще более неприступными¹⁵.

Эта неприступность по всему вероятно послужила причиной тому, что побережья белорусских рек (не исключая Днепра) не приютили населения в таком размере, который казался бы резко определившимся, и не сделались местами густой оседлости, как, напр., все великорусские реки (не говоря уже о Волге). Для белорусских как будто только и была одна мировая задача сослужить человечеству службу в качестве большой проходной дороги, на которой неудобно, стеснительно и опасно устраиваться на вечные времена прочным хозяйством. И в самом деле, правым берегом Днепра шла и колонизация и торговля, здесь был и путь из варяг в греки; т. е. из Новгорода на Киев, как по правому берегу Двины шла ганзейская торговля, направлявшаяся по Великой на Псков, по Шелони и Ловати на Новгород¹⁶. Правые берега еще представляют приметные группы селений; левые замечательно пустынные, не исключая и Днепра. На правом берегу его встали все старинные города и более живые торговые пункты: Смоленск, Дорогобуж, Орша, Шклов, Могилев, оба Быхова (старый и новый), Рогачев, Жлобин, Стрешин, Горвал, Речица, Холмичи, Лоев, — на левом уцелел один только старинный (теперь заштатный) городок Копысь. То же повторилось и на Десне, то же и на Березине¹⁷. Воспользовавшись побережьями, как бы передаточными пунктами,

народ главным образом стремился на верховья рек, переволакивался с одних истоков на другие и садился там, где ему казалось не страшно и вольно посреди болот и лесов, и снова двигался вперед, пока не попадал на жилые места иных племен. Здесь движение останавливалось силою встречного отпора.

Таким образом мы встречаем в настоящее время белорусское племя перебравшимся с Березины и Свислочи на верховья Немана и его притоков Шары и Вилии. На границе лучших земель, ранее занятых племенами литовского народа, белорусское прекратило свое поступательное движение. Сталось так, что и в данном случае остался неизменным и ненарушенным роковой исторический закон для всего племени, выразившийся самым характерным образом в том, что белорусам на всем пространстве земли их суждено сидеть лишь на верховьях рек, даже и таких крупных, как Зап. Двина, Днепр и Десна. Обратное движение могло направиться лишь на междуречья и водоразделы и здесь удовольствоваться случайными и первыми попавшимися местностями, без разбора, среди болот на обсохших островах и — конечно — по берегам рек, прорезающих эти беспредельные и разнохарактерные болотные пространства. Вот почему по Березине, Свислочи и Птичу и только в одном нынешнем Бобруйском уезде¹⁸ (Минской губ.) насчитано 3931 курган, а затем во всей белорусской части той же губернии более 15 тысяч курганов. Точно таким же образом на ту же губернию приходится до 214 городищ, сгруппированных главнейшим образом в западной части, ближайшей к Днепру и стало быть, к центру первоначальных движений и расселений племени (на один Речицкий уезд выпадает 78 городищ). Такой же непрерывный и поражающий свежее воображение ряд курганов попеременно с городищами тянется по правому берегу Днепра на всем длинном пространстве от Старого Быхова до Гомеля (откуда, между прочим, и самое имя города *Могилева*). Сплошь и рядом во всех случаях городища и курганы без разбору сидят в глухих пущах,

вдали от жильев. Бобруйское шоссе, искавшее прямого пути на Слуцк, проведенное по образу птичьего полета, стрелой, в глухих и мертвых пущах, до десятка раз натолкнулось на группы этих круглых насыпей с вековыми деревьями на боках — свидетелей старых людских жилищ и некогда царившей здесь жизни людского племени (дреговичей, или жителей Дрягвы, т. е. громадных полесских работ).

Замечательно велико число этих городищ, унаследованных нашим временем в форме покинутых мест, не занятых жильными домами и сохраняющих в соседстве новые селения, наделенные именами старых во всех разнообразных этимологических формах этого имени: Городище, Городок, Городня, Городищечко, Городечня, Новогородок, Новгород, Давыд-городок, Кожан-городок и даже Пустогород (Черниговской губ.). Такими именами поразительно богат весь белорусский край, не считая при этом иных жильных остатков под именами Замковиц, Церквиц, Селиц и т. п. Но неизмеримо богаче белорусский край группами курганов, происхождение которых народ (вообще поразительно бедный историческими преданиями) относит ко временам *руины* — какого-то неопределенного бедственного времени. Голодные моры, смертоносные поварельные болезни, заставляющие обыкновенно убежать живых и оставлять мертвыми пустырями старые пепелища, в понятии руины смешиваются белорусами с бедствиями военного времени и опустошительных нашествий, от литвы и татар до походов Карла XII и Наполеона I включительно.

Но, следуя приемам старого исторического метода исследований, слишком много надо насчитать войн и набегов, чтобы оправдать ими все количество белорусских курганов, столь многочисленных, столь прихотливых по выбору мест и в числе таковых — даже удаленных от центров всякого политического движения, в мертвой глуши непролазных болотных пущей. Здесь на рассыпавшуюся груду бревенчатых построек

и глиняных очагов, все-таки на открытой площадке, свободный ветер мог наносить курганы и одною пылью, как удалось же ему набросать сюда семян елей и сосен, принесенных им из ближнего леса. Одновременно заросли окрестные поля лесами — на добрый конец, или кочкарниками — на худой, и тогда старые пашни становились новыми болотами. В этой непрерывной и неудержимой смене растительных поколений и видов почвы прошли те сотни лет, которые изжило белорусское племя, глядя, как болото иссыхало в пашню, как заболачивалась самая пашня или зарастала дремучими лесами, как из лесов делались и поля, и луга, и починки для селений, и опять пустыри.

— Вот это болото (говорили мне про болото, называемое Кобыличьим, под самым городом Гомелем, на пути моем по проселку на с. Красное и Уваровичи) было когда-то озером. Жила-была мать чародейка с единственным сыном, который и потонул в этом озере. Мать огорчилась и заклала то место; стало озеро болотом. А прежде того по озеру этому суда плавали; местами попадаются мачты, осколки судов: теперь дрогва такая, что ты идешь, а земля супротив тебя вздымается. Завязала чаровница озеро в болото таким замком: пусть выищется детина семи лет, проедет по болоту на кобыле трехлетке и отыщет то место, где потонул сын. На месте том выросли три черотины (три куста очерету), надо их тому детине вырвать и, не оглядываясь, увезти прочь — станет тогда болото опять озером. Но как это сделать? Где такой богатырь семи лет? как ему проехать по зыбучей дрогве, как ему найти в очеретных кустах те самые три черотины?

Подобное же предание встречается нас и дальше за Уваровичами и еще опять на Днепре у Стрешина, с тою только разницею, что подобные предания приписываются островам, выросшим на озерах. А в Могилевской же и в Витебской и про самые озера точно такая же слава.

— Стоял на том месте, где разлеглось теперь светлое озеро (даже и такое большое, как Нецордо, в Витебской

губ.), большой город с божьими храмами, да согрешили люди перед Богом: излилось озеро и поглотило греховный город.

В ясную погоду зоркие глаза видят и кресты и кровли: чуткое ухо слышит колокольный звон на восходе и закате солнца. Звон этот иногда будит глухое молчание на диких берегах Нещорды: уstraшенные птицы улетают прочь, испуганные серны и лоси, дрожа от страха, скрываются в глушь пущи. В трех верстах от города Суража (Черниговской губ.) по дороге к Клинцам, на левом берегу Ипути вытянулось с версту длиною озеро Лобное: и здесь было селение и за грехи провалилось. И теперь слышен подземный гул, бряцанье металла, стоны и вопли, между которыми распознаются голоса коней, коров и овец, — особенно перед наступлением полуночи и за полночь.

Таких озер с затонувшими селениями и церквями в белорусской стране насчитывается не меньше самих озер, высохших в болота.

И в самом деле: около села Пожежа (Киевской губ. Черкасского уезда) в начале нынешнего века все помнят озеро Белое, а теперь видят на месте его болото, среди которого как был, так и остался — остров, заросший лесом, на котором находится древнее городище, а близ села десять могил с костями людей и животных (стало быть, вследствие этих признаков, и это городище языческих времен). В Люценском уезде лежит озеро Любань, верст на 90 в окрестности, в различных направлениях со всех сторон окруженное болотами. На старых картах все эти болота зачерчены в озеро и самому озеру придано название *Mare Lubanikum*. Из болот, лежащих на востоке, вытекают три реки: Синяя, Лужа и Утро — притоки Великой; реки же из юго-западных болот сливаются в Любань и им спускаются в Двину. Таких примеров можно привести еще много в доказательство, насколько рельеф страны изменялся в известные периоды лет; истощенная почва обростала негодным кочкарником, и покрываясь мочевидами, сгоняла народ

прочь. Равновесие сил природы и ее экономия постоянно и безрасчетно нарушались. Ослабевала деятельность лесов, — и влияние болот спешило выразиться всеми своими сокрушительными и роковыми последствиями. Кое-как налаженная здесь жизнь вымирает. Остаются курганы, указывающие на отыгравшуюся жизнь, последние следы которой затягивает мохом и прикрывает лесными пущами несомненно уже не в первом и не в последнем поколении пород растительного царства. На помощь смерти являются болезни, справедливо приписываемые болотам, вечному гниению органических веществ, накопившихся в стоячих водах и выделяющих губительные испарения.

В болотистых водах развитию инфузорий весьма способствует то обстоятельство, что они очень близки к поверхности почвы и потому весьма доступны свету, теплоте, воздуху и органическим веществам, а такое условие чрезвычайно благоприятствует размножению этих малых существ. Без вины людей болотистые места дают дурную и во многих отношениях нездоровую для питья воду. Лихорадки с завалами печени и болезнями селезенки проявляются в бледных и желтых лицах с тусклыми глазами и впалыми щеками, в опухоли нижней части живота, в замедленности движений. Медленно и верно уничтожает смерть тех немногих жителей, которых железная нужда заставила тут поселиться. Верная спутница смерти, злокачественная лихорадка, кончает тем, что роковые селения исчезают, зарастая новыми лесами и курганами. В редких случаях останется след лишь в летописных сказаниях: «Харкнет человек кровью и помрет». «Ударит человека как бы рогатиной за лопатку, или под грудь против сердца, или меж крыл; проболит 2, много 3 дня и умрет». «Появится железа, — у кого на шее, у кого на стегне, под пазухой, под скулой, под лопаткой, и во вся грады разыдеся мор силен и страшен». Земля пустела, зарастала лесом и были потом всюду пустыни непроходимые. Отсюда в описях разных имений (как, напр., в имеющих на нас церковных и мо-

настырских летописях Полоцкого княжества отданных Стефаном Баторием иезуитской коллегии) то и дело читаем следующее: «В том же селе, возле церкви Пресвятые Богородицы, было 10 церковных людей, которых ныне уже нет». «К сему же монастырю в сельце Торове принадлежало 5 человек и “to sioto w puscie” (живущих в пуще)». В селе Сосне проживало 7 человек, которые давали в монастырь со всех посевов своих четвертной сноп, страже замковой давали два гроша широких, на стане Лозовском продовольствовали посланцев и гонцов: село это опустело (puste), и т. д. до ста раз: то “zemia w puscie”, то “nie jednego czlowieka niemasz” (ни одного человека не осталось). Такие страшные последствия нарушенного равновесия экономики природы вернее всяческих вражьих набегов видоизменили лик страны в одних местах совершенно, в других же с несомненными и прочными задатками такого же явления в недалеком будущем.

В приболотных деревнях у детей замедляется развитие, они вялы, одутловаты, со слабо развитыми мышцами, с узкою грудью и большим животом — слабые надежды на прирост населения, для которого в белорусских краях выродилась особенная болезнь, неизвестная в других местах. На низменных покатосях у гнилых речек и в болотных луговинах колтун (болезнь волос, крайность острого худосочия) — явление эндемическое, сопровождаемое нередко ломотою, язвами, сыпями, искривлением ногтей, выростанием ресниц внутрь к главному яблоку и вследствие того самовоспаление и изъязвление прозрачной оболочки глаз. Колтун при этом столь всесилен, что переходит и на домашних животных. Хохлатая лошадка с грязною растрепанною шерстью, неуклюжая, сторбленная и тощая — явление самое обыкновенное, как и то, что вместо ее в той же лошадиной упряжи под дугой и в оглоблях ходит бычок.

Счастливые нападали на леса и отбивали у них клочки пашен, несчастные принуждены были отвоевывать таковые же клочки у тех же болот, осушая их каналами и сдабривая искусственным образом при помощи

надворного назема. В минском и волынском Полесье эта неустанная и бесконечная борьба с природой ведется уже под конец второй тысячи лет народного существования, потому что с первых же лет водворения племени в стране своей ему привелось садиться или на озерах, выжидая того времени, когда болотные травы стеснят воду на середину и потом затянут вовсе, или на ржавых болотах, и оставить о том доказательство и память в бесчисленном множестве селений, носящих название Рудней и Ржей. Город Орша — урочище на Рьше (теперь на Оршице) упоминается в летописи под 1067 годом и на лице земли Русской не одно встречается повторение: есть река Орша в 18 верстах от Твери (приток левого берега Волги). На самой Волге стоит город Ржев 1150 года — старинная Ржева Володимирова; на крайней северной границе Белоруссии и внутри страны селения: Иржавец, Иржачь (т. е. Ржавец, Ржач), Ржищев, Ржава на р. того же имени, Оржев и Аржа — погост Псковской губ., где теперь г. Новоржев (куда управление переведено из *Пустой Ржевы*).

Болотами обездолена белорусская страна уже в таком сравнительном изобилии, как никакая другая страна целой России. Громадное количество корытообразных равнин, не представляющих стоков, и при этом глинистый, непроницаемый для воды нижний слой — вот те условия, которые породили болота. Вода, приносимая дождями, источниками или снегом, здесь останавливается, испаряя газы, вредные для здоровья. Болота ухудшили и климат: средняя температура белорусских болотистых равнин гораздо ниже, чем должна быть, судя по географическому положению. Только с наступлением холодов страна становится здоровою. Словом, болота — это то, что вместе с обилием лесов и воды всего наиболее поражает воображение и кажется преобладающим во всем разнообразии форм и видов, нашедших в белорусском языке специальные определения и обогативших его в эту сторону.

Обыкновенно *болото* (собственно так наз.), мокрые места, покрытые смешанным дровяным лесом, потому что слой моху не очень толст и корни деревьев могут проникать в грунт земли, — места, в сухое время проходимые человеком, и *нимяреча* (или *мяреча*, а также мхи), где моховой слой достигает толщины нескольких сажен и на нем растет один только сосняк, но весьма редким и низким насаждением. Окраины таких болот густо зарастают ивняком и березником, и на них-то уцепились те селения, которым не удалось укрепиться на побережьях рек и озер. В мяречах попадают именно те местности, которые непроходимы и известны под именем *нетры* — места, соблазнительные для охотников и опасные для их жизни обилием смертей. Третий вид болота, самый безнадежный и ужасный — это бывшие некогда озера, поверхность которых заросла не особенно толстым моховым слоем, но густого сплетения. На них после первых поселенцев: водорослей, водных мхов и низших растений, вымерших и истлевших, образовалась уже почва для других болотных растений. Под мохом этих болот, называемых *тванями*, содержится разжиженная грязь, сквозь которую проходят свободно шесты в 3-4 и 5 сажен длиною. На тванях ничего древесного не растет; подземные ключи выходят наружу; сплошь и рядом просвечивают *окна* или *виры* — различной величины, отверстия, в которые опасно попасть и про которые существуют поверья, как о бездонных пропастях. Вся поверхность — драгва настоящая, сплошная, с поразительным подобием дрожжащего и пропускающего всякий твердый предмет киселя. Во время разливов озер в осеннее время вода, не покрывая моховой поверхности, скрывается под верхним слоем и напором подмывает моховую оболочку от окраин к середине, отчего твани получают обманчивый вид отлогих возвышений. Некоторые покрыты никогда не замерзающими озерами и стелются нередко на десятки квадратных верст. Сплошь и рядом эти твани отливают черным или бурым с блестящими цветками: ил их проникнут закисью железа. На северной стороне

водоразделов Днепра, Двины и Волги, эту болотную руду плавят в ручных печках, режут на прутья и перековывают в гвозди, прославившиеся под именем уломских (а вся местность под названием Железополья). На юге от водораздела, безразлично на всем протяжении белорусского края от Велижа и Усвята до Чернигова и Киева, таких домашних железных заводов не существует, но сохраняются сотни селений под названием *Рудней*. Явление это поразительно, и едва ли можно сомневаться в том, что некогда это были места железной выработки, давно покинутые и забытые, так как полузабыто в Белоруссии и употребление самого железа. Тем не менее многие Рудни владеют старинными городищами и обставлены курганами, как несомненно древние поселения, имеющие за собой очень давние времена летописных указаний (под 1363 годом указана Рудня, местечко Могилевской губ. Оршанского уезда; под 1025 годам значится в летописях г. Листвен, в 12 верстах от черниговской Городни, на р. Руде)¹⁹.

Тем же последовательным путем, в зависимости от непосредственных впечатлений, усваивались прозвания селениям по живым урочищам общего нарицательного смысла. Явились и Речица и Поречье, и бесчисленное множество производных от изгибов речных, так называемой луки, от суток встречных и соседних изгибов реки и крупцов — коротких и быстрых нагорных речных притоков. Явился на Днестре Стрешин или Стрежев (город XII века), от *стрежа* Днестра, и недалеко от него Рогачев (1142) от *рога*, каковым именем во всей Белоруссии определяется всякий угол, угловая местность, как на этот раз мыс, образованный слиянием Днестра с его притоком — Друтью²⁰. Оказались по речным низменностям, по долам рек, по примеру киевского, и целые города и села и пригодные слободы: Подолы, Подольски, Подольцы, Подолья и проч.²¹.

Несомненно при этом, что все подобные простые и дешевого вымысла названия, зависящие от непосредственности впечатлений старинных поселенцев, при-

надлежат городам и селениям *древнего происхождения и языческим временам*, во всем том большинстве случаев, где снабжены они городищами и окружены курганами, что до всему белорусскому краю случается поразительно часто.

VI

Редкие из старых городов и селений по всему западному и северному краям России не имеют храмов, посвященных пророку Илии и мученице Параскеве-Пятнице. Сплошь и рядом новые города и вся масса позднейших селений таких храмов не имеют вовсе. Первая христианская церковь в языческом Киеве, еще задолго до введения христианства в России, была освящена прежде других во имя пророка Илии; в Чернигове (упоминаемом впервые в договоре Олега с греками) преподобным Антонием Печерским, удалившимся из Киева по неудовольствию с князем Изяславом, в горах Болдинских внове ископанною пещерою положено было в 1069 году основание монастырю Ильинскому и заложен храм во имя этого пророка, также первый в этом городе и во всей северской стране. Близ Новогрудка, в нынешнем Лаврищеве, еще при Миндогве, стало быть, в первые времена Литвы, существовал монастырь «лавра св. Илии» (оставивший свое имя и самому селению), в которой сын племянника Миндовгова Римунда (в монашестве Елисей) был архимандритом. Древнейшая ярмарка в славянском мире, собиравшая южнорусский народ от Карпатских гор до донских степей для торговли и обмена с дикими кочевыми племенами печенегов и половцев, собиралась в Ромнах (Полтавской губ.) на какой-то срок, который оказался в христианские времена также Ильиным днем. По Днепру и его притокам в любом древнем городе неизбежны Ильинские и Пятницкие церкви: во Мстиславле и Могилеве, в Витебске и Полоцке, в Слуцеске-городе (1116) над Случью;

Пятницкие Ильинские церкви и концы в Смоленске и Новгороде, во Пскове и Изборске, первый монастырь — Ильинский в Вязьме; Ильинская ярмарка в Ельне; Ильинская церковь в Велиже, Пятницкая в Торопце, Ильинская и Пятницкая церкви в Кричеве (Могилевской губ.) и т. д. Одним словом, из всех 682 церквей и часовен православного исповедания только в двух окатоличенных епархиях (виленской и витебской) мы успели насчитать главных храмов и приделов во имя и честь:

Пророка Ильи Везвитянина 30,
Мученицы Параскевы-Пятницы 22²².

С другой стороны, если мы переменяем точку наблюдения, то увидим, что в Ильинских селениях (которые чрезвычайно многочисленны на севере) существуют обязательно и непременно народные сходки для обмена и сношений: торжки, торги и ярмарки по пятницам, и — наоборот, что особенно чтимые пятницы на заветных местах всегда предполагают деревянные изваяния мученицы, во всех случаях почитаемые чудотворными, а чествование пророка Ильи еще нигде не знаменовалось подобным способом. На замену его встали изображения «Огненного восхождения пророка на небо», столь известные всему белорусскому краю, вообще скудному иконными представлениями в лицах, и весьма мало знакомому с ними²³. Затем уже велика, страшна и честна для всей православной России *Ильинская пятница* (последняя перед 20 июля), а для Белоруссии честны и грозны все пятницы в году, а 12 первых после Пасхи — в особенности. Все пятницы в году — безработное время и сильнее воскресных дней. В разъяснение причин на этот раз мы углубляться не будем, а вспомним следующие весьма характерные обстоятельства.

По литовским преданиям, в г. Вильне Пятницкая церковь построена на месте языческого литовского капища богу Рагутису, и наоборот: в местечке Кейданах (Ковенской губ.) на месте, которое в начале XV века занято было христианскою церковью Илии, жмудяки-

язычники сделали храм Перкунаса. Белорусским преданием храм во имя Илии прямо относится к тому месту, на котором стояло некогда языческое капище, или лучше, находились священная роща и святое место богопочитания. Во Мстиславле, известном с 1180 года, место исчезнувшей церкви во имя св. Илии, но самым тщательным исследованиям, оказалось на искусственной древней насыпи, слывущей под названием Девичьего и Девьего городка, на котором и до сих пор местная молодежь совершает свои весенние и летние игрища и забавы: просо сеют, лен топчут.

Далее. На всех выгонах древнейших русских городов, не исключая средних и северных (Москвы, Вологды, Костромы и Новгорода), поставлены церкви во имя священномученика Власия, епископа севастиийского, заступника скота, сменившего специального языческого бога Велеса, по тому же способу, к какому прибегали первые проповедники христианства — греки. Как на этот раз молитвенные предстательства и чудодейственную помощь перенесли они с языческого бога на святого православной церкви, так и во многих других случаях замечается то же и по отношению к Пятнице — сменной в христианском культе Параскевой, к Илье, заменившему Перуна, к Георгию Победоносцу и мученикам Флору и Лавру — исчезнувшим покровителям домашнего скота и лошадей. В Белоруссии до сих пор жива такая молитва: «Попаси и соцали, Господи, животов и стадников от всякого впадку: Флор — лошадок, Власий — коровок, Настасья — овецек, Василий Касарымский — свинок, Акинфий — гусятков, Варлаамий — курятков, Феодосий — козков, Зосима и Саватий — щелок, св. Егорий храбрый все стадо — в поле отпуская, в дому принимая, в цистых полях, гдзе ходзяць, гуляюць, траву седаюць, воду спиваюць, на святом месце поцываюць, днем под солнцем, ночью под месяцом, под цястым звездам, под небесным облакам». Сохраняется также и такой стих, между прочим:

Шестое свято — Илья пророк.
Илья пророк по межам ходиць,
По межам ходиць, рожь зачинаиць,
Рожь зачинаиць, яр наливаиць.
Ясен-красен мак в огороде
Ясней-красней на поле снопы.
Все аржанные, вся яровые.
Широк-высок на небе месяц, —
Шире и выше на поле копы.
Все аржанные, все яровые.
Часты и густы на небе звезды, —
Чащей-густей на поле бабки.

Наконец, весьма замечательно (как во всех вышеупомянутых местностях, так и во множестве других осмотренных нами) то существенное и неизменное явление, что Ильинские церкви стоят на крутизнах берегов, вблизи воды, а всего чаще над самой водою на наиболее возвышенных крутоярах, в противоположность Пятницким, выстроенным на суходолах или подолах, вблизи крупцов, на родниках и у колодцев, в местах, служащих для прощей и в нередких случаях назначаемых под кладбища. Оба эти признака (в особенности первый) настолько определительны для Белоруссии, что во Мстиславле по этим приметам можно было определить место Ильи, несмотря на то, что он давно уже не существует, а во Пскове выделить Илью без посторонней помощи и указаний в Запсковье близ мыса, образованного впадением Псковы в Великую, Кричевский Илья характерно выдается над крутым берегом Сожа, показывая за рекой прелестные виды, и наглядным образом объясняя те два свидетельства первоначальных летописей, по которым деревянные изваяния Перуна сбрасывались с горы прямо в воду: и в Киеве, и в Новгороде. Все эти возвышенные надречные места представляют городища, называемые в Белоруссии общим именем замков; валы и рвы на многих из них от времени значительно сгладились и с трудом распознаются (как в Черикове и Пропойске); на каждое из них делаются прямые

указания, как на места языческих требищ и притом так, что на кривичей существуют прямые указания в самых названиях живых урочищ (в местечке *Кривичеве* река *Кривичанка*)²⁴.

На местах этих собиралось народное вече, а во времена магдебургского городского права — городской суд, как теперь в известные дни народные гульбища и старинные игрища под классическую дуду и желейку. Из-под некоторых подобного рода городищ разливы рек, разрушая берега, вымывали различного вида кости, людские и лошадиные.

Таким образом, будучи несомненными признаками очень древних поселений дохристианской эпохи, Ильинские церкви на них служат вторым признаком их языческой древности и указателями способа перехода и самой сделки мирного свойства и вполне народного характера. История Белоруссии не дает нам ни одного случая упорных и резких сопротивлений проповедникам нового вероучения. Напротив, хронологическая таблица постройки церквей рисует постепенную картину водворения веры почти в течение XI и XII веков, с малыми исключениями. В ее истории не существует даже тех усиленных мер, которые, в особенности на севере и востоке России, выразились в энергическом подвижничестве апостолов веры — святых отшельников, основателей монастырей и духовных владык. Как будто сам народ охотливо и безропотно подчинился новому учению, народ — по всем признакам — *занявший свою страну, будучи в языческом состоянии*.

На эту давность поселения указывает определительно отсутствие в народе тех колонизационных приемов, которые живучи и деятельны до сих пор среди великороссов, еще далеко не осевшихся на месте и не кончивших своей колонизаторской задачи. В Белоруссии эти признаки, за давностью времени, и за установившеюся издавна прочною оседлостью, как будто исчезли вовсе, стерлись без следа с лица земли ее.

При всей скудости средств белоруса скупым его назвать нельзя; по-своему он даже гостеприимен, но хлебосольным быть и назваться не может. Нет у него этой торопливой готовности угостить захожего человека, и тем более незнаемого, нет у него той быстроты желаний угодить гостю припасенным и заветным, которая так резко выражается у великорусского человека на его деревенских праздниках, когда широко отворяются двери для званых и незваных. Белорус прячет свое добро из запасов (даже избыток хлеба закапывает в ямы), не для себя вовсе, а на какой-то черный день, на какое-то неясное лихо, которого он всегда ждет. Словом, у белоруса нет того гостеприимства, которое не спрашивает: «кто ты и откуда», а говорит: «садись и ешь», того хлебосольства, которое понимает, что прохожий нуждается именно в питье и пище. Великорусское хлебосольство и гостеприимство, получившие начало в личном опыте и разумеющие нужду всякого другого, очутившегося в том же положении нуждающегося человека, несомненно выродились, выросли и укрепились в те тяжелые времена колонизации пустынных стран, когда живой человек обретался в голодной и безвыходной пустыне (лесной или степной — одно и то же). Из этих гуманных качеств, поощряемых и покровительствуемых христианской церковью, выродились все те содействующие успеху колонизации страны приемы и обычаи, которые живут и действуют по всему лесному северу и востоку России.

Непрерывным рядом станционных пристанищ и постоянных дворов тянутся по северным лесам те землянки или лесные избышки, которые могли бы исполнять специально предназначенные им и исключительные цели, если бы за каждой из них не водились следующие очевидные добродетели:

Избышки эти, под видом промысловых и под названием *кушней* на севере России и *заимок* в Сибири, если и принадлежат известным хозяевам, то все-таки не надо

стучаться и спрашиваться. Их и не запирают: приходи всякой, ухоронись и обогрейся; владей избушкой кто хочет. Дай Бог, чтобы повладел тот, кому придется нехорошо в виду непогоды, бездорожья и голодной смерти. Вот почему в таких благодетельных лесных убежищах про случайного бездомного скитальца древний обычай установил правило оставлять что-нибудь из съестного (квашеного или соленого), непременно соль, ножик, деревянную тарелочку, ковшик и очень часто сетки с поплавками — половить в ближней речке или озере свежей рыбки. В Сибири, куда народ по завоеванию ее шел во множестве мимо ранее поселившихся и устроившихся хозяйствами, в те давние времена установился почтенный обычай выставлять остатки из съестного за окно, на особенно приделанные полки, для такого же случайного прохожего. Обычаем этим воспользовались колонизаторы в обратную, т. е. беглые ссыльные, и в настоящее время он укрепился на прочных основах, утратив лишь свой первоначальный характер. Наконец в тех далеких и глухих странах народных переходов с худых мест на лучшие не исчезал до последнего, нам памятного, времени обычай сеять «на сиротскую долю» горох и репу при дороге, заговором и приговором на прохожего человека, чтобы кто ни прошел, тот мог и щипнуть. По глухим лесам, где нет дорог, всякий прохожий старается оставить на деревьях заметки, зарубки; во всяком жилом селении кто ни постучится в дверь — будет впущен, кто ни постучится под окном — получит подавание Христа ради. Неимуций пользуется особенным почетом в народе, и «Христовым именем» проходят из конца в конец всей обширной Русской земли многие тысячи странствующего и непоседливого православного люда.

Главных из этих признаков в Белоруссии не существует вовсе, другие остаются лишь в виде тусклых, едва уловимых следов, как бы настойчиво и тщательно ни производились наблюдения. В коренных основах оба родственные племени разошлись вовсе и разобцились до наглядности. Остановимся, по данной задаче, на одном явлении.

В Белоруссии нет старика — в смысле многолетне-го и многоопытного охранителя и руководителя семьи, который под именем большака так характерно образен в великорусской семье и исторически в ней неизменен и неизбывен. Явление это нас поразило в такой степени, что мы усиленно старались его проверить и видели одно и то же. Рано дряхлеет белорус, и век его вообще недолог, а неблагоприятные физические и экономические причины делают из молодых лиц старческие, из гибкого стана надломленные сутуловатые фигуры. В начале 20-х годов своей жизни работник красуется еще некоторою моложавостью; многие в этом возрасте умеют казаться такими недоростками, как будто им меньше 15 лет. К 30 годам они стареются совершенно и на тридцатых годах кажутся такими стариками, которым можно смело дать 50 лет. Кожа на теле и морщиниста и мозолиста, и человек обретает тот вид, которому приурочено название собачьей старости²⁵. Около 50 лет старик уже считается патриархом. Если не сокрушили его до конца невзгоды и болезни, он во всяком случае усталый и неспособный работник. Его присадили на печь и в угол; на него ворчат и им тяготятся, как лишним бременем в тяжелом крестьянском быту, где работа всякого на счету и на виду, где только дружными и соединенными усилиями всех сыновей облегчается жизнь и удовлетворяются неприхотливые домашние и семейные надобности и требования. Тут даже чужой человек — *примак* (приемыш) в семье — пользуется большим и преимущественным правом на наследство, чем лица нисходящего потомства, если умел он хорошо работать и много видного успел сделать. А старик смиренно принижен, пользуясь лишь правом спать не прямо на битом полу, вместе со всеми, а на дощатых нарах, и тачать лапти, и молчать; в советах его никто не нуждается и никто к нему за ними не ходит. Сегодняшний день и грядущие обстоятельства гораздо лучше учат и больше обещают, чем опыты и указания вчерашнего дня. Белорусские старики лишены всяких семейных забот, и в то же время не видно с их стороны никаких

протестов, хотя бы в виде жалоб в волостных судах, которые нам привелось просматривать в четырех белорусских губерниях.

Великорусского большака, держащего семью «грозно и честно по старине», нередко с тяжелой рукой в ежовых рукавицах, — в Белоруссии нет и признаков. Неизвестны здесь те собиратели земель, какими явились московские цари Васильи и Иваны, те копители на государя слобод, которые умели созывать народ, на новые земли и укреплять за собранными ими селениями свои собственные имена, ушедшие в позднейшее потомство. В противоположность Великой России, где десятки тысяч селений неизменно носят прозвания по имени первого выселенца и основателя (на которого писались и выдавались от царей и великих князей владельческие грамоты) — в Белоруссии те же десятки тысяч селений носят названия собирательные не по имени одного, а всей семьи его, в силу объединенного труда и заслуг рабочих рук всех сыновей. В то время, когда в Великороссии сплачивались общины и дружными усилиями завоевывались тяжелые и негостеприимные земли и страны, — в Белоруссии шла разъединенная работа отдельных семей в избранном месте, чтобы не потеснить соседа и лишь бы уберечься своей кучкой. Для соединенных работ не было места среди болотистых островов, на оазисах лесных пустынь. На общину у белорусов только намекали; от нее остались лишь осколки, за которыми надо гоняться с большими усилиями.

В настоящее время в Белоруссии с легкостью и удобством мы можем следить за тем, как каждая изба в селении хлопотливо старается выделиться от соседа и обустроивается зачастую как, что даже окнами они не глядят друг на друга. В этом отношении белорусские деревни представляют поразительную неправильность и беспорядочность постройки, часто не имея ни улиц, ни площадок. При этом прадедовская кривичанская привычка жить одиноко по лесам, в местах пустынных

и глухих, сделала то, что в настоящее время в Белоруссии редко попадаются деревни более двадцати дворов. Сплошь и рядом селения состоят только из пяти или десяти хат с кое-как огороженными хозяйственными постройками. Так и кажется, что это действительно только одни Сидоровичи, Климовичи, Сухиничи, Марковичи, одна семья Быковичей, Чоровичей, Андрейковичей и т. д. А назвались эти селения такими собирательными именами по христианскому отеческому прозвищу, или по длинному прозванию, или наконец по занятию и промыслу, кое-как усвоенному известной семьей²⁶.

Разобщившиеся в силу исторических причин и племенного свойства, разобщенные неблагоприятными географическими и физическими условиями страны, всякую весну и осень неизбежно и обязательно, — белорусы в крайней уединенности своей являются тем в высшей степени интересным и поучительным племенем, в котором почти все первобытно: пища, жилища, одежда и мирозерцание. По одним бытовым признакам для них как бы еще не наступал железный век, и они живут в каменном периоде, по другим — они несомненно принадлежат языческой эпохе.

Переходим теперь к описанию этого племени, в доисторическую эпоху выселившегося с юга на север, свободно занявшего лесную и болотистую равнину на запад России для земледельческого труда и борьбы с природой, которую, однако, подчинить и победить белорусскому народу не удалось. Он имеет за собою много прав, чтобы выговорить своим тоскливым напевом в одной из старинных песен такую жалобу:

Ой, не всхожее мае сямена,
Не взрощенная мая маць-земля!

ЖИТЕЛЬ

(ИЗ ОЧЕРКОВ БЕЛОРУССИИ)

Прежде всего об имени, — этой самой характерной племенной принадлежности и самом типическом признаке самосознания, как политического целого, так и национальной единицы. Прозвание «белорус» в значении жителя западной части Руси Белой давно уже разгуливает по белому русскому свету, путаясь, однако, с общим понятием о всей России и преимущественно Великой, каковою первым признал и прозвал в первые моменты политической независимости своей московский царь Иван Васильевич, и до сих пор народ зовет белыми: и веру, и царя, и родину. Полякам принадлежит прозвание Белой Руси в его исключительном смысле, по применению к пяти воеводствам, отторгнутым от Москвы: Смоленскому, Мстиславскому, Витебскому, Полоцкому и Минскому. Екатерине II прозвание это обязано своим новым, но неокончательным подтверждением для двух только губерний: всей Могилевской и половины Витебской. На долю нашего времени выпадает новый подобный случай узаконения этого прозвища, не самим народом выдуманного, в его народно-политическом смысле. Впрочем, и теперь потомки полочан, кривичей, радимичей, вятичей и дреговичей о прозвании их «белорусами» не имеют никакого понятия, не усвоив его себе и не нуждаясь до сих пор в столь крутом племенном определении. В Белоруссии подслушана такая народная песня:

Налецели гуси
Да с белянкой Руси
Сели-пали на криници,
Стали воны воду пици.

Это единственное указание, по крайней мере из известных нам живых народных источников, не представляет руководящей особенности и лишь служит подтверждением общих наблюдений: гуси на настоящую Белую Русь прилетают, весной с юга и осенью с севера, мимолетом все-таки через Великую Русь. Нам лично десятки раз приводилось на месте встречать, даже в представителях местной образованности, приметную отчужденность от подобного племенного эпитета и, по силе тогдашнего политического возбуждения, даже известную долю обидчивости, в которой довольно ясно чувствовалось желание быть и казаться прямо и без ограничения русским. Словом, Белоруссии чужды намеренные стремления обособляться, казаться племенной особенностью и национальной исключительностью, хотя бы даже по приемам и убеждениям малороссов, казаков всех наименований, сибиряков и т. п. Белорусы остаются для нас под навязанным им прозвищем, по тому же способу, по какому большая часть народов на свете носят прозвания, придуманные и приданные соседями, и по которому на всем обширном и разноплеменном пространстве Русской земли почти ни одно инородческое племя не слывет под своим именем и все титулованы наново русским соседом, по его приметам и приемам.

Пользуясь таким указанием опыта и следуя совету народной пословицы, за определением общих племенных черт и характерного названия обращаюсь сначала к соседям и их мнению как к источнику, признаваемому наиболее благонадежным.

Поставленный среди такой пестрой разноплеменности, которой может позавидовать всякое другое государство на материке Европы, великорусский народ струею экономической жизни до наших дней увлекаем был к последовательной встрече с различными национальностями и всякий раз встречал их в поразительном разнообразии, начиная с северной и восточной Рос-

сии и Сибири и кончая Кавказом. Обязываясь такими встречами на выяснение для себя резко бросающихся в глаза племенных свойств простым и дешевым способом сравнения, народ успел высказать свое мнение про всякий встречный народ и народец. От продолжительной практики глаз его так изощрился, что прозвище, им выговоренное, стало веско и метко, и подобранные им краски не стерлись в течение сотен лет. Искусство отыскивать и привычка выяснять самые мелкие черты особенностей доведены даже до известной степени роскоши. Чем чаще происходили сношения, тем искуснее была характеристика, доведенная наконец до того, что, напр., за татарами не осталось ни одной черты неотмеченной, и замеченные у них все таковы, что обрисовывают пришлый народ этот с головы до ног, со всем его внутренним и сокровенным. На Дону, на Волге и т. д. нет города, мало селений и станиц без отметины, без прозвища, выраженного в форме присловья. Таков сосед белоруса с севера и востока, и по-видимому, такой опытный судья дает нам право обратиться за указаниями к нему первому.

Великоросс Псковской губернии (Великолуцкого и Опочецкого уездов) называет страну, лежащую за водоразделом рек Западной Двины от рек, впадающих в Ловать или образующих реку Великую, *Польщей*. Пускаясь в разъяснение особенностей этой «Польщи», он не уходит далеко и между прочим на наши настояния при расспросах дает случайно одно характеристическое объяснение. Указывая на места взаимных встреч и сближений между собой ближних соседей своей губернии, отмечает трактиры и замечает их пристрастие к чаю. Говоря про белорусов Невельского и Велижского уездов (Витебской губ.), указывает на шинки: «у нас — чай, у них — вино; в шинках и свадьбы справляют, о харчевнях понятия не имеют, о чае не слыхивали»; указывает действительно на такую особенность, о которой мы впоследствии обязаны дать подробное объяснение.

Шинок, или еврейский кабак, в быту белорусов играет столь серьезную роль, что мимо его не пройти ни с этнографическими, ни с экономическими наблюдениями.

Великоросс Смоленской губернии, необлыжный великоросс этой губернии, в Вяземском и Гжатском уездах, называет крестьянина соседнего Смоленского уезда — *полячком*. Красненский (Красненского уезда) полячок белоруса, приехавшего за крупной из-под Дубровны (из Оршанского уезда Могилевской губернии), называет «поляком с *польского* боку» (т. е. стороны: бок в значении стороны даже в Орловской губернии); оршанский, в свою очередь, поречского крестьянина, мстиславский рославльского называют «полячком с *русского* боку». Хотя в данном случае и на данных местах сумела выразиться достаточная определенность, несмотря на путаницу частных перемен политической границы, тем не менее, по влиянию и силе той же причины, у великороссов не образовалось подлинного и верного названия своим близким племенным родичам. Отчасти физические, отчасти политические причины задерживали здесь сближение и обмен. Уменьшились точки соприкосновения племени, непоседливо устремившегося на север и восток, ослабили нити, сближавшие некогда и, вероятно, непрерывно, ослабили по той причине, что белорус упорно уселся на месте и не двигался, как бы в намеренное подкрепление закона, что пеший конному не товарищ. Это — новая характеристическая черта белорусского домоседливого племени, слишком бедного для того, чтобы предлагать свои излишки на обмен по еженедельным базарам, слишком связанного еврейской эксплуатацией, чтобы ездить самому за покупками недостающего по зимним торжкам и ярмаркам — этим драгоценным пунктам для этнографических наблюдений. Земледелец по преимуществу и исключительно, белорус оттого и стал домоседом, что обязан крепко придерживаться за землю, как за последнюю свою защиту и надежду. У него ускользнула

из-под ног всякая другая почва и вырваны были из рук всякие права, кроме сосредоточенной борьбы с суровой природой болотной и лесистой страны и усиленных работ на пашне. Последняя у него хуже, чем у всех его соседей со всех четырех сторон.

Таким образом, под политическим признаком племенной разницы известны белорусы великороссам. Насколько это определено, видно из того, что то же влияние отразилось и на соседях с юга — на малороссах Черниговской и Волынской губерний. Белоруссия им известна под общим именем «Литвы», и жители левого берега Десны называют соседей, живущих по другую сторону реки, по правому ее берегу — *литвинами* (будучи сами не чистого малороссийского происхождения, а помесью). Здесь необходимость типического прозвища для отличия важна уже в том отношении, что оба народа работали на одних господ, испытывали одинаковую политическую участь подчинения Польше, оба были, по смоленским и псковским понятиям, поляками.

Таким образом, ни тот, ни другой сосед не дал надлежащего правильного имени белорусам, а сами себя они никак не называют: и еще не так давно очень охотно называли себя просто «хлопами», как теперь малопомалу стали сознавать себя «русскими».

Несомненно, однако, то, что великоросс оттого и поскупился на характеристику соседа, что очень мало или почти совсем его не знал, пользуясь только случайными встречами кое-когда и кое-где. Вот почему белорусы названы именем народа, господствовавшего над ними в ближайшие к нам века, точно так же, как малороссы им усвоили имя другого народа, владевшего белорусскою странюю в самые отдаленные исторические времена. Впрочем, попробуем произвести у последних новые справки, повнимательнее.

Малоросс, обладающий тою же способностью спознавать себя и высмеивать своих соседей, про белорусов высказался таким образом:

«Хиба лихо озме литвина, щоб вин не дзекнув».

Высказавшись шутя, малоросс в данном случае отметил самую характерную черту белорусов, каковою они приближаются лишь в известной степени к полякам и совершенно расходятся и с южнорусскими и севернорусскими людьми. Приставка *з* к согласным *д* и *т* неизменно обязательна перед всеми мягкими гласными и мягким глагольным окончанием на *ь*; *хадзиць*, *будзь*. Дзеканье и, что то же — тсеканье белорусов со всеми своими последствиями (и между прочим с переменою по-польски мягких глагольных окончаний *ть-ць*) — такой неизменный признак, что не встречается уже в наречиях великорусском и малорусском, и настолько явление крупное, что произвело влияние и вызвало подражание на всех пунктах соприкосновения с соседними русскими племенами. Придеснинские малороссы считают необходимым выговаривать вместо *звон* — *дзвон* и подражать приставкою *д* уже и перед согласною, какова *ж*: *виджу*, *ходжу*. В приволжских местностях (в пределах Волги), в уездах Осташковском, северной части Ржевского и в Зубцовском дзеканье еще уловимо ухом, хотя ускользает от филологического анализа. Здесь невозможно выяснить определенных законов, неизменных, однакож, для самого коренного дзекающего белорусского наречия. Но восточном водоразделе рек, текущих в Волгу через посредство Москвы-реки и Оки, от рек, впадающих через Десну в Днепр на волоку Ламском (в Волоколамске), около Можайска, Мосальска, Медыни, под Трубчевском, Севском и Брянском, дзеканье также слышится в тех же произвольных условиях на желающих: кто придзекивает, а кто уже и нет. Для самых белорусов эта принадлежность говора настолько неотразимо обязательна, что сохраняется за ними сотни лет, несмотря на самые неблагоприятные условия переселения. Последние совершались в незапамятные времена на притоке реки Мологи, на реке Сити (Ярос-

лавской губ.) известных строителей петербургских не-
вских барок, так наз. *сицкарей*, со времен Грозного и
последующих польских войн, в качестве военноплен-
ных под именем литовцев, в места самые отдаленные
(на границы с инородческими племенами, каковы вос-
точные уезды Владимирской губ. и южные Нижегород-
ской), по произволу частных владельцев, для развития
поташного промысла — великорусских майданов. Если
мы прибавим к дзеканью еще одну типическую черту
рассматриваемого нами наречия, именно высокий говор
его, пристрастие к полногласному твердому *а*, то полу-
чаем новый характерный признак, в полневшее отли-
чие и совершенное несогласие с наречиями — южным
малороссийским и северным великорусским. Высокий
дзекующий говор остается неотменною и нераздельною
собственностью белорусского наречия и если, по при-
страстию к полногласному *а*, сходствует с рязанским
и московским, то, конечно, скорее как его первообраз и
образец и как результат смеси языка северных новго-
родских славян с языком западных белорусов.

Белорусское наречие, во всяком случае, по произно-
шению гласных — самостоятельное; по грамматике —
ближе к великорусскому, по словарю — к малороссий-
скому и польскому. По-видимому, оставаясь межеум-
ком, по пословице: «середь поля на голе», белорусское
наречие является связующим звеном обоих соседних с
ним и несомненно родственных наречий (южного с се-
верным). Вытекая из одного, оно некогда должно было
служить если не современной основой, то богатым и
надежным источником для другого, во времена общей
колонизации и частого общения. В настоящем случае
отмечаем для краткости лишь общие черты белорус-
ского наречия по основной задаче нашей: *его аканье с
непременным дзеканьем.*

Пойдем на встречу с другими племенными при-
знаками.

Северные соседи дают нам новый признак, на сей раз чисто этнографический, в противоположность малороссам, справедливо поразившимся именно филологическими отличиями, при видимом сходстве обиходных слов и речений, и теми особенностями языка, которые для великоросса терпимы, для малоросса смешны. Из мягкого *и* белорус сделал уже твердое *е*, в сторону великороссов, и придержавшись мягкого придыхания, столь определенного в малороссийском языке, или злоупотребил им, сделав, напр., из волка — *ваука* и *вуыка*, или без нужды придзекнул, перестроив *дивку* не в *девку*, а в *дзеуку*.

Великороссы — сказали мы — прозвали белорусов *колтунами*, *мезговниками* и между прочим — *магерками*. Магерка — неотъемлемая принадлежность белоруса, которую он всегда держит на голове и снимает только в церкви и перед паном. Это шляпа или, вернее, колпак, сваленный из домашней шерсти, не имеющий нигде себе подобия, и самого простого первобытного устройства. Валяют их из домотканого сукна доморощенные искусники-шаповалы, которые, как и великорусские шерстобиты, ходят по окрестностям и ищут работы. Валяют из круглого суконного куска, сваленного на панских толчеях или сукновальнях; валяют конусом, заворачивая поля кверху на $\frac{1}{4}$ аршина и больше и предоставляя всякой голове придать надлежащую форму этой магерке — некрасивому колпаку, защищающему лишь от холода, но не от блеска солнечных лучей. Круглый верх вдавливается внутрь уже кулаком самого хозяина; выходит колпак — очень благодатный и прочный: служит лет 6—7, и первобытен до того, что кажется расправлен намоченным прямо и просто на колене.

Обращаем особенное внимание на эту этнографическую особенность племени: на место магерки у великороссов немедленно является настоящая шляпа, с торчащими полями, грешневиком с характерным выпуклым

верхом, точь-в-точь как пекут столбушки гречневики для базарного продовольствия. А затем и прочие шляпы до десятка разновидностей, с цивилизованными подкладками, кожаными нашивками, с ремешками и пряжками, с шерстяными и шелковыми лентами. В шляпах этих уже ничего нет похожего на белорусскую магерку, не допускающую никаких добавлений и украшений, бесподкладочную, не имеющую никакого определенного фасона, сплошь и рядом заношенную и продырявленную, без всякого даже отдаленного намека на франтовство. Единственное вольнодумство, в виде исключения, мы заметим в местностях, ближайших к Польше, в том, что на магерках явился перехват, который столь характерен в магерке мазуров и уланском кивере, получившем от нее образец, но с характерным отличием верха, сделанного на жесткой подкладке или из толстого сукна, с кантами, на четыре угла.

Такое отличие в обыденном наряде неспроста бросилось в глаза великороссов, когда весь белорус на соседа не похож и носит кстати все особенное. И лапти плетет он беспятными (без пят), на скорую руку, очень непрочными. И по нужде часто сплетая лапти в дальнюю дорогу на русский манер, зовет их *похлопнями* и наконец *каверзнями*, те же лапти, но только подплетенные пенькой. Кстати, и мастеров называет по-своему: портной или швец у него *кравец*, а *шавец* (швец) выходит уже сапожником, в согласии с малороссом. В сходстве с последним на белорусе та же свитка, суконная, коротенькая, суконные панталоны, белая рубаха из домотканой холщовой поскони с непременно прямым воротом, и лишь лапти на ногах, в отличие от степняка и в сходстве с лесовиком. Великоросс уже запахивает грудь и выдумал заветный косой накладной ворот с застежкой на шее под самым ухом направо, принял от татар широкие армяки — халаты и широчайшие шубы и с тем же косым воротом полушубки. Белорус оставляет расстегнутым свой полушубок под бородой, настолько же, как

и рубаху с прямым воротом, с откладкой на три стороны узенького воротничка (лежачего, а не стоячего) и на оба бока лохматых лацканов. Носит он этот полушубок очень коротеньким, куцым и, в отличие от малороссов, только в том, что все на нем меньше, короче, урезано и обужено, конечно, в силу бережливости, которая, в свою очередь, вынуждена большею бедностью материальных средств при скудости почвы и по зависимости от нее скотоводства.

Не отходя от гардероба, или еще проще сказать, белорусского *кубела* (большого ушата, в котором, вместо шкапов и сундуков, хранится одежда), мы встречаемся с характерным *андараком* — женским нарядом. Это далеко не малороссийская, пестрая, цветная, накладная и обернутая вокруг кокетливая плахта, не великорусская понька или понева, а непременно сшитая скобкой и непременно и всегда синего цвета суконная (а потому больше праздничная). Как в Орловской губернии по настоящей дворянской юбке можно отличить в одном и том же поле на работе однодворок от крестьянок в поневах, точно таким же образом в той же губернии (в Брянском уезде) отделяется от великорусской поневы белорусский андарок, обыкновенно пришитый к безрукавному красному лифу, называемому *кабато́м*. «И у церковь и у кабак усе адзин (один) андарак». Если при этом сложим из тонкого холста, аршина в четыре длиною, рогатое головное украшение и припустим с головы на спину оба конца по возможности подлиннее (на пол-аршина) — получим наметку для полного костюма, самую определенную принадлежность белорусской женщины, каковой от нее никто уже не заимствовал и нигде потому ее найти нельзя. Беспятые лапти на ногах, магерка на голове, узенькое и короткое платье на плечах в виде суконной и летней холщовой свитки — вот первые этнографические признаки несомненного белоруса. Красный кабат с синим андараком и холщовая белая наметка —

вот бесспорное отличие белорусской замужней женщины. Оба вдвоем они — лапотники по преимуществу. До сапогов они еще не доразвились, живя в бережно охраняемых ими лиственных и хвойных лесах и боготворя свои высоко полезные липовые рощи, которые их одевают, обувают и кормят.

Прозвание белорусов мезговниками вводит нас в новую область этнографических требований: останавливает на пище и указывает в то же время на ее крайнюю бедность и недостаточность. Мезга, или по-белорусски мязга, внутренняя слизистая оболочка сосны. Молодая, еще не затвердевшая исподняя кора сушится, толчется и подмешивается к муке, как подспорье хлеба, достаточного от мокрой и холодной почвы только на $\frac{3}{4}$ года. В постоянном страхе неурожаев в Белоруссии с незапамятных времен выработалась поразительная невзыскательность в пище. Надеясь и ограничиваясь хлебною и мучнистою, в силу географического положения в полосе хлебных злаков, белорусы, как и все русские и большая часть славян, в избытке питаются мучною, крахмалистою пищею. В отличие от всех, приучили они желудки свои принимать хлебные зерна смолотыми с шелухой их или с мякиной, не отвеивая ее от зерна. Получается из печи пушной хлеб, с виду похожий на высохший комок грязи, на вкус непривычному невозможный для жеванья и глотанья: тот характерный хлеб, который, во времена бесхлебья, находит еще подражание в северных великорусских губерниях. В Белоруссии он имеет для племенной особенности следующие различия: сплошь и рядом в тысяче примеров, как бы ни был богат и зажиточен белорусский крестьянин, хотя бы у него в земляных его ямах, кроме своих, лежали еще дедовские хлебные запасы — он помнит час смертный и ест хлеб с мякиной, в отличие от малороссов и великороссов. Мало того, белорус выдумал еще новый сорт муки и назвал его *субором*: это оригинальная смесь овса, гречи, ячменя и немного ржи, смолотых на

скверных домашних жерновах, вместе с шелухой и соломой. Последняя в виде твердых несваримых и очевидных отрезков и отломков общеупотребительна у богатых и бедных. Отсюда в результате: развитие брюшных болезней, остановка правильного питания с острым катаром кишок, далее острое худосочие, которое можно назвать в этом отношении племенным и, наконец, постепенное вырождение племени. При этом на беду и заболевание колтуною болезнью, за которую и прозвали белорусов «колтунами». Имеющий 50—60 колодок пчел, белорус ест суборной хлеб из суборной муки и тогда, когда придут голодные годы, подойдут сытые, — запасы в ямах остаются непорченными. Ямы вырыты воронкой в виде опрокинутого вершиной корпуса, кувшином, обожжены соломой, обложены берестой, заложены сверху досками и засыпаны землею. Хлеб здесь несколько солодеет, и вкус этот сопровождает лучшие хлеба в караваях и лепешках, но без доступа воздуха отлично сохраняется при помощи этого древнего способа. Чистой житной муки белорусы никогда не едят, но иногда лакомятся кулешом: разболтанной ржаной мукой в горячей воде, вроде густого клейстера.

Если осмотримся на все разновидности хлебных приготовлений из муки и зерна, найдем скудное их количество по сравнению с Великороссией и Малороссией: белорусский разносол очень беден. Тем спасительным суррогатом, каким являются для европейской и петербургской бедности сельди и цикорный кофе с переварками привозного, тем подспорьем к хлебной и мучнистой пище, каким на Волге служит вяленая рыба — чехонь и вобла, в лесистой России сушеный судак, на Крайнем Севере треска, в Белоруссии является свиное сало, наподобие Малороссии и в совершенное отличие от прочей России. Без сала и свинины в виде *кивбас* не разговливаются; сало выговаривает себе всякий рабочий при найме, как здешние кухарки кофе, московские — чай. Сало и копченое свиное мясо —

единственный продукт, ускользнувший от еврейской эксплуатации, в силу их талмудических воспрещений. Свиньи в селениях и городах (даже губернских) воспользовались почетным правом гражданства, играя административно-полицейскую роль: они истребляют те нечистоты, которые в великом множестве копят около себя евреи и выливают непременно на улицы. Свиньи таким образом держатся на общественных дешевых кормах; летом отпускаемые на волю, выгуливаются в лесах с дикими кабанам и представляют смешанную своеобразную породу. Из лесов в ноябре приводят они огромные стада приплода, от 10 до 17 новых поросят на каждую животину.

Насколько неразборчив белорус в пище, настолько же неразборчив он и в питье. Дурная колодезная, вредная болотная вода играют видную роль, потому что народ старательно обегает торные дороги, бойкие места, побережья рек, как мы имели уже случай упомянуть выше. Белорусские деревни, как инородческие селения чудских племен, ищут укромных захолустных мест, и чем дальше в леса, тем приметнее их поползновение обособляться, и в ближних обок соседях строиться отдельными усадьбами, огораживаться и выделяться в хутора. Нет великорусской общительности, жизни в связи, тесным миром и несокрушимую общиною. Только на одну уборку хлеба и сена маломощными сохраняется толока, однородная с великорусскою помощью, но эксплуатированная исключительно панами и духовенством. Словом, это лишь облегченный и удешевленный способ найма, а не обязательство взаимной помощи по закону круговой поруки.

Мы подошли одновременно к двум новым племенным признакам по задачам этнографической науки: к роду занятий и роду жилищ.

Белорусы давно выговорили: «умирать собираешься, а хлеб сей». Земледельцы они по преимуществу и пахари исключительные. На тех землях, с которых

великороссы давно уже убежали в отхожие промыслы, белорусы основывают надежды существования, с упорством, настойчивостью и постоянством, достойными лучшей участи. Трудолюбие их примерное, и в данном случае, будучи вынужденным очевидною и настоятельною нуждою, обращается на такие земли, которые сплошь каменисты или песчаны, и на такие, которые и под паром отдохнуть не успели и по несколько лет не удобрялись. А не удобрялись они в силу самого печального состояния скотоводства, и земледельческое хозяйство белорусов — хищническое в самом широком значении этого слова. Съемщик пахотных участков, устремляющий все помыслы свои на то, чтобы к своему скудному участку приарендовать по возможности больше чужих, идет со своими семенами на истощенную землю из половины урожая и в наименьших случаях — из $\frac{1}{3}$ части. В результате, по большей части, урожай средним счетом не свыше трех зерен. В Минской губернии на супесках и песках Мозырского уезда, преобладающий злак — озимая рожь, дает урожай в 2— $2\frac{1}{2}$ зерна, в Игуменском уезде почва большею частью песчанистая, частью с подзолом, частью с камнями, выращивает озимую рожь с прибытком среднего урожая от 2 до 3 зерен. В Слуцком уезде, в безлесной половине, населенной так наз. полянами, урожай ржи 5 зерен; в лесной и болотистой, населенной так наз. *полещуклами* — не превышает двух, и т. д. По влиянию этих причин ни один край не рисует таких многообразных печальных явлений малохлебья и частых неурожаев. Частные запасы хлеба представляют редкость. 10 десятин весьма часто не обеспечивают жизни. Дробные деления малосемейных стали обыкновенными, еще более усугубляя беду. Из-за одного хлеба, лишь для прокорма, крестьяне отдают своих детей шляхте; собственный труд расценивают в самых мелких размерах и теперь бросаются на всякую работу, не соразмеряя сил и не соображая пространств для прохода на места труда и

работ. При всем этом, однако, с дурной земли, так называемой *батъковщины*, крестьянин неохотно переходит на лучшую. На наших глазах разыгрывались такие примеры: помещики свели в Новогрудском уезде Минской губернии с удобных земель на неудобные; крестьяне, при новых муравьевских распорядах, пожаловались: велено исправить. Часть согласилась взять земли ничуть не худшие и даже с некоторыми преимуществами, другие же упорно не соглашались, просясь на старое место, которое успели уже в недолгое время насидеть. Одного бобыля в Слуцком уезде три раза переводили на лучшие земли, и он все три раза уходил с них к старому хозяину, землю которого обрабатывал и так крепко полюбил. В Борисовском уезде крестьянину на худой земле предлагали 500 руб. и участок в одной из деревень на выкуп — не соглашался. Переведенцы из Могилевской губернии в Воронежскую и прожившие там несколько лет не замедлили переселиться обратно поголовно всем наличным составом, когда провозглашено было освобождение крестьян от крепостной зависимости.

Взяли мы первые попавшиеся примеры из десятков известных нам среди сотен неизвестных, очевидно указывающих на отсутствие в белорусе всяких космополитических наклонностей, в отличие от великоросса, в согласии с малороссом — и в исключительном применении к ним самим — на особенно упорное домоседство с последствиями. Тяготение на юг, связи с малороссами еще кое-как держатся (только, впрочем, в Могилевской губернии, при посредстве Днепра), — общение и связь с севером и востоком, с великороссами, совершенно ослабли и, можно сказать, прекратились. Тяга с запада, со стороны ближайшей и сильной Литвы, сделала свое дело, парализовав всякие другие тяготения до такой степени, что добровольным энергическим порывам, вроде Богдана Хмельницкого, здесь не могло быть и места. На призыв этого патриота и народного богатыря Белоруссия уже в XVIII веке отвечала глухим

молчанием. Для Великой Руси Белая Русь, находившаяся долгие столетия под Литвою и под Речью Посполитою, сделалась страню чуждою, отдаленною и неизвестною. В свою очередь, и Белоруссия, с очевидными крупными потерями для себя, стала особняком и воспитала противоположные чувства. Некоторое тому доказательство мы находим и в этнографических материалах.

«Тату, тату! лезе черт у хату! — говорит белорус. — Дарма! абы не москаль».

Или так: «ад черта адхрысьцися, а ад москаля не ад-малісья: ад москаля полы урежь да уцекай».

Если эти пословицы не вполне заповеди, то, во всяком случае, в качестве исторического продукта, хотя бы по отношению и к деянию войск царя Алексея во Мстиславле и к воспоминаниям о памятной в народе Трубецкой сечи, выражения эти — довольно характерная формула взаимных народных отношений. Нашему времени доводится стирать эти яркие краски, и в большинстве случаев удается это сделать. Белорус угрюм, приметно нелюдим. Заметно, что на ярмарках он не отстаёт от лесной привычки ходить не кучкой, а непременно гуськом, как петербургские чухонцы. Белорус настолько не возбуждается интересами вне себя по своей сосредоточенности, что даёт неслыханные в Великой России образцы. Выезжая из деревни, в 12 верстах от губернского города Гродно, мы заблудились и в город не попали: взрослый, пожилой ямщик ни разу в нем не был. Едучи проселком по перегону в 15 верст с небольшими перелесками из гродненского Городка в местечко Мстибов, мы плутали целую ночь только потому, что проводник, живя в лесу, не усвоил себе никаких примет лесных дорог и должен был пользоваться нашими случайными указаниями. Направляясь из Шклова проселком на могилевское шоссе, верст на 14, мы не попали на следующую почтовую станцию, — попали на другую, более отдаленную, ближайшую к гор. Орше. Эти случаи остановили дальнейшие наблюде-

ния, укрепили нас в мысли о такой яркой отмене заседания на своем пепелище народа от смышленного, бывалого великоросса.

Имеющиеся в наших руках цифры выданных из различных волостей паспортов красноречиво докажут в своем месте, насколько сильна надежда и велика любовь в белорусах к своей земле и пахоте, несмотря на самые невыгодные условия для земледельческого быта и сельского хозяйства. В исключительности земледельческих занятий, вообще не благоприятствующих интеллектуальному развитию, белорусы умиротворились, однако, до такой степени, что представляются идеалом миролюбивого народа, прототипом племени с кроткими нравами, сложившимися самым благоприятным образом для соседей, но самым роковым — для них самих. Сидя на окраине земли Русской и целые века выдерживая на себе напоры разнородных враждебных сил, он уступил им, оставшись сам подавленным, лишенным энергии и сознания сил, впавшим в апатию, влачащим полунищенское существование. За все страдания и продолжительную борьбу во время свободного колониционного стремления на лучшие земли и в лучшие экономические условия жизни, он остался на худших землях. Он сдержан как раз на тех рубежах, где начинаются благодатные почвы, и в такой мере, что, напр., на западе белорусской страны рубежи бесплодных земель стали осязательными племенными границами. Следуя по лучшим почвам, несомненно попадешь в селения польской шляхты и литовцев; попадая на болотистые, сырые и холодные, — наверняка проезжаешь селениями белорусов.

Поляк говорил: «кепско — коло Витебска, у Орше горше, а у Минску по-свинску». Сам белорус с этим не спорит, а согласно вторит: «навколо вода, в середине беда», с равной откровенностью, и о Себеже и Велиже, о Луцке и Слуцке, о Минске и Пинске. По его признанию, и Мозырь «як пузырь», но с тем различием, что здесь и «навколо беда и в середине беда». Во всяком случае,

сами белорусы сумели отметить самую характерную особенность своего края и крупную беду свою — воду. От беды только приобретение — обогащение языка в эту сторону разнообразием эпитетов, соответствующих физическим свойствам страны, в параллель, напр., богатому словарю беломорских поморов, умевших до тонкости и примечательной роскоши оттенить и наименовать все разновидности отношения берегов к суше, их прихотливого очертания и направления, различные румбы ветров и т. п. В параллель с горными жителями, успевшими определить характеристические особенности гор по взаимному их положению и по отношению к равнинам и долинам, и в контраст с жителями средней России, белорусам удалось обогатить русский словарь новыми выражениями, определяющими разновидности лесных низменностей и мокрых болот, озер и рек и т. п.

С одной стороны, могущественные девственные леса — этот громадный холодильник, в котором почва, осененная кудрявыми вершинами, сохраняет избыток сырости, недоступной влиянию солнечных лучей. Деревья дают почве возможность покрываться мохом, который еще дольше удерживает сырость и воду. Вода постоянно испаряется, постоянные испарения охлаждают воздух; над холодными лесами пары сгущаются в облака, из которых падают дожди. Опрокидывая их на себя в неустанной и мало сдержанной гигантской работе, леса в Белоруссии вылили такую массу воды, что целая половина самой большой (Минской) губернии потонула в ней. Образовались такие массы болот, сделавшиеся характерною географическою особенностью страны, что во многих местах, особенно по Припяти и Березине, и в самом деле не кончился процесс миротворения и не отделена земля от воды. Сколько веков уже борется здесь человек с природою, но и в наши дни является все-таки побежденным, истощенным в силах, задержанным в умственном и физическом развитии.

По контрасту с гигантскими силами враждебной природы он является всего лишь ничтожеством.

Живо припоминается нам первое свидание и наша встреча с маленьким человеком примечательно малого роста, едущим на маленькой хохлатой лошадке, в маленькой и мелкой тележке. Мутные глаза его не горят жизненным огнем, не служат признаком смысленности, не обещают ума. Маленький человек к тому же сутуловат, сидит сгорблившись, вял и неповоротлив в движениях. Робость во взгляде — одна из характерных черт его бледного лица, кое-как оттененного такой реденькой бородкой, что он даже охотнее старается ее брить и держать потом щетинистой.

Этот неопрятный, загнанный и забитый маленький человек, действительно, белорус: белый цвет на нем преобладает. Бледное лицо — его резко выдающаяся особенность; других рубах он не носит, как непременно холщовую белую. Суконная до колен свита также белого цвета, из белой овечьей шерсти: на белорусских рынках овечья шерсть белого цвета всегда приметно дороже шерсти овец черных. Так, даже и в западной части Орловской губернии (в уездах Трубчевском, Севском и Брянском), населенной так называемыми *полехами*, т. е. теми же белорусами, но начавшими перерождаться, валяный колпак — магерка, надетый по преимуществу на белокурую голову, так же белого цвета, как и портки, по которым на самом низу захлестывается крестами белевая обора, привязывающая лапти к ступне.

Лошадь перед ним не представляет контраста, и при воспоминании, напр., об извозчичьих обозных лошадях северной и средней России, является положительной карикатурой: больше 10 пудов она не возит. Самая тяжелая для нее работа — вывоз навоза: десять возов в день ее уже утомляют, три дня возки ее изнуряют, и она отказывается. Приплод очень мал; ценой она всегда дешева. В тяжелой русской сбруе русскую телегу ей не

стащить. Грязная растрепанная шерсть на ней представляет некоторое подобие людской болезни здешних стран — колтуна. Столько же неуклюжи эти лошади, точно так же сгорбленны и тощи они, как бы в силу какого-то злого тяготения и волшебства, остановившего развитие и зачаровавшего рост. То же враждебное влияние проникло всюду: злая сила переломала и изуродовала домашнюю посуду, земледельческие орудия, оборвала сбрую, оставив какие-то клочья, из которых упрямая лошадь без всяких усилий, при первом желании, может высвободиться и уйти на волю. Свободе такой не мешает ни шлея (которой не полагается), ни дуга, неправильно носящая такое серьезное имя, — этот, кое-как гнутый, плохо распаренный, тоненький и низенький обод из тонкой вербы или молодого дубка. Шлея веревочная, кожи нет ни одного клочка. В телеге нет ни одного железного гвоздя; в ней деревянный шкворень; на ней ничем не схваченный, растреснувшийся деревянный обод; днище телеги скреплено по-верх идущими впереди и сзади двумя деревянными дужками, укрепленными концами в рамки; в дужки вдеты дранички: это — бока. Низ выстилается лубком, часто же ничем. Шлеи нет вовсе. Хомутина нередко никогда не обшивается кожей и очень часто просто свита из соломы. Гужи, оборот и вожжи лычные или пеньковые, веревочные; седелка почитается редкостью. Починка и постройка такой сбруи и однородной телеги может быть произведена каждым, за исключением колес, которые стоят больше 1 руб. 50 коп. сер. Все так младенчески первобытно, как бы в доказательство, что для белоруса железный век еще не наступил и он продолжает жить в каменном периоде.

Белорус не знает употребления пилы: до сих пор щеплет себе доски и теснины из бревна клином и тупым, чуть не каменным топором. За незнанием ремесла даже и храм Божий строит ему еврей. Белорус с удивлением смотрит на работу простого захожего калуж-

ского плотника и о хорошо сделанном срубе говорит, что это «русские робили, где же нам? Это русская работа». И упряжь без дуги, и телега без закраин, и кривые оглобли: все как будто уворованное или полученное из выбросков, Христа-ради, — в виду громадных деревьев, которые давят со всех сторон, и между ними растут на потребу великолепные дубы, бук и липа для упряжи, сосны и ели для жилищ. А между тем, что увидим, взглядевшись в последние?

Избы — курные, едва покрыты, сыры и холодны, срублены неумелой рукой. Полов нет: они биты из земли. Лес на венцы пущен кривой. Вместо печи — очаги, вместо двери — низенькая лазейка, которая в утреннее и вечернее время заменяет трубу для выхода дыма. В одном селении Гродненской губернии, состоящем из 43 дворов, мы насчитали только три настоящие трубы, выведенные на крышу и, конечно, деревянные. С большим трудом отыскиваешь кое-где стол, заменяемый большею частью деревянным обрубок или пнем, какой и торчит обыкновенно среди хаты. Лавки заменяют кривоногие скамейки, к стене не приделанные. Полатей, как места семейного ночлега, заменяющих спальную, в белорусской хате нет; красного угла — так же; иконы стоят где придется, без определенного для них места. В селении Большие Мервины Грицевичской волости (Слуцкого уезда Минской губернии), близ Варшавского шоссе, в доме старосты, ходившего наряжать лошадей, сняты с образов две игральные карты: валет червей и король треф, прибитые у икон гвоздями и украшенные веночками из искусственных цветов, как, по местному обыкновению, привыкли украшать бумажные изображения святых.

Спят белорусы в своих маленьких конурах-хатах прямо на полу, прикрываясь теми же свитками и кожурами, которые носят днем на плечах. Ну кто поверит, не видавши, что валяются на холодном полу целые ночи, и в лачугах таких гнездится семья из семи человек?

Я внимательно и долго всматривался в эти избы, следя за подробностями житья в них и всей обстановки. Сравнивал то и другое с великорусскими жилищами, на которые белорусские имеют некоторое поползновение походить. Правда, что в глухих, темных местах Олонецкой и Архангельской, и вообще Новгородского края такие лачуги не большая редкость. Правда, что там же такого достоинства углые первобытные постройки давно предназначены в большинстве случаев на домашние приспешни: на клетки, бани, на лесные сторожки, на временные переносные жилища вроде кушней, промысловых лесных избышек, которые Бог весть кем выстраиваются и, в сущности, никому не принадлежат, принадлежат всем. Они, непрерывно застроивши северные леса (как мы уже имели случай упомянуть), послужили станциями для колонизации и помогли русским людям уйти за Уральский хребет в Сибирь. Зато и строились избы так, что их не жаль было бросить: совершенно в таких же белорус рассчитывает исполнять свое высокое назначение для совершенствования и обогащения человечества на земле.

Путь сравнения и наблюдений привел к следующим выводам: в великорусской избе, несмотря на всю тесноту ее, всякому определилось место, установился известный порядок; все четыре угла получили свое назначение. По левую сторону от входа, где стоит печь, — бабий кут. В нем прямо против печи жерновой угол — место женских работ. Направо от входа задний кут — хозяйский: это коник, или ларь для поклажи пожитков и конской упряжи. Рядом с ним направо в углу по диагонали от входа — красный кут, большой угол с Божьим милосердием на тягле, и со столом: здесь место гостю, гостиная. Над хозяйским кутом полати — общая спальная и в связи с ними печь — место для угревы стариков, больных и для просушки платья. Но так как великорусские избы рубятся из шести

стен, разделяясь сенями, то и еще комната — горенка без печи, и летняя спальня — сеновал.

Все это в белорусских хатах утратилось или исчезло. Исчез вместе с тем и дух-охранитель, большак дома: дед — советник, патриарх. Умудренные опытом старики в Белоруссии (как мы сказали) редкость; убеленных сединами почти не видать. Как только представилась возможность на крестьянской воле дележей — белорусские семьи немедленно начали разлагаться, а при этом с такой быстротой, что подобное явление резко бросается в глаза.

Ввиду таких экономических условий, обессиленный физически, опоенный евреем белорус, с первобытными домашними орудиями, на слабосильной лошадке должен выходить на борьбу с такой могущественной природой. Понятны теперь результаты. Десятками случаев в поездке по Белоруссии приходится убеждаться в том, что там, где некогда цвела людская жизнь, оживляясь и красуясь трудом, легли теперь густые заросли, дремучие торжествующие леса.

Оглянемся еще раз на белорусские жилища. До времени нового наплыва русских людей и до освобождения белорусских крестьян от панщины в их хатах не было окон, если не считать двух-трех щелей, из которых одна прорубленная против очага, на месте великорусского волокового окна, играла определенную роль: была дырой для тяги наружного воздуха при разгорании дров и углей. В значительном большинстве подобные хаты и теперь не редкость, хотя следует заметить, что немедленно за освобождением начали ниже прорубать окна, почуялась надобность вывести свои жилища из третьей степени первобытных форм после землянки и наземного шалаша. Белорусская изба отличалась от шалаша только тем, что дверь была больше, соломенная кровля опускалась очень низко, и вместо окна были лишь отверстия без стекол. На наших глазах окна

стали делать больше и больше (со временем число окон увеличится), понадобятся стекла, появятся отверстия в виде печной трубы, наконец разовьется настоящая печь, и белорусское жилье перейдет в четвертый, высший тип жилищ, когда уже стоит только надстроить верхний этаж, чтобы изба превратилась в дом — самую высшую цивилизованную форму человеческих жилищ. До того белорусская хата лишь перестала быть простым *убежищем* и сделалась *приютом*, куда проникает дневной свет, где защищаются живущие от непогод, и вокруг очага, как первого центра, соединились в семейство. В смысле такого приюта выстояли без изменения целые сотни лет белорусские избы в четвертом фазисе всех человеческих жилищ, не подвинувшись вперед и недоразвившись до Великороссии. Имущество занимает весьма мало места; одежда изготавливается самим семейством, наконец перевозочные средства и мена в самом грубом состоянии. Для белорусов еще впереди замена дерева камнем и железом, постройка жилища обширного, хорошо освещенного, удобного, с наружными украшениями, на сооружение которого требуется совокупное действие огромного числа рабочих. А затем далеко впереди — переход деревни в город и то неодолимое притяжение к подобным центрам, где зарождается любовь к изящному, любознательность, воспитывается желание просвещать себе подобных, заботиться об их интересах, приобретать их уважение и проявлять в себе те побуждения, которые создали искусство, храмы, памятники чистого мышления, произведения культуры и проч.

От всего этого белорус отделен теперь целою бездной. Между тем мы видим в земле его города, до которых он некогда доработался. Но города эти стоят в том же недоразвитом состоянии, как и самые деревни, и что всего знаменательнее и печальнее: с ними утрачена всякая связь деревни; оба живут сами по себе, не зная друг друга. Нуждающихся во взаимном общении здесь

только один; другой сторонится, прячется и еще больше забивается в глушь лесов, чтобы отрицать всякую надежду сближения и общения. Эта лишняя и очевидная особенность Белоруссии представляет еще открытое поле для исследований, пробел в ее историческом изучении, указывающий, однако, на то, что страна с ее коренным населением некогда двигалась вперед по пути цивилизации, но была остановлена. Если не пошла она обратным путем, то во всяком случае осталась со множеством первобытных недоразвитых форм.

В этом, между прочим, самый существенный интерес для этнографических наблюдений, и именно в настоящее время, когда начинает быстро изменяться образ земли Русской в ущерб ее коренным и первобытным особенностям. Великороссия выходит уже на новый этап; Белоруссия останется, вероятно, на некоторое лишь время на старом и заднем плане. Мы указали лишь на самые крупные и резче других бросающиеся в глаза черты этого старого плана. Первобытно жилище, первобытен способ заготовления и шитья одежды ручным и домашним образом, на условиях самого древнего приема заготовки сырых материалов, на машинах плоского грубо-первобытного вида. На ручных жерновах мелется зерно — основной продукт питания, и самая пища еще такова, что мало благоприятствует умственному развитию. Лишение предметов первой необходимости, ослабляя материальные средства, сильно противодействует прогрессу и губельно влияет даже на самые нравы. Они остаются почти неподвижными, хотя и неоченимыми, как предмет этнографических наблюдений.

Останавливаясь на подробностях народного мирозерцания и верований, мы не утрачиваем того же интереса изучения. В белорусе находим яркие и цельные черты дохристианского культа, разлитые в таком изобилии, что, по народным поверьям, суевериям и предрассудкам, можно рассчитывать приблизительно восстановить древнюю языческую славянскую веру.

Обилие цельных образов древних божеств с их определенными и раздельными чертами, с собственными племенами и очевидными пунктами и временами их деятельности; избыток в значительном большинстве обрядовых приемов, основанных на опыте, изучении и наблюдениях над вещественною природою, — все это отличает белоруса от других славян. Что полузабыто или совсем утрачено в Великой России, — в Белоруссии сохраняется в цельном и нетронутом виде.

Эта целостность племени, под шумок борьбы двух христианских исповеданий, разрешившихся обезличенною униєю, всего богаче отразилась в сохранении им самого главного достояния славянского народа — православной веры. В зависимости от этого белорусам удалось сберечь и весь строй нравственного и умственного быта в таком исключительном экономическом подчинении: при земледелии — без всяких промыслов, при тусклой городской жизни — без всяких ремесел.

БЕЛОРУССКАЯ СМОЛЕНЩИНА

Рассказы

ПОЛЕХИ

Полеха, полеха! Га, баде паняй!
— За воротень!

С таким приветствием обратился подгулявший орловский дворовый человек к одному из случайных посетителей «Притынного» кабака, столь известного всей читающей русской публике из рассказа знаменитого нашего охотника И. С. Тургенева, также зашедшего сюда послушать состязание «певцов». Среди других лиц резко выделялась фигура мужичка в узкой изношенной свите, с огромной дырой на плече. Выделялся он до такой степени, что по нескольким словам разговора признан был в нем человек особой породы.

«Полехами (объясняет нам автор) называются обитатели Южного полесья — длинной лесной полосы, начинающейся на границах Волховского и Жиздринского уездов. Они отличаются многими особенностями в образе жизни, нравах и языке; “заворотнями” же их зовут за подозрительный и тугой нрав. Они прибавляют почти к каждому слову восклицание “га!” и “баде”, а “паняй” говорят вместо погоняй».

«Кому случалось (пишет И. С. Тургенев в другой повести о “Хоре и Калиныче”) из Болховского уезда перебираться в Жиздринский, того, вероятно, поражала резкая разница между породой людей в Орловской губернии и калужской породой.

Орловский мужик невелик ростом, сутуловат, угрюм, глядит исподлобья, живет в дрянных осиновых избенках, ходит на барщину, торговлей не занимается, ест плохо, носит лапти.

Калужский мужик обитает в просторных сосновых избах, высок ростом, глядит смело и весело; лицом чист

и бел; торгует маслом и дегтем и на праздниках ходит в сапогах.

Орловская деревня (мы говорим о восточной части Орловской губернии) обыкновенно расположена среди распаханых полей, близ оврага, кое-как превращенного в грязный пруд. Кроме немногих ракит, всегда готовых к услугам, да двух-трех тощих берез, деревца на версту кругом не увидишь; изба лепится к избе, крыши закиданы гнилой соломой... Калужская деревня, напротив, большею частью окружена лесом; избы стоят вольней и прямей, крыты тесом; ворота плотно запираются, плетень на задворке не разметан и не вывалился наружу, не зовет в гости всякую проходящую свинью... И для охотника в Калужской губернии лучше. В Орловской губернии последние леса и площади (большие сплошные массы кустов) исчезнут лет через пять, а болот и в помине нет. В Калужской, напротив, засеки тянутся на сотни верст, и не перевелась еще благородная птица — тетерев, водится добродушный дупель, и хлопотунья куропатка, своим порывистым взлетом, веселит и пугает стрелка и собаку».

Предсказание сбылось. Навестив Орловскую губернию, именно восточную ее часть (уезды Мценский и Малоархангельский) в 1878 году, ровно через 20 лет после первого его посещения, я не нашел на заведомых местах не только каких-либо лесов, но даже и признаков перелесков. Знаменитый Рогозинский (Корсунский) лес представлял из себя изнывающую лесосеку, в которой торопливо и настойчиво подрубался с корня даже последний дровяник. Медведевского леса мы совсем почти не нашли, а в прежнее время припугивали нас даже тем, что надо ехать с оглядкой, ибо-де «пошаливают». Признаки лесной растительности, как степные оазисы, проявлялись лишь в ракитовых аллеях, обозначавших въезды в помещичьи усадьбы да в группах фруктовых садов, в которых грушевые и яблочные деревья почти все превратились в дичку, и яблони, вместо 30—35 со-

ртов, стали давать 5 или 10. Некоторые сады совсем вырублены, а оставшихся ожидает та же участь по тому прямому расчету, что и садовая земля представляет собою ту же толщу чернозема на два и на три аршина в глубину, как и та, которая залегла по неоглядным полям всего Малоархангельского уезда и поднимает роскошную, тяжелую зерном рожь, а в уездах Ливенском и Елецком даже и пшеницу. Избаловавшийся в крайность земледелец напрягает все внимание на то, чтобы оторвать еще клочок земли под пашню не только из-под сада, но и из-под усадьбы, из-под первого попавшегося под руки обветшавшего или показавшегося лишним строения. Купец, съемщик или дворянский кредитор распахал под рожь даже усадебные огороды. На руслах речушек очутились сухие балки; старые овраги затянуло свежим наплывным черноземом и сровняло в ту обширную площадь, которая кажет на десятках верст ровную степь, где неоглядные, почти сплошные ржаные поля утомляют путника до тоски.

В начале июня, когда на этих роскошных полях отцветшая рожь начнет наливаться и поспевать, на усадебных дворах появляются новые лица. Приезжают они на прочно сколоченных телегах, непременно с бочками дегтя, с долблеными колодами для коновязей и с кое-каким иным мелких лесным товаром. Это — опять-таки те же полехи из Калужской губ. Приехали они, однако, не исключительно для торговли: захватили с собой лесные изделия лишь про всякий случай, на охотника; приехали, собственно, не торговцы, а рядчики — затем, чтобы приторговаться у больших хозяйств, где засеяно рожью по 100 и 200 десятин чернозема. Рядчики вступают в договоры на жнитво не за деньги, а за известное количество мер зерна с десятины. Являются они сюда уже не первый десяток лет. Жать будут серпами и, стало, быть, бережнее вязать и полнее сдавать сноп, меньше терять зерна (орловские крестьяне рожь косят). Жать придут, впрочем, не мужики, а бабы, и рядчики при бабьей артели (обыкновенно два) поочередно

вступают в отправление бабьей должности: в качестве стряпух, будут заботливо искать и усердно подбирать по задворьям всякую щепку и хворостинку, разводить в оврагах огонь и в котелках варить кашу, щи и кашницу. Они же принимают хозяйский хлеб и сало, бегают за солью к торговцам, моют и убирают посуду. На этих бородатых стряпух ворчат и с них строго взыскивают бабы, которые, кроме полевых работ, ничего больше знать не хотят во все это страдное время. Хорошо помним мы этих здоровых, неутомимых в труде и веселых баб «полешек». Пришло их 30 — две телеги привезли их носильный скарб, а за телегами прибыли пешком сами работницы, сделав эти 150—200 верст в каких-нибудь пять-шесть дней и приняв эту путину за прогулку. Явились они недели три спустя после рядчиков, в начале июля, когда орловская рожь совершенно вызревает. Как пришли они к месту, так сейчас и вырядились во все чистое и праздничное. Как принарядились, так и запели веселые песни, и пели до тех пор, пока не подошел срок ложиться на ночлег, тут же в чистом поле, притулившись к заплоту или к стене риги, амбара и т. п. С первым утренним светом бабы были уже в поле, на работе. Не разгибая спины, жали они полосы до сумерек, в промежутках раза три в день ели рядчикову кашу и пили подоенное им молоко. Вернувшись с работы, бабы опять пели песни, а некоторые и поплясали. В первое воскресенье песни эти пели бабы, не закрывая рта целый день, а вечером ходили медведем: одна в вывороченном наизнанку полушубке, другая — в рядчиковой шапке и армяке. Откуда взялось лукошко, козий наряд, медвежья цепь, гармоника! Откуда взялась сила петь целый день и играть в комедии и плясать, так же неустанно и невоздержно, как и на полевой работе! И после бесконечных песен и глупых плясок долго не могли угомониться эти шаловливые, бедовые бабы, представляющие поразительный контраст с орловскими бабами.

Эти последние приходили к группе «полешек», как на представление, искренне давались диву и, увлекаясь их веселостью, запевали свои песни, нередко те же самые, но так, да не так. Орловские певицы стараются сдерживать мотивы песни на низких тонах, силятся петь басом, или, как говорят они сами, «толстым» голосом. Пение выходит грубое, крикливое, с петушьими манерами. У полешек все голоса работают начистоту, звонкие контральто определенительно выделяются из светлых дискантов; мотивы нежнее, пение мелодичнее, такт идет ускореннее, и песня «играется» гораздо приятнее, не вдаваясь ни в похоронный, ни в церковный тон.

Мы пробовали продолжать сравнение и без особых усилий пришли к прямому выводу, что эти ломовые работницы из-под Жиздры и в деле изящного вкуса перещеголяли этих пахотниц из-под Драскова. Онучки на ногах жиздринских баб словно сейчас вымыты и новенькие оборы лаптей обхлестали ногу во всей ее природной простоте; рубахи, как белый снег; на плечах и по подолу — занавески (фартуки), замысловато вышитые нитками разных цветов и узоров своего рукоделья и досужества. Орловские поневы прямой выкройки в три полотнища; полехские — кокетливо собраны у пояса в роде туники затем, чтобы видны были из-под них рубашки, тоже вышитые по подолу. Лапти аккуратно сплетены, очень небольшие, очень плотно и не без претензии на щегольство и кокетство обхватывают ступню. У орловских баб ноги, как бревна, для чего они под чулки нарочно набивают всяких тряпок, и, на замечание о безобразии такого приема, отвечают: «У нас уже так всегда водится», «нельзя отставать от других». Украшения на занавески эти женщины покупают на сельских торжках готовыми, машинного дела; сами к рукоделью не особенно охотливы и привычны, рубахи забывают лишний раз помыть и поневы носят мрачных, темных цветов. Костюм полешки виднее, лицом они пригляднее: правильно налаженный труд развил мускульную систему, и взгляд стал осмысленнее,

смелее и веселее. Они большие хохотуны, и ни одна не прячется у другой за плечом. Главная из них, уставщица и всякому делу и веселью заторщица, — бой-баба на все руки в полном значении слова, с открытым, всегда веселым и улыбающимся лицом. Молодые девушки все в ярких цветах и умеют прицепить кокетливые ленточки, заменить лапти кожаными башмаками. От орловских держатся они особняком, но зато эти к ним пристают и приходят слушать песни и смотреть пляски, т. е. любоваться на эту согласную и красивую смесь дела с бездельем.

От привычных рук, при дружном и неустанном усилии, оголяются полосы густо заросших ржаных полей под серпами полешек. На сжатых полосах стройными рядами встают снопы; снопы складываются в крестцы, в здешних хлебородных местах по 13 снопов на крестец. А когда хлеб в снопах прочахнет, появляются и самые копны по 52 снопа, или по четыре крестца на копну. Работа полешек этим оканчивается. Они, однако, не задумываются перед новой задачей владельцев полей и принимаются за новый труд молотьбы сжатого ими хлеба. В тех же белых рубахах, плотно застегнутых у подбородка, и в простеньких рабочих поневах они, собственно, не бегут ни от какого дела и идут на новую работу с нового подряда. На молотьбу хлеба идут поденно. У орловских баб другой обычай: выходя на те полевые работы, которые представляются им, они, гробут ли сено, выдирают ли замашки, стараются вырядиться понаряднее.

Тем же пешим способом, обходя обе железные дороги, ведущие на город Орел, эти рабочие земледельческие женские артели тянутся обратно около телег рядчиков через город Болхов на родную сторону, в свое Полесье. Отсюда, когда будет обмолочен, провеян и обсчитан весь хлеб, уже зимним путем, по первому снегу, в черноземных местах появляются снова те же калужские рядчики за условленную платою натурой,

т. е. зерновым хлебом. Этим хлебом они будут пропитываться всю зиму. Без этого старинного отхожего промысла в Полесье плохо живется: земля там неблагоприятная, неплодородная. Леса все еще не поддаются воле и силе человека. Они растут либо борами по обширным песчаным пространствам, либо чернолесьем по низменным покатолям водораздела двух больших рек: Десны и Оки, и по зыбучим пескам этого Полесья, особенности которого поразили нашего поэта и художника-охотника. Леса действительно все еще тянутся длиною полосой, но не в таких малых размерах, какие указаны И. С. Тургеневым. Орловская лесная полоса Полесья начинается гораздо южнее Трубчевска, из-за Новгород-Северского и от Севска, придерживаясь и Карачевом, она дальше дробится на две отдельные гривы, из которых наименьшая направляется на северо-восток, т. е. на Болхов, Жиздру и Козельск до Сухинич. Это именно то самое Полесье, с представителями которого мы старались сейчас ознакомиться. Другая — наибольшая лесная грива Полесья, огибая город Жиздру с западной стороны, уходит из Калужской губернии в Смоленскую и тянется вплоть до гор. Ельни. Таким образом, в Калужской губ. Полесье не составляет одного Жиздринского уезда, но захватывает в себя части уездов: Масальского, Козельского и Лихвинского, а южнее Болхова уезды: Карачевский, Брянский, Трубчевский, Новгород-Северский и другие северные уезды Черниговской губернии. Перед Смоленском оказывается лесной перерыв и последний конец того Полесья, на котором остановили наше внимание знакомые нам поляхи.

II

ПОЛЕСЬЕ

Ах вы, леса темные!
Подходили леса к городу Смоленскому;
Горы-те высокие Сорочинские;
Чисты поля подходили к городу ко Опскову;
Мхи да болота ко Белу-Озеру;
Реки-озера ко Синю-морю.

*Из старины
(«Соловей Будимирович»)*

Нам еще под Карачевом бросаются в глаза леса, совершенно видоизменяющие ландшафт; они обещают совсем иные впечатления в этой западной половине Орловской губернии, не те, которыми дарит восточная черноземная и хлебородная часть. Группы деревьев не накрапаны темными пятнами на желтом фоне неоглядных полей, а идут серьезными сплошными насаждениями, останавливая взор и не давая ему большого простора.

Леса, однако, все еще лиственные, преимущественно березовые, есть даже селение и станция под названием «Девять дубов». Земля стала приметно хуже. С приближением к Брянску чувствуется, что и самая температура заметно понизилась: ощущалась сырость; в городе Брянске нас встретили дожди, так что ежедневно мешали осмотру города; между тем в покинутой нами Малоархангельской стороне в то же время пекло солнце и шла спешная уборка озимой ржи. Там отошла земляника, — здесь еще только начинают ее продавать, сливы недавно лишь стали поспевать, и если много вишни, то зато яблоки немногих сортов — стало быть, здесь и садоводство гораздо хуже. За две станции до Брянска выступил навстречу настоящий густой лес, в котором резко выделялась сосна, хотя и смешанная с другими видами лесных деревьев. Послышалось название селения и монастыря «Белые берега», и, в подкре-

пление слова в брянских борах стали обнаруживаться песчаные холмы «белого» песку. Этот песок сделался далее по пути настолько же господствующим, как там за Орлом, к Ельцу и Ливнам, чернозем. Попадающиеся реки кажутся многоводнее и не роятся, медленно двигаясь, в рыхлых низеньких берегах, но как Десна, с присущим всем большим рекам обычаем, силятся делать высокие берега на правой стороне своего течения. Когда брянский бор отступил назад и дорога вышла на открытое место, проявилось с одной стороны обширное болото — эта редкость восточной полосы губернии — и потянулся сплошной хребет гор с такими видами и подробностями, которые лесного уроженца прямо и непосредственно переносят на его родину. На одной половине этого горного хребта выяснилась та приятная для глаз и знакомая с детства густая синева лесов; на другой — увлекательная картина жилого места в виде большого города, притянувшего к себе и удержавшего подле себя массу сел и деревень. Деревни около города тянутся по горе на четырех, пяти верстах без перерыва, и одна из них длиною на две версты. В подтверждение древнего обычая, вынуждавшего для взаимной защиты селиться кучей, здесь сельское население жметя, с одной стороны, к воинствовавшему некогда укреплению города, с другой — к крепости Свенского монастыря, до сих пор сохраняющего четыре крепкие башни. Город Брянск, раскинутый по покатостям хребта и по подолу реки Десны, со множеством церквей, представляет действительно, такую картину, которою можно залюбоваться. Она привлекательна, начиная с того места, где выступает из горного узла первая гора с Петровским женским монастырем, и оканчивая той горой, которая выше и круче других, находится уже в трех верстах от города и увенчана одним из древнейших русских монастырей — Свенским. Под горами вьется извилинами довольно широкая, оживленная судами и криками сплавщиков, Десна. За ней расстилается великолепная

огромная равнина с роскошными поемными лугами. За лугами тянутся иные леса, в которых нельзя не заметить видимой силы растительности, как в дубках, липах и ракитах, так и в соседях их — соснах и елях. За Окой, в черноземной полосе, всю землю стараются вспахать и под луга оставляют только самую худую и то в таком малом количестве, что от отсутствия веселых зеленых лугов можно заскучать. На Десне земля под поля тяжела и требует удобрения, а потому ту, которая отбилась от руки, или которую не успели приготовить, пускают под луга. Деревя так много, что им совсем не дорожат: по улицам города Брянска валяются щепы и гниющие бревна без всякого внимания и призора. На городских мостах перила и накаты из толстых бревен, комнатные столы из толстых брусьев, тогда как по ту сторону Оки, в черноземной полосе, как говорят, «нечем в зубах поковырять». Резко бросается в глаза даже на брянских площадях обилие свиней — обитательниц города, окруженного дубовыми рощами. В продаже много дичи и между прочим вкуснейшая из них, лакомый кусочек — молодые тетерки, по 25—35 коп. пара. Городские улицы вымощены камнем, и его вообще такое множество, что оно после черноземной степи резко бросается в глаза. Теперь и здесь мы не видим уже ничего похожего на черноземную, восточную полосу губернии, — не видим и не слышим, потому что изменилось все основное и существенное.

Уцелевшие боры, выросшие на песках, не в силах соблазнить самого терпеливого хлебопашца, а целые ряды песчаных холмов, набитых ветром там, где леса истреблены вовсе, довели земледельца до отчаяния. Леса сберегли обширные болота, и с ними утратилась последняя надежда на хлебопашество. В силу этих обстоятельств и племенного характера, во всем обширном Полесье (Орловском и Калужском) выродилось стремление к различным промыслам. Эти промыслы: или отхожие — в виде уже знакомой нам уборки хлебов,

либо на сплавы судов из Десны в Днепр и обратно, на фабрики и заводы Брянского уезда и даже на нищенство около больших торговых пунктов и в таких богатых городах, как Москва, — или промыслы *домашние*, указанные непосредственно самою природою. Здесь первое место принадлежит лесным промыслам во всем их разнообразии за исключением пчелиного или бортевого, который, с истреблением липовых лесов, совершенно упал. Некогда пчеловодство составляло богатства Брянского уезда; тамошний мед доставлялся к царскому столу, представляя собою оброчную статью. Лесные насаждения Полесья были так густы, что солнечный свет не проникал до почвы, а деревья были такой толщины, что только головы рабочих были видны из-за срубленного дерева. Остатки пней огромных дубов попадаются повсеместно в южных частях уездов Лихвинского, Козельского и Жиздринского.

Сохранившиеся в некотором изобилии в уездах Масальском и Жиздринском липовые леса вызвали совершенно иной промысел о весьма давнего времени, именно: производство рогож, которым занимаются до ста селений, окружающих Спас-Деменский Масальского уезда. Здесь в каждом доме по одному и по два рогожных стана, на которых, при участии трех рабочих, выделяются: пудовка, или кулевая рогожка, тридцатка, или обшивная, полупудовка, или покрывка. Эти же рогожники занимаются в Калуге и отхожим промыслом — нищенством. Впрочем, и самый рогожный промысел стал кочевать, так как он считается в числе тех неблагоприятных причин, которые способствуют значительному истреблению леса. Давно уже к Спасу-Деменскому возят мочало из-под смоленского городка Ельни, а теперь даже с Нижегородской ярмарки. Давно уже рогожники стали большими партиями ходить в дальние лесные местности (между прочим, в корчевские и брянские леса), где скупают участки и, за явку в лес, платят с каждого топора владельцам известную

подать. В лесах дерут лыко; содрванное сматывают в клубки и несут домой, чтобы там в досужее зимнее время, рассортировать, обработать и продать в Карачеве или в каком-нибудь из степных городов. Ивовое и дубовое корье главным образом продается в гор. Болхове, в большом количестве, до миллиона пудов. В хлебных местах на вырученные деньги полехи покупают хлеб. Но чем дороже становится лес и лыко, и удешевляется издельный труд, чем больше редеют и удаляются липовые леса, — тем подвижнее становится и промысел. Теперь он перешел в самые места оптовой закупки и отправки хлебных товаров (Гжатск, Зубцов, Белев), преимущественно же в самый губернский город Калугу. Сюда рогожники приходят целыми партиями и ткут одновременно рогожи и кули, по найму и по заказам.

Полах ходит в свой лес, между прочим, и для нижеследующих целей; с осени он рубит осину для лопат и корыт, различного возраста дуб для обручей, санных вязьев и полозьев, для ободьев и клепок на бочки; рубит клен — для гребней и кулачьев (зубцов) на мельничные колеса. Сверх того полех выбирает годные деревья — березу и клен на выделку клещей для хомутов, просушивает их летом на солнце, зимою в избах распиливает на 2, 3 и 4 части, отделявает топором, снова просушивает, отделявает начисто и продает сотню по 6—7 рублей купцам из Калуги, Жиздры, Белева, Болхова. Чаше он отвозит товар свои в степь (Курск, Щигры, Ливны, Елец и Орел), где обменивает на рожь, или продает за наличные деньги, но уже по 9 и 10 руб. за сотню; кроме того, полех гонит деготь, приготавливает золу и уголь, пилит дрова на тес и доски. Весною он входит в *межени*, т. е. низменные места, проросшие осиновым кустарником, где дерет кору и лыко. Весной же он сгоняет плоты в Оку и Десну. Зимой громадным большинством полехи отправляются в извоз, или, по-местному, *бандюжить*.

Во всех этих случаях полеху благоприятствовали счастливое географическое положение его страны или

те мокрые и болотистые леса, которые дают исток и пищу многим рекам, текущим в двух противоположных направлениях и открывающим путь в различные стороны: в торговые и хлебородные места, т. е. безлесные и малолесные, на юг и на восток, по бассейнам Оки и Десны.

Полесье расположилось на водоразделе восточных и западных рек земли Русской. На обширном плато в западной части Масальского уезда, окаймленном с с.-в., ю. и ю.-з. цепью весьма низких холмов, находится легкий склон, состоящий из обширных торфяных болот. Здесь главный водораздел притоков Волжской и Днепровской систем, — здесь берет начало р. Болва — приток Десны — и находятся верховья Углы — притока Оки, сначала едва заметные в болотистой почве, текущие неслышно и вяло большею частью в отлогих берегах. Все же Полесье представляет собою равнину, слегка возвышающуюся на западе до водораздельной черты, которую можно определить прямою линиею к истокам реки Жиздры и на гор. Карачев. Линия от гор. Юхнова к Гжатску служит западною окраиною Московской котловины. Свой лесной характер Полесье сохраняет на всем протяжении непрерывно и неизменно, даже с тою особенностью, что и древнейшие города этой местности удержали за собою лесные имена, начиная с южного Бреста (или Берестья Литовского) и Брянска (древнего Дебрянска), Сосницы, Стародуба и оканчивая двумя северными, Смоленском и Ельней. Быт населения, характер жителей всего Полесья составляет переход от восточного славянского племени к западному. Здесь белорусы смоленского типа и великороссы — полехи с оттенками западных соседей, живут плечом к плечу, и так, что отделить белорусские деревни от великорусских почти невозможно. Водораздельные леса стали одинаково племенной границею здесь на востоке Белоруссии, как не перестают быть межою подобные же густые леса на юге, востоке, севере обширного Белорусского края, с племенами: малорусским, литовским

и латышским и опять с великорусским. Именно в этом обстоятельстве, в значении Полесья, как границы обширной страны, занимающей и поставленной в заголовке настоящей статьи, мы представляем оправдание этому предисловию. Им мы достигли той цели, что, характеризуя орловское и калужское Полесье, описали восточную границу Белоруссии. Отметив ее особенности, нам немного остается дополнить к характеристике западной границы, или, что то же, южного Полесья.

Оно непосредственно примыкает к сплошной полосе лесов Орловского (т. е. Трубчевского и Брянского) Полесья и тянется параллельно течению Десны от того места, где эта река начинает принимать юго-западное направление; здесь с древнейших времен существует порубежная племенная защита в виде крепости Новгород-Северского, умевшей, в особенности во время самозванцев, показать, в руках Басманова, в течение 2 1/2 месяцев, всю свою силу и значение как укрепленного пограничного пункта придеснинского Полесья. Это место, кроме того, замечательно еще тем, что некоторые селения в нем носят название «рубежа, рубежного», что уже указывает в данном вопросе на благонадежность признаков. Это также, по большей части — чернолесье, выросшее на серой почве, т. е. на супеске и глине. Здесь, точно так же, как и везде на тех местах, где прежде были боры, теперь лежит настоящий песок, и точно так же это южное Полесье явилось на смену и в решительный контраст местам, лежащим по ту сторону Десны. Там черноземная степь с богатыми урожаями ржи и овса и с плугами, в которые, для обработки полей, надо впрягать от двух до трех пар волов; трава слаще и сытнее; всякий скот крупнее и сильнее. Здесь, в этом южном или черниговском Полесье, на худой земле, много чести и мало дела и для одноконной бесколесной великорусской сохи. Травы здесь только выше ростом и гуще, но не питательны: местный скот мельче и слабее. Эта местность в старину называлась Севером, а теперь

названа Полесьем теми «полевиками» или «хохлами», которые сытно едят и богато живут по левую сторону Десны, в южной полосе Черниговской губернии. Точно так же, как уже и под Карачевом и Брянском, стихают разговоры обо ржи и совсем не говорят о пшенице, и здесь — в черниговском Полесье — хорошо знают, что озимая пшеница возрастает там, где-то дальше, под Полтавой, что на большом пространстве здешней земли урожай не вознаграждает посева: земля уездов Милинского и Сурожского такова, что давно уже жители почти ежегодно принуждены питаться круглый год хлебом с мякиною.

Во всей этой обширной лесной местности, начиная от Новгород-Северского и восходя к северу вплоть до истоков Десны и крайнего пункта всего Полесья, одна надежда и одни усиленные хлопоты о возделывании конопли и обработке пеньки, начиная с «конопляного праздника» (дня св. Ферапонта, 27 мая) и оканчивая Покровом. Впрочем, так как конопля растение двудомное (мужские особи растения называются «замашкою», по-белорусски «посконью», а женские собственно *коноплей*), то с первых чисел августа начинают брать первую, еще в цвету; она в это время дает самое белое и нежное волокно. После отцветания замашка скоро высыхает и желтеет; собранная в сентябре дает темное волокно с синеватым оттенком. Собранная конопля, не иначе как вымоченная, смятая на мяле и вытрепанная, или, проще сказать — превращенная в пеньку, принимается купцами и покупается за деньги. В этих видах почти все удобрение обращается на конопляники, которые доведены до замечательного совершенства. Все же пеньковое производство дает столь значительное оживление полесью, что на окраинах его образовались бойкие торговые пункты, как места сбора пеньки: для калужского Полесья — Козельск и Сухиничи, для орловского — Брянск и Рославль, для черниговского, или южного — Новозыбков, Стародуб, Почеп и пр. Но главная биржа для торговли пенькою изо всех полесских

местностей собирается около 1 октября в трех верстах от Брянска, при Свенском монастыре, во время ярмарки, когда производятся самые значительные сделки по продаже и покупке. Состоявшиеся здесь цены на весь год до следующего урожая руководят торговцами. Кроме закупа самими торговцами в ближних местностях, пенька по зимам свозится на многочисленные еженедельные базары. В закупках принимают наибольшее участие городские торговцы и в особенности евреи, покупая на пуды и перепродавая товар различным капиталистам на берковцы. Для трепанья пеньки стекается каждую зиму большое количество рабочих, среди которых видное место принадлежит все тем же калужским полехам. Рассортированная и сложенная в бунты пенька отправляется, предназначенная в Ригу, через гор. Поречье, где вновь перебирается и грузится на суда, и где черниговская пенька встречается с орловскою и смоленскою. Рядом с пеньковым и в связи с ним вызвано к жизни производство конопляного масла и торговля им, и одновременно льняным и конопляным семенем. Этим делом озабочено все Полесье, и ему принадлежит здесь несомненно одно из первых мест, даже и в том отношении, что пеньковое дело служит объединяющим началом, обеспечивающим неизбежность сближения белорусов с великороссами.

В силу указанных хозяйственных забот и многосложного промышленного движения на характере жителей южного или черниговского Полесья отразились резкие черты контраста, которые известны нам по первым встречам в этой полосе России. В то время, когда сочный и крепкий чернозем успел обленить «полевики» в степи, из полещуков, несмотря на их вообще небольшой рост, при плохом питании, живущих на неблагоприятной почве, в самых дурных бытовых условиях, родился народ трудолюбивый, проворный и решительный.

В особенности (и на этот раз) выделились те из них, которые, от частого сближения с соседями на торж-

ках, базарах и ярмарках, не хотели вполне хранить все племенные особенности, а в быту, нравах и языке представляют некоторого рода помесь. Эта-то помесь и получила самостоятельные прозвания полехов, полещуков и пинчуков (последними, как известно, называются жители громадного пинского Полесья в уездах Мозырском, Слуцком и Пинском). В первых из них еще нет подлинных великороссов, но осталось наибольшее количество черт и особенностей этого элемента. Во вторых мало осталось малороссийских черт, но в полещуках черниговских еще не вполне сложился белорусский тип, а в пинчуках минских еще сильно и упорно борются особенности южнорусских элементов в смеси с северо-западными или белорусскими. В жителях черниговского Полесья, называемых также совершенно неверно «литвинами», — соседних с трудолюбивым и промышленным старообрядским населением тамошних городов, слобод и посадов, а также и в тех, которые живут около границ губерний Орловской и Смоленской, влияние великорусского племени стало отчасти приметным и благотворным в отношении экономическом. Теперь в том и задача наша, чтобы указать последствия того взаимодействия и отметить особенности характера белорусского племени, населяющего Смоленскую окраину, для которой черниговское Полесье составляет южную границу.

III

ТРИ СОСЕДА

Хиба лихо озме литвина, щоб вин не дзекнув, — говорят малороссы.

Коли москаль каже суха, то поднимайся до вуха: бо ён бреше.

Ад черта адхрисьцисься, а ад москаля не адмалисья: ад москаля полы урежь да уцекай — толкуют белорусы.

Литва — беспятая лапотница; мезговники, мякинники; белошапошники; магерки.

Волынка да гудок, собери наш домок; соха да борона разорила наши дома — от-ветно насмежаются великороссы.

Уже в городе Брянске, на базаре, подле нижнего собора, преобладает *белая магерка* — классический белорусский колпак, или низенькая шляпа без полей, и та *коротенькая* и *узенькая* свита, которая отличает белоруса от малоросса. Те же колпаки, и непременно белые, продаются и в лавках, и во всем этом орловском Полесье издавна белая овечья шерсть в оптовой покупке всегда стоит дороже черной. Замечается, впрочем, здесь некоторое стремление приблизить форму головного убора к форме великорусской шляпы — тулья не так узка сверху, пониже и пошире, и выделиться от коренных белорусов черными и коричневыми (некрашеными) свитами. Впрочем, в последнем отношении большая смесь: либо при белом колпаке серая свита, либо тот и другая серые, как признак того, что брянский базар стоит на рубеже, и тут еще не окончен спор из-за наряда (в особенности головного), составляющего, во всяком случае, один из существенных этнографических признаков. Несомненно, однако, что в 90 верстах от Брянска, на запад, но еще в уезде этого города, является на жителей (напр., Окулецкой волости) подлинный и беспримесный белорусский наряд у мужчин и женщин; там белый цвет исключителен; под Брянском белая магерка сдружилась с серой

свитой, а под Карачевом они обе серые. Отсюда понятно прозвание орловских полехов «белоголовыми», усвоенное им жителями западной половины губернии. Та же встреча обуженного кверху колпака с великорусской шляпой гречневиком и с торчащими, в защиту от солнца, полями происходит на всех базарах калужского Полесья и даже на ярмарке в Дорогобуже. На еженедельных торжках в городе Смоленске белая магерка и свита уже очень приметны. Точно так же круглая шляпа с широкими полями или типический малороссийский «бриль» вступает в спор с узенькой магеркой по всему черниговскому Полесью, преобладая, однако, над последней под Новгород-Северским, Севском и Трубчевском. Такое же различие замечается и в говоре, в произношении самых обыденных слов; напр., в Полесье говорят: *конь, вол, нож* — по-белорусски; в Глухове и Нежине — *кун, вул, нуж*, а за Лубнами — *кинъ, вил, ниж*, уже по-украински. Сам белорус, прозванный «литвином», задисненских жителей начал звать «хохликами», а на базарах носит общее бранное прозвище «хомут». Одним словом, на этих окраинах естественным образом облик белорусского племени не мог окончательно и целиком высказаться, и соседи, так сказать, сами еще не разобрались между собою. Эта путаница тонко выражена в присловье, обращаемом в насмешку именно этим «ни то ни сё».

— Якой губернии? — Смоленской. — Якого уезда? — Города Дорогобужа. — Якой волости? — Демьяновой посадки. — Якого села? — С Ивановой усадьбы. — Якого боярина? — Про то не ведам.

Название «белорус» — искусственное, книжное и официальное. Сами себя потомки кривичей под этим именем не знают, хотя, в сущности, ни одного эпитета нельзя подобрать более типичного. Белорусы они настоящие: белый цвет преобладает; у коренных все белое: лицо, волосы, рубаха, колпак, панталоны, кожух и свита. На женщинах также белая наметка, белый

фартук, и даже бельевая обора идет крест-накрест по белой онуче, прикрепляя на ноге лапти. Вопреки всему этому поличному, у белорусов даже есть такая песня:

Прилецели гуси
Да с беленькой Руси,
Сели-пали на крыницы,
Стали они воду пици.

Значит, под именем Белой Руси разумеет тамошний народ Великороссию, а во времена недавнего национального возбуждения, явившегося последствием последнего польского восстания, местная интеллигенция начала считать название «белорус» даже обидным, признавая себя без ограничений чистыми русскими, более древнего и чистого происхождения. До этого же времени простой народ считал и называл себя просто «хлопами». Только минский полещук умел отвечать за себя на вопрос: что ты за человек? — я не человек, а «пинчук» (т. е. уроженец пинских или мозырских болот). При вопросе: кто владеет полесьем и кому пинчуки повинуются? — ссылались не так давно, и еще на нашей памяти, на «королеву Бону» (т. е. жену короля Сигизмунда, Бона Сфорца, отравленную своим доктором в 1557 году), полумифическое лицо, которому народная память приписывает постройку всех сохранившихся каменных замков, башен и т. п. в целом Белорусском крае.

Именно здесь, в пинском Полесье, где оно входит в Гродненскую губернию и составляет естественную и действительную границу двух племен, малороссийского и белорусского, в особенности характерно выразилось в народе разумение племенной разницы. Выразилось же оно не только в насмешливых присловьях, но и в цельных рассказах и анекдотах о простоте и наивности этих «темных» людей. То же самое повторилось и на Днепре, где, южнее Гомеля, близ устья Припяти, кончается север Украины и начинается южная граница белорусского племени. Народ здешний также нечто

среднее, отставшее от одного и не приставшее к другому. В особенности зла насмешка и сильна сплетня на этой границе, где белорусов одновременно спознали и старообрядцы великороссы и киевские малороссы, с известной народной привычкой своей «пожартовать», посмеяться. Около слободы Добрянки, населенной раскольниками, лежит селение Марковичи — здешнее Пошехонье, соседнее также с «хохлами задрипанцами». Эта Марковщина носит приватное прозвание «Туховщины», сочиненное по нижеследующему случаю:

Шли эти марковцы с сенокоса, — видят, выстроена церковь: такого большого строения не видывали. Вошли внутрь, еще больше удивились. Всем захотелось крикнуть, попробовать, рассеется ли голос. Стали приставать — просить позволения. «Нельзя, — говорят, — это дом Божий, свято место». Опять пристают: «Позволь хоть раз тукнуть». — «Если станете давать каждый год с каждой избы по полупуду меду, кричите». Согласились. С той поры для духовенства установилась особая подать под именем «туковщины» и «погуковщины» (но под названием последней, в другом месте, хотя также в северной пограничной части Киевской губернии, за посещение церкви — священнику).

В то же время про марковцев рассказывают еще следующее. Они, чтобы не трудиться ежегодно ездить в Крым за солью, сыпали ее в колодцы, в расчете сделать воду навсегда соленой. Чтобы больше родилось волов, рубили на мелкие куски одного вола, сеяли куски по полю и запахивали. Чтобы не трудиться толочь пшено, сеяли его толченым, ибо, по причине безлесья, ступ не из чего делать. Они же «съели сучку», а было это так: готовили марковцы в лесу ладо под пашню, стали жечь срубленные деревья. В это время прибежала собака, бросилась в огонь и сгорела. Когда пришли марковцы, огнище потухло. Видят жареного зверя: «Мабуть, заяц?» А зайца сроду не едали. С голоду стали сучку есть да похваливать. Пришел хозяин

сучки — увидел дело, увидел хвост, узнал свою собаку и выговорил: «Зайка, зайка! хвостик як нагайка; ведь вы это мою сучку съели». С той поры при любом марковце нельзя поманить собаки, не только напомнить им об этом прискорбном событии — кольями изобьют. Другой раз марковцы увидали, как полем прошел медведь и скрылся в лесу. Такого зверя еще не видывали; пошли спрашивать у попа, что за зверь такой. «Походило, погуляло, в лес ушло». Пошел с ними поп в лес; увидели нору, стали совещаться, кому первому лезть. «Полезай, батяка, ты поменьше ростом». Взяли его за ноги, сунули в яму головой; медведь оторвал голову. Когда вытащили попа, удивились: «Кажись, была голова, а мабуть нет». Пошли спросить попадью: чи была у батюшки голова, чи ни? «Утром была, — говорит, — я ему блины пекла, ел, помню — и бородой в то время тряс! А там уж не знаю; взял ли он ее с собой или в церковь снес, а в хате поповой головы нет». И так далее.

Остановясь на встречах пунктах великорусских полевых со смоленскими белорусами уездов Рославльского, Ельнинского и Смоленского, мы очутились на той водораздельной возвышенности, где берут начало реки в одном только направлении в Днепр при посредстве Десны и Сожа. Около Смоленска мы вступаем в ту область, где находятся истоки обеих этих рек и самого Днепра — главной артерии всего Белорусского края и третьей по величине реки всей Европейской России. Эта возвышенность залегла между Сожем и Десною и замечательна тем, что, начавшись под Трубчевском от поворота реки на юго-запад, лежит в области ее течения с правой стороны, бедной притоками (слева 23 притока, справа только 9, и все почти вне пределов этого водораздела). Этим обстоятельством с древнейших времен практически воспользовалась торговля. Она проложила здесь три пути, известные под именем «свиных шляхов», т. е. тех дорог, по которым гоняли с юга животных, давших имя дороге и, как известно, неспособных к переправам

вплавь, требующих сухопутья и мелких рек или таких, через которые класть можно легкие скороспелые мосты (некоторые не без основания производят от тех же причин и название Брянского монастыря, как сборного пункта и начального места шляхов, в старину действительно называвшегося Свинским). Собственно для нас этот водораздел именно тем и замечателен, что представляет точную границу между двумя встречными племенами. Здесь произошла встреча в давние незапамятные времена расселения славянских племен по обширным равнинам Русской земли. Здесь совершилось то полюбовное размежевание и остановка поступательного движения одновременно с запада и востока или в то время, когда запоздалые надвинулись на места прибылых. Естественное право, выродившееся из взаимного уважения к тяжкому труду, понесенному обеими встречными сторонами по расчистке дремучих лесов, велело жить в соседстве и дружбе и выговорило закон, облеченный в формулу: «владеть землею только по то место, куда топор и соха ходили». В сущности естественных преград, в смысле указания на прямые границы, тут не было: ни высоких гор, ни обширных болот и озер, ни тех непролазных лесов, которые владеют, между прочим, замечательным свойством делаться естественными племенными границами. Здесь возвышения уровня почвы столь незначительны, что, без инструментального измерения высот они не могут отличаться от равнин. Разделяющего простенка нет; горба мы обыкновенно вовсе не замечаем, а, напротив, видим, что самая ничтожная возвышенность в состоянии разделить области таких больших рек, как Волга и Днепр, как Двина и Нева, как верховья Десны, Сожа и Днепра. Что же касается болот, то они в данном случае, как и во всех других, послужили движению и сближению племен тем, что дали пищу и возможность прорезаться естественным и легчайшим путям народных переселений, каковы во всех местах и во все времена — реки. Если даже в некоторых случаях болотные реки не сделались местами оседлости, то везде

сослужили службу тем, что остались большими дорогами, передаточными пунктами, хотя бы и на те водоразделы, которые носят простое народное имя «волоков». В некоторых случаях берега этих рек, как на больших морях, или как высокие горы — сделались племенными границами. Так, между прочим, на западной белорусской границе, в Гродненской губ. около Бреста-Литовского, течет река Пелеса. Вся она заплыла грязью, покрыта тиной, еле движется. Крестьяне, живущие на левом ее берегу, вовсе не знают по-литовски, жители правого берега — настоящие литовцы по языку и обычаям. Точно так же в Полоцком уезде (Витебской губ.) на правом берегу речки Пещаны — притока Западной Двины — живут латыши, на левом — белорусы; речка Орловка в древнейшем псковском пригороде Изборске, разделяет ливов от великороссов и т. д.

Волока — опять-таки настолько ничтожные возвышения, что через них без большого труда можно переносить челноки из одной реки в другую, а в самых реках, при многократно извивающихся линиях, нельзя определить, какое направление следует принять за главное. На этих волоках впоследствии образовались естественные пути встреч и сближений, потом торговые центры, наконец места племенной ассимиляции, где сильное и живое племя имеет возможность взять перевес и дать ход и дальнейшее развитие своей национальности. Чем значительнее реки, сближающие свои верховья, тем скорее накапливается сила в объединяющих пунктах и могущественнее действует влияние их дальше пределов волока, — на все приречное население всех тех рек, которые между собою сближались истоками или устьями. Отсюда понятно народное и правительственное значение таких сильных властителей, как Киев (через Днепр, Десну и Припять), как Новгород (Мста, Волхов и через Ильмень, Шелонь, Ловать, Полисть и проч.), и наконец в интересующей нас местности — Смоленск. Возвышаясь над Днепром, он обязательно расположился

вблизи истоков трех рек, из которых Сож берет начало едва не под самым городом, а Десна в расстоянии двух «лошадиных перегонов» или «упряжек», достаточных ровно настолько, чтобы, отправившись на место обмена, торгова или на совещания, не утомить лошадь, едучи, не кормя, и, покормив ее, на вторые сутки успеть возвратиться домой. Река Каспля, игравшая в середине прошлого столетия весьма серьезную роль и теперь все еще судоходная, соединяет и привлекает побережья Двины к пущему возрастанию самого древнейшего и коренного белорусского города, главной столицы кривичей — Смоленска. Город Поречье, лежащий на этой последней реке, до сих пор сохраняет огромное значение для всего Смоленского края, как пристань для склада пеньки и хлеба и для заграничной торговли этими продуктами народного хозяйства Смоленской и Черниговской губернии и орловского Полесья.

Рассмотренный теперь водораздел делит Смоленскую губернию на две части. В восточной остаются уезды Сычевский и Вяземский, и если мы присоединим к ним Гжатский и Юхновский и восточную (наибольшую) часть Бельского, то таким образом отделим великорусскую Смоленщину. Затем уже все остальное, далеко за политическую границу губернии, будет Белоруссия. Таким образом оказывается (по сведениям 1860 года), что белорусов в губернии 1 122 000, а великороссов 520 тысяч, или 68 : 32%. Разница здесь заключается лишь в том, что великороссы живут плотнее, скученнее, нежели белорусы. Это, впрочем, одна из самых характерных особенностей белорусского племени, живущего, в громадном большинстве случаев, деревнями в 4, 3, 2 двора и иногда в одном хуторе где-нибудь в лесу. По этой причине у них, во время работ, дом часто обкраден, ребята — калеки, скот без надзора, пастухов режет волк и т. д.

Оставляя восточную границу белорусской Смоленщины для новых встречных мест с великороссами на севере, упомянем кстати о двух примечательных в данном

вопросе местах. В 40 верстах от Вязьмы, на большой дороге к Смоленску, лежит селение Зарубежье, с которым соединено предание о том, что здесь была политическая граница, установленная с Польшею 15 июня 1634 года. В Юхновском уезде, в 30 верстах от той же Вязьмы, в селе Волсте была крайняя северо-западная граница древнего Черниговского княжества и периодических литовских владений. Стоял тут медный большой столб (по преданию), на месте которого недавно устроена часовня. Тем не менее Вязьма, через которую шел древний путь на Киев и куда пришел преподобный Ефрем из Ростова по пути на р. Альту, чтобы взять тело брата своего Георгия, убитого вместе со св. князем Борисом, — город Вязьма — несомненно — великорусского характера. В нем уже видим промышленное движение, чего недостает белорусским городам (как новое племенное отличие): существуют заводы, сверх классического пряничного производства, известного целой России. Для спасения от ляхов, в 1661 году, Вязьме понадобилось чудо преподобного Аркадия; еще Иоанн III построил на городской стене сторожевую пограничную башню; здесь в 1107 году заключил он перемирие с Витовтом и отдал Вязьму сыну, а Иоанн IV, для окончательного укрепления города за Русью, роздал вяземские земли опричникам. Впрочем, за вяземскими крестьянами некоторые не признают полного усвоения великорусского характера, основывая этот вывод на том, что они не стараются улучшить своего быта каким-либо прибыльным ремеслом, и уезд, по общему числу промышленных крестьян, занимает между великорусскими уездами последнее место.

Если поднимемся мы от Смоленска на север, через Духовщинский уезд, в Бельский и Пореченский, мы вступим снова в область громадного Полесья, которому судила история стать естественною границею северной Великороссии с белорусами Смоленской и Витебской губерний. Леса эти настолько первозданны, мало доступны и пустынные, что Бельский уезд получил название

Смоленской «Сибири». Уже в 8 верстах от уездного города — Белого — начинаются громадные болота (по большей части носящие местные названия — «мхов»). Эти болота, простираясь на север, покрывают всю северо-западную часть уезда и соединяются в неизмеримую даль с таковыми же Пореченского уезда. Между речкою Тросною, Мглайкою и рекой Межой так называемые «мхи Пилецкие» занимают около 200 кв. верст; мох Сотховский по р. Кремянке имеет в длину 12 верст, Свитские мхи (по р. Свити), покрытые множеством небольших озер, занимают около 25 кв. верст и шириною от 1 до 4 верст. Эти мхи или чистые болота покрыты редким сосновым кустарником (мокрые места обросли смешанным дровяным лесом). Мхи непроходимы во все летнее время, и охотники, гоняющиеся за лосями в сухое лето, здесь очень часто безвозвратно погибают. Наблюдателю рельефа земли и различного характера почвы представляется здесь богатый материал и даже для филолога — новые синонимы. Здесь, напр., зовут собственно болотом мокрые места, покрытые мешаным дровяным лесом («пуща»), потому что слой моха очень не толст, и корни деревьев могут проникать в грунт земли, — места, в сухое время проходимые человеком. «Мхи» (белорусская «нимяреча») или «мяреча» проросли мохом в толщину нескольких сажен и, кроме редкого сосняка, ничего не выращивают. Окраины мхов густо зарастают ивняком и березником, и на них-то цепляются немногие и редкие селения. В мяречах попадают именно те непроходимые местности, где гибнут заблудившиеся люди, и которые носят название «нетры». Еще страшнее их бывают «твани» — самый безнадежный и ужасный вид болот. Это бывшие некогда озера, поверхность которых заросла не особенно толстым моховым слоем, но густого сплетения. На них после первых поселенцев: водорослей, водных мхов и низших растений, вымерших и истлевших, образовалась уже почва для других болотных растений. Под мохом этих болот содержится разжиженная грязь,

сквозь которую свободно проходят шесты в 3—5 сажен длиною. Здесь и бездонные пропасти, называемые «ви-реями» или «окнами»; ничего древесного не растет, и вся поверхность — «драгва» настоящая, с поразительным подобием киселя. Не говорим уже о «багнах», тех топких местах, которыми укрыта вся эта мокрая палестина, заросшая травой «ситником» — мелким камышом, употребляемым на постели. Озера не замерзают вовсе, отчего прямых сообщений между селениями не существует: вместо 5 верст прямика приходится делать до 15—20 верст объезда. По Свитским мхам, впрочем, идут обозы из Торопца в Ржев, а через Пилецкие мхи, идущие из Торопца в Белый, — два зимних пути. Многие из этих мшистых болот не что иное, как скрытые озера, затянутые тонким слоем моха и различных водяных растений: добраться до дна их шестами нет никакой возможности. Взор путника встречает лишь мешаный дровяной лес: мелкий березняк, ельник, ольшаник и вересковые кустарники, на болотах или мхах реденький сосновый; кустарник да те лужи, которые носят характеристическое название «вир», или окон, в сущности, представляющих собой бездонные пропасти. Отметим и то немаловажное явление, что реки, направляющиеся в белорусскую сторону, имеют быстрыны и течение стремительное, которое не только весьма затрудняет сношения, но и делает вовсе невозможным для плоскодонных барок обратный путь. Зато Волга с весьма тихим и равномерным течением обеспечила с древнейших времен сношения и открыла свободные путь для колонизационных разливов.

Эти болота до такой степени стеснили и обездолили всю страну, что только по берегам рек могло приютиться оседлое население и поставить жилища возле узких полос обработанных полей. Не так давно один корреспондент «Русского Мира» счел событием чрезвычайной важности посещение местным епископом этих забытых мест, до сих пор еще не выдавших ни одного из высших лиц духовной иерархии. Жители этого Поле-

сья у ближайших соседей своих слывут под прозвищем «темных», и в самом деле: при одинаковой плате оброка с соседями (жителями «Половщины», восточной части уезда, у которых размер озимого посева в худшие годы выходит от 6 до 9 мер на душу) жители Полесья при том же сравнительно безобидном наделе (в $4\frac{1}{2}$ дес.) не могут делать посевов свыше 5, 4 и даже 3 мер. Треть надела у них залегает под порослями, камнями и болотами. Есть волости, в которых на ревизскую душу едва приходится по $\frac{1}{2}$ лошади и по одной корове. Сюда будто бы граф Борис Шереметев, герой Петровских времен, ссылал безнравственных крестьян и тем как бы усилил на половину уезда великорусское влияние. Потомков высланных считают теперь до 1 тысячи человек (в 100 верстах к северу от г. Белого среди неисходных лесов, в сторону города Торопца).

Вся поверхность Пореченского уезда наполнена озерами, образующими обширную водную сеть, почти непрерывную. Большая часть озер соединена между собою так называемыми «межитоками». При этом озера нигде не служат границами, но лежащие вблизи всегда снабжены укреплениями, замками и городищами. Вообще, обилие стоячих, текущих и подземных вод во всем этом северном смоленском Полесье так громадно, что одна из величайших рек России — Днепр — получила здесь свое начало в болоте Мшара, между деревнями Клецевой и Аксюниной. Здесь же нашла себе крупную поддержку в реке Каспле многоводная Западная Двина; попользовалась и матушка-Волга посредством реки, носящей своеобразное название Молодого Туда.

Глядя на это бездолие страны и гигантские препятствия для народных движений, кажется, что человеку и не продрасться здесь — не только с сохой, но и с топором. И в самом деле, эта местность Бельского уезда, составляющая $\frac{1}{5}$ часть всего пространства губернии, населена слабее всех уездов. Лесная область действительно легла определенной гранью между двумя племенами одного

народа. Мокрая страна с страшными болотами надолго сдержала народные переселения, упорно мешала племенным сношениям и объединению, помогла Пскову и Новгороду дольше, других удержать независимость и самостоятельность, но, в конце концов, все-таки открыла пути и дозволила проложить дороги. С течением времени, однако, здесь переселенцу удалось преодолеть природные препятствия. На реке этого полесья — Молодом Туде, довольно глубоком, бегущем извилинами в крутых берегах, мы находим белорусов, известных под местным названием «Тудовлян». Река эта вывела белорусов с верховьев Двины и Днепра на верховья Волги. Туд впадает в селе Сковороде, при Самаринской мельнице, в Волгу. Течет Туд быстро, а потому усеян столь выгодными здесь мельницами и богат рыбой (столетними, замечательных размеров щуками, голавлями, окунями и лососками). В жителях сохраняются, вместе с говором и нарядом, добрые черты белорусских нравов: честность, кротость и терпеливость с новым придатком — гостеприимства. Ходят они в узких и коротких полушубках, которые названы «кунтышем». Промыслов тоже никаких не знают и не ведут; занимаются исключительно земледелием; здесь и неизменное дзеканье и, наконец, классическая дуда — кожаный, круглый мешок с приставной к отверстию дудкой, — дуда, играющая не только, когда в нее дуют и водят пальцами, но и когда дуть перестанут. Тут живы еще рассказы о капитане-исправнике Бабае, решавшем людские ссоры и прегрешения отеческим судом по старине.

Поверхность земли по этой реке усеяна мелким булыжным камнем, который, однако, как и в великом множестве мест по Белоруссии, не останавливает жителей от земледелия: камни приносят даже пользу тем, что удерживают под собою в сухие лета сырость. И так же, как в Белоруссии, здесь на зимних ярмарках (Крещенской и Никольской) торгуют главнее всего товарами домашнего приготовления: холстами и сукнами низшего

сорта и привозными самой дешевой цены и сомнительного качества. И это производится на скорую руку, из боязни, чтобы не помешали болота, которые замерзают лишь на это злобное зимнее время от Николы, кующего гвозди, до Крещения, когда на «Водокреши» мороз трещит в последний раз. Затем вскоре болота начинают вскрываться. Главный пункт и местная влиятельная столица в поволжской Белоруссии — село Молодой Туд, состоящее из 40 дворов, и при нем 45 деревень, а в них до 500 дворов. Некоторые (напр., г. Преображенский в описании Тверской губернии) насчитывают белорусов в Тверской губернии до 125 тысяч, конечно, не только ржевских, зубцовских, но и осташковских. Последняя местность, столь сходственная почвою, столь сродственная по обычаям, в оны времена передвижений белорусского племени с юга на север не могла быть обойдена при облегченных путях сообщения и не могла остаться без белорусского влияния. Оно чувствуется в говоре деревенских жителей, в сходстве некоторых обычаев и в самом городе Осташкове (древнем Кличеве, переименованном при Дмитрие Донском) сохраняет следы обоюдной связи и давнего тяготения. На этот раз доказательства свойства и родственных связей выказались в самом бесспорном и живом народном начале — религиозности, выражающейся привязанностью к родной патрональной святыне. На том конце города, где начинается дорога в Новгород, давно построен монастырь (женский) Знаменский. На том месте, в сторону Смоленска, где издревле было «церковище» (остатки церкви на Житном острове), выстроился мужской монастырь в честь иконы Смоленской Божией Матери. Царь Алексей Михайлович принужден был в Осташкове, как пограничном пункте, учредить таможду и построить крепостцу.

Излишне говорить о том, насколько святы места, и святыни служили объединяющим началом для единоверных народностей и сосредоточивали около себя пункты встреч и общения, как в данном случае Нилова пустынь. Сюда ходят не только смоленские великороссы,

но и белорусы (через г. Белый), несмотря на то, что эта пустынь лежит дальше, еще в 180 верстах за Осташковом. Похожее на осташковское явление двойственных симпатий повторилось и в тверском городе Ржеве, который в те времена, когда назывался еще «Ржевой Володимировой», т. е. во времена новгородской независимости, со всею своею волостью платил половину дани и судных пошлин великому князю литовскому, а другую половину Великому Господину Новгороду. Около этого же города разбирались споры суздальцев с новгородцами.

Бесполезная борьба с природой сделала жителей угрюмыми, сосредоточенными в себе до меланхолии, а неплодородие почвы — наложило на них как бы печать отчаяния. Народ побежал искать заработков на юг. С незапамятных времен все громадные рыбные озера витебской Белоруссии берутся в аренду и облавливаются исключительно сумрачными «остахами», которых суеверный туземный народ считает колдунами и чертовыми братьями. Думаешь вытащить сеть с целым стадом лещей, вытаскиваешь разных большеголовых страшилищ с огненными глазами и с кожаными перепончатыми крыльями. Все бедокурит осташ. Одна легенда рассказывает, что самого черта видели в образе осташа, т. е. рыбаком в кожаном фартуке, с широкой бородой и круглым красным лицом. Сидит он на гнилом пне и орет нескладным голосом песни. От пения его, как сумасшедшие, взлетают на воздухе утки; звери выбегают из лесов и мчатся как угорелые по долам и горам; воют собаки; у людей пробегает дрожь по телу, и волосы становятся дыбом. А в песне его все хвастовство: «Все, — говорит, — мое», — все озера его: и Ситно, и Глубокое, и Лазно, и Нещедра, и Невядра, и Невельское. «Як мое, дак мое, усе мое», т. е. все большие и рыбные озера. Поет с вечера до полуночи.

Тем не менее, подобный путь сближений очень жив, а чрез то и поддержка издревле схожих черт быта, языка и нравов действительна. Впрочем, самый город

Осташков, как и все другие, неблагонадежные в национальном консерватизме, по находению своему на распутье многих дорог, отличается решительным преобладанием великорусского облика. В этом чистеньком городе сильно развиты промыслы и ремесла, сверх известного всей России сапожного, еще и кустарное, железное — производство разных домашних орудий. Точно так же красивый и живописный Ржев, промышленный город на все руки, как истый великорусский город московского пошиба. Ржев известен уже разнообразными заводскими и фабричными производствами, начиная от кожевенных, канатных и веревочных до красочных (бакан и кармин) и кондитерских заведений (пастила). Отхожие промыслы здесь и там разнообразятся до бесконечности; так, напр., из Зубцовского уезда (из древнего посада Погорелого Городища) ездят даже на Кавказ, в Ленкорань, за пивяками.

Осташковский уезд ввел нас в ту страну великих водоразделов, которая с севера замкнута группою холмов, носящих не свойственное им прозвище Валдайских гор и Алаунской, или Волжской возвышенности. Здесь тянулся тот древний Оковский лес, который был всегда порубежным для Новгорода, Литвы и Твери. Здесь черта, отделяющая водоем Волги от Западной Двины, находится всего верстах в девяти от водораздельной черты, отделяющей Волгу от неевского бассейна, и притом так, что между озером Двинец, выпускающим Двину, залегло довольно большое озерко (Орлино) со стоком (р. Орлинкой) к Волге. На востоке, через болотные леса, эта черта уходит в Бельский уезд; на западе она огибает верховья реки Межи. На ней, как и на Каспле, до сих пор сохранилась у судовых рабочих, называемых здесь «сходными», идущими до Риги, обычай называть левый берег обеих рек литовским, а правый — русским, по тому же праву, как в Псковской губернии, на подобном же племенном рубеже, второй лед, идущий сверху из Витебской губернии (лед синий, первый белесоватый)

по рекам Ловати и Коломенке, называется «поляком». Этим последним льдом река и становится

Вблизи этого же водораздела определена была и политическая граница в 1441 году по договору литовского князя Казимира Королевича с Новгородом, гласившему, что «торопчанам, витеблянам и полочанам не быти на Березовце, на Стержи, на Жабне»: все по Литве. «А в Новгородской области не надобе ни што иное Литве ни, на Демяни, ни на Цсне, ни на Полонове; не надобе брати черное куны, ни иное ничтож». Торопец на р. Торопе, впадающей в Двину, имевший сначала своего князя и вече, а потом принужденный подчиниться, вошел в состав не Псковской земли, а Смоленского княжества. Будучи порубежным, он много терпел от Литвы и всегда принимался в расчет и соображение при мирных договорах. По окончании войн поляки принимали на себя всегдашнее обязательство «Торопец не воевати и ничем не защепляти». Зато нигде, как здесь, не сохраняется столько преданий о литовских разорениях, и в местных курганах все ищут зарытых в то время денег. Теперь за торопчанамн остается то же бранное прозвище «мезговников» (за подмесь к муке для пищи сосновой мезги, или заболони) — прозвище, присвоенное множеству городов в Белоруссии, но приличное всем городам и деревням этого малохлебного края, с редкими лишь исключениями.

Реки Торопа, Межа и Каспля, посредством Западной Двины, вводят нас в ту губернию, жители которой давно и решительным образом заявили протест против родины и бегут из нее, куда глаза глядят. Отсюда «копачи», т. е. землекопы, ходят артелями и выносят из дому только полотняные, а иные суконные белые штаны, небольшую сумку, рубаху (конечно, по-белорусски, с прямым воротом), за поясом топор, на плече заступ, да дня на три печеного хлеба — и только. В таком виде уходят витебские на работу верст за 500 в качестве и звании «грабарей», или землекопов. Другого промысла они не знают, но зато этот исполняют так, как никто. Пограничная черта при-

водит нас севернее местечка Усвята (Велижского уезда Витебской губернии) на политическую границу первого из трех Инфлянтских уездов (Динабургский, Люцинский и Режицкий), населенных латышами. Эта линия захватывает верховья рек Ловати и Великой и характерно выражается целым рядом развалин крепостей и замков, выстроенных польскими королями и московскими царями (последними — Велиж, Себеж и Невель). В особенности этот северный белорусский рубеж замечателен тем, что определился по уездам Невельскому, Себежскому и Городецкому линией поселений, доживших до нашего времени так называемых «панцирных бояр» — остатков древней польской земщины, обязанных именно охранять границы и нести пограничную военную службу. Линия, идя на Себеж, включает в Белоруссию часть Опочецкого уезда Псковской губернии и в этой последней совпадает с той прямой пограничной чертой, которою отделил Шафарик местопребывание литовского племени. Замечательно при этом, что на границе латышей и великороссов, в белорусском Себежском уезде (в с.-з. части) лежит болото в 136 кв. верст. Чешский ученый ведет пограничную черту от Печор и Изборска (Псковского уезда) на селение Занкевичи на р. Вялии, при соприкосновении трех уездов Виленской губернии: Свенцянского, Виленского и Ошмянского. Далее идет она на селение Бершты около Гродно, на Белосток и Заблудово и на юго-востоке до того известного полесья, часть которого носит название Беловежской Пущи. Около Свислочи, Крынок, Яловки и м. Гродка живут уже настоящие (как называют там) «дзекалы», или дэкалы со своим языком, называемым здесь литовским. Вся эта местность известна более под именем «Подлясья». Здесь в мокрых местах некогда выжили и выродились ятвяги, а теперь остался троякий рубеж. Отделяя белорусов от Литвы и от малороссов, он в то же время тянется по местам жительства ляхитского племени, говорящего двояким языком: мазовецким и королевским. Таким образом, на долю белорусов и на этот раз, в подтверждение общего правила для

всех бессильных племен, достались верховья рек: Немана, Западного Буга и Нарева, но с тем исключением, что на двух последних реках белорусам принадлежат только левые берега. Точно так же жители Пружанского и Волковыжского уездов Гродненской губернии называют всю землю, лежащую по правую сторону реки Буга, «Подляхией» (под ляхами), а жителей (т. е. всех живущих в бывшей Белостоцкой области) «полещуками». Полещуки, а чаще «пинчуки» остаются таким образом обитателями настоящего Полесья, как потомки древних дреговичей — жителей огромной дрягвы или болот. Этот переход от Белоруссии к Малороссии не особенно типично выражается в говоре, а с известной постепенностью. Для примера возьмем первое попавшееся слово: белорусское «хадзили» в первой по тракту из Минска в Пинск деревне Хотыничи является уже с твердым о: «ходзили», в следующей деревне — Бобровке говорят «ходили», а еще далее, в Плоскинях — «ходыли».

Севернее Слонима племенная граница входит в Минскую губернию, где тянется по самой южной окраине уезда Новогрудского и по середине Слуцкого. В Слуцком уезде она отделяет северных «полян», сидящих на возделанных полях и почти безлесных местах, от «полещуков», населяющих знаменитое Припятское Полесье. От устьев Сожа пограничная линия идет далее, отделяя пять северных уездов Черниговской губ., и пересекает то черниговское Полесье, о котором мы уже говорили. Направляясь параллельно берегу Десны, эта линия выделяет весь Рославльский уезд Смоленской губернии, населенный коренными белорусами, подлежащими описанию по задаче статьи нашей, и составляющий южную часть белорусской Смоленщины.

СМОЛЕНСКИЕ БЕЛОРУСЫ

Чего, черце, у балоте сядзишь?

— Бо привык

Накволо вода, в середине беда.

Белорусские поговорки

Ой, не всхожее мае сямено,

Не взрошенная мая маць-земля.

Из народной песни

В области Десны сухощавому, довольно высокому, наделенному крепким телосложением, черноволосому степняку-малороссу природа противопоставляет белокурого белоруса, небольшого роста (редко выше 2 арш. 3 вер.), слабого телосложением, с вялым взором, при светлых глазах и белой одежде. Степняк сбрил бороду, опустил книзу усы и на своих длинных ногах ходит тою медленною походкою, которая столько в нем характерна и отличительна и показывает собою полную беспечность характера с уверенностью в том, что вовсе некуда спешить и незачем бегать. Белорус с реденькой бородой клином на том же базаре отличается проворством и легкостью в движениях, стремлением хитрить и недоверчивостью при торговых сделках. Но и в нем сквозит некоторая распушенность с придатком вялости, столь характерном во всяком ленивом человеке. Впрочем, это только на первый взгляд: в сущности — самодовольная, сановитая лень степняка не что иное, как естественное спокойствие сытого человека, получившего сполна все то, чего желал, и в то же время лишённого всякой возможности получить неизвестное большее. Земля с избытком вознаграждает его труд, — отсюда известного рода беззаботность и порывы к веселью, потому что есть на что выпить и при том некуда деться этому исходному домоседу. Белорусская беспечность тоже кажущаяся: в сущности, это самый трудолюбивый человек,

которого скудная почва и природа-мачеха выучила беспримерному терпению, безграничной готовности ко всякой работе; но у него отнялись руки. Он перепробовал многое и нигде не нашел удачи; чрезмерные труды надорвали силы, постоянные беды довели до состояния отчаяния. Он стал казаться апатичным только в силу того, что природа наделила его слишком мягким и нежным характером, и оказался лишенным всякой энергии по силе предвходящих исторических причин. Белорус пьет водку и напивается до бесчувствия уже не потому, что дешева у него горилка и «мае гроши», а уже прямо с неключимого и неисходного горя.

— Рандар, рандар! Атчини вароты: дай гарилки! Ах-ци якая мяцелица: саусим перезябли, и кони чуць цягнуць, и ночь цёмная, ничаго ня видна, и дорогу так замяло, што и найци ня можно. Рандар, рандар, атчини вароты, наливай гарилки!

В шинках и корчмах покупают водку не на деньги, которых в особенности мало, а на все, что в доме попадет под руку, и больше на то, из чего гонится и самая эта водка. Она есть один из тех рычагов, на котором крепко сидит и вертится вся печальная и скучная жизнь здешнего деревенского жителя.

Насколько здешний крестьянин любит горилку, настолько он охотник до «файки» или «люльки», т. е. любит покурить нежинские корешки, кстати сказать — большими обозами проходящие по пяти трактам Белоруссии в Москву и Петербург.

Белорус также домосед, не спознавший выхода из тяжелого положения и успевший в одной из своих тоскливых песен высказаться так:

Чужая сторона
Тугою орана,
Слезками поливана.

Да и своя не лучше. Вот для образца тот угол Черниговской губернии (уезды Мглинский и Суражский), который населен белорусами чистого, беспримесного

типа, а уголок Минского уезда непосредственно примыкает к Рославльскому. Здесь живут также необлыжные белорусы, каковых даже перестали называть «литвинами». Почва здесь либо глина с песком, и в таком случае подпочва также песок, либо глина с самым малым количеством песку, но с известковою подпочвою, и оттого на низинах влажная и холодная. Урожай не вознаграждает посева, и земли принадлежат к самым скудным во всей Белоруссии. Для смежной южной части Рославльского уезда природа, не послушавшись политической границы (каковые вообще в этнографическом и экономическом отношении утратили значение), не сделала исключения: одинаковое бесплодие, — как черта самая характерная.

Нет хлеба, соли,
Нет счастья, доли!
Поле пусцець,
И нечем сець.
Не будзем жици,
Пойдзим блудзици —

тоскует песня на бесплодных и неблагодарных полях, но лишь про домашний обиход, на очистку совести, а не для фактического применения на деле. В местных архивах остались следы всеобщего ропота и неудовольствия, какими встречено было проведение дорог при Екатерине II, сделанных превосходно. Однако дорогам этим не удалось указать путей для выхода из бездожья, не вывели они домоседов на вольный простор. В сущности, смоленские белорусы блуждают только в пределах своей страны, не дальше Поречья и пристаней на Днепре и Двине, занимаясь самым дешевым по вымыслу промыслом извоза. Выручают их в этом случае такие же маленькие, но такие же терпеливые и устойчивые на ходу хохлатые лошадки. Больше 15 пудов на них не кладут, для чего приспособлены и телеги легонькие, самого нехитрого устройства, на очень низких колесах, никогда

не обшитых железными шинами. В телеге нет ни одного гвоздя; все части ее деревянные, даже железные втулки почитаются редкостью. Телега состоит из деревянной рамки, укрепленной на двух низеньких подушках, укрепленных на осях. В четырех концах рамки маленькие столбики, сквозь которые продеты деревянные дужки, концами в рамку. В дужки вдеваются дранички соразмерно с длиной телеги и так низко, что на больших кочках, при неосторожности, приходилось через край телеги вываливаться в грязь и терять путевые вещи. Этот экипаж одинакового устройства, без всяких изменений, распространен по всей стране. В нем на гладких местах дороги приходилось любоваться на ту добросовестную настойчивость, с какою тянула пара лошадок нашу собственную тяжесть, и всматриваться на досуге в те украшения, какими снабдил бедный хозяин своего верного друга. Хомутина редко обшита кожей, чаще холстом, а бывало, что просто-напросто жгутом, свитым из соломы. Дуга тоненькая, низенькая, смешная, а седёлки сплошь и рядом совсем не оказывалось. Шлея связывается из пеньковой и посконной тесьмы, а частенько случалось, что и шлеи мы не видали, — думали: «Поторопился ямщик, или забыл», — на самом деле, — таков обычай — обычай по бедности. Она сквозит и в вожжах, и в оброти, и в гужах: они все лычные и, в лучшем случае, веревочные — пеньковые, но не ременные. Точно для этого народа еще не наступил железный век, а все еще продолжается каменный (белорус, между прочим, не умеет пилить бревен, а пока еще колет клином и тешет их тупым, чуть ли не каменным топором).

Вместо лошадей в той же упряжи, под дугой и в оглоблях ходит бычок. Смешную фигуру его в таком неприличном наряде можно видеть даже в губернских городах на базарах, где покупают, между прочим, и дуги из тонкой ветлы или молодого дубка за 7—10 копеек; оглобли, точно по заказу, всегда кривые, делаются дома, из ворованного лесу. При этом для покупок белорусы по базару ходят всегда втроем или вчетвером, гусь-

ком, и так, что передний оказывается самым опытным и посмелее других, а потому и водит за собою товарищей в качестве эксперта.

В деревушке, которую надо считать большою, потому что в ней 12 дворов, мы увидим очень подержанные избы, которые, не шутя, почти все, точно по указу, покосились набок и плаксиво глядят на нас подслеповатыми окошечками, точно щелками. Мы разохотились было искать на гумне сараев, но нашли только закоптелый маленький курятник. Это — *ёвня*, похожая на овин лишь лексически, на самом же деле, имеющая с ним общее только в назначении сушить сжатый хлеб. К великому удивлению, мы не нашли во всей деревне того, чем красно всякое великорусское селение, даже одинокое, без чего оно дня не живет с самых древнейших времен, — мы не нашли бани. Впоследствии отыскивали их в других деревнях, но как редкость: одну-две на всех жителей. Точно так же и с трубами: в одной деревне Гродненской губернии, состоящей из 43 дворов, мы насчитали только три трубы, выведенные на крышу и, конечно, деревянные.

Идем в избу, или собственно, по-тамошнему, в хату, потому что хотя в Белой Руси и сохранилось в слове «истопка» прямое указание на корень слова «изба» и его толкование, но здесь «изобка, истопка», а кое-где даже и просто «стёбка» означает холодную, нетопленую горенку, служащую кладовою, в некоторых случаях пристроенную к самой хате. Осмотримся здесь. Замечательно, что в одной — все то же и так же, как и во всех других: подобного настойчивого стремления не отличаться от других редко можно где-нибудь встретить. Вот кубел — большой *ушат* (а не сундук), в котором хранится вся одежда, вот и *колыска* (колыбель), в которой пищит маленький ребенок, «божница» в красном углу, где хранятся не только иконы, но и денежная казна семейства, рядом с желтенькой грошовой восковой свечой, поминальником и записками должника. Под божницей стол на *козюлях*, т. е. на двух крестах. Вот и благодетельница печь, — конечно, без трубы по всему

«дзekaющeму» краю, но при этом, прямо против чела печи, прорублена дыра, которая называется окном волоковым (выволакивающим из курной избы дым). Кроме этой дыры, задвигаемой доской наглухо, бывает еще окно «красное», также обязательное для всякой хаты: без него нельзя. Кто хочет щегольнуть, пускает его в вышину четверти на три. От печи до противоположной стены настланы доски, что служит спальнею и называется во всей России полатами, а здесь «полом». Собственно же «пол» (обыкновенно из осиновых досок, всегда нестерпимо-грязный) величают «мостом», если в самом деле намощен. Обыкновенно же настилки вовсе нет, а заменяется она землею, крепко утрамбованною и поверху покрытою глиной. Эта глина перемешана с конским калом, для того чтобы не отставала пластинами или чешуей, или не трескалась. Зимой этот пол очень холоден и в таком случае требует снаружи устройства заваленки, набитой кострой, а сверху накрытой землей. От этого в избе тепло и не сквозит, но пол всегда холоден, и всегда на нем валяются или ползают полунагие ребятишки, покрытые толстым слоем грязи, в неизбежном соседстве с теленком и поросятами, с петухом и курами. Мы не иначе вспоминаем теперь эту избу, как: либо ребенок свернулся калачиком на холодном полу подле теленка и спит, обогреваемый этим соседом, либо курица долбанула его в голову, причем отняла у него кусок хлеба и вызвала неистовый плач, который кончается, после истощения сил, глубоким и крепким сном. Домашних нет ни души: никто не может, да и не любит сидеть дома, оттого и ребята все на полу, потому что с полатай они могут свалиться и изуродоваться.

Хаты строятся просто. Вот построенная на славу и стоившая хозяину 40 рублей. В землю вкопаны 12 ступьев, и все эти бревна для прочности на одном конце обуглены и этим концом врыты в землю. В каждый угол заложено по большому камню, и на них положены все венцы из бревен: толстых на низу, потоньше кверху до потолка, выше которого венцы идут все короче и коро-

че в треугольнике и заменяют собою стропила. В основании крыши легли жердины, укрепленные концами на венцах и прикрытые дранью в лесистых местах, соломой в безлесных местах. Дранью кроется изба скоро, но не прочно, а потому солома во всех деревнях бьет в глаза чаще и больше дерева. Дрань потребовала желобов (стрех — по-здешнему, «руцешка») для укрепления концов и стока воды и «покрыши» из толстого осинового бревна, обтесанного в треугольник и укрепленного на самом верху крыши. Но дрань от дождей и снега обыкновенно загнивает, перекладины и упорки следуют ее примеру. В желобах без стока вода постоянно застаивается, и не прошло два года, крыша испортилась: и смешно и обидно. Ухитили крышу соломой; тут чернеют остатки гнилой драни, а здесь солома, прикрепленная жердочками, выставила свои нестриженные хохлы. Ветер колышет лапками ельника или хворостинкой, брошенными сюда, больше для очистки совести, чем в виде гнета на помощь соломе. Несмотря на этих притеснителей, солома ползет себе да ползет долой и ветром сносится на клеть либо на избу соседа. А в самой избе текут на потолок и сквозь него неугомонные потоки. Надо сказать правду, что и соломой белорусы покрывать свои утлые хаты не умеют.

Не для полноты картины унылого вида деревни сказали мы раньше, что белорусские хаты кривые, всегда погнуты на какой-либо бок: — причина тому очевидна. Если по завалинке мы выучились судить о том, что, значит, в той хате битый земляной пол, то привыкли также распознавать, что если хата скривилась на тот или другой бок, — значит в том углу печка. Во всей Белоруссии при устройстве печи такой прием: основанием служит деревянный опечек, поставленный прямо на переводинах пола у самой стены, в которую и врублены связи. Через два года изба начинает осаживать именно в этот угол. Углы спешат разойтись; сквозь них проходит дух; они начинают преть, гнить, и изба кривится набок. Только в местностях, соседних с

великороссами, выучились устраивать опечек на особых столбах и в расстоянии от стены на пол-аршина. В этом переулочке хозяйка ставит ухваты, помело, кочергу; от туда услышишь кудахтанье куриц, мяуканье кошки или визг щенка. В этих местах и соломенные крыши делаются под щетку и стоят лет 40 и, покрытые соломенными снопами, безукоризненно служат по 10 лет.

У печки, как на почетном и главном месте, находится всегда старшая в доме, т. е. старшая сноха (а не мать); у ней в подручные взята из чужих людей вторая сноха. Вообще, везде ведут дом молодые люди; старики в полной отставке и такой, о которой Великороссия не имеет ни малейшего понятия. Остановленные на этом явлении мы усиленно всматривались в домашний быт, спрашивали: где эти большаки-уоставщики, от тяжелых рук которых трещат чубы у детей и внуков, а из ежовых рукавиц еще никто не вывертывался? Обычай ссаживал их в 60 лет с тягла, но из воли их выходить никто не решался. Умны были старушки и умели править не только избой, но и миром, и не только мужчины, но и женщины, вдовы, для которых сложился на Руси давний закон: овдоветь — поумнеть. По пословице: «и не велик большак, да булава при нем», все смотрели на стариков, как на уоставщиков, советников и заступников не из одного страха, но и из полного, сознательного уважения к их мудрым советам, крепким и верным по опыту жизни. Наоборот — в Белоруссии мы искали старика и не нашли вовсе в буквальном и переносном смысле. Здесь, вообще, скоро стареют, на дурной пище, от чрезмерных трудов, и человек в 30 лет с небольшим — уже старик подлинный. Как только стал он ослабевать, не поспевая за другими, его гонят на печь и велют молчать. В самом деле, в любой хате стариков ищи где-нибудь в темном углу безропотными, забитыми и молчаливыми. У стариков три дороги: первая — ступай в деды и ходи «дзядулей» по подоконьям с раннего утра и на «Лазаря» выпекай овсяные блины. И в Белоруссии, говоря словами местной пословицы, «старцу сяло (село) не наклад»,

т. е. везде они у богатых мужиков найдут хлеб-соль и временную угреву. Вторая дорога для престарелых: ложись в сырую землю, а не берет смерть — впрягайся в самую тяжелую работу: «надевай ярмо в самом деле воловье». Белорусский старик в одно время и сторож и гуменник: он присматривает и за пчелами, чтобы рой не ушел; он собирает крапиву для кормовых свиней, для которых полагается особое место жительства — «котуха» — особое помещение в сенях вместе с птицей, телятами и поросятами. Старик в белорусской семье, найдя, за всем вышеуказанным, час и время взять в руки «коцатык» или «спику», т. е. кривое костяное шило, и «подковыряй» лапти для молодух. Он же обязан на ручных жерновах намолоть муки на хлеб для всей семьи и для скота. Им командуют решительно все, кому только не лень и не жалко. В этом случае по достоинству и услуге цена, и учет производится самым строгим образом, по смыслу и значению в скудном и тяжелом домашнем хозяйстве, а совсем не по принципу или по народному бессердечию. Надо видеть в то же время, сколько холи, баловства и послаблений там чужому человеку или сиротке, оставшемуся без отца и матери. Сирот стараются наперерыв друг перед другом взять в семью «примнем», или «примаком» без разбору: будет ли то девочка или «хлопчик». Из мальчика выйдет молодой работник со свежими силами, а девочка возьмет к себе парня в «приставни», т. е. в ту же хату хозяином и таким же бесплатным рабочим. Сироты растут всем довольные и обеспеченные, и еще не было примера, чтобы примак или примачка оставили хату и хозяйство своего приемщика; благодарность — одно из живых и явных чувств в этом скрытом и замкнутом в себе народе.

Не выходя из хаты, осмотрим кстати «кубел», т. е. узнаем, во что мужик и баба одеваются, чем богаты они и в чем состоит их движимое имущество. Вот холст на новые рубахи из поскони, так дурно вычищенной и торопливо сотканной, что будет обдирать живое тело и, по-нашему, едва-едва годится на базарные мешки, и то

под зерновой хлеб. Осмотренное нельзя похвалить — да и не хвастаются. Вот эта красная «хустка» — бумажный платок — на «красник» (т. е. на красном торгу) куплена для дочки Ганки, а рядом и «косник», там же приобретенная лента в косу второй дочки Проси (Евфросиньи) и «камзелька» (жилет), выменянный у еврея на хлеб для обоих сыновей, Автуха (Евтихия) и Атроха (Трофима), чтобы носили оба по праздникам и по очереди. Если порыгаться в кубеле еще, попадем, пожалуй, на «крали», т. е. красные, зеленые и желтые бусы, которые бережет старшая сноха в доме для себя и надевает их на шею в праздник, когда идет в церковь к обедне, вместе с медным крестом, выпущенным сверх платья на красной шерстяной тесемке. Тут же подле и в том же кубеле — праздничные «ходаки», т. е. род кожаных башмаков, при которых полагаются для окрутки ноги, вместо лычных веревок, черные суконные «оборы». Если, при осмотре кубела, порасспросить старшую сноху, то окажется, что тут же, в этом небольшом сосуде, и скопленное приданое невесты; сверх того, что на ней, — «ковалка» два-три, аршина в три длиною, домашнего холста на рубашечный стан, новый кабат, новый андарак, да и все. При этом несчастная подвижность эта столь высока в цене, что, по смерти жены, вдовец должен возвратить эти приданные вещи обратно теще. Все остальное богатство, все носильное платье — на себе неснимаемо и несменяемо, пока не превратится в труху, за исключением зимнего коротенького полушубка, надеваемого под летнюю свиту. Полушубок валяется на полу, т. е. на полатах.

«И у людзи и у кабак все адзин андарак», — говорят эти бедные люди. «Андарак» — женский наряд: праздничная суконная синего цвета юбка, летом и зимой одна и та же. К нему пришивается кабат — суконный же лиф всегда красного цвета, без рукавов, и оба домашнего изделия (евреи считают унижительным для себя шитье грубых крестьянских одежд). Для этого имеются особые мастера, которые здесь называются против нашего наоборот: «кравец», сшивающий овчины на полушуб-

ки, а «шевец», или «швец» здесь означает сапожника. Местечко Могилевской губернии Дребен прославилось тем, что отсюда выходят «шаповалы» и выкатываются из войлочного лоскута те классические колпаки, которые называются магерками и которые белорус снимает только перед Богом, да перед паном, да когда ложится спать. Спать ложится прямо на пол, не раздеваясь, и в том, в чем ходит целый день (свита — одежда и одеяло), выставив ноги в лаптях, тоже домашнего приготовления. Это собственно лапти, т. е. легкие, сделанные на скорую руку, не совсем прочные, но из лыка, либо густо сплетенные на русский манер, крепкие, на которые идет лыка втрое больше и которые называются «похлопни», либо, наконец, щегольские и аристократические «каверзни», самые крепкие и прочные, потому что подплетаются пенькой.

После одежды и жилища (и не выходя из последнего) следует говорить о пище, перечислить то, что едят. Вот тут задача немалая и трудная; ответ подобрать нелегко. А все-таки надо попробовать.

Пришла старшая сноха в праздник от обедни вместе с ребятами: в чистой и белой наметке из куска холста в 4 аршина длины, навитого на голову так, что концы на пол-аршина висят на плечах: что-то вроде чалмы — не красиво, но типично, потому что наметки носят только одни белорусские женщины, и в этом для нас также этнографический признак племени. Девушку в этой наметке можно распознать только по волосам, видимым из-под повязки, тогда как замужние волосы совершенно прячут. Младшая сноха тем временем все приготовила: у ней на столе целый столб свежих, но простывших овсяных блинов, сложенных на деревянной тарелке. В печи верещат щи, и лежит подле деревянной солонки и деревянной (тоже домашнего досужества) кружки с квасом в виде ведра большой «бохан» (каравай) хлеба, того самого, который известен под именем «пушного» и за который всех белорусов прозвали «мякинниками», от которого у малых ребят

большие вздутые животы, а у больших — частые колики и постоянное худосочие. «Пушном» здесь называется мякина, и в надломленном куске эти неотвеянные ржаные усы, вместе со стеблями, делают из куска хлеба решительное подобие комка грязи, взятой прямо с улицы и высушенной: где соломинка, а где и целый кусок щепки; некрасиво и грязно и непривычными зубами не гложется. Впрочем, для прихотливых и у богатых имеется в подспорье «сковородник» — лепешка, испеченная на сковороде, и в придачу эти блины, заменяющие пироги, которых белорусы не знают вовсе, пожалуй, и клецки, т. е. галушки, и «колтуны», или пельмени, и «грибок», драчена и «латки» — оладьи, «налесники», пресные блинчики. Вместо щей — «панцак», или «груца» — суп из толченых ячневых круп, или «крупник», похлебка с крупой. У кого есть корова, у того и «скалотины» — пахтанье, и «сырники» — вареники с творогом, и «постоялка» — пресное молоко. Впрочем, все больше овощи: «снытка», ботвинье из свекольного листа, «ражинка» — брюква, «губы», или грибы, но все квашеное и ничего соленого (приготовленного в крепкий прок) — квашеное за дороговизной и крайним недостатком соли. Зато у всех и у каждого «шмалец» — соленое свиное сало, без которого белорусу и не жить на белом свете. Сало это и в договорах на работу на первом месте, и в большие праздники дома на разговенье, и в дороге за пазухой, как о том давно сказано: «Кто свиню мае, той и недзелю (праздник воскресенья) знае». Свиньи, исправляя роль городских санитаров, до того овладели правом гражданства, что даже в губернских городах остаются свободными и независимыми, рядом с еврейской козой, пропитывающейся также на общественный счет и на кошт зазевавшегося на базаре мужика. Здешние черные свиньи носят большие, торчащие клыки, как бы в доказательство того, что они очень часто огуливаются с дикими лесными кабанами. Возвращаясь из лесов в ноябре, они приводят за собой огромные стада приплода: у нашего знакомого девять свиней привели сорок две штуки молодиков. Словом —

сало для белоруса то же, что сельдь для всего севера, сушеный судак для всей лесной Великороссии, чехонь и вобла для Поволжья; то же, что сельдь с кофейными переварками для петербургской бедноты и кухарок.

Если присчитать ко всему упомянутому *школондзу* — толстую копченую колбасу, да несколько обеденных, праздничных блюд (осенью — курочку или поросенка), то и весь разносол, или «страва», почти перечислен, а затем опять «шкода» и еще «шкода», т. е. беда повсеместная и горе житейское, непокрытое и неизбежное, в хате и в поле. Едучи осенью по Днепру, мы видели замечательно рослых баб (составляющих здесь редкое исключение изо всего белорусского края), видели в деревне все печи, затопленные по окончании ломовых осенних работ, и, удивившись поздней топке, спрашивали: «Бульбу варят?» — отвечали нам: бульбу, т. е. один только картофель да пушной хлеб, а затопили печи сегодня в первый еще раз, — значит, завтракали всухомятку.

Насколько народ неприхотлив в пище, настолько же он неразборчив на воду. Дурная колодезная и вредная болотная играют видную роль, потому что народ привык селиться без разбора, лишь бы удалиться в лесную глушь, спрятаться подальше от большого проезжего тракта и от многолюдного соседства. На приболотных местах дети развиваются очень медленно, вялы, одутловаты; мышцы слабо развиты; грудь узкая, живот большой.

Не умывшись, белорус садится есть и едет работать, но обязательно умывается, когда идет в церковь молиться Богу или на «крыницу» (колодезь или родник) за водой. Он никогда не станет точить топор, когда хлебы сидят в печи; в то же время женщины стараются не сажать наседок, чтобы не испортить яйца. Пока хлеб прозябает в земле, даже когда еще задумывают его сеять, а тем более, когда его убирают, — у белорусов разнообразный и бесконечный цикл обычаев, примет и суеверий,

как и следует быть у неудачливого, но исконного и исключительного земледельца. Из группировки этих верований составляется полная мифология, вся языческая славянская вера до христианского культа, сохранившаяся под шумок борьбы двух коренных исповеданий (православного и католического) и безликого третьего (униатства). Краткий рассказ наш не вместит во всей полноте этих языческих цельных и живых верований, как характерного и типичного народного достояния.

Основание всего быта этого племени — земледелие. Белорусы — земледельцы по преимуществу и пахари исключительные, давно уже выговорившие заветное правило: «Умирать собираешься, а хлеб сей». На тех землях, с которых великороссы давно уже убежали в отхожие промыслы, эти основывают надежды существования с упрямством, настойчивостью и постоянством. При этом труд и надежды обращаются на каменистые и песчаные почвы и на такие земли, которые не успели отдохнуть под паром и по несколько лет не удобрялись. В результате, при лучших условиях, урожай средним счетом не свыше пяти зерен, но ниспадает в иных местах до $2\frac{1}{2}$. Десять десятин весьма часто не обеспечивают жизни. Дробные дележи малосемейных стали обыкновенными и еще более усугубили несчастье.

Среди таких злых и враждебных сил смоленские белорусы выросли и воспитались в ту особицу, у которой получились резкие отличия от всех соседей. Вот что наблюдается в Смоленской губернии, в обеих ее разнородных половинах. Восточный житель (великоросс) — говорят опытные наблюдатели — сметлив, деятелен, заботлив в семье, изворотлив в отыскании средств к жизни, зажиточен и опрятен, бодр и свеж видом. Жители западной полосы Смоленской губернии (белорусы) вялы, малорослы, мешковаты, пренебрегают удобствами жизни, отличаются недостатком сметливости; любовь к труду соединена с терпением и некоторым добродушием не по сознанию, а по лености. Ко всему этому присоединяется лукавство и скрытность, ловкая уклончивость в прямых

ответах, даже на дешевые обыденные вопросы, — свойства, как продукт исторической жизни и политического воспитания. Белорус, между прочим, отличается самыми яркими чертами скопидомства, доводимого до крайней скаредности. Как бы ни был богат и зажиточен крестьянин, хотя бы у него хранились в ямах еще дедовские хлебные запасы в зерне, — он помнит час смертный и ест хлеб с мякиной. У него на этот раз имеется еще новый сорт хлеба, называемый «субором». Это — смесь овса, гречи, ячменя и немного ржи, смолотых, по обычаю, на скверных домашних жерновах, вместе с шелухой и соломой. Такая пища недаром развила в народе худосочие, выражающееся характерным видом болезни волос, так называемым колтуном (*plica polonica*), развивающимся только в этой болотистой стране. В какой степени белорус не развит в росте и строении груди, очень характерно объясняет таблица, вычисленная по племенному составу новобранцев северо-западных областей в 1875 году. Годные к военной службе, в процентном отношении, расположились в следующем порядке: литовцы 75,52, поляки 71,85, жмудины 67,61, русские 66,20, белорусы 65,85, евреи 32,67%.

Замечательно при этом то, что лишь только кончаются плодородные земли, сейчас же начинаются жилища белорусов со всех сторон белого света, без исключения. Как только кончились эти уединенные, намеренно обгающие друг друга жилища, чтобы не потеснить и не обидеть беднейшего соседа, начинаются селенья народа, хлопотливого в ремесле, находчивого на промыслы, у которого мыслительные способности до того живы и изощренны, что устремляются и на духовные предметы, на вопросы веры. В самом деле, нельзя не заметить той особенности по границам белорусского племени, что они неизбежно сопровождаются селениями старообрядцев различных толков и вновь измышленных сект. В старообрядцах и пограничных раскольниках происходили при этом благодаря ослабленному надзору

самая энергическая борьба, сильное движение и волнения, вызывавшие экстренные правительственные меры и продолжительные преследования. Известны всем движения в стародубских слободах, организация в них особого сильного и самостоятельного толка «лужковского», история Ветки и закрытие многолюдных строптивых монастырей, богатых вкладами, древними иконами и старопечатными книгами, с огромными церквями, при высочайших колокольнях и т. д. В Орловской губ. (в Севске, Кромах и Болхове), в Калужской, в Опочковском уезде Псковской губернии появлялись скопцы, в смоленском городе Юхнове — хлысты, в Болховском — иконоборцы и «Спасово согласие». Эта собственно приволжская вера забралась сюда при помощи учителя из посадских черниговских слобод. Коренное и давнее старообрядчество сидит по всем торговым городам, и с особенно упорным характером в калужских Сухиничах, в псковских Сольцах, в смоленском Гжатске и т. д. В черниговском селении Крупцы проявлялись даже раскольничьи мощи, в слободе Клиницы основана была типография; в Себежском уезде Витебской губернии в деревне Обители собирався собор федосеевцев, постановивший 48 правил, касавшихся религиозной и общественной жизни. В деревне Носе, близ Чудского озера, когда построена была церковь, рассерженные раскольники с публичным пением и кадилницами, огромной толпой, похоронили православного по староверскому обычаю. Даже, не уходя столь далеко от смоленских белорусов, припоминаем очень недавний случай такого рода. В 20 верстах от г. Сычевки, в самом центре раскольничьего населения, лежит село Бехтеево, в котором жило несколько староверских попов, устроены «молельни» и хранились «походные церкви». Около 20 лет назад здесь построена была православная церковь. Когда звонили на колокольне ее, бехтеевцы закладывали и завешивали окна и двери; всего лет десять назад в смоленском окружном суде разбиралось дело, где в качестве обвиняемых фигурировало до десятка баб,

устроивших в том же селе смехотворное подобие крестного хода на Святой неделе по обычаю православных. Когда однажды загорелись дома церковников и открыта была церковь для выноса церковных вещей, в нее ворвалась толпа раскольников под предводительством своего попа Иуды. Толпа разрушила и разбила все, попадавшееся под руку: иконы, колонки; добралась до алтаря, разломала царские ворота и самый престол с криками: «Разорь, разорь вражье гнездо!»

Словом — в то время, когда повсюду кругом происходили разные энергические движения, доходившие до крайностей фанатизма, — белорусы всегда и неизменно оставались совершенно безразличными и равнодушными. Еще до сих пор никто не мог указать, чтобы какой-нибудь уголок этой неподвижной страны увлекся учением соседей и пленился их старой верой и учением. А между тем — как известно — раскольники из пограничных мест, и уже очень давно, врезались в самую глубь страны и поселились не только в городах слободками, но и целыми деревнями. Беспоповцы преобладают в северной части северо-западного края, поповщина сильнее и виднее на юге его. Селились те и другие на свободных помещичьих и церковных землях и предпочитали лесистые места, самые уединенные пущи. Первоначальная аренда ограничивалась орехами, ягодами, грибами и медом. Когда пришельцы обстроились и возделали дикие земли, цена за землю возвысилась, появились контракты, и помещики начали забирать вольных и беспаспортных людей в свои руки, записывали их даже в крепостные. В одной Витебской губернии старообрядцев насчитывают более 50 тысяч, и из них филипонов, филиповцев и федосеевцев до 40 тысяч. Живя здесь, они прежде всего остаются верными языку, бороде, длинным кафтанам и высоким сапогам, а потом и тому духу изворотливости, изобретательности и предприимчивости, которые столь значительны в промышленном великорусском народе. От

белорусов староверы отличаются трезвостью, чистоплотностью и достатком Они горды и недоверчивы, но честное слово в торговых сделках равняется векселю. Мы видели их скупщиками меду и воску, белых грибов, полотен и ниток, основателями кафельных и кирпичных заводов; знаем лесопромышленниками, подрядчиками, торговцами скотом и лошадьми, арендаторами садов, а в городах и местечках — огородниками. Этими великороссами исключительно продовольствуется там другой класс великорусского народа — служилое сословие. Вероятно, по той причине, что большинство старообрядцев — горожане, а коренные белорусы исключительно сельские жители, великорусское влияние не привилось и уже не первое столетие бьет мимо и работает только про себя. К соседям белорусы совершенно равнодушны и с ними незнакомы. Мы тщательно искали у них отзыва о соседях в присловьях и пословицах, и нашли только два.

По второму эпиграфу, выбранному нами для III главы настоящей статьи, видно, какое понятие составил себе белорус о великороссах. Про запас он держит еще другое:

«Тату, тату, лезе черт у хату! — Дарма! абы не москаль».

Но и обе эти поговорки не своего изобретения, а взятые напрокат у малороссов.

Под наибольшим влиянием Великороссии оказывается лишь город Смоленск, некогда прозванный «ожерельем Москвы и России».

ОЖЕРЕЛЬЕ РОССИИ

Азов славен, Смоленск грозен, а
Вильна дивна.

Русское присловье

За мязгой в город ездил, в красные
ряды ходил.

Хоть бейся об малаховские ворота
(такая нужда и бедность в городе).

Местные поговорки

Смоленск известен еще с тех пор, когда белорусы назывались кривичами. В летописных сказаниях он одновременно упоминается с Киевом, Псковом и Новгородом, вместе с которыми исторические судьбы судили ему впоследствии стать оплотом возраставшего на востоке государства против притязаний сильных соседей, каковы Литва, Польша, Швеция и Тевтонский орден. И если по количеству нападений и их сил, выпавших на долю всех этих четырех окраинных пунктов, станем судить о степени услуг великорусскому племени каждого из них, то, во всяком случае, первое место принадлежит двум пограничным с Белоруссиею — Пскову и Смоленску, и последнему из них наиболее видное и важное.

В те времена, когда Смоленск был вечевым, или народным городом, и когда он стал потом стольным, или княжеским, и, наконец, подвластным Литве и Москве, ему многое благоприятствовало. Счастливое географическое положение выразилось его удачным положением на такой реке, как Днепр, который берет начало там, где плоский характер водораздельных высот, как бы спускающихся уступами, послужил причиною скопления всяких вод (озер, рек, речек, болот) на значительных пространствах. От этого водного обилия и Днепр, как все другие большие реки, имеющие здесь свои истоки (Двина, Волга, Мста), стал судоходным не в далеком

расстоянии от истока. Это обстоятельство усилилось еще тем, что в близком расстоянии от города получили начало другие две реки (Сож и Десна), как единственные и притом облегченные пути для торговых сношений и колонизационного движения. Здесь же и тот волок, на восточном склоне которого насчитываются притоки главных рек Московского княжества. С незапамятных времен шел тут летописный «путь из варяг в греки», и, при помощи Каспли, устроилось место для сношений с Ганзой, ливонскими рыцарями и Балтийским морем. У смоленских князей таким образом был в руках ключ к землям Двинским, Волжским и Днепровским. Кто владел Смоленском, тот требовал Киева, а в силу этих важных обстоятельств явились последствием те бесконечные войны, которые часто велись государствами Московским и Литовским. Смоленск стоял между двух огней и служил постоянным яблоком раздора. Когда татары овладели Русью, он подпал под власть Литвы. В 1239 году город опять имел своих князей русского имени и племени, на которых через сто лет (в 1340 г.) объявила притязания возмужавшая Москва: московские войска, вместе с татарскими, ходили опустошать смоленские волости. В 1351 году Ольгерд защищал Смоленск от Москвы, а вскоре сам ходил на него войною, опустошал смоленские пригороды, взял Мстиславль. Его примеру следовал и Витовт, занявший Смоленск в 1395 году и владевший им пять лет, и затем во второй раз взявший его под свою власть, после чего вся Смоленская область потеряла самостоятельность до 1514 года. Тогда князь Василий Васильевич присоединил город с пригородами к Москве, которая впоследствии (в 1599—1604) постаралась защитить его такую же твердынею, какая была во Пскове, и которая сохранилась до наших дней. Новая стена, однако, не удержала 12 тысяч всадников польского короля Сигизмунда IV (1609). По Деулинскому миру (1613) Смоленск отдан был Литве, а по Андрусовскому (1654) возвращен и навсегда присоединен к Московскому государству.

В 1812 году на смоленские стены навалились новые полчища негаданных завоевателей, французов, шедших здесь на Москву. Только после этого умилилась судьба, действовавшая до тех пор как бы по заказу, но самый город был ослаблен вконец и уже не имел сил подняться и поправиться.

Тревожная жизнь, неизбежно сопровождавшаяся крайними жестокостями и самыми крупными разрушениями, со времен которой деревянный город превращался в пепел, а в каменных сооружениях не оставалось камня на камне, такая тревожная жизнь оставила яркие следы свои до наших дней. Если в течение семи столетий, при спокойном движении городской жизни, земная толща успевает обогатиться новыми пластами, то нет ничего удивительного, когда нынешний Смоленск с его строениями, не переменив места на новое и оставаясь все на том же старом, стоит не на первоначально избранной почве. Под ним лежат груды прежних развалин на толстом земном пласте, прикрывающем в свою очередь наиболее древние остатки первобытных жилищ и первобытных укреплений. Из древнейших городов земли Русской едва ли найдется другой, где бы так мало сравнительно сохранилось надземных остатков старины, но где бы в то же время было такое их множество, скрытых под толстыми пластами наносной земли. Развалины всякого рода во множестве окружают и наполняют город: часть их открыта, отрыта и объяснена; другая еще ждет раскопок и земляных работ.

До начала второй половины настоящего столетия найдены остатки четырех каменных сооружений; в текущей половине самым случайным образом нашли еще три. При речке Смядынке, давно пересохшей, оказались следы развалин Борисоглебского мужского монастыря, построенного (1126—1160) смоленским князем Ростиславом Мстиславовичем на том месте, где убит был муромский князь Глеб (1015). На Покровской горе, близ нынешней кладбищенской церкви, по правую

сторону Днепра, найдены развалины другого монастыря — Крестовоздвиженского, неизвестного по времени основания, но памятного тем, что в нем, в начале XII века, жил преподобный Авраамий, перешедший сюда из Успенского монастыря, в шести верстах от города, где теперь Селище, или село Богородицкое (по Рославльской дороге). По правую сторону Днепра, на запад, близ деревни Чернушки, открыты развалины Спасского мужского монастыря, год основания и время упразднения которого неизвестны; уцелел только колокол, сохраняющийся на соборной колокольне, с польскою надписью. При небольшой речке, между предместьем Рачевкою и деревнею Шелновою, открыты следы фундамента Святодухова монастыря, существовавшего еще в XVI веке, потому что на Виленском соборе 1509 года находился игумен этого монастыря Афанасий. На наших глазах, при посещении Смоленска в 1868 году, когда строилась железная дорога, для надобностей ее понравился строителям каменный курган в двух верстах от города и в 1 версте от деревни Шеиной, на том месте, которое называется Крупцом (за то, что тут действительно течет «крупец», т. е. небольшая речка, вышедшая из горы, короткая, вроде ручья, со всегдашней светлой, чистой и холодной родниковой водой). Когда сняли верхние пласты земли и начали выламывать камень, ломы рабочих арестантов стали попадать в пустоты. Затем на выломанных одна за другой плитах оказались рисунки, в которых ясно обозначались настенные живописные изображения святых. Когда работы стали производиться тщательнее и правильнее, обнаружилась подземная церковь, открыты были черепа. Подобные же развалины попались и на самом полотне дороги, и такие же развалины древнего строения, также погребенного под землею, подозреваются смоленскими археологами в том месте, где одна из загородных дорог перекидывается через приметное возвышение, в виде бугра.

Внутри города находится древнейший из монастырей, основанный в начале XII столетия, при сыне Мономаха Мстиславе, преподобным Авраамием Смоленским. Когда в городе гостил польский король Сигизмунд, монастырь был взорван, а царем Алексеем восстановлен уже на новом месте. Мощи смоленских угодников, св. Авраамия и Меркурия, исчезли в то же время. Тогда же погребена под развалинами и виденная нами церковь в Крупце во имя великомученицы Екатерины, бывшая некогда великокняжескою и построенная в первые времена смоленского христианства. Виденные нами стенные иконы (Богоматери, архангелов Гавриила и Михаила) самого древнего грубого письма; на стенах сохранились еще апокалиптические эмблемы и между прочими ромб и в нем круг — известная эмблема вечности. Церковь очень большая; кирпичи тонкие и широкие, похожие на те, из которых сложена и лучшая в городе церковь, более других характерная, Петропавловская в Заднепровье (близ нового вокзала железной дороги). У этой последней четыре яруса окон. В нее ведут две каменные крытые лестницы, похожие на таковые же у московского храма Василия Блаженного. С площадки лестниц открывается прелестный вид на город, лежащий по ту сторону Днепра и соединенный с пригородом деревянным мостом на плашкоутах. Так как весь город разбросан на отлогой и длинной горе, изрытой оврагами и ручьями, то и все церкви его и все достопримечательности выдаются рельефно с господствующим надо всем величественным Успенским собором, принадлежащим к числу самых грандиозных сооружений в России и уступающим по красоте лишь очень немногим соборам. Недаром пощадил его и Наполеон.

Вид на Смоленск из-за Днепра особенно тем поразителен, что весь город утопает в зелени садов и, развернутый на широком пространстве, весь окружен каменною стеною Кремля, одною из величайших в России, имеющей в окружности около семи верст, 36 башен готического стиля, зубцы в два ряда. Толщина

стены везде имеет три сажени. Эта скрижаль, с уже истлевающими письменами, к сожалению, небрежно содержащаяся и разрушающаяся, на которой кровавыми красками написана последующая история города и самые тяжелые эпизоды жизни всей Русской земли и ее народа, в 1612 и 1812 годах. На смоленских стенах, читая историю города, читаем и самые яркие и знаменательные страницы отечественной истории.

Городская стена начата постройкою в 1599 году, при царе Феодоре Иоанновиче, и производилась под наблюдением царского шурина и ближнего боярина Бориса Годунова. При царе Феодоре она не могла быть достроена и окончена уже тогда, когда сам Борис сделался царем и на излюбленное им дело мог выделить из казны значительные по тем временам средства. При таких условиях стена могла быть окончена в три года, несмотря на то что белый камень привозился за двести и более верст. Таковы исторические свидетельства. Однако мы слышали в Смоленске о постройке стены следующее характеристическое предание:

«Годунов, окончив стену, явился к царю Федору и стал похваляться:

— Построил я такую красоту неизглаголанную, что подобно ей уже нет во всей поднебесной. Одних башен на стене 36 и по верху ее свободно поезжай на тройке. Как на сытой и толстой боярыне красовито лежит аксамитное многоценное ожерелье, прибавляя ей красоты и горделивости, так и смоленская стена стала теперь ожерельем всей Руси православной, драгоценностью своей на зависть врагов и на гордость Московского государства.

Царь Федор словам Бориса не совсем поверил. Он послал в Смоленск скорого гонца узнать у тамошнего воеводы Трубецкого: правду ли говорит Борис и по заслугам ли похваляется?

Принес гонец такой ответ воеводы:

— Правду говорит Годунов: и на ожерелье боярыни смоленская стена похожа, и башен счетом тридцать шесть, и зубцы в два ряда по стене, несметное число, и каждый зубец крепко выкрыт листовым железом. Да боится смоленский воевода, чтобы промеж красивых башен и тмочисленных крепких зубцов не завелись вши и гниды.

Вскоре страх воеводы, как сон в руку, оправдался: пришли поляки, и круль Сигизмунд кантовал тут не один год».

Вот и следы этого тяжелого для города события; подле Малаховских ворот «Шеинов пролом», а на месте круглой башни, разбитой боярином М. Б. Шеиным во время приступа к Смоленску в 1632 году, земляной бастион. Воевода Шеин на сей раз отбивал у поляков тот самый город, который 12 лет тому назад защищал от них же столь храбро. По истечении 20 месяцев осады вторая неудача стоила ему жизни: его казнили в Москве как изменника. Другой круглой башни, где этот храбрый воевода скрывался от поляков, уже овладевших городом в 1612 году, также не существует. Сохраняются, однако, остатки земляного укрепления, названного Королевским Проломом и насыпанного на том месте, где стояла круглая Годуновская башня, разбитая поляками в 1612 году. Вот и Иверская башня, четырехугольная, взорванная в 1812 году французами, но теперь возобновленная, — место Никулинской башни, также взорванной по повелению Наполеона при выходе французских войск из города 4 ноября; место Богословской, бывшей четырехугольной, также и в то время взлетевшей на воздух вместе с четвертой четырехугольной Безымянной, пятой четырехугольной Голышевской и шестой Лазаревской. Большая башня, стоявшая подле Малаховских ворот, снабженных проездом и земляным равелином для прикрытия, также взорвана в том же 1812 году. Три башни изгрызло время, и они были разобраны, но четвертая — Черепашовая, или

Костыревская — уничтоженная таким же способом, возобновлена на выделенные императором Николаем I средства. От Сигизмундовых времен остались еще: 1) Королевская крепость с проломом, через который поляки вошли в город, и где произошла страшная сеча (улица, идущая здесь, до сих пор носит название «Резницкой»), и 2) Сигизмундов шанец на юге от города, вырытый польскими войсками. На правой стороне Днепра, в версте от Московской заставы, на «Девичьей горе», находятся остатки земляных укреплений и место лагеря царя Алексея Михайловича, лично управлявшего осадой Смоленска в 1655 году, отданного царю на капитуляцию польским комендантом Обуховичем. В 1706 году, по повелению Петра I, устроена была, для прикрытия днепровского моста, новая земляная крепость, но она во многих местах теперь скрыта. Лучше сохраняется французский редут прямо против Королевской крепости, где Коновницын, Дохтуров и Паскевич выдержали неоднократные жестокие натиски французских отрядов. Вправо от Малаховских ворот, за озером, в одном из остатков рвов, окружавших некогда всю крепостную стену, в большом небрежении видимы и памятник Павлу Ивановичу Энгельгардту, расстрелянному здесь по приказанию Наполеона за то, что он, вместе с коллежским ассессором Шубиным, выказал особую ревность при истреблении французов. Отечественные услуги самого города Смоленска почтены особым памятником 1812 года, воздвигнутым в 1841 году на площади, против Королевского бастиона, бывшего главным пунктом сражения 5 августа. Памятник отлит из чугуна в византийско-готическом стиле. Видимы за рвом и остатки древнего земляного вала, некогда окружавшего всю крепость, а теперь раскапываемого для глины, но в других местах отлично сохранившегося. Некоторый ревнитель старины из смоленских губернаторов, видя, что по готовым колеям, вырытым для глины, вода творит свое разрушительное нападение и

стене грозит опасность, обложили скат горы камнем, но в наши дни и он продан на выломку для полотна железной дороги. Ни водостоков, ни контрфорсов у стены нет. Стена мало-помалу рассыпается, так что большой пролом зияет громадной пустотой, которую мы могли различать даже в 14 верстах от города по дороге в Витебск, откуда в особенности красив и рельефен Смоленск, укрепившийся на высокой горе. Отсюда можно было разобрать и четырехугольные большие въезжие в крепость ворота с башней, называемой Днепровской, где некогда висел набатный колокол, а под шатром, покровительница города — икона Смоленской Божией Матери Одигитрии.

Во время нашествия Наполеона чудотворная икона, при вступлении наших войск в Смоленск, была перенесена в армию на Покровскую гору, к кладбищенской Георгиевской церкви. Здесь всю ночь на 6 августа отправлялось пред нею молебствие. В день Преображения она препоручена была 1-й роте 3-й артиллерийской бригады, при которой и была возима, поставленная на ходу взорванного зарядного ящика, обшитая холстом. По изгнании неприятеля эта святыня, столь тесно связанная с воспоминаниями об Отечественной войне, возвращена из-под города Красного в Смоленск. Сначала она была поставлена в Успенском соборе, но потом (1813) перенесена в надворотную Спасскую церковь по освящении ее. Здесь она находится и поныне. В Успенском соборе показывают железный шишак и железные башмаки с кривыми носками оригинальной формы, в которых — по преданию — преп. Меркурий бился с богатырем Батыевых полчищ, когда приведены они были под Смоленск московским князем в наказание за непокорность татарам всей земли Смоленской.

Внутри города, подле женского Вознесенского монастыря, на горке, жил Петр Великий — по выслушанному нами преданию — с большою осторожностью: одна только мать-игуменья имела к нему свободный доступ. Только те кушанья ел царь, которые приготовляла эта

старица, сама приносила и прежде пробовала. А приносила игуменья только три блюда: щи, похлебку и кашу. Впоследствии этой старице удалось услужить стрельцам, жившим в башнях на стене, а жены их населяли слободку по другую сторону оврага на горе, теперь скудно заселенную и до сих пор носящую название «бабьей». Стрельцы приговорены были к смерти и для того поставлены рядами подле монастыря, на площадке. Игуменья бросилась к ногам Петра, и царь смилостивился: отменил казнь.

В особенности много воспоминаний в Смоленске о Наполеоне. Указывают, между прочим, каменный дом над оврагом, близ Авраамиева монастыря, где первоначально жил император французов. Боясь подкопа со стороны оврага, он перебрался в город, в Солдатскую слободку, где, при нашем посещении, еще цел был деревянный домик, совсем обветшавший и вросший в землю. Помнят Наполеона сидевшим верхом на складном стуле, в особенности же помнят, сколько зла нанес своими выстрелами городу Понятовский, стоявший на Бабьей горе. Одно ядро, пущенное им, до сих пор сохраняется в стене, примыкающей к Авраамиеву монастырю.

До сих пор находят в земле каменные ядра времен царей Михаила и Алексея, зарытые после отступления наших войск. У одного любителя древности (П. А. Васильева) мы видели французские карты России, которыми руководились наполеоновские войска и которые приобретены у крестьянина, явившегося с ними на рынок. Видели шалаш Петра I, сделанный в Голландии и там подаренный царю, о чем свидетельствует надпись. Старинные монеты польской и русской чеканки сплошь и рядом выкапываются крестьянами на полях и даже в самом городе. При прорытии полотна чугунок тоже высыпались деньги, непременно в горшках, неизменно залитых воском, завязанных и опутанных веревками.

Одними преданиями о славной старине приходится довольствоваться и жить этому древнейшему из городов

русских, вслед за другими лесными и северными городами пришедшему в совершенный упадок. Настоящее его бедно и неинтересно — с тех пор как изменились пути и обошли Смоленск далекой стороной: на востоке через Гжатск, на западе через Поречье. Упадок виден и в том, что теперь весь город исключительно замкнут в пределах своей каменной стены, а пять-шесть слободок вне ее слишком малы, чтобы увеличивать объем города. Он остался на горе и в стороне, когда по Заднепровью прошла Московско-Смоленская железная дорога, и вокзал ее потребовал с своей стороны большого шумного рынка с бойкою базарною торговлею, и застроился тут новый Смоленск. В старом, крепостном Смоленске резко бросаются в глаза множество незастроенных пустырей и та запущенность, какая неизменно является везде там, где бессилие опустило руки и выродилась полная апатия. Скаты оврагов размыла вода, деревянная лестница в одном из них, ведущая на дно, где сочится какой-то ручеек, грозит опасностью и пригодна только привычным ходакам и способна соблазнить лишь самых смелых. От нищих нет проходу, в особенности у Пречистой в воротах и около Спасской церкви, где они неотвязчивы до дерзости, очевидно живут плотными артелями и нищенствуют на обе руки: по бедности и лени, как тот же «клепенский мужик» (из села Клепени Сычовского уезда), который вошел даже в пословицу. Видимое падение города обозначилось такими явлениями и признаками запустения, с которыми не могут сладить никакие власти, в отчаянии махнувшие на город рукой. Набережной, например, здесь — по обычаю всех белорусских городов — нет вовсе: берега предоставлены всевозможным громадным складам камня, бревен, дров и т. п. Сейчас же за городом днепровские берега обросли тальником и ивняком. Река пробила себе глубокое русло, очевидно доказывающее, что она была несравненно глубже нынешней, извивающейся дробными коленами. Смоленский Днепр, особенно в летнее время, — река незавидная, не внушающая уважения.

Торговля в городе до очевидности слаба, хотя, в частности, судя по некоторым сортам товаров, видна здесь встреча Москвы с Ригой, как в населении — смесь Польши с Россией. Самобытного мы долго искали и ничего не нашли; даже столь всем известная смоленская крупа — не городского дела. В городе с некоторого времени прославилось кондитерское дело в приготовлении, на манер киевских, сухих конфет из фруктов, ягод и плодовых листьев. Этому способствует обилие садов как в самом городе, так и в губернии, в захудалых помещичьих имениях. Смоленские конфеты, впрочем, перещеголяли киевское варенье и в особенности замечательны изящною укладкою в деревянных ящиках.

Смоленские рынки с базарами для нас занимательны тем, что здесь можно наблюдать интересные встречи. Белая без околыша магерка, обыкновенно старая, поношенная, рваная, стало быть, настоящая белорусская, здесь мешается с такой, которая либо вся коричневая, либо белая с коричневыми также подогнутыми кверху краями. Это из-под Смоленска. Тот же валеный колпак, наподобие опрокинутого горшка, в котором здесь держат молоко, явившийся из-под города Белого, встречается с магеркой, имеющей сходство с железным ведром, из которого поят своих лошадей извозчики. Эту последнюю принесли сюда из-под Вязьмы и показывают рядом с настоящей шляпой, на манер петербургских детских. Эта — из-за Вязьмы. Свиты сзади по талии и по краям карманов у коренных смоляков обшиты черным или синим шнурком. Замечено также, что ямщики за Вязьмой просят у проезжих «на чай», под Смоленском, по дорогам к Красному и Поречью, — «на водку», близ могилевской и витебской границы — на «кавалок хлеба».

СМОЛЕНСКИЕ ПРИГОРОДЫ

Глупая Вязьма, бестолковый Дорогубуж.

Вязьма в пряниках увязла.

Мстиславцы-недосеки.

Мсцислав не одного сциснув (т. е. в нем не проживешь).

Торопчане-фараонитяне, чертовы наставные головы. Рославцы-дегтяри; торопчане-кожевники.

Народные прозвища и присловья

Как исторически верно то, что на чем решал главный вечевой город, на том стояли и пригороды, так точно, когда неприятель хотел объявить войну области, он занимал и опустошал какой-нибудь из его пригородов, и народная рать или княжеское войско обязательно шли на выручку, или, в свою очередь, разоряли ближайший пригород вражеской области. Ольгерд, желавший завладеть Смоленском, занял его пригород Мстиславль и посадил в нем своего наместника, а сын его занял Ржев, в то время бывший также смоленским пригородом. Святослав Смоленский, заступившись за свою вотчину, был убит под Мстиславлем. Царь Алексей Михайлович, решившийся отнять Смоленск у Литвы и овладевший им после осады, немедленно послал Трубецкого на Мстиславль. Жестокий Трубецкой действовал с такою энергиею, что всех до единого из жителей города истребил, оставив до настоящего времени память в народе об этой людской бойне, под именем «Трубецкой сечи». Нынешние жители обзываются в насмешку «недосеками», т. е. как бы потомками остальных, ускользнувших от истребления в 1654 году. В городском кармелитском костеле, подле хор, направо, сохранилась фреска, изображающая это кровавое событие: одни воины в шлемах убивают ксендзов, другие заходят; часть лезет на гору, на

которой белеется несуществующая уже православная церковь; виден и самый костел.

Итак, прежде всего о Мстиславле — древнейшем из смоленских пригородов, несмотря на то, что современная политическая граница, по обыкновению, мало обращающая внимания на племенное сходство и народные связи и симпатии, отделила этот город от Смоленской земли и присоединила его к Могилевской губернии. Искусственный прием сделал, однако, кое-что свое: мстиславский белорус называет своего ближнего соседа «полячком с русского боку» (бок — сторона), точно так же, как красненький называет мстиславца «полячком с польского боку». На этом, собственно, и оканчивается все различие: оба соседа с ног до головы похожи друг на друга, потому что оба — родные братья, сыновья одной матери.

Самое основание Мстиславля принадлежит смоленскому князю Роману Ростиславичу, назвавшему это новое укрепление, ближайшее к Киеву, именем сына, которому вся ближняя волость в 1180 г. и отдана была в удел. Но самостоятельным княжеством эта местность оставалась недолго: до 1359 года город пребывал под властью Смоленска. Когда в этом году взял его Ольгерд, смоленский князь опять пытался отнять свой пригород, хотя — как известно — и неудачно. Оставаясь под властью Литвы, а потом Польши, Мстиславль мало-помалу утрачивал свою самобытность и то сходство, которое он имел с древним Смоленском. Осталось лишь разительное подобие в местоположении. Город стоит на такой же крутой горе, над узкою долиною, прорезанною такою же извилистою рекою, Вёхрою. Одна из высот (повидимому, искусственная) в этой долине у самой городской горы носит также смоленское имя «Девичьей», хотя с ней и соединено предание такого рода, что будто бы натаскана сюда земля в фартуках девицами-богатырями на могилу любимого ими доброго молодца. Так же как и в Смоленске, здесь недосчитываются пяти церквей, упоминаемых в актах, и, между прочим, самых древнейших из них, Троицкой и Ильинской, но на этот раз

с тем различием, что не дорылись и до фундаментов их. При Троицкой церкви с 1537 года существовал даже монастырь, называвшийся «нагорным» и выстроенный вдовую мстиславского князя Михаила Ивановича. Жители и сами князья были православного исповедания, а потому, когда политический интерес католической Литвы требовал наибольшего закрепления этой местности, здесь явились в 1616 году иезуиты, основавшие коллегийум (колледж) и костел св. Николая (обращенный теперь в православный монастырь). За иезуитами прибыли кармелиты, построившие величественный костел, сохранившийся до настоящего времени. За кармелитами прибыли доминиканцы и, наконец, бернардинцы: все со своими церквями. В противодействие им православные основали в версте от города деревянный монастырь Тупичевский (одновременно с Кутейнским в городе Орше) в 1641 году, с назначением быть преимущественно миссионерским. Но политическое значение всего этого места настолько было важно в глазах Польши, что в пяти верстах от города базилианами устроен был монастырь «Пустынский», а в 16 верстах в селении Онуфриеве унитарский монастырь с архиепископскою кафедрою. В тех же видах с давних времен поселена была в этих местах околицами и застенками шляхта, до сих пор сохраняющая племенные черты народного характера.

Шляхтич бреет бороду, отпускает усы. Вместо свиты надевает камзол, род однобортного длинного сюртука, при широких шароварах и картузе с козырьком. Все соседи согласны в том, что обыкновенно шляхтич разгулен, беззаботен, немного сварлив, но откровенен, словоохотлив, приветлив. Он большой хлебосол и, при грязной избе, в которой у него также живут свиньи и птица, старается пристроить горенку. Он задорен и хвастлив: громко говорит, не прочь и подраться, а в корчме — в этом клубе для отдыха, в этом зале для совещаний, брани, плясок и драки, и в то же время торговой бирже и денежном банке, — в корчме или шинке шляхтич требует почета. Не получая такового, всегда готов он наострить кулаки,

перед которыми белорус отступает; но старовер спорит, борется «око за око, зуб за зуб». В корчму, играющую громадную роль в белорусском быту, тамошний крестьянин ходит посидеть и «погомонить» (потолковать), послушать новостей и свидеться с нужным человеком. Этот кафе — к нашему общему удивлению — играет даже роль столичных кухмистерских: в них справляются свадьбы, сопровождаемые столь обильным количеством обрядов, что все торжество кажется цельным языческим священнодействием, в православную старину носившим имя *трэбица*. Вообще, здешний крестьянин всегда найдет предлог зайти в насиженное им и милое сердцу заведение, которое и строится очень просторным, даже почти всегда на две половины. Шляхтич, однако, не брезгает заходить похвастаться и в черную половину.

Шляхтич перед высшими почтителен, льстив, предупредителен и угодлив. В домашнем хозяйстве живет спустя рукава. Окна украшает, бальзаминами, гортензией, геранью; дочерям и жене покупает перчатки; шляхтянки одеваются в белые, как снег, юбки, в белые кофточки или рукава и в праздничное время распускают зонтики; но на дворе грязь не чистят, в избе полов не настилают, ходят по земляному, битому. Околицы раскидывают самым беспутным образом: все как-то наляпано, напутано. Тут началась, по-видимому, широкая улица и вдруг свернула она в узкий переулок, притупилась закоулком: стоит дом, но за забором. Забор рассыпался, ворота покривились. А то вдруг выступают плетни и потянутся без конца и без толку и, очевидно, в ненужном избытке, даже до роскоши. Но зато видишь веселенький садик, всегда пасеку, огородец. Скот у шляхтича не так изнурен, как у крестьян, хотя такой же хохлатый и малорослый. Вообще, шляхтич зажиточнее, меньше пьет, опрятнее, чище и рослее. А круглолицые, румяные, веселые девушки-шляхтянки на сумрачном фоне белорусских картин выделяются яркими, привлекательными пятнышками. Они оттого шаловливы и веселы, что сыты, и течет в их жилах горячая кровь. Нам попались, по выез-

де из Мстиславля в Кричев, целые группы шляхтянок, и мы залюбовались их открытыми лицами, грациозной, легкой походкой, кокетливостью с легким задором и на-смешкой, в контраст нашему молодому парню-ямщику белорусу. Этот сидит на козлах кулем, подняв плечи, не взглянет на них, не присвистнет и не приударит кну-том лошадей, словно он сам застыдился. Идут шлях-тянки молиться Богу и чудотворной Пустынской ико-не Богоматери в Пустынском монастыре, где тогда был праздник (между мстиславской шляхтой много право-славных). Эта шляхта охотно учится грамоте, охотно идет на службу. Из нее вышли все местные чиновники, уездные и губернские, и образовалось почти все тамош-нее православное и католическое духовенство. Такова и смоленская шляхта, в среде которой также иные успе-вали богатеть и делались панями, исключая Рославско-го уезда, преимущественно перед другими населенного этими дворянами без крестьян и нигде не служившими. Эти остатки древних польских и литовских фамилий, переселившихся сюда во времена Сигизмундов в коли-честве до 21 тыс. душ, живут отдельными селами. «Они, по словам писателя — губернатора Хмельницкого, как деревья, приросли к своему грунту и сделались непод-вижными». Правительство предоставило этим бедным дворянам право на переселение в Самарскую и Тамбов-скую губернии, где даже приготовлены были участки земли по 60 десятин на душу в вечное владение. Однако не многие из них воспользовались этим правом.

Мы поспешили оставить Мстиславль за тем, что и в нем взять нечего: город бедный и не торговый. Обесси-лили его Хославичи — местечко, некогда замечательное своими ярмарками, шумными и буйными, а обездолило в конец то, что через город идет только одна дорога, да и то почтовая. Некоторая часть мещан принуждена вырабо-тать особенный промысел, не совсем чистый и честный, известный под именем «кубрачества», т. е. хождения по России с книжками для сбора подаяний на церкви. Церквам, впрочем, «кубраки» нисколько не помогли; из

старинных деревянных не выстроили ни одной каменной, но, по правилу, «грош в ящик, пятак на сапог», успели вырядить жен в телогрейки из парчи, жертвованной в Москве на ризы, и сами оделись в картузы и сибирки на манер настоящих великорусских мещан.

Прямая дорога из Мстиславля проведет нас в другой старинный смоленский пригород, Красный (на этот раз уже в пределах Смоленской губернии); но этот город ничем не замечателен, как совершенно забытый и заброшенный и выделившийся из числа прочих только по сражению в 1812 году. О третьем смоленском пригороде, более других выдающемся по древности и историческим воспоминаниям и по некоторому экономическому значению — о Торопце, мы уже имели случай говорить в своем месте (см. нашу статью «Города озерной области»), потому что и он отчислен к другой губернии (Псковской). Четвертый смоленский пригород — Велиж, также выделен из Смоленской губернии и состоит теперь в Витебской, вместе с ближним соседом своим, городом Себежем, который, однако, в старые времена (напр., в 1414 году) считался уже пригородом Пскова на равных правах с Опочкой и Великими Луками.

Стоит город Велиж на Двине. Берега реки обрывисты и круты. Строят барки, лайбы; делают посуду, сани, обшевни и колеса; торгуют с Ригой и поживляются кое-чем от проходящих судов. Ничего замечательного не имеется. Мы старательно искали, на чем бы остановиться — и ничего не нашли. И здесь вся жизнь в прошлом и, все прошлое в развалинах, либо под новыми наносными пластами земли. Убереглись еще, как древнее, постоянное православного смоленского пригорода, 10 церквей. О многом приходится говорить гадательно и наверняка ошибаться. Вот для примера еще смоленский город, но опять-таки бывший пригородом не нынешнего губернского города, а уже Чернигова, — Рославль.

Рославль, говорят, построен Владимиром Святым и назвался так потому, что отдан им был в удел сыну Ярославу (?). А в подкрепление этого гадательного

предположения приводят торговое село Рогнедино, названное в свою очередь этим именем будто бы потому, что здесь нашла убежище несчастная полоцкая княжна Рогнеда, бывшая супруга св. князя. Кстати, имеется местечко Заславль, или Сеславль, напоминающее имя ее сына от Владимира — Изяслава, и еще вдобавок Княгинино, где для пущей натяжки допущена первоначальная остановка Рогнеды (кстати, эта деревня находится от Рогнедина всего в 2 верстах, от Рославля в 57). Но, к сожалению, имеется другой претендент на историческую славу, другой Заслав — местечко Минской губ., в 20 верстах от губернского города, около ландварово-роменской железной дороги: местечко маленькое (1500 душ жителей), но с курганом, в котором будто бы и покоится прах Рогнеды. Есть еще и третий Заслав — уездный город Волынской губернии, а курганов по всему Белорусскому краю так много, что они попадаются не только вблизи селений, но и в непроходимых лесах посреди обширных и топких болот.

По берегу Днепра, от самой Орши до Киева, курганы тянутся сплошным, почти непрерывным рядом, в десятках разнообразных направлений и положений. Это может указывать лишь на то, что в белорусских краях нынешнее племя живет на старых пепелищах другой отжившей жизни, погребенной в неизвестности и оставившей лишь темные следы в могильных насыпях и в каких-то укреплениях, кого-то и от чего-то оборонявших.

Рельеф страны изменялся в известные периоды лет. Истощенная почва обрастала негодным кочкарником и сгоняла народ прочь. Равновесие сил природы и ее экономики постоянно и безрасчетно нарушалось: ослабела деятельность лесов, и болота поспешили на свою сокрушительную работу. Кое-как налаженная жизнь вымерла; курганы стали признаками этой прекратившейся жизни, последние следы которой затягиваются мхом и зарастают лесными пущами, несомненно, уже не в первом (и не в последнем) поколении пород растительного царства. Некоторые курганы прямо указывают на то, что

они были некогда людскими жилищами (кроме гнилушек ничего не откапывается), а группа их в одном месте на тот порядок домов, в каком они были расположены в селении. Другие действительно обнажают человеческие кости с серебряными и медными остатками языческих времен. Иные курганы стоят на тех местах, где происходили битвы и стычки, ни одним историком не упомянутые, но столь многочисленные и почти непрерывные во всей этой стране, бывшей театром всевозможных кровавых расчетов между единоплеменными и разноплеменными соседями. Другой подобной страны в этом значении уже нет на всем пространстве громадной России. В разных местах Белоруссии можно указать много таких мест, про которые сам народ говорит как об урочищах, сменивших не только селения, но и города. Одни на верхушках гор провалились сквозь землю и в нижних пустотах возвышенностей предлагают умелым и смелым целые кладовые с золотом и серебром. Другие города затонули в светлых озерах, и во многих из них до сих пор, ежедневно на восходе и закате солнца, можно слышать колокольный звон. Собственно исторических преданий Белоруссии осталось поразительно мало: народ все простил и забыл, а на вопросы о видимых остатках отдаленной и близкой старины дает один ответ: «Была какая-то руина»; «Насыпано во времена этой самой руины»... А сама «руина» — в этом случае самое тусклое отвлеченное понятие, с мистическим оттенком, ничего ясного и образного собою не представляющим. Для археологов в Белой Руси — еще далеко не початое поле. Для нас, по принятой последовательности рассказа, ясно только то, что историческая жизнь, напр., Рославля начинается с самого начала XV века, а прежнее экономическое процветание города давно уже кончилось.

В 1494 году Рославль отошел от Литвы к Москве, потом по несколько раз переходил из рук руки, пока Алексею Михайловичу не удалось, по андрусовскому договору, окончательно закрепить его за Москвою, но не слить с нею. И здесь поселенная шляхта, вызванная из Польши,

упорно удерживала свои особенности и влияние. Цари московские принуждены были принимать против этого свои меры. Также известно, что Рославль был живым торговым пунктом и в особенности значительную торговлю производил воском и медом. Эти продукты домашнего хозяйства закупали немцы и отправляли за границу. Уменьшение лесов, а с тем вместе упадок пчеловодства, исторические события XVIII века, прекращение подвоза товаров из Риги и Киева, основание Петербурга и завоевание Риги с балтийскими городами вычеркнуло Рославль из списка торговых городов. Теперь эта местность только деготь гонит, а мещане скупают мелкими партиями пеньку, которая идет через Поречье в Ригу. Стечение рабочих для трепания пеньки водворило в городе особый род торговли солониной и горшками, с которыми ездят по деревням и обменивают на зерновой хлеб. При дегте торгуют еще лыками. Впрочем, из села Кошелева вывозят в год до 120 тыс. штук мочальных циновок.

В своей губернии Рославль уступил торговое первенство городу, лежащему в восточной половине губернии на р. Гжати, соединяющейся с Вазузою и впадающей при г. Зубцове в Волгу. На гжатскую пристань стекается уже обилие всяких товаров для дальнейшего сплава, в следующем порядке, по количеству их и степени значения: пенька и пеньковые изделия, разного рода хлеб в зерне, мука, льняное и конопляное семя, железо, чугун и железные вещи, сало, солод, стекла и т. д. Петр Великий подспорил здесь торговое движение искусственным образом через поселение здесь переведенцев — знатнейших купцов из городов: Калуги, Можайска, Боровска, Вереи и других соседних. Образовалась сначала слобода, которая до 1775 года называлась «Пристанью», а с этого года стала зваться городом Гжатском, который к тому же, для большого процветания, очутился на шоссейной дороге из Смоленска и Вязьмы в Москву. Город выстроил 6 каменных церквей, завел фабрики и заводы и, по требованию хлебной торговли, настроил по берегам реки множество дворов, амбаров и сараев. Вообще,

по мере удаления от Смоленска, тускнеют черты Белорусского края, а великорусские выступают в крупных и ярких красках, вместо маленьких деревушек тянутся селения большие и длинные, как города, и тем многолюднее и скученнее, чем ближе они к племенным границам. Таким образом, здесь замечается то же явление как и в Псковской губернии, в пограничных уездах. По поводу границы и соседства Белоруссии провожающий нас ямщик, между Новоржевом и Великими Луками, после того как мы перед огромным селом Ашево переехали по мосту через довольно узкую и текущую в песчаных берегах р. Алту, на берегах которой убит был Борис, — как толковал ямщик.

— Здесь вот мы чай любим и пьем его в трактирах. Заведений этих у нас много даже и по селам. А там у них в «Польше» (т. е. под Велижем) чаю не знают: все водка, и корчмы для того у них не только в деревнях, но и по дорогам.

Толкует ямщик просто и границу объясняет типично и справедливо.

В великорусских городах и селах каменные церкви вместо трех деревянных, которые среди сосновых рощ можно распознать только по железному кресту, поднимающемуся над верхушками деревьев. При церквях настоящие отдельные колокольни, а не те два сосновых столба, на перекладине которых висят два-три колокола. По деревням, жизнь и движение, и в каждом окне избы любознательные лица, а не мертвая тишина полного безлюдья. Ситцевые платья ярких цветов и такие же сарафаны сменили однообразные паневы; молодежь завязывает хороводы и распевает свои песни, а старики на завалинках обсуждают мирские дела. Темные бory, подобно облакам висевшие на горизонте, исчезли: пошли все поля; начались места густо населенные, стали попадаться люди, наладившиеся на сухую прозаическую жизнь, далекую от первобытной природы, хотя бы и такой дикой, как в покинутой нами Белоруссии. Перестали бить в глаза и те группы крестов на дорогах

и в стороне, которые как бы намеренно делают целую страну похожею на кладбище.

При одинаковых условиях со Гжатском, Вязьма, ко времени возрастания этого близкого своего соседа, имела уже 24 церкви и 2 монастыря и около ста заводов и фабрик. Благодаря примеси чернозема к основным почвам, уезд Вяземский сделался плодороднейшим в губернии и завел торговлю хлебом и мукою поблизости и соседству со Гжатском. Скопление в городе и около него этих продуктов дало возможность развиваться самостоятельному промыслу печения пряников или коврижек со вкусной начинкой и безграмотным надписанием. Кто печет пряники, тот и продает их. В работе труд разделен: мужчины мнут пряничное тесто, женщины пекут. Ремесло не хитрое, но таково, что одно не кормит, а требует подспорья другим промышленным занятием, и при том капризное: один печет лучше, другой хуже. Теперь, при возрастании цен на хлеб и муку, стало печение пряников невыгодным. Мещане гжатские, воспользовавшись теми же удобствами, поступили практичнее, выпекая для проходящих судовых рабочих булки и баранки. Да и эти стали жаловаться, что много товару остается на руках непроданным: хоть сам ешь. Около вяземских пряников приладились столяры со своим досужеством, — делают ящики под сладкий хлебный товар заветного желтого цвета, но весьма непрочных креп. Но теперь и столяры также стали жалобиться. Эта великорусская половина губернии останавливает нас еще на одном явлении, которого нельзя пройти молчанием.

В какой мере здесь, на этой окраине, отразилось влияние московского элемента и русского духа, могут служить те патриотические подвиги, которые с такою энергиею выказались в Отечественную войну. Одновременно с расстрелянным, по приказанию Наполеона, П. И. Энгельгардтом, действовали известный в свое время патриот и автор «Писем русского офицера» Сергей Николаевич Глинка и Григорий Антонович Глинка (уроженцы Духовщинского уезда): последний так же, как автор

и воспитатель Императора Николая Павловича. Сергей Николаевич издавал журнал «Русский Вестник» и не прекращал его даже в то время, когда поступил в московское ополчение первым ратником и первым же принес денежное пожертвование на военные надобности. В литературе за ним осталось имя «писателя-патриота». Автор опер «Жизнь за царя», «Руслан и Людмила», «Камаринская» и проч., Михаил Иванович Глинка — гениальный народный композитор и творец русской музыки — также родился в Смоленской губернии и принадлежит к одному дворянскому роду с предыдущими.

Город Юхнов — тоже молодой, как и Гжатск, но уже решительно ничем не замечателен, а приписанный к нему уезд совершенно бесплодный. Духовщина — точно такой же новый и такой же бедный и ничем не замечательный город, а Дорогобуж имеет перед ним лишь то преимущество, что существует давно и, как старинный город, при малолюдьи и бессилии, изобилует каменными церквями. Дорогобуж — предмет постоянных споров между Русью и Литвою (в его окрестностях дана известная Ведрошская битва) — главною частию лежит на крутизне левого берега Днепра. Он, как и Смоленск, раскидан по обоим берегам, также имеет очень красивый вид и также сохраняет остаток старины, в виде земляной крепости, в которой имеется и вал и ров. Больше город ничем не замечателен. Ельня, по крайней мере, прославилась хоть тем, что в семи верстах от нее вытекает из болота Десна и наполняется столь быстро, что в городе на ней стоит уже большая о двух поставах мельница. В 1522 году в договоре о перемирии между Русью и Литвой здесь намечен «еленский рубеж», и город оставлен был за Москвой.

Для нас это обстоятельство важно тем, что мы вернулись обратно туда, откуда вышли, а потому и рассказ свой можем на этом кончить.

**КРЕСТЬЯНСКИЙ БЫТ.
ПЕРВОБЫТНЫЙ ЛЕС.
ГОРОДА ОЗЕРНОЙ ОБЛАСТИ**

Рассказы

КРЕСТЬЯНСКИЙ БЫТ ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ

В те давние времена серой старины, когда там, где лежат теперь плодородные степи, стояли непролазные лиственные леса, народ русский богатырем прорезался сквозь них из теплых стран в холодные: на реки Волхов и Великую, на озера Ильмень и Велоозеро. В те давние времена русские люди были вольными, гуляющими людьми. Всякий садился избой, где было способнее и сподручнее.

Ленивые и бессильные и тогда, как и теперь, впадали в нищету и не умирали с голоду только потому, что и тогда двор в двор, по соседству с ними жили трудолюбивые и бережливые, умные и сметливые, а стало быть, достаточные и богатые. Бедняку было выгодно: богач давал участок земли, косу, топор и соху, вола или лошадь, семена для посева, избу для жилья и все средства для уплаты податей. Богач требовал только обработки земли своей и дележа добычи с нее. Бедняк, приходивший с пустыми руками и без куска хлеба, охотно соглашался на это, рассчитывая со временем обзавестись своим скотом и хозяйством или приобрести средства к переходу с частной или вотчинной земли на такие, которыми владело не одно лицо, а целое общество, крестьянская община. Проживя на общинной земле с бережью и при счастии, бездомный батрак или захребетник мог опять оставить и эти земли, чтобы обзавестись в диком, непочатом месте своим участком, стать мелким земельным собственником.

В начальные времена своего существования на земле Русской земледельцы назывались смердами, землянами,

в дальнейшие звались черными людьми, а еще в позднейшие, лет 500 тому назад, земледельцев стали именовать крестьянами (от христьян).

В 1590-х годах вышел царский указ о прикреплении крестьян к той земле, на которой застал их этот закон, строго воспретивший переход с одной земли на другую, от одного владельца к другому.

После первой ревизии, произведенной по указу Петра I в 1719 году, крестьяне начали мало-помалу обращаться в крепостных людей. Таковыми пребывали они до 19 февраля 1861 года, когда ныне царствующий Император Александр II манифестом своим отменил крепостное право и настезь отворил двери народу нашему в новый мир. Новую тысячу лет своей жизни на земле Русской народ наш начинает в наши дни снова свободным народом, но уже не скитальцем, не прикрепленным к земле кое-как, наскоро, но получившим в собственность себе и потомству ту землю, которую он возделал.

Для того чтобы показать разницу между прежним временем и нынешним, чтобы по образцам и примерам из прошлой жизни уразуметь и расценить значение настоящей, мы решились написать эту книжку:

Старым людям на послушанье,
Молодым людям ради памяти.

I

Предки наши с незапамятных времен были народом земледельческим: земляным угодьям цену знали, и чем земля была лучше, тем больше рождала в народе соблазну. С северной стороны бродили по лесам дикие люди, которые и до наших времен сохранились такими же. Тяга в эту сторону была крепче всех и потому еще, что в тамошних лесах зарождаются великие реки, эти дешевые, легкие и сподручные дороги, движение по

которым труда большого не требует. К тому же реки и озера обещали обильную пищу: все они кишели рыбой. Леса изобиловали пушным зверем и птицею.

По рекам поднялись наши предки в полуночную холодную страну из теплой, когда в ней стало жить неспособно; по рекам спустились они и дальше, когда время и труд, нужда и горе выучили быть предприимчивыми, сделали их промышленными людьми. Коренные земледельцы остались на черной земле, где и теперь живут; остальные побрели дальше. Шли они в одиночку, шли они семьями, кочевали целыми обществами: на новых местах вырастали сначала одинокие избы, выстраивались потом деревни, разрастались села, города. Вблизи города вырастал пригород, неподалеку от села или деревни выселок, починок. И селянин и горожанин оставались земледельцами и только при крайней нужде и крепком соблазне прилаживали в подспорье какой-нибудь промысел: зверованье, рыболовство, торговлю. Так, с искусством земледельца, со знанием торговым, со сметкой на подручный промысел, втягивались русские люди все глубже и дальше в леса, дошли до стран негостеприимных, доискались до земель неплодородных. От теплого моря Черного дошли наши предки до студеного моря Белого: дальше идти было некуда; повернули в сторону восхода солнечного; остановили их крутые и дикие горы Уральские: перевалили через них. Там снова попали на реки, снова потянулись вниз по этим рекам. Часть осела на берегах и зажила привольно, другая часть потянулась дальше: заняла всю Сибирь. Теперь русские люди сидят в 12 тысячах верст и от того места, где выстроили наши предки первый город в теплых странах (Киев), и от того, где выстроили другой город в холодных (Новгород).

Тогда народ искал какого-то оседлого кочевья, но всякая оседлость казалась ему временной, а всякий переход совершал он ради оседлости. Не тянул наш народ в ту сторону, где залегли песчаные степи, потому что

земледельцу не с руки приводилось это дело, да к тому же по степям этим бродили уже издавна кочевые народы, готовые на отпор и оборону. Итак, песчаные степи без дорог и соблазна послужили той гранью, осилить которую наш народ не решался. Сталкиваясь лицом к лицу с бродячими народами латышского или финского племени, русские люди на время становились воинами, казаками. Кончали они тем, что либо оттесняли иноплеменников с дороги в сторону, с хороших приречных мест на худые в глуши лесной, либо заставляли слиться с собой, чтобы жить заедино и под одним и тем же именем. Там, где это не удавалось и встречный народ оказывался сильным и неуступчивым, русские люди, не переставая быть земледельцами, превращались в вечных казаков, были всегда настороже, готовы были на ежечасную защиту и отпор. Так сталося везде в тех местах, куда не посмели идти промышленные люди и незачем было ходить торговым людям. Богатые и сильные владельцы земли обыкновенно скликали народ на свои земли сами, обещая ему всякие выгоды и барыши. Памятуя, что пришлый человек всегда был вправе, по закону, в Филиппово заговенье, за неделю до осеннего Егорьева, или Юрьева, дня покинуть и землю и ее хозяина, — богатые владельцы старались удерживать пришельцев строгим исполнением своих обещаний. К сильному владельцу и сам народ охотно тянул, потому что, сидя на его земле и отдавая ему половину добычи, находил себе от житейских невзгод затулу и от всяких сторонних притеснений защиту. Жизнь за спиною сильного владельца, как за каменной стеной, соблазняла и тех, у кого были собственные земли и достаточные средства держаться на них.

Обиды и невзгоды всякие в те времена градом сыпались на народ со всех сторон: то хлеб от ранних заморозков на корню померзнет, то от обильных дождей он загниет и повалится, и настудит голод. Голодные года до того были часты, по сказаниям самовидцев тех давних лет, что на шесть лет приводился один год го-

лодный. Голода эти — по тем же сказаниям — до того были страшны, что народ драл кору с сосен, ел ее вместо хлеба, но и этим не спасался: ели всякую скверну, как-то: собак, мышей, кошек, и все-таки мерли с голоду люди, как мухи, вымирали целыми деревнями, целыми городами. К голодам прибавлялись зачастую иные беды: нападала на людей какая-нибудь смертная язва: мор, черная смерть, чума; целые тысячи людей сходили в могилу; случалось, что и прибирать было некому. Не умели старики предусматривать голода толковым ходатайством и запасом. Не умея предупреждать и лечить себя от смертельной болезни, — оставшиеся в живых обыкновенно бросали насиженные места и брели врозь, куда глаза глядят: и это казалось самым лучшим. К таким несчастьям во многих местах лихие кочевники прибавляли новые беды: делали набеги, жгли деревья, уводили скот, топтали поля, травили и жгли сено. Земледельцу, привыкшему к своим мирным занятиям, так же трудно было бороться и с этими невзгодами. Богатые и сильные владельцы, бессильные спасти от голода и смертельных болезней, могли спасти народ от набегов. Сбирая с народа подати, князья русские держали дружины, войско, строили крепости, вели с врагами войны. Они же творили суд и давали правду везде там, где в том и другой нуждался народ: для этого князья держали на жалованье особых чиновников. Дружинники и чиновники назывались в те времена лучшими мужами, держащими землю, потом боярами. Люди эти могли жить без земли, но ни купец, ни крестьянин без земли не могли быть членами общины: только при земле они считались землянами, земскими людьми. Люди без земли назывались холопами: это были или взятые в плен на войне, или добровольно отдавшиеся в кабалу богатым на вечные времена, или же преступники, по закону отданные в рабство.

Садился ли крестьянин на черной или общинной земле, сидел ли на собственной — во всяком случае он

мог сидеть на ней вечно. Если хотел, мог завещать землю эту наследникам, как свою личную собственность. Садился ли крестьянин на чужую, т. е. владельческую землю, он также мог просидеть на ней целую жизнь и даже передать ее детям, но на этой земле он был уже не так прочен: его мог удалить владелец, он мог оставить ту землю сам через год, около осеннего Юрьева дня. Он даже придавал силу владельческой земле тем, что садился на ней. В то время, когда с пустовавших земель государство не получало податей, не получало оно их и с тех владельческих, которые обрабатывались холопами, т. е. рабами господина: с владельческой земли, занятой крестьянином, брались подати в казну. Господину крестьянин обыкновенно платил половину, на правах наемщика, платил своим трудом или тою или другою частью сбора, добытого в этот год. В Юрьев день, в осенины он был чист, мог сниматься с места и жить на следующий год, сколько проживется у другого. Не был вправе сделать этого тогда лишь, когда получал пособие от хозяина земли: в семенах, в скоте и прочем. Не выплатив ссуды, он не мог рассчитывать на Юрьев день. Если он уходил своей волей, его искали и возвращали на старую землю — заживать долг и отбывать обязательства.

Жизнь на владельческих землях избавляла крестьянина от казенных податей: он не знал ни сборщиков, ни княжих наместников, ни волостелей; все казенные повинности он выговаривал за владельцем и писал их в условие свое. Владелец отбывал за наемщика все государевы подати сам. Крестьяне, жившие на общинных или собственных землях, обязывались перед казною тем, что платили дань поземельную, давали подводы, кормы наместникам и волостелям, платили из хлебного запаса осминичное (осьмину), платили писчее (писарям за ведение книг окладных). Там, где водились пчелы и борти, платили крестьяне медовое; местами обязаны были новоженой куницей (при вступлении в брак); в других местах должны были править ратное дело, да-

вать сбор на содержание таможен, город делать (крепости строить), княжие и наместничьи дворы ставить, коня княжого кормить, княжие луга косить и прочее. Словом сказать — крестьянин на черной земле платил больше, чем тот, кто жил на земле частных владельцев. В облегчение себе, он ни тут, ни там не терял права перехода с одних земель на другие, с других на третьи.

Так было в те времена, когда Россия разделена была на разные княжества или на уделы и когда каждым уделом правил особенный князь. Но пришло время, когда над всеми княжествами возвысилось Московское, когда московские князья стали над всеми старшими и наименовались царями. Московский царь Иван Грозный издал для управления народом «Судебник». Законы эти нисколько не изменили значения и положения крестьян; они только точнее определили их отношения к казне, к владельцу и к общине. Срок для перехода остался тот же: неделя до и неделя после Юрьева дня осеннего. Крестьянин отходя обязан был заплатить за пожилое, но не обязывался выплачивать ссуду (как было прежде); не кончив расчета по ссуде, он все-таки мог перейти на другую землю. Но зато казенные подати взыскивались строго, если только крестьянский хлеб стоял в поле, хотя бы сам хозяин пошел искать другого места.

При князьях крестьянин обращался в раба или холопа (то, чем до освобождения были дворовые люди), если господин заплатит за него на суде за преступление или по взысканию; при царях он оставался свободным, мог уйти к другому. В холопы он мог записаться только по доброй воле. В холопы имели право продаваться больные люди и бедные в голодное время для прокорма, дети холопские и то не старше 15 лет, и то по воле родителей, несостоятельные должники для выслуги долга и прочие. Ни боярские дети, ни посадские, ни крестьяне, несущие тягло, давать на себя кабалу в холопы права не имели. Чтобы еще более возвысить значение крестьян, московские цари уважили и укрепили значение крестьянской общины.

Волости или общины обязаны были выбирать, как и теперь, старост или лучших людей, излюбленных миром, в заступники за себя. Без ведома общинных выборных начальников крестьянина ни по суду, ни до суда нельзя было брать. Сама же община (нынешний мир) имела право судить своих выборных.

Община надзирала за порядком и тишиной внутри волости, даже управлялась сама собой: своими выборными старостами, сотскими, пятидесятскими и десятскими. Эти выборные смотрели, чтобы в их волостях было тихо и спокойно, чтобы никто не допускал воровства, корчемства, разбоев. Сотский обязан был знать всех людей своей общины.

Выборные люди раскладывали подати и повинности. Расценивалось обыкновенно все имение каждого крестьянина, пашня и получаемый с нее хлеб, двор и скотина при нем, промысел и работники в семье. Зажиточные писались в одну кость, средние — в другую, бедные — в третью. Книги эти назывались писцовыми. Если после разверстки происходили перемены, т. е. одни крестьяне беднели, другие богатели, — община просила государя. Царь присылал новых дозорщиков, которые, при выборных, делали новое расписание. Случалось, что одна деревня богатела, наполнялась пришлым народом, другая пустела. Тогда дозволяли общинам уговариваться взаимно насчет платежа податей. Опустевшая община или волость имела право сзывать новых жильцов, давать им разные пособия, посылала поверенных с деньгами выкупать у других общин, состоящих на тягле, но желающих переселиться. Эти же поверенные отыскивали своих старых тяглецов и возвращали их на старое пепелище.

На общинном сходе каждый крестьянин имел свой голос. На суде крестьяне наравне с купцами и боярами признавались свидетелями и имели равные права со всеми, т. е. выбирали в суд своих судей. Перед законом у крестьян было равенство с другими сословиями:

крестьяне почитались низшим классом общества. Но несмотря и на это и на то, что жизнь в холопах освобождала от тягости тягла и обеспечивала боярским содержанием, крестьянин не решался менять ни на что свою свободу, хотя и пользовался ею среди безотрадной и тяжелой жизни.

Так было при московских царях Иване III и Иване IV. Оба они сильно хлопотали о личных правах крестьян, оберегали их свободу, улаживали крепость их общин.

С увеличением государственных нужд конечно увеличивались и подати. К тому же за убылых, ушедших с земли надо было также платить разные подати земельные и править за них повинности. Крестьянам стало особенно тяжело в тех местах, где велись войны: тут положение крестьян сделалось даже невыносимым. Народ побежал оттуда толпами; земли залегли пустырями, переход с места на место усилился. Деревни десятками стояли без жильцов с пустыми избами. Правительство начало думать, как поправить беду.

Нужда в деньгах и необходимость содержать войско для поддержания безопасности, целостности и славы нового государства заставила неизбежно прибегнуть к особой мере: прикрепить крестьян к земле. При царе Феодоре Иоанновиче правивший за него делами боярин Борис Годунов так и сделал: вообще отменил Юрьев день и по необходимости ввел крепостное право.

II

Таким образом произошло прикрепление крестьян к той земле, на которой кто сидел в то время. Переход крестьян был отменен совершенно и повсеместно; переходивших самовольно или беглых, владельцы получили право возвращать судом. Виновны стали и те, которые бежали, и те, которые держали беглых.

Казне возможно было теперь без недоимок собирать подати, но крестьянам прикрепление их показалось за великую тягость; да и владельцам земли нельзя уже было согнать ленивого и принять хорошего работника. Рушился старинный обычай. Недовольные пошли на хитрость; оба старались обойти закон, и дело не ладилось. «Которые крестьяне, — говорил новый закон, — бежали пять лет тому назад, тех возить назад, где кто жил. А которые бежали лет за шесть, за семь да за десять и больше, назад их, где кто жил, не возити». Стали закон обходить так: забежит крестьянин, лет пять укрывается от глаз начальных людей, на шестой выйдет селиться, где вздумает. Срок оказался коротким: дело не вышло. Пробовали сделать иначе: дозволили переход только между мелкими владельцами; потом не позволили возить более одного или двух крестьян из-за одного владельца. Стал было народ думать, что идут-де к старым порядкам, авось скоро и совсем к ним придут. Может быть, так бы и случилось, если бы со смертью царя Бориса не началось то тяжелое для целой России время, которое называется *Смутным лихолетьем*.

На московский престол вступил самозванец, назвавшийся именем убиенного Борисом царевича Димитрия, будто бы спасенного от рук убийц. Самозванца этого также убили, но не убили охоты в других пришлецах искать московского престола. Явилось желающих много, всякий ходил с войском. В войска набирались те, которые толпами уходили на окраины государства и там образовывали казацкую вольницу. Неурядица и бедствия были всеобщие до тех пор, пока благомыслящие люди не придумали средства, — общим усилием, единодушным отпором, в соединении за единую мысль, — положить конец бедствиям. Доблестный Минин положил почин этому делу, князь Пожарский довершил его вместе с ним. Зато и стоят в Москве на Красной площади и на памятнике оба рядом. Всем народом, выборными всех сословий, на земском соборе, положили

избрать нового царя. Избрали из боярского дома Романовых, Михаила Феодоровича.

Смуты народные кончились. Царь Михаил почти на третьем году царствования отменил первый короткий пятилетний срок для перехода крестьян и заменил десятилетним. Остались не прикрепленными только братья и племянники состоящих в тягле да вольные государевы или гулящие люди, жившие за чужим тяглом. Крестьяне-хозяева приросли к земле. Земля могла переходить от владельца к владельцу, но крестьянин должен был переходить вместе с нею. Впрочем, оставлено было все остальное из старого: по-прежнему крестьяне составляли общины, управлялись своими выборными и подлежали одному и тому же суду, как и все другие сословия, как и прежде водилось. Крестьянин обязывался давать на себя крепость. Владелец мог переводить крестьян с одной земли на другую без их согласия. В последующее время вместо десятилетнего был положен срок в 15 лет: кто и 15 лет тому назад сбежал, должен быть вывезен на старое место.

В 1649 году издана была книга законов «Соборное Уложение». По законам этим урочные годы были совсем отменены: беглых крестьян всех без различия велено возвращать на старые места без сроков. Новые законы запрещали отпускать крестьян на волю и дозволяли продавать крестьян с землею. Наконец, в последние годы дозволена была продажа крестьян без земли и разрешено было владельцам наказывать телесно: денежная пеня была уничтожена.

Оставалось за крестьянами право общего суда с казною, не спрашиваясь помещиков; еще многие свободны были от прикрепления: крестьянские сыновья, выделенные из отцовской семьи, считаясь вольными людьми, бродили еще по наймам; лишние люди, не получившие тягла, были свободны до тех пор, пока по доброй воле не порядились в тягло. Таких гулящих людей были значительные толпы по городам и селам, и оставались они вольными, пока сами не пожелали кончить

со старыми порядками, уничтоженными Уложением. Порядки эти тяготили непривычных; крестьяне бегали, искали по старому новых владельцев. Беглых стали ловить, но крестьяне, несмотря на то, продолжали бегать, владельцы и их приказчики принимали беглых. Велено: приказчиков самих наказывать за то, а господа обязаны были не только перевозить на свой счет сбежавших, но и отдавать в придачу еще *одного* своего крестьянина с женою и детьми и всем крестьянским именем. Не помогло и это.

Крестьяне усиленно искали вольных земель: уходили на Дон, брели в Сибирь. Эти дальние страны стали *обетованными* землями для всех не умевших поладить с новыми порядками. Оставшиеся на землях вскоре обратились почти в крепостных людей. Владельцы получили право переводить крестьян во двор, могли переводить их с оброка на изделье и с изделья на оброк, могли наказывать, судить своим судом, могли отменять мирские приговоры. Помещик должен был совместить в себе то, что прежде представляла община, и взять на себя ее обязанности и обязательства.

III

Петр Великий в 1718 году издал указ о первой ревизии, по которому все крестьяне зачислены в один разряд с дворовыми людьми и с другими крестьянами, все поступили в разряд крепостных людей.

Все должны были служить государству; крестьяне податями и отбыванием рекрутской повинности, владельцы личной службой в войсках или канцеляриях и при том всю жизнь.

До времен Петра государство защищали служилые люди — дворяне и дети боярские. Они со своими холопами составляли войско и обязаны были по первому требованию являться на сборное место: все на конях и с оружием, — богатые с огненным боем (самопалами и

пищальями), а бедные с лучным боем (луками и стрелами). Слуги или холопы являлись в определенном числе также вооруженными. Крестьяне, на чьей бы земле ни сидели, несли военную службу, но временно, выставляя от себя с известного количества тяглых дворов по одному человеку даточных. Бывали и охочие люди, поступавшие по вольному найму. Всего чаще русские люди на битву с врагами нанимали воинственных соседей: половцев, печенегов, татар, наконец калмыков, мордву, черемисов. При войске находился наряд (артиллерия), которым заведывали *пушкари*. На войну ходили шестью полками: первый полк, главный корпус, назывался *большим*; авангардный — *передовым*; правое и левое крыло — *правой и левой рукой*, арьергардный — *сторожевым* полком. Легкие войска, разведывавшие о неприятеле и искавшие языка, назывались *караульным* полком.

Над всеми этими полками начальствовали воеводы. *Большого полку главный воевода* был то же, что нынче фельдмаршал. *Другой большого полку, правой и левой руки главные воеводы* были то же, что теперь полные генералы; все были равны между собой. *Большого полку третий, правой и левой руки вторые, сторожевого и передового полка воеводы* были подобны генерал-лейтенантам и опять-таки были равны между собою. Из этого равенства происходили у них недомолвки, споры, ссоры, брань и крики: воеводы считались местами. Случалось так, что, проводя время в этих спорах, воеводы давали неприятелю случай захватить их врасплох и разбить наголову. Самые войска были таковыми только по имени; на самом деле ратные люди не были солдатами; имея оружие, они плохо обучены. были военному искусству: в открытом поле биться не умели и потому не любили. Против неприятеля предпочитали отсиживаться и для этого строили крепости или остроги: ни один монастырь без стен с башнями и бойницами не жил; ни один город без детинцев или кремлей не

строился. Допетровские люди в защите этих крепостей были искусны: они умели отсидеть свои земли от всех неприятелей, и вблизи к Москве, и в крайне далеких северных и сибирских местах.

На юге против набегов татарских, вместо крепостей, строили засеки и зарубы в лесах, с проходами, на которых прилаживали разные укрепления. На степях, вместо засек, делали земляные валы и черты, называемые теперь линиями, укрепленные частоколом или палисадом. Засеки охраняли засечные головы (коменданты), которые умели сдерживать набеги и отбивать кочевую силу, громившую Русь. Теперь эти засеки вырублены и распаханы, а люди, служившие при них, употреблены в другую службу. Против татар хаживали также с гуляй-городком или большими санями из досок с воротами. В воротах сделано было по нескольку отверстий для стрельбы из самопалов; к каждому саням приставлялось по десяти стрельцов, которые двигали сани перед собою и, остановившись, стреляли из-за стены.

Стрельцы составляли пехоту. Этот род войска учрежден был царем Иваном Грозным и вместе с городскими казаками защищал государство, когда оно принуждено было отстаивать приобретенные русским народом земли. Стрельцы в мирное время исправляли городские караулы, сидели в пограничных крепостях. В военное время они составляли готовую рать, вооруженную мушкетами, бердышами, саблями, копьями и палками. При царе Алексее насчитывалось этих стрельцов 40 тысяч; но войско это не было настолько страшно и опасно для врагов, сколько того требовалось. Стрельцы, дурно обученные, вынудили царя Михаила искать учителей из чужеземных войск. При царе Алексее мы встречаем уже целые полки солдат, рейтар, гусар и драгун под команду иностранных полковников, ротмистров и капитанов.

К помощи и науке иностранцев прибегнул и Петр I, задумавший изменить все старые порядки на Руси и поставить на место их новые, по европейским образцам.

Крамольное, избалованное разными льготами и преимуществами стрелецкое войско Петр после их бунта уничтожил. Из нескольких рот, образованных из юношей, с которыми Петр забавлялся, потешался под руководством своего иностранца-учителя Лефорта, в военных играх и эволюциях он образовал потом полки нештучные. Из этих потешных рот составились два полка гвардейские: Преображенский и Семеновский. Новые войска повели царя Петра к победам: с ними он одолел на Полтавском поле такого полководца, каков был шведский король Карл XII. Это было первое дело Петра. Вторым делом его было образование флота: Петр строил в разных местах верфи для изготовления судов, набирал матросов, добыл себе место на самом берегу моря и выстроил город, получивший его имя (Петербург).

С новым флотом Петр опять пошел к победам и взял на юге новый укрепленный город Азов, на севере Шлиссельбург, после чего царь завладел берегами Балтийского моря. Чтобы вернее и прочнее создать в своей земле военную силу, Петр ездил учиться в чужие земли, сам брал топор в руки, строил корабли в Голландии и в Англии. По возвращении на родину Петр образовал по немецкому образцу новое регулярное войско из 29 полков пехоты и 2 полков конницы. Для пополнения армии он объявил первый рекрутский набор, а потом признал всех людей, живущих в России, людьми государевыми: владелец земель всю жизнь должен был служить государству, иначе он не смел называться дворянином и терял право на владение крестьянами. Дворяне доставляли офицеров, начальников; люди податного сословия должны были поступать в солдаты.

В солдаты и матросы писал Петр и других, кого было надобно: брили лоб безграмотному поповичу; впрягали в солдатскую лямку всякого гулящего бродягу, который не успел сесть на земле, но был в силах.

От дворян требовалось образование и затем служба по «Табели о рангах». Личная заслуга поставлена выше

всего, выше знатности рода или происхождения. Дворяне, неспособные к военной службе, определялись в гражданскую. Военной службе отдано предпочтение перед всеми другими. Вступающему в нее, как дворянину, так и крестьянину, брили бороду, одевали его в форменное платье, учили военному строю. Из крестьянина и дворянина делались совершенно другие люди, на родичей не похожие: объявился на Русской земле настоящий солдат и офицер.

Порядки эти на первых порах не понравились: побежал от службы дворянин и прятался в дальних поместьях, в лесах, в подпольях. Уходил совсем в дальние леса и степи за Волгу крестьянин; бежал из-под ружья и солдат от непривычной ему строгости тогдашней военной службы, обязательной на всю жизнь. Беглые солдаты составляли потом разбойничьи шайки, беглые крестьяне и холопы шайки эти увеличивали. Те же, которые остались в руках и в науке, выросли в такое войско, которое стало потом удивлять врагов стойкостью и неустрашимостью. С Суворовым наш пехотный солдат творил чудеса храбрости; с Кутузовым при помощи народа выгнал двадцать племен из самого сердца России; с царем Александром Благословенным доходил наш солдат до Парижа. При ныне царствующем императоре Александре II наш флот, наши моряки и пехота изумили весь свет чудесной, беспримерной обороной Севастополя.

Но возвратимся к тому, с чего начали: к тем, откуда идет солдат и за кого он правит свою нелегкую службу.

IV

Со времен Петра Великого для крестьян стал открытым выход, по собственной воле, прямо в военную службу: в солдаты они могли поступать всегда, не спрашиваясь на то воли владельца. Вольным гуляющим государевым людям быть запрещено: они должны были идти в

солдаты, а если не погодятся, то поискать других служб или поступать к господам уже в полные холопы.

По закону крестьяне могли вступать в разные подряды с казною и частными лицами от своего имени; владели землей на старом положении; могли торговать и иметь разные заводы. Думали прежних рабов (кабальных и холопов) сравнять с крестьянами, как податными членами государства, не класть между ними разницы, и действительно впоследствии состоялся закон, по которому каждый дворянин, если принимал на себя платеж подушного, мог иметь крепостных. Всех, неимевших возможности записаться в купцы или ремесленники, велено записывать в какую-либо крепость.

Вторая ревизия 1743 года сильно укоренила крепостное состояние крестьян в России, а потом оно утвердилось окончательно. Дворянство получило грамоту, освобождавшую их от неперемнной службы. Грамота эта подтверждала права на покупку имений и крепостных людей. После смерти Екатерины II само правительство стало облегчать крестьянскую участь. Павел I запретил заставлять крестьян работать в праздники, да и в будни указал только три дня на помещика; в Малороссии не позволял продавать крестьян без земли. То же ограничение помещичьей власти продолжали и преемники его — императоры Александр I и Николай I. Окончательный поворот к лучшему совершил император Александр Николаевич.

V

Царский указ 19 февраля узаконил такие правила, по которым крестьянская жизнь переделается в новую.

Без земли теперь крестьян нет; земля вошла в ту силу, которую дает ей работник — крестьянин. Без труда земля — залежь, без хозяина она — капитал мертвый, а теперь, когда земля своя стала, то и к сердцу ближе,

как рубашка к телу. Теперь она гулять не станет: свой своему поневоле друг.

От сердитого, строптивного сердца владельца не пойдет теперь рекрут на вечное разлученье: пойдет он в солдатскую науку только по честной очереди, по несудимому мирскому приговору. На нынешней легкой службе с коротким сроком не успеет солдат состариться до того, чтобы, вернувшись на родину, семью родительскую принять за чужую.

Из-за честного, благородного труда земледелием солдаты искали прежде легкой службы по передним городским судам да других казенных заведений.

Крестьянин такой же полноправный человек теперь, как и всякий другой некрестьянин: пришло время новых, настоящих порядков.

Желающему выписаться в купцы или приписаться в мещане не нужно платить за право это: теперь общество само за все отвечает. Оно ближе других знает свои дела, оно своего поймет.

Наряду с помещиком и с дворянином крестьянин понес теперь службу на государство прямо от себя. Теперь он не закрыт чужой спиной: весь налицо, и уже сам себя не бьет, коли не чисто жнет, да в вине, а не в усиленном труде ищет, по старой привычке, утечи в бедах.

Нажитое крестьянином добро от животины рабочей до последней тряпицы считается его собственностью. Жалобу его обязаны принимать и право его защищать: такие и законы писаны.

Дворовых людей, которых наплодило старое время, пристроили так, что и они теперь в поле не обсевок. Теперь им не надо все помышления класть на то, чтобы за даровой прокорм и одежду как-нибудь меньше сделать и под гнев не подойти. Наделили дворовых земель в ту силу, чтобы и у них было средство чистым и честным трудом служить службу земле и государю. Взносом податей за нарезанную на его имя землю и он, прежний дворовый, стал мирским вкладчиком: может на стороне зарабатывать копейку, как и всякий другой промыш-

ленник. Крестьянский мир возделает за него землю и оправит его совесть перед людьми и государством.

Суд крестьянину дают теперь общий со всеми: нет другого суда, кроме царского. Закон для всех один и всем равен.

Теперь виновным в злодеяниях, по Христовой святой заповеди, облегчили тяжелую участь; не истязают кнутом и плетью, не водят пешком всю дальнюю дорогу на каторгу. Сплавом по рекам, подводами по сухому пути избавили ссыльных от многих тяжелых болезней, при которых не только каторгу, но и поселение многие не выдерживали.

Восемь лет исполнилось, как дан народу суд правый, скорый и милостивый.

Все благомыслящие люди всеми мерами спешат пособить царю в его великих начинаниях вести Россию на путь преобразований к благосостоянию. Мало было освободить от обязательных работ, от власти владельцев, — надо было укрепить это право, дать его уразуметь самим. И вот следом за освобождением от помещичьего произвола учреждены мировые судьи, введено в действие гласное судопроизводство.

VI

Именной указ, подписанный государем Александром II 1 января 1864 года, призывает местное население каждой губернии и каждого уезда к ближайшему участию в заведывании делами, относящимися до хозяйственных польз и нужд этого населения. В настоящее время введено в дело так называемые земские учреждения, губернские и уездные.

Уездные земские учреждения состоят из земского собрания и управы. Уездные земские собрания состояются из гласных, выбираемых местными землевладельцами, городскими обществами и сельскими обществами. Избирают гласных все лица не моложе 25 лет,

не находящиеся под уголовным судом или следствием, лица, неопороченные судом или общественным приговором, иностранцы, присягнувшие на подданство России. За лиц женского пола, за отсутствующих и недостигших 21 года могут участвовать в собраниях их доверители, за малолетних и несовершеннолетних их опекуны и попечители.

Крестьянские общества принимают участие в делах земства чрез своих уездных гласных. Для избрания таковых назначаются съезды из выборных, назначаемых волостными сходами. Этих избирателей не может быть больше трети всего числа лиц, имеющих право выборов: каждое сельское общество должно иметь своего представителя. В каждом уезде губернское правление назначает несколько съездов, которые сообщают избирают всех гласных. Председателя на съезд крестьяне выбирают из среды своей. Там, где еще не учреждены мировые судьи, крестьянского председателя утверждают мировые посредники.

Гласные избираются на три года; никакого жалования им не полагается; в некоторых местах дозволено определять губернским гласным суммы на путевые расходы. Крестьянские гласные, наравне с гласными от дворян, духовенства, мецкан и купцов, занимаются делами, подлежащими ведению губернских и уездных земских учреждений.

К обязанности земства принадлежат: 1) заведывание имуществами, капиталами и денежными сборами земства, 2) устройство и содержание зданий, путей сообщения, содержимых на счет земства, 3) меры обеспечения народного продовольствия; 4) земство заведует благотворительными заведениями, принимает меры к призрению бедных и сирот, к прекращению нищеты; печется о построении церквей; 5) управляет делами взаимного страхования имущества; 6) печется о развитии местной торговли и промышленности; 7) принимает участие в народном образовании, печется о народном здравии и о тюрьмах; 8) земство заботится о

предупреждении скотских падежей, о борьбе с вредными животными и насекомыми; 9) исполняет надобности воинского и гражданского управлений, возложенные на земство; участвует в делах о почтовой повинности; 10) земство раскладывает те государственные денежные сборы, разверстка которых возложена на земские учреждения; 11) назначает, раскладывает, взимает и расходует местные сборы для удовлетворения земских потребностей губерний и уезда. Земство представляет чрез губернское начальство высшему правительству сведения и заключения по предметам, относящимся к местным хозяйственным пользам и нуждам, производит выборы в члены и другие должности по земским учреждениям и назначает им жалованье.

Таким образом, в земских учреждениях крестьяне, освобожденные от крепостной зависимости, получили наравне со всеми право голоса. Оправдать это право зависит от самих выборных. Не бежать же от этого права теперь, как от чумы и лишней тягости, когда призывают дома улаживать те дела, на которые надобились прежде ходоки, заступники и другие наемные доброжелатели и непокупные вороги? Незачем теперь прятаться за спинами горлопанов, мироедов, продававших мирские дела за ведра водки. Честных, излюбленных людей, на которых можно совсем положиться, требуют от крестьянства и новое время и новые порядки. Равным правам со всеми учат их и другие новые учреждения, каковы, напр., мировые суды, которые по очереди вводятся на всем огромном пространстве Русской земли.

VII

Мировые судьи, в свою очередь, избираются также всеми сословиями, утверждаются правительством. Уезд составляет мировой округ; в каждом округе назначаются мировые участки: в каждом участке полагается один мировой судья.

В мировые судьи могут быть избираемы те из местных жителей, которые имеют не менее 25 лет от роду, получили полное образование, прослужили не менее трех лет в таких должностях, в которых могли получить навык и знание в судебных делах, и владеют (сами или их родители или жена) землю вдвое больше того количества, которое определено для права избрания гласных (количество это в разных губерниях различно). Если нет у желающего во владении земли, но есть недвижимое имущество, оцененное не ниже 15 тысяч рублей, то права на избрание в судьи он не теряет. Не теряет его также и тот, у кого недвижимая собственность в столицах оценена для взыскания налога не менее 6 тысяч рублей и не меньше 3 тысяч в прочих городах Империи.

Не могут быть мировыми судьями состоящие под судом и следствием за преступления и проступки и неоправданные, исключенные из службы по суду и из среды общества по приговорам, объявленные несостоятельными должниками и состоящие за расточительность под опекою; а также священно и церковнослужители.

Мировой судья избирает постоянное место в своем участке для разбора дел, ему подведомых. Просьбы он обязан принимать везде и во всякое время, а в необходимых случаях должен разбирать дела на местах, где они возникли. Для окончательного решения дел, а также для рассмотрения просьб и жалоб на решения мировых судей все судьи округа составляют общее собрание, называемое съездом.

Мировой судья может решать иски по личным обязательствам и договорам и споры о движимости ценю не свыше 500 рублей; иски о вознаграждении за ущерб и убытки, когда количество их не превышает 500 рублей; иски о личных обидах и оскорблениях с целью наказать обидчика или же для того, чтобы получить с него так называемое бесчестье (в размере от 1 рубля до 50 по усмотрению судьи). Суду мирового подлежат также иски о

восстановлении нарушенного владения, когда со времени нарушения прошло не более 6 месяцев; иски по восстановлению права участия частного, когда прошло со времени нарушения не более года; т. е. находит себе суд всякий владелец покосов при реке, обиженный соседом, устроившим плотину, которая затопила луга, владелец дома, у которого сосед построил печь к стене его дома, сделал скат кровли на двор его и проч. Наконец, всякий спор и иск гражданский, если обе спорящие стороны будут просить о решении их дела по совести, подлежит решению мирового судьи. Иски между крестьянами, подлежащие ведомству их собственных судов, суду мирового подлежат только в том случае, когда обе спорящие стороны будут просить о решении их дела.

Все другие дела подлежат ведомству окружных судов. Крестьяне приглашены к участию в этих судах чрез своих выборных, которых новые законы называют присяжными заседателями. В присяжные могут быть избираемы из крестьян все те, которые имеют не меньше 25 и не больше 70 лет от роду и при том прожили в том уезде не менее двух лет. Нельзя выбирать: находящихся под судом и следствием за преступления и проступки, исключенных из обществ по приговорам, объявленных несостоятельными должниками, слепых, глухих, немых и лишенных рассудка.

Цель новых судов выразил государь в манифесте 20 ноября 1864 года. Желание царя: «водворить в России суд скорый, правый, милостивые и равный для всех, возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность и вообще утвердить в народе нашем то уважение к закону, без коего невозможно общественное благосостояние и которое должно быть постоянным руководителем действий всех и каждого, от высшего до низшего». Ответом на это требуется решительно содействия, «как отдельно в кругу личной деятельности каждого, так и в совокупном составе обществ, сословий и земства, на новых началах образуемого».

Главное значение всех земских учреждений заключается в том, что решительно все сословия русского общества они должны сблизить и сдружить на одном деле общественного благосостояния. Достижение этой цели предполагается найти в опыте и разуме тех лучших людей, которых выберут и поставят за себя все классы русского общества править делами общественного хозяйства. Правильный сбор государственных налогов в надлежащем количестве наше земство должно теперь основать на увеличении народного достатка. Для того оно должно стремиться содействовать образованию доходов и народному труду, успеху и бережливости частных и общественных делах. Некоторые пути к этим целям отысканы; другие укажут время и опыт. Некоторые стремления сделались общими стремлениями первой насущной надобности: возьмем для примера те, которые признаны более других настоятельными.

Необходимость книжного обучения признана теперь всеми, для которых свет не в одном только деревенском окне; каждое земство в числе своих главных забот кладет заведение школ грамотности. В некоторых местах обучение грамоте объявили обязательным для всех мальчиков и девочек, по примеру многих образованных иностранных государств. Да и у нас в России нет ни одного татарина, который бы с малых лет не был обучен грамоте; ни одному чухне не дозволят жениться, если он не умеет читать и писать на своем родном языке. Время научит понять выгоду таких школ, где, вместе с обучением письму, счету и чтению, идет обучение практическим, применимым в жизни знаниям. Придет время, когда школы грамотности не будут стоять на выучке письму и чтению, а в одно и то же время будут и ремесленными и земледельческими школами, судя по требованиям места и времени. Одно из богатых государств европейских, Бельгия, придумало такие ремесленные

школы, которые и обходятся дешево, и полюбились народу своим нехитрым устройством и полезным применением в жизни до того, что в десять лет наплодилось там таких школ тысячи. Недостатка в учителях там нет; деревенский мастер: сапожник, столяр, слесарь делается учителем в школе ремеслу; другой толковый грамотный в досужее время обучает ребят грамоте. Недостаток учителей, замеченный у нас, стараются в настоящее время восполнить заведением школ для приготовления сельских учителей в школы грамотности. От земских соборов на те и на другие школы пойдет теперь действительно-нужный и вещественный капитал, который переродится потом в умственное богатство народа. При умственном имущественное богатство возрастает, как доказали нам это те образованные страны, которые раньше нас начали жить свободно.

Плохое состояние путей сообщения в большей части уездов наших должно возбуждать усиленную деятельность нашего русского земства. Понятно, что от этого зла произошла неравномерность цен на предметы первой необходимости: из них одни в некоторых местах за недостатком сбыта упали в цене так низко, что не манят ни на увеличение производства, ни на улучшение в доброте. В других отдаленных местах эти же предметы плохого качества возрастают в цене слишком высоко: русские изделия уступают ход и место привезенным из-за моря, более дешевым и более добротным. Мы даже за железом, к стыду нашему, ездим за границу. Пока мы с трудом таскаемся по проселкам и почтовым дорогам вчетвером на тройке, на битых каменных (шоссейных) дорогах та же тройка, и у нас же кое-где, легко везет десятерых, каждого со своим дорожным скарбом. Земство проведет новые дороги с крепкими гатями, каменными мостами, правильными скатами и канавами. Старые дороги не задумаются превратить в каменные или шоссейные там, где идут торговые пути, а где торговля сильна, везде выстроят железные дороги-чугунки.

Постройка шоссейных дорог стала теперь зауряд со школами нашею насущною, неизбывною надобностью. Они сберегают нам время, пособляют торговле; товары в дороге не портятся и за провоз дешевле оплачиваются. У нас теперь стали разрешать постройку частным компаниям. Новые железные дороги застроились во множестве в тех местах, где лежали хорошие дороги шоссейные. Подходит время, когда не будем жаловаться на отсутствие сближения отдаленных местностей с бойкими промышленными местами в сердце России. Не станем печалиться на затруднительность сношения для обмена мыслей и предположений и на другие препятствия, каковых при бездорожье нашей не огребешь и не пересчитаешь.

Пути к этим двум целям найдет наше земство в лучшем устройстве денежных дел всех сословий и всего народного хозяйства. Наладившись к бережливости там, где теперь нерассчетливая распущенность и даже роскошь, выучимся тратить деньги и там, где они будут обещать надежный и правильный рост капиталов. В страховании скота найдутся средства против невзгод от падежей его; в страховании деревенских и городских строений — спасение от частых у нас пожаров, имеющих силу в конец разорять деревенские хозяйства и пускать по миру хозяев. Самое нищенство мы не будем плодить неразумною благотворительностью там, где увидим здоровые руки и крепкие ноги: ленивую рабочую силу постараемся поставить на ноги, в ряды других совестливых, хотя и бедных тружеников; переведем с дарового, дареного на трудовой, честный рубль.

В устройстве новых сельских банков наше земство найдет для крестьян ту же силу, оживляющую и благодеющую, каковую нашло в существующих банках купечество. Купец Анфилатов, обогативший свой родной город (Слободской Вятской губ.) до того, что этот дальний лесной город ведет заграничную торговлю на Белом море и сам стал весь каменный, этот Анфила-

тов послужит примером. Образцов для дела поищем в чужих землях: там эти банки в великой силе. Особенно необходимы эти банки для крестьян теперь, когда со введением земских учреждений требуются на местные нужды новые траты. Кое-где эти банки уже и открыты вместе с сберегательными и вспомогательными кассами.

IX

Банки или общества для взаимного вспоможения стремятся к тому, чтобы установить между деревенскими хозяевами, посредством круговой поруки, такой же кредит или то же доверие с правом покупки в долг, на котором, как известно, держится вся торговля купцов. Эти банки устраиваются таким образом: несколько человек (100 или 200) стовариваются вместе, выбирают старосту и устанавливают правила для общего дела. Прежде всего всякий вносить в общую кассу одновременно рублей 10 или даже и больше: это дает право на пай в деле. Пока пай не выплачен, барыши с дела не делются между товарищами, а идут на уплату паев. Затем, после взноса и уже с правом на участие в делах банка, всякий член вносит еженедельно от 25 копеек до рубля, или в месяц от рубля до 4 рублей, т. е. те именно деньги, которые идут у нас пока в кабак, непроизводительно растрачиваются на легкие, мимолетные удовольствия. У бережливых немцев, в Германии так делается давно. Там теперь нет деревни, где бы не было подобных товариществ: в 900 банках находится 150 тысяч товарищей, и вращается капитал около 40 миллионов рублей при основном капитале в три миллиона. Во время тяжелого 1857 года, когда богатые торговые дома потеряли капиталы, банки бедных ремесленников не знали, куда деваться со вкладами. Круговой поруке ста-двухсот человек крепко верили. Зато немецкий крестьянин не

платит бешеных процентов ростовщику, как платят у нас евреям крестьяне польские, белорусские и малороссийские и злыдням-мироодам великороссийские.

Опыт выучил немецких крестьян не позволять одному человеку иметь в складчине больше двух паев. Ответственность за дела народного банка лежит на всех товарищах: каждый вкладчик отвечает всем своим состоянием за все долги общества. Эта круговая порука сделала то, что заслужила доверие капиталистов, которые принесли свои капиталы в народные банки на проценты. Распорядители ссужают деньгами под залог ценных вещей, дают их без залога до суммы внесенных в пай денег, ссужают деньгами и свыше внесенного пая по словесному поручительству другого вкладчика. Круговая порука оказалась важна в том смысле, что все члены поневоле приложили живое участие и полное внимание к своему делу, близко наблюдали за ним, часто проверяли его. В течение 15 лет ни разу не пришлось членам банка платиться за недосмотры и испытывать какие-либо несчастья. Старшине по опыту предоставлено право отказать в ссуде, не объясняя причин отказа. Запасный капитал, составляемый из части барышей, удерживаемых ежегодно, не обременяя вкладчиков, свободно поправляет те или другие непредвиденные расходы.

В конце концов банки оказались настолько благотельными, что помогали скорейшему обороту дел не только между крестьянами, но и между купцами и промышленниками всякого рода. Винокур или пивовар мог без затруднения получать из банка в ссуду деньги в то время, когда их клал владелец земли осенью, по распродаже обмолоченного хлеба. Если и платит каждый проценты в своем банке за деньги, то сам же и получает их оттуда в виде барышей с капитала в окончании года. Некоторые немецкие банки приняли правилом, кроме части барышей, идущих в запасной капитал, еще одну часть оставлять для вспоможения хилым и старым своего прихода, на заведение школ и на другие полезные

дела. А что дела эти наверное полезны, ясно уже из того, что обдумываются миром, общим согласием.

У нас в России банков, подобных немецким, опасаться нельзя при существовании уже с давних времен различных товариществ в виде артелей всякого рода: казачьих кругов, покрутов, котлян и тому подобного. Туго прививаются, к несчастью, так называемые страховые общества. За границей, в чужих землях, принимают на страхование имущество, даже жизнь человека. Там какое-нибудь товарищество ручается выплачивать все те деньги, в которых оценен наш дом с приспешными, наше хозяйство, в случае утрат от неожиданного случая, если мы ежегодно будем платить только проценты с того капитала, во что оценено наше имущество. Неурожаи, град, пожары, потопление лугов, падёж скота при таких страховых обществах не страшны: то общество, в которое отдавали мы ежегодную сумму, обязано встретить наше несчастье помощью из своей кассы. Обыкновенно эти общества обязуются выплатить столько, сколько нужно, чтобы доход в несчастный год был ровно такой же, каким он назначен в страховой оценке. Оттого-то там обеспечивают страхованием от огня всякое движимое и недвижимое имущество, товары и клади, идущие по земле и сплавляемые водою. На страхование принимают самую жизнь человека: по смерти застраховавшего жизнь общества выдают наследникам ту сумму, которую накопил в обществе умерший и в какой он застраховал себя. Принимают на страхование воспитание детей, приданое дочерей: за ежегодный взнос выдают в назначенный срок сумму, выговоренную в условии.

Появились страховые общества разного рода и у нас в России; образование же и ежегодное увеличение сберегательных и вспомогательных касс дает надежду в скором времени увидеть и такие банки, которые выведут наших крестьян из зависимого и затруднительного денежного положения. В них же могут найтись средства для развития торговли и промыслов, для увеличения числа школ, с изменением и улучшением простого

вида школ грамотности в школы образовательных и прикладных знаний. В общей совокупности своих сил все народные банки не останутся и перед такими громадными предприятиями, каковы сооружение железных дороги прочее.

Отошла пора жить на «авось да небось», а делать как-нибудь: спасибо стуже — подживила ноги! Если и старое время учило надеяться на Бога, но самому не плошать, то новое время кладет эту заповедь крепко. Теперь не приводится ждать, пока взойдет солнышко: роса давно глаза ест, на море железо плавает, камень травой давно оброс, на траве давно цветы расцвели — скорый плод обещают. Не всплеснуть бы руками, когда окажется пустоцвет, без желанного плода. Пора богатырю пробуждаться; не назвали бы богатыря лежебокой: видывали мы сидней — будем хлопотать, чтобы не глядеть на лежней. Что было, то видели деды, а по зачину и по приметам знать, что внуки наши увидят то, чего не видали ни мы, ни деды. Мы смело гадаем, ясно веруем, что как железо на огне в сталь закаляется, так и мы укрепимся опортом, спознаем все вокруг себя и самих себя. На допросе времени и дела станем отвечать без запинок, и когда на работу позовут — спать не завалимся.

ПЕРВОБЫТНЫЙ ЛЕС

Лесная опушка мерзлой, северной степи. — Красный лес. — Тайбола, тайга и урманы. — Раменья. — Леса — мендовы и кондовы. — Боры и боровой обитатель. — На току. — Сосна и ель со спутниками. — Белка. — Уремы, пармы, колки, уймы и прочие разновидности лесных насаждений. — Лесной разбойник. — Лисицы. — Гривы, дебры, дор. — Смешанные леса. — Начало чернолесья. — Рябчики. — Три растительные полосы хвойных лесов. — Непролазная глушь. — Сюезмы и калтусы. — Бурелом. — Дятел. — Лесные ужасы. — Леший. — Медведь. — Сохатый и олень. — Еловые боры. — Холодильник природы. — Болота и их разновидности; трясины, согры, крепи и т. д. — Болотная птица — Журавль. — Источники текучих вод. — Лесной человек. — Могущество лесной природы и ее влияние. — Миросозерцание бродячих дикарей. — Религиозный культ и жертвы. — Шаманская вера. — Основные и общие черты характера лесовиков. — Влияние лесов. — Причины и основы бродячей жизни и ее первобытные формы. — Жилища. — Одежда. — Пища. — Способы охоты и ловецкие снаряды: путики, слопцы, пасти, капканы и проч. — Семейство дикарей. — Характеристическая черта нравов. — Зачатки оседлости.

Первая застава великая:
Стоят леса темные
От земли и до неба;
Ни стиглому, ни беглому
Проходу нет;
Ни удалу добру-молодцу
Проезду нет.

Таким образом богатырский эпос «про Егорья-света храбра» рисует первое препятствие на пути богатыря после того, как он из заточенья в глубоких погребях выходил на Святую Русь, увидел света белого, солнце красного.

Перед этой лесной стеной, заставившей сказочно-богатыря призадуматься, остановимся и мы вместе с ним и попробуем также проникнуть в эти темные

дремучие леса, — именно дремучие, т. е. непочатые и сплошные, вековые и недоступные.

Мы только что проехали, оставив теперь позади себя ту мертвую, бесплодную равнину, которая, под именем тундры, выстилает всю безлесную часть северной России, наклоненную к Ледовитому океану и непосредственно примыкающую к его берегам. Еще перед нашими глазами последние остатки этого громадного ледяного царства, в котором не хотят жить даже камни, рассыпаясь от жестоких морозов в дресву и выветриваясь на бешеных ветрах в мелкий песок. Глаз ничего не видит, кроме белой пелены оленьего моха-ягиля, который уцепился на более сырых и влажных местах. Он своим белым цветом кажет тундру, и среди лета покрытою снегом. Взор наш отдыхает только на красновато-ржавых полосах, означающих более возвышенные и сухие места, где выросли красные стебельки кукушкина льна. Он да ягель, да десятка два сортов различных мхов и скромно запрятавшихся между ними явноцветных растений — представляют единственную растительность тундры, исключительных жильцов ее, и то потому, что они умеют искать для себя пищу на поверхности почвы, не рассчитывая на глубину, где в $1\frac{1}{2}$ —2 четвертях лежит уже вечный, нetaющий лед. Здесь нет места и ничего для жизни древесных пород, многоветвистые корни которых ищут многих точек опоры, рыхлой земли и питательной почвы. То, что называется в тундре ерником и сланкой, не то, что мы привыкли называть ивняком и березою, а многоствольный кустарник, который с трудом распознаешь в моховых подушках и легко выдираешь оттуда его чахлые и длинные плети. По вершинам этих деревьев мы приехали на южный предел тундры, нисколько того не подозревая и не заметив. На Печоре, под Пустозерском, пробовал обманывать наши глаза приземистый ивняк, обещал издали отдельный лесок (когда настоящие сплошные леса остались на 200 верст позади); но, по мере углубления вдаль, мы видели

лишь расстилавшиеся у ног наших несчастные кусты и через вершины дальних из них, на ровном как доска месте, за 10 верст отчетливо различали низенькую деревянную церковь самого «Городка» от кучки домов, обступивших церковную площадку.

Ничем не повинна безучастная тундра в том, что ивняк покрывает иловатые берега рек, предохраняя их от обнажений летучего песка, свойственного внутренним местностям необозримой полярной пустыни, но если местами растет корявая лиственница и худорослая ель, то тундра здесь наложила свою тяжелую руку: лиственница не подымается свыше $1\frac{1}{2}$ сажен, не имеет больше трех вершков толщины в диаметре у пня и сплошь и рядом совершенно лишена ветвей. Занес ли сюда древесное семя ветер или затащила и обронила его на землю перелетная птица, — во всяком случае, одиноко поставленные деревья эти кажутся непрошеными гостями, бездольными сиротами, дни которых сочтены и жизнь ничем не обеспечена. Особенно жалкою показалась нам в этом случае ель, вообще неприхотливая на почву, не предъявляющая претензий на сухую и рыхлую, умеющая расстилать свои корни на самой поверхности земли и потому кажущаяся всегда поставленною как бы на ходулях. Благодаря этому свойству корней ель уходит дальше всех к северу за пределы лесной растительности. Еловыми, сорными и неопрятными, лесами начинается тот дремучий лесной океан на буграх печорской и мезенской тундры, который во времена Древней Руси тянулся непрерывно, а ныне простирается, с перерывами, на юго-восток до верховьев реки Урала и на юго-запад до предгорий Карпат и государственной нашей границы.

Таким образом хвойные (или, ближе по-русски, красные) леса выступили первыми на борьбу с палящими морозами мерзлой пустыни, знаменующими себя принижением и истреблением всякой кустарниковой и

травяной растительности, — те леса, которые в сплошных и непрерывных насаждениях известны в Европейской России под общим именем *тайболы*, в Западной Сибири под названием *урманов*, в Восточной Сибири — *тайги*. Густое и бесконечное обилие древесной растительности, так сказать, лесистость этих чащоб наиболее свойственна хвойным лесам. Она поражает воображение величием и страхом во время бури, навеивает тихие, успокоительные и дремотные думы во время затишья. Прислушавшийся и приглядевшийся народ справедливо придал им образное прозвание дремучих и темных за тот матовый оттенок днем и густой мрак ночью, которые, подобно беспросветной ночи, лежат на их сплошных насаждениях, резко оттеняя на светлом и фоне небесного горизонта черное море этих страшных лесов.

Всякому храму нужен притвор, — всякому лесу предшествует подлесье, наиболее известное народу под словом *раменья*. Опушка дремучих хвойных лесов, очевидно, указывает на близость страшного соседа и ясно свидетельствует, что борьба трудна, и, при правильно затеянной и веденной атаке, перевес далеко не на стороне лесов. Правда, что деревья успели встать во весь свой рост (ветвистые, кудрявые ели в особенности стройно и дерзко), сумели захватить разом огромные пространства земли на боевом поле, сгруппировались большими общинами одной породы и одинаковой крепости, каждое дерево готово на защиту соседа, и все вместе, плотным и тесным строем своим, упорно отстаивают занятое место. Однако передние борцы кажутся таковыми только по виду. Сановитость их обманчива: внутренние органы живущего тела поражены тяжелым и мучительным недугом. Эти жильцы белого света непрочны и никуда не годятся. Страшный и неумолимый враг не дремал.

Деревья подлесья лесной полосы России медленно растут в толщину: коротеньких летних жаров доста-

точно лишь на то, чтобы выгнать молодые побеги. Они вырастают на счет древесины, стволы оттого становятся столь дряблыми, что достаточно легкого толчка или нажима плечом, чтобы переломить их. Нам попался на прогалине елового леса целый березник с голыми сучьями, которые, как костяки ночного привидения в клочьях белого савана, простирались к туманному и тусклому небу с мольбою и жалобой на безжалостную тундру: она выпустила леденящую струю мороза и попала на нее весь этот лес, таким образом безвозвратно и непоправимо замерзший.

Такова лесная опушка, таковы рамена дремучих хвойных лесов или северной архангельской тайболы, которая уже на берегах рек Кулоя, Пинегы и Ижмы представляет все разновидности леса, отмеченные в русском народном языке особыми именами.

Глубоко врезалась своими корнями неразборчивая на почву сосна, самое распространенное в холодных странах дерево, дающее, по отношению к прочим древесным породам, 43—45% (ель и пихта 26—28, береза 15—18, кедр 2 до 3%). Сосна, достигающая на хорошей почве до 7 сажен в длину до первых сучьев и от 7 до 10 вершков в верхнем отрубе, не умеет различать болота от песчаной земли, плодородного суглинка от известковой почвы. Ей лишь бы укрепить в глубокой почве того или другого и пятого сорта свой длинный и крепкий, как редька, корень. Да был бы свет, который сосна очень любит. Дерево от дерева садится в известном расстоянии, чтобы не глушить соседа и не делать таких непролазных чащ, на которые преимущественно охотливы и способны еловые леса. Около Уральских гор сосновые леса представляют роскошные и красивые парки, как бы искусственно засеянные и прочищенные. Здесь успешному произрастанию лесов способствуют благоприятные местные условия: добротность почвы и ответственность климата. Сосновые леса, выросшие на низменных и мокрых местах, которых такое неисчислимое и неодолимое множество в тайболе, еще не

владеют подobaющими им свойствами: это *мяндач*; леса эти — *мендовье*. Деревья из этого леса, все сплошь и без исключений, с рыхлой древесиной беловатого цвета, который в отрубе скоро синееет; выросло дерево криво, редкослойно, с толстой заболонью и совсем не смолисто. Эта сосна — болотная, дерево самых северных хвойных лесов, сменивших тундру.

Из болота сосновый лес вытянулся на возвышенности и укрепился корнями в сухой почве, всего чаще по супеси: такой лес называется *бором* (безразлично — будет ли он сосновый или еловый). На борах растет уже другой сорт сосны — *конда*, и боровой лес называется *кондовым*. Он обладает противоположными и наилучшими свойствами: слои древесины мелки и смолисты, блонь небольшая, цвет древесины красноватый; на сухом дереве этого сорта гулко звенит топор и с трудом отбивает щепу. Выстроенные по Двине и по Белому морю из этого кондового леса Божии храмы выстаивают третью сотню лет. На бору такой же и гриб — рыжик, непременный спутник сосновых лесов: очень твердый и сочный, дающий в надломе сок такой же красный, как животная кровь. В этих же сухих борах, где к сосне охотливее приселяются все другие породы хвойных деревьев и в особенности можжевельник, в соседстве с крупною ягодою брусникою (боровикою) и на ее счет, водится особая лесная птица из породы тетеревов — боровик или собственно косач (гораздо крупнее полевого, по-видимому, помесь тетерева и глухаря).

Унаследовав от глухаря любовь к уединению и чрезвычайную боязливость, боровик по примеру тетерева-косача самая осторожная птица, делающая охоту наиболее заманчивою и для записных охотников превращающая ее в особенное наслаждение. Как оба родича его, он сохраняет ту же приверженность к родным местам, которых не покидает и на зиму: не делает перелетов и не строит гнезд, ограничиваясь вырытой в пыли и песке ямой, лишь бы освещалась она солнцем. Борови-

ки, так же как и глухари с тетеревами, не живут парами (по подобию близких соседей своих — рябчиков), а пребывают в многоженстве. Ранней весной, около этих мест, где в борах особенно много буреломных гнилых колод, тетерева совершают свои знаменитые любовные игры — *на току*. Дерзко выступая вперед гордой походкой, подобно индейскому петуху, эта очень большая птица, распустив веером хвост, токует, зазывая самок, т. е. пыхтит и бормочет далеко прежде, чем заря возвестит о наступлении дня. Она машет при этом крыльями, надувает горло, судорожно шевелит его длинными черными перьями, семенит ногами взад и вперед а ворочает как опьянелый глазами. Глаза в окружном кольце красных бородавок придают еще более свирепый вид и без того величественной фигуре. Только это время благоприятно зоркому охотнику, потому что токующий тетерев легко на этот момент изменяет себе и перестает сторожиться. Еще мгновение — и он снова придет в себя, и опять нервозно-чуток и беспредельно-осторожен. Чуток особенно токовщик-запевало, старая птица, который собирает других самцов на птичий праздник. Если он попадетса опытным охотникам живьем в силки, его тотчас же выпускают: иначе разлетится все стадо, и ток (обыкновенно на прогалинке), на котором вся трава вытопчена и гладко утоптана птицей, опустеет. В мае самка, разлучившись с самцом, ищет укромного и тенистого места в вереске, где, невидимо и уединенно, она выводит цыплят.

Разнообразясь полянами и переходя местами в те узкие полосы, которыми соединяются два леса и которые называются *перелесками*, сосновые боры неизменно тянутся на целые сотни верст, изредка допуская к себе лишь мелкие деревья или кусты березы. Сильного и самостоятельного соседства хвойные леса вообще не терпят. Довольные малым, хвойные деревья, при необщительности, крайне неуживчивы, но зато не погибают и в одиночестве. Не задумываясь теснить и выживать

соседа, они на этот случай владеют сильными средствами и губительными свойствами. Именно, осыпая хвою, они готовят такую почву, которая не пригодна ни для какой растительности. В особенности мертвят всякую почву твердые, густые и трудногниющие иглы ели, лежащие у корней дерева толстыми слоями. Ко всему этому природа снабдила хвойные породы сильным и торопливым ростом (доходящим у сосен и елей до 22 сажен) и долголетием. По количеству слоев древесины насчитывали некоторым елям 300 лет, а сосны попадались старше 350 лет. Быстро вырастая и укрепляясь на столь крупные периоды времени, хвойные деревья замедляют рост деревьев лиственных и уступают им места лишь на опушках (березе), на берегах рек и речек (калине, вербе, ветле, осине, иве и рябине). Эти лиственные деревья, наоборот, ищут компании, не гнушаются даже дурным обществом и во всяком случае обнаруживают наибольшую способность и склонность к общественной жизни.

Если и в лесах, как и во всех проявлениях и правилах жизни, требуются и существуют исключения, то в хвойных их немного: ель, напр., выходит только на большие и высокие горы, не пренебрегая и скалистыми, уступая мелкие и каменистые пихте — своей верной и неизменной спутнице, которая, однако, не дерзает перерастать и переживать своего покровителя (пихты выше 12 сажен не бывают, больше 200 лет не растут). Где бы ни встретился еловый лес (на горе ли, на болоте ли), где-нибудь недалеко подле стоит на земле твердо и поднимает к небу свою вершину, как будто огромное птичье гнездо, этот неотступный товарищ ели. Пихта очень редко вырастает самостоятельными чистыми насаждениями: пихтовники всегда коротки и нешироки.

Такие же исключения, и также лишь в пользу однородных хвойных пород, позволяет себе и сосновый бор, уделяя место и снисходя покровительством навязчивому товарищу — долговечной, живучей лиственнице.

Она также любит свет, в тесноте и темноте так же высоко очищается от сучьев и точно так же дает долговечные и прочные бревна, из которых предпочитали строить корабли.

А где сосна и пихта, там вырастает, без разбора на сырой или каменистой почве, всклокоченное и беспорядочное видом, но превосходное внутренними качествами, дерево — сибирский кедр, к сожалению, редко растущий сплошным лесом. По необычайной легкости своей также очень пригодное для речных судов, дерево сибирского кедра обладает еще тем драгоценным свойством, что приносит плоды — шишки с орехами. Орехи питают несметные стада веселого, шаловливого и резвого зверка беличьей породы.

Прыгая с дерева на дерево, белки (или векши) ищут пищу в губках или шишках кедров и других хвойных деревьев. Белка срывает с самой крайней вершины еловую шишку, садится, грациозно и гордо вздымает над веселой головкой пушистый хвост и с быстротой обезьяны шелушит плод и посвистывает. Исчезая в одно мгновение, она на ветвях другого дерева проделывает те же акробатические штучки и воздушные полеты, видимо беззаботно и откровенно. Но чуткое, как у лисицы, ухо настроено. Смелые и зоркие глазки быстро озираются. Под самым деревом лает собака, но белка наклонилась к ней головкой, как будто интересуется только ею, хотя в самом деле замечено зверком не только ружейное дуло, но и сам охотник, с откинутой назад правой ногой и с настроженным на прицеле правым глазом. Собачьего лая и глаз белка не боится, она даже любит их, потому что, глядя на собаку, старается пококетничать и похвалиться искусством, резвится и прыгает. Боится она только охотника. Увидев его, белка взбирается все выше и выше, а там, взмахнув хвостом, перелетает в густую хвою ели, где невидимо скрывается. Высоко ценится та собака, которая не теряет на это время шаловливого зверка из виду. Когда холодно, белка особенно резва: самой опытной собаке не уследить за

ней. В ветреную погоду она бегаёт по земле и, увидев собаку, делает забавные прыжки и прислушивается.

В еловые леса переходит белка в первой половине ноября, набегавшись (с сентября) в лесах лиственных. Когда же последние дают мало пищи, зверок перепрыгивает в сосновые боры. Когда белка *идёт по ели* (т. е. в ноябре), она уже выпела: получила лучшую ость, сделалась серого или бусого цвета. В это время начинается охота и продолжается до тех пор, пока можно ходить людям на лыжах. На зиму белка подвешивает очень высоко гнездо из соломы и листьев, не гнущаясь и старым гнездом сороки, лишь набрасывая на него временную крышу. В сырую дождливую погоду белка намокнет до того, что не в силах быстро бегать, и в это время любит в этом наскоро сложенном, гнезде поспать и понежиться. При этом она все-таки оставляет маленькое отверстие, чтобы время от времени обозревать окрестности лесов.

Леса, чем больше и дальше тянутся на юг, тем бывают смешаннее и разнообразнее. Из сплошной массы сосновых и еловых лесов, на тайге и тайболе, выделяются *уремы* — поемные леса близ берега речек, большей частью березник и ивняк в смеси с долговязой осинкой. *Пармы* — лиственные лесонасаждения, где, однако, все еще преобладает ель. Появляются *березовники* — лесная поросль по моховине, означающая появление плодородной земли и переход болота в твердую почву. Зеленеют *поросняги* — мелкие лесушки, похожие пока на кустарник, и *рощи*, т. е. отдельные островки на сухом месте, около жилых мест, но уже не с хвойными, а исключительно с лиственными деревьями. Темная зелень можжевельника живописно вырезается здесь в сверкающей белизне березовых стволов. И опять выделяются на обширных болотах лесные острова с исключительным хвойным лесом, названные *колками*.

Здесь волчихи привыкли щениться, и вся разбойничья порода этих злодеев предпочитает такие места всем

другим разновидностям дремучих лесов, хотя в сущности эти прожорливые и кровожадные звери по преимуществу бродяги. Для этого природа, на беду других зверей и людей, поставила крепкое и неуклюжее волчье туловище на длинных ногах. На них «лютый зверь» скачет так быстро, что ни одна борзая поджарая собака не может за ним угоняться. Одного скачка достаточно ему, чтобы врезаться в горло зазевавшегося животного и повергнуть его оземь, с широко и страшно-зияющей раной. На темных лесных тропинках волк становится поперек дороги и, при виде жертвы, прижимает остро-рылую морду, таращит налитые кровью глаза, щетинит шерсть на хребте, изгибает спину, взывает раз сильно и сипло, щелкает железными зубами наподобие пистолетного выстрела и порывисто взметывается на оплошавшую добычу. Впрочем, он ее всегда выжидает, завалившись в траву или за пень с поразительным терпением и подолгу, если только не спугнет его внезапная искра, неожиданно налетевший на древесную листву порыв ветра, какой-нибудь другой из неизвестных его сторожкому уху звуков. Волк столько же трус, как и хитрый хищник: испуг доводит его иногда до оцепенения.

Из тех же колков на дудочку из бересты выходит на охотников из своих нор и подземных ходов полосатый зверек с пятью черными и двумя белыми продольными полосами — бурундук. На счастливых и отсюда же выбегает необыкновенно сильная, лукавая, весьма мужественная и отчаянная росомаха, опасная даже кровожадным волкам.

Если отдельно выросший лес не обладает живым видом приглядной рощи, но кажется сумрачнее и дремучее сурового колка, если этот, выделившийся на тайболе хвойный лес, называемый, в отличие от прочих, *уймой*, достаточно сух и плодоносен, в ней — по присловью — не без зверя или, лучше сказать, кроме сейчас упомянутых можно натолкнуться охотнику на горностаю, лисицу и куницу.

Если длинный серебристый горноста́й, удостоившийся чести украшать царские порфиры, предпочитает лесам тундру, то лисица наиболее любит жить и прятаться в густых чащах леса, откуда выходит только за добычей. В своем лесу она твердо знает все выходы и входы, все переулки и закоулки. Словно истинный отшельник, совсем разлучившийся с миром и задичавший в лесной глуши, лисица выходит на вольный свет с недоверчивостью, медленно. Каждый шаг делает она с опаской, всякий след кладет с твердым расчетом и замечает его пушистым хвостом. Вострую морду свою она держит настороже, всегда против ветра, чтобы самой все слышать и знать и никому о себе не сказывать, чтобы и самого запаха ее не было слышно. Когда она удачно вышла и на глазах ее, которые переливаются из серого цвета в зеленый, показалась добыча, она столь же стремительно, смело и ловко кидается на нее, сколько невинно и боязливо вышла из своих темных затворов. В хитрости с этим зверем никакой другой не может сравниться; она даже умеет ловко притворяться под неудачным выстрелом мертвою, и если охотник счастливо застигнет ее врасплох, лисица постарается искусно обойти его. Она сама — опытейший охотник на всякую птицу и рыбу, даже на зайцев. Охриплым лаем этих зверей по ночам наполняются с избытком дремучие наши леса, удаленные от жилищ и неизвестные охотникам. Лисья порода многочисленна, и торговые прозванья ее разнообразны: огневки — рыжие, белодушки — желтые с белой подшейкой, сиводушки — бурые с черной душкой и сивым пятном на крестце, крестоватики — черные с желтизной или желтоватые с крестом на зашееке и, наконец, черные, чернобурые, самые дорогие и редкие (иногда больше 300 руб., тогда как огневку можно купить и за 15 руб.).

Где сплошные дремучие леса оставляют гладкие равнины и овладевают невысокими длинными возвышенностями, являются лесные *гривы*. По покатосям

горушек вырастают лесные полосы, и на этот раз с заметным преобладанием лиственных пород. Издали эти гривы представляют увлекающий вид, одно из живописнейших явлений природы, навевающих на душу самые разнообразные впечатления, порой с оттенком захватывающего сердце чувства страха и благоговения перед могучими и несокрушимыми силами природы, которых скопилось так много разом и которые теперь все на виду. Если такие картины представляются с гор, то и горам этим и селениям на них присваивается очень верное и образное прозвание *шири*. Самые же *росчисти* в лесу (подсеки или пожоги), возделанные и оживленные человеческим трудом, носят повсюду неизменное имя *дор*ов (дор). Впрочем доры, являются уже там, где лиственные леса перестали считать ту между своей, какая указана им хвойными породами, и вступили с ними в борьбу не на жизнь и смерть. Именно в этих смешанных лесах можно проследить ту борьбу, где беловатая ольха и осина первыми застрельщиками из лиственных, вступают в спор с елью, где на месте дубовых лесов немедленно появляется подкараулившая слабость соседа, более прочная и устойчивая пихта. Береза же только и ждет того времени, когда испелелить случайный или нарочно пущенный огонь нетленную хвою, покрывающую почву сосновых лесов. Березовые леса, осиновые рощи расстилаются по долам. Появляются *дебри*, т. е. такие же неприступные, глухие и частые леса, с трещами и буреломом, но уже не хвойные красные, а лиственные черные, чернолесье *по раздолу* (в равнинах между гор и возвышенностей). А там, где встречаются в самом близком соседстве леса хвойные с лиственными и одни другим не мешают (красные на горах повыше на сухих местах, черные внизу по влажным долинам), народился живой представитель и характерный тип в пернатом царстве лесного бродяги, постоянно меняющего место и не привычного к оседлой жизни. Это — рябчик, один из видных и благодарных кормильцев голодного промышленного лесного люда.

«Рябы», «рябки» (как называет эту птицу народ), вопреки обычаю других пернатых соседей, живут парами и нагуливают свое вкусное и нежное мясо, прославившееся в целом свете. Если мать выпускает птенцов на свет божий в лесных труппах, если вся их семья со всеми слетками (молодежью) отправляется на зимовку также в недоступную лесную глушь, то затем у рябов и кончается всякая связь с лесом. Этот бродяга лесной тем и отличается, что никогда не живет на одном месте. В половине марта рябчик прилетает на опушки, потому что столько же любит близость полей и лугов, на которых растет любимая пища — кислица, щавель и трепфоль. Самка, отлетая от самцов во второй половине июля для вывода детенышей, старается присмотреть такие прогалинки, по которым струилась бы речка. Хвойные леса она обегает, лиственные у речек, где много березы, ольхи и кустарников, полагаются самыми лучшими. Когда поспеет брусника — у рябчиков праздник; они опять остаются на токованье и откликаются на свисток (из гусяного пера, налитого водой). В сентябре стада рябчиков столь многочисленны, что в лесах стоит гулкий шум от их перелетов. Стадами носятся они по перелескам и раменьям, отыскивая самый лакомый кус — ягоду рябины. Но так как ее далеко не хватает на всех потребителей, то они в это время на одном месте не остаются дольше 6—7 часов. С постоянным сильным шумом рябчики всей стаей снимаются с места и, так как в это время бывают сыты и тяжеленьки, то и не отлетают далеко, а садятся на близрастущие деревья и иногда в таком великом множестве, что поражают самого привычного охотника. Впрочем, осеннее множество птицы во многом зависит от весенних и летних погод: холодная весна и ненастное лето во множестве губит молодых. Стреляют рябков рано утром или часа за два-три до солнечного заката и выстрелом метят в крайних. Если попал он в середину, вся стая разлетится на значительную даль и, вместо деревьев, рассядется прямо

на земле, где уже и не отличить птицы самому опытному глазу. В трофеях у охотника, метившего в стаю из 20—30 штук, только один несчастенький. Полное же несчастье заключается в том, что теперь надо бросать ружье за спину и кончать охоту: на земле рябки так чутки и осторожны, что и лисой к ним не подкрадешься, а чтобы спугнуть на дерево, надо уметь подражать шуму их взлета. При глубоких снегах сильные ветры и вьюги с метелями, когда нельзя слышать шума полетов, считаются самыми неблагоприятными, равно как и то время, когда выпадает снег и когда начнут усиливаться морозы. Благоприятною считается погода пасмурная и дождливая, а летом — урожай ягод. Стаями живут, в стада собираются (табунятся) и подают голоса наши вкусные рябчики только до ноября. Молодые остаются на тех местах, где вывелись; старики отправляются в глушь лесов на зимовку, предпочитая старые ивовые, березовые, рябиновые вблизи рек и источников. Здесь нередко целыми семействами, без дальних размышлений и околичностей, эти стаи зарываются прямо в снег.

Странствуя по лесам и волей-неволей наталкиваясь на зверей и птиц, мы добрались наконец до таких мест, где лесная растительность все одолела и господствует одна, нераздельно. Мы проникли в самые тущобы; добрались до таких дремучих лесов, которые слынут в народе под именем *сюземов*.

На Печоре предварительная постепенность распределения лесных пород выразилась в следующем виде, по трем характерным полосам лесного царства:

В первой полосе, лежащей между 67° и $63^{\circ} 30'$ сев. шир. и $47^{\circ} 30'$ и 52° вост. долг., особенно заметно преобладание над березою и елью лиственницы. Кедра и пихты здесь еще нет. Рост деревьев замедлен, вершины сухи, сердцевина гнила, лиственница дубловата; отдельные деревья хвойных пород даже в глубокой старости (около 300 лет) не достигают размеров выше строевых.

Во второй полосе, западнее первой (52° и 63° вост. долг.), является пихта — сначала одиночкой и малолистной, потом вкрапленно и группами, и наконец приметно примесью смешанных лесных участков в форме строевого дерева. Южные 65° сев. шир. и восточные 57° вост. долг. является впервые сибирский кедр, сначала мелким деревом, но потом вдоль Уральского хребта, достигает значительных размеров, особенно в толщину, и растет смешанно главным образом с елью. Самых больших размеров он достигает на берегах Печоры. Лиственница в этой полосе имеет здоровую, крепкую, вполне годную древесину и занимает исключительно опушки рек и речек, либо сплошные, либо с перерывами и в ширину не больше одной версты. Сосна еще очень плоха, потому что маломерна и сильно страдает от буреломов.

Третья полоса, направляющаяся к югу от 63° сев. шир., обнимает область почти чистых сосновых лесов. Лиственничные опушки рек и речек становятся реже и уже, ель, кедр и береза произрастают в виде случайных пород, а пихта почти вовсе исчезает. Зато сосна, ель и кедр до такой степени большемерны, что у каждого жителя имеются столы из цельных досок до аршина ширины.

Уже появление кедров предсказывает нам, что мы добрались до тех непролазных и глухих мест, где самому смелому путешественнику не проставить ноги и самому настойчивому и дерзкому сказывается решительное слово: «Довольно, ни шагу дальше! Осмотрись: какая глушь и как страшно!»

Вот высокая стена колоссальных стволов полегла на дороге и столько же препятствует ходу и преграждает путь, сколько отнимает надежды каким-либо способом осилить ее и перелезть. Это бурелом: бешеная буря, которая топит корабли, прошла здесь и не задумалась свалить самые крепкие и стойкие деревья и даже как будто намеренно сокрушила именно их, сделавши

предварительный тщательный выбор. Через высокие пласты трупов не перелезть. Надо их обходить, но при этом помнить, что глухая стена, видимая глазу на несколько сажен, в самом деле протянется несколько десятков верст. И еще надо помнить, что недавние трупы толстых ветвистых деревьев не одни; рядом и под ними, во всех степенях тления, остатки прадедов, отживших свой век под тяжелою рукою свирепой бури. Они уже густо покрыты зеленым войлоком моха, по которому скользила бы нога, если б трухлявая рыхлая гниль, скрывавшаяся в пуховых подушках, не замедляла ног, которые вязнут здесь по колена. Но так как натлевающий пластами мох, в своем перегное, не отказывает приютом и пищей свежим семенам, то на могилах и гробах прадедов выросло и потянулось к тусклому свету просек и прочистей новое поколение дерев. Из них, однако, редкому меньше 60—70 лет. За этими стенами находится уже самая чащоба, ядро темного, дремучего леса, то, что называется *калтусами*. Эти места обросли, может быть, редкими сосновыми насаждениями, среди которых можно пройти свободно дальше, но они недоступны, и в них придется бесконечно блуждать.

Сосновые деревья имеют несчастье поразительно походить друг на друга: сосновые боры и калтусы чрезвычайно однообразны. На сосновом дереве нельзя остановиться так, чтобы принять его за приметку и за руководящий признак для выхода. Уловленный признак по уродливости дерева неизбежно повторяется в другом на первом же десятке шагов. Пойманный кончик выходной нити обрывается, — и путник начинает блуждать, делать круги, возвращаться к прежнему месту — до бессилия и изнеможения, до отчаяния и голодной смерти, в этом заколдованном круге, который, по народному поверью, намечается *самим лешим*. Калтусы, впрочем, такие трупщобы, которых не любят даже самые птицы, и из диких зверей водится только мелкий, каковы летяга (летучая) белка и бурундук. Крупный зверь здесь

не находит для себя никакой пищи и потому не живет. Сюда можно иногда проникать, но только зимою на лыжах, и никто не бывает здесь, потому что нечего взять.

Вот и молодой лес, поторопившийся стройными рядами поднять свои кудрявые вершины к небу и свету, но одни из них надломлены и совершенно оторваны, другие сплелись вместе и сворочены на сторону; наибольшая часть согнута в дугу и перепутались. Кажется, прошел здесь ураган и раскинул столь печальное зрелище, на самом же деле на деревьях этих полгода погостил снег и повисели ледяные сосульки. Хвоя усердно подслужилась, сдержав тяжесть налета, и произвела целый хаос, сквозь который невозможно продраться.

Вот деревья, расщепленные молнией, с подпалом и пожарами — в прямое указание и в отличие от тех, которые разрушены усердной работой целых стай дятлов или мириадами червяков, предназначенных природою специально для порчи хвойных пород. Особенно чувствительна к болезням и наиболее других страдает от насекомых сосна (ель и пихта гораздо меньше, а лиственница не поддается врагам и страдает очень мало).

Вот наконец и печальные остовы сгоревших деревьев от пожаров, которые вообще не редки, свирепы и опустошительны именно здесь, в смолистых лесах. Рядом с деревьями, полными жизни, стоят и отжившие — с переломанными вершинами и сучьями, без коры, мертвенно-бледные, приговоренные к смерти и ожидающие ее с первым прилетом бури. А до той поры им способен нанести серьезный вред и приближать опасность полного разлучения с землей даже такой ничтожный с виду, маленький ростом, но злой пернатый враг и губитель — дятел.

Дятлу природа указала жить во всех лесах без разбора и предназначила по преимуществу больные и умирающие деревья, сердцевина и кора которых кишит личинками насекомых. Для этого природа сколотила ему крепкий череп и выковала длинный и сильный

клюв, так что вся голова птицы имеет форму крепкого долота. Долото это стучит в дерево и узнает по звуку то, которое годится для его плотничьих работ, сверлит кору и расщепляет древесину тех деревьев, которые испортила гниль и червоточина. Тут неустанно, целыми днями долбит дятел носом и крушит большие дубы с тою лишь ничтожною целью, чтобы подловить на весьма подвижный и роговой язык всех червячков, которые, напугавшись его стука, выскочили из нор и побежали. Для плотничьих занятий он наделен способностью лазить по деревьям (однако только вверх) и не оставляет их даже в ночную пору. В это время странное стуканье гулко разносится по целому лесу, а острые и пронзительные крики испуганной птицы и ее шумный полет дугообразными линиями умеют увеличить лесные страхи, и без того сильные в ночной тишине дремучего леса. Дятлам помогают в том и таинственные тяжелые полеты, также вкривь и вкось, вылетающих на ночную добычу сов и филинов. Эти в особенности охотно избирают лесные трещи и захолустья, чтобы в самой густой тени еловых лесов спрятаться от докучливого и невыносимого для их глаз дневного света. Ночью, как блуждающая тень, неслышно парящая над травкою полян и под тенью дерев, эта ночная птица даже на смельчаков умеет навести страх и сверкающим фосфорическим блеском глаз, и горловым воем. Между страшными голосами ночи нет более ужасных звуков, грудных и свистящих, которые переходят в шипящее сопенье, после чего страшная птица начинает задыхаться и хрипеть. Обманывается путник и очень легко принимает этот крик за отчаянную мольбу погибающего в трясине или осажденного со всех сторон кровожадными зверями несчастного, заблудившегося человека.

Только птицам под стать и под силу темные сюезмы, с калтусами, в которые, если удалось человеку войти, то не удастся выйти. Это такая глушь, на которой останавливаются и глохнут даже огненные моря лесных пожаров. Сюезмы страшны уже тем, что на каждом шагу

рядом с молодой жизнью свежих порослей стоят, тут же под боком и подле, деревья, готовые сейчас умереть и валяются у корней окончательно сгнившие и погребенные. И еще страшнее кажутся сюезмы тем, что в них вечный мрак и постоянная влажная прохлада, постоянная перемена цвета из серого в зеленый и снова в серый. Всякое движение, кажется, замерло; всякий крик, даже и не такой резкий как дятла и хриплый как совы, пугает до мурашек и дрожи в теле. Колеблемые ветром стволы трутся один о другой и скрипят так, что вызывают острую ноющую боль под сердцем. А так как всякий лес имеет свой голос (березовый шелестит, липовые роци лепечут, хвойные шумят, иные трещат), то в сюезмах все эти голоса ужасают. Здесь чувство тягостного одиночества и непобедимого страха постигает всякого человека, какие бы усилия он над собор ни делал, к каким бы притворствам ни прибегал.

Именно здесь, в этих трещках, по народному поверью лесных жителей, поселился и живет издревле леший, который любит обходить непрошенных гостей так, что и с молитвой, и с наложением крестного знамения, и надевши все платье наизнанку, из владений злого духа не выйдешь. Народная фантазия представляет его себе настолько хитрым, что он умеет подражать человеческому ауканью и, над поддавшимся обману, страшным нечеловеческим голосом хохочет и свищет. В лесу он равен высочайшим деревьям, в полях и лугах принижается до роста мельчайшей травы. На безделье иногда он поет во все горло почти с вечера до полуночи, но не любит подголосков петуха, с первым выкриком которого немедленно замолкает. Любит поиграть с товарищами в карты и проигрывает им белок, зайцев и мышей-полевок из своего леса (где он почитается главным хозяином и полным властелином). Расплатой проигранного лешим долга, т. е. перегоним зверей из одного леса в другой, объясняют в тех местах нередкие и громадные их переселения из одних сюезмов в другие.

Любит слушать лесные, крики и не боится их, обожает одиночество и вслушивается в страшную тишину сквозных трещей действительный житель наших северных лесов, почтенный бродяга, неуклюжий и забавный простак и первый лесной комик — косолапый медведь, костоправ Михайло Потапыч Топтыгин в почестях, Мишка Раменский — попросту, лесной архимандрит, сергачский барин, сморгонский студент — в насмешку. В раменьях он шатается охотнее, потому что они ближе к овсам и сами покрываются ягодами, в особенности кустами малины (когда успеет после пожара или бури завязаться молодая поросль). В глухих сквозях он укладывается спать на целую зиму. На каждом шагу готовы ему здесь удобные логовища — выбирай любое. Вот ветровал, где вырванное дерево с корнем навесилось над моховой периной словно нарочно сложенным шалашом. Вот другое, ветробойное дерево, свалившееся набок, выдрало много земли и образовало яму, очень удобно прикрытую густыми бородами, широкими бахромами налипшего и навесившегося моха. А вот и настоящие буреломы, т. е. поломанные и переломленные деревья и упавшие так, что образовали настоящие и глубокие пещеры, с трех сторон задрапированные моховыми коврами и подушками. Выходя отсюда с наступлением весны на промысел, все один и тот же с неизменными ухватками и застарелыми обычаями, он, в глазах охотников, либо муравейник, маленький, самый злой и лакомка (опускает язык в муравьиные кучи, чтобы наслаждаться щекотаньем), либо стервятник — самый крупный и кровожадный, либо овсяник — большой сластена и трус. Всегда медведь флегматик, иногда до такой степени, что проходит, волосы не тронувши, мимо набежавшего на него прохожего; и притом весь из крайностей: либо залезает на крыши лесных избышек, чтобы самым простодушным образом обнюхать трубу, и бежит без оглядки от вспыхнувшей искры на загнетке, от треска огня на шестке, либо с ревом подкатывается к лошади, не соображая того, что у ней страшное

для его челюстей оружие, заключающееся в задних ногах с железными подковами; либо лезет на липовое дерево, чтобы полакомиться сладким медом; либо остановится в реке поперек течения и, образовавши собою забор или плотину, ловит рыбу; либо бросается в сани проезжающей почты, спугивает ямщика и почтальона, пугает лошадей до бешеного бега и сам набирается таким страхом, что сидит и не шелохнется и доставляет почту на станцию, но сам попадает в западню. Говорят, что он даже способен умирать со страху внезапно, и в то же время владеет такой силой в коротких передних ногах, которые не только гнут в лесах дуги, но переламывают поперек и разрывают пополам беззащитных и смиренных коров, несмотря на то, что они ростом вдвое и втрое крупнее его. Охота на умного зверя в одиночку с рогатиной или ружьем требует большой осторожности и всегда очень опасна: он и человека старается переломить также поперек или снимает с головы его череп лапой. Медведь — любитель музыки и ученый плясун, в то же время большой пьяница. Развалистая походка и тяжелые движения делают его очень смешным и забавным; встреча с ним глаз-на-глаз в темных сюземах делается очень опасною, особенно весной и ранним летом, когда отощальный зверь очень голоден и оттого зол, и старается войти в силу и тело.

Следом за медведем из сюземных трущоб, и при том самых непролазных, смотрит на нас несоразмерно большая, тяжелая голова лося, осененная на затылке гривой, украшенная под горлом длинной бородой. За отвислыми ушами торчат огромные рога в форме лопат или вил, весом по пятидесяти фунтов. Лось (известный в сибирских лесах под именем сохатого) вышиною с лошадь, но длиннее ее. Его величественный вид, когда животное целиком вырисуетя перед глазами, настолько внушительен, что заставляет содрогаться даже мужественного коня. И при всей массивности он все-таки не страшится сюземных трущоб, легко и верно пере-

скакивает не только через пни, но и через буреломные колоды. Ни один поток его не удерживает, какой болотной трясины он не обходит и смело заносит сюда копыта, которые может по произволу раздвигать широко и сжимать до возможной крайности. Когда с раздутыми и фыркающими ноздрями, с опущенной головой и громко стуча задними копытами, выносится сохатый на поляну, тогда справа и слева трещат и сыплются, как щепы, древесные сучья и ветви. В лесах этот зверь вместе с оленем — их украшение; для присяжных охотников он — самый соблазнительный. Лось, пришедший в ярость, очень страшен и опасен, — ударом ноги убивает волка, владеет острыми чувствами и способен по шуму упавшего листа открыть близость опасности и присутствие засевшего в засаду охотника. Между тем мясо его очень вкусно и ценится, как редкость; язык же и отвислые губы (как у всех животных оленьего рода) можно принять за самое тонкое лакомство.

Когда зимой распялятся морозы и начнут леденить все живое, когда дышать уже нечем и привычным животным становится невтерпеж, — сохатые и олени спешат забраться в самые срединные трещины сюземов. Здесь, уткнувшись в снег морду, эти звери в оцепенелом положении отстаиваются до поры и времени, когда тундра переменит гнев на милость. На этот раз местом спасения делается именно такое, где и оленья нога впервые прощупывает опору.

Кстати, можно бы сказать о родиче лося — олене, но так как он предпочитает лесам тундру, то и рассказы о нем уместнее там. В леса олень заходит только в тех случаях, когда выщиплет мох в тундре, и является в еловых, потому что эти, наиболее негостеприимные и не любящие соседства, леса охотно позволяют приселяться нежному, изящному поколению мхов. Мхи, как ковер в подножии, не покидают еловых лесов и в самой густой их тени, а где образуются просветы, допускающие к почве солнечные лучи, там прозябают охотнее

прочих ярко-розовые цветы копорского чая — кипрея.

Предпочитая одиночество, еловые леса в то же время не любят и посетителя: растут непролазными, тесными насаждениями: поверхностные горизонтальные стелющиеся корни образуют столь густые плетни, что одолеть их не хватает человеческих сил. Самые болота, которые ель также охотно обрастает, делаются еще более недоступными. Еловые леса в особенности являются сырыми и болотистыми: сама по себе ель выбирает мокрую почву и увеличивает количество влаги еще тем, что сквозь свои густые и лапчатые ветви не пропускает оживляющей теплоты и жара солнечных лучей. Еловые леса в данном случае самые типические представители северных дремучих лесов, мокрых и болотистых по всему Заволочью, т. е. по всей той обширной стране, которая протянулась от волоков или водоразделов рек, направляющихся на юг в Волгу и на север, в Белое море. Насколько эти леса владеют избытком влаги и сберегают источники воды, служат прямым указанием эти самые реки, большие и глубокие, и целая почти сплошная цепь величайших в свете озер и озерков, соединенных так называемыми межитоками, т. е. рукавами и реками. Почва хвойных и лиственных лесов, защищенная ветвями и листьями, мало подвергается влиянию солнечных лучей, чрез это в значительной степени уменьшается и потеря в ней влаги чрез испарение, а также таяние снегов совершается очень медленно. Температура воздуха в лесу оттого понижается, и вся беспредельная площадь дремучих лесов делается таким образом громадным холодильником. Массы воздуха, носящиеся над лесом, в избытке насыщаются влагой, которая, под влиянием различных причин, сгущается в облака. Лес в дожде обратно получает все то, что отдал в атмосферу испарением. Упавшую из дождя воду он снова начинает сберегать, чему в особенности способствуют мхи, обладающие свойством задерживать воду и с медленною постепенностью передавать

ее почве. Точно так же и водяные пары, поднявшиеся под влиянием солнечных лучей из моря и рассеянные ветрами по всем направлениям, сгущаются в дождь над лесами, именно потому, что здесь (опять-таки вследствие непрерывного испарения) постоянно свежо.

Все это одновременно способствует питанию ключей, из которых образуются озера и реки, — и появлению болот со всеми их разновидностями и наименованиями: топи, или вязкого места, из чего при благоприятных обстоятельствах образуется полное болото; *мочага* или *мочажины* — потного места вследствие скопившихся в одном пункте ключей; *полоев* — и глубоких ям, где в половодье застаивается речная вода, и *зыбунов*, или *ходунов*, на которых земля, поросшая мохом и болотными растениями, зыблется и из-под ног путника выступает вода. Но все это мелочь в сравнении с тем, что называется настоящим *болотом*, *трясиною* и *крепью*.

Неприступные (в самом страшном смысле этого слова) болота разрезают дремучие леса сплошными полонами, на которых никогда не бывает человеческая нога и которые в неисчислимом множестве преодолевают интересующую нас страну Заволочья. Одна группа таких мертвых и страшных болот тянется от самой тундры до верховьев реки Камы и, не кончившись здесь, после небольших волоков, идет непрерывно дальше в беспредельную ширь и даль: *ржавые* от избытка болотной руды (бурого железняка), *торфяные*, *кочкарники* и т. д.

Тянутся *трясины* — заросшие и заглохшие озера, но еще уберегающие пласты земли, сцепленной корнями водорослей. Еще зияют здесь во множестве мест *окна*, т. е. те места, где вода глубока и ходить очень опасно. Нога быстро тонет; упругий пласт захлестывает яму, а неосторожного охотника и путника прикрывает этой сырой и холодной землей, как гробовой доской. Трясины — это недавние озера, еще не успевшие превратиться в полное болото.

Тянутся *крепи* — болотная заросль из мелкого ельника, где лесная и болотная птица охотливо выводит детей, потому что эти места также непроходимы. Они доступны лишь для тех животных, которые могут падать сюда на крыльях по воздуху и ходить по ним на голых и крепких ногах, подобных ходулям, и тонких, как проволока, которые дают им возможность отлично и скоро бегать.

Тянутся *согры* с ельником, вереском и кочкарником — обширные болотные площади, обманчивые тем, что кажутся лишь мокрым лесом.

Наконец *рясы* и *слотины*, т. е. небольшие и короткие болота, но вязкие до такой степени, что не уступят крепям, и опасные оттого, что заманивают обилием ягодных кустов и, между прочими, кустами ароматной и редкостной княженики, поляники или мамыры. Ягоды эти растут здесь обыкновенно на так называемых *веретьях*, т. е. тех островах из окрепшей почвы, которые наплавают среди болот в виде возвышенностей, идущих даже целою системою валов в несколько рядов, отделенных друг от друга прорывами и ржавой водой. Когда в болотах разольется вода, эти веретья обнаруживаются в настоящей форме речных островов.

Шагают здесь на длинных, как ходули, ногах хозяева и владельцы этих мест: журавли, цапли и кулики — пугливая перелетная птица. Опускают в ил длинные, гибкие и тонкие носы и отыскивают там червячка разные другие птицы бекасиной породы, большею частью небольшие, всегда очень трусливые, постоянный предмет соблазна для охотников за их несомненно вкусное мясо. Настоящим же и видным владельцем болотистых палестин является все-таки журавль, также боязливая птица, предназначенная природой как бы для того, чтобы возвещать нам перемены времен года. Охотится за ним чрезвычайно трудно, ловить же его в топких болотах совершенно невозможно. Но зато, если удастся тем или другим способом изловить, — он делается очень ручным и забавным. Забавна в особенности его харак-

терная быстрая пляска, во время которой он притопывает ногами, потряхивает головой и скачет все выше и выше до того, что, расправив потом крылья, взлетает до облаков. Но этот дворовый шут все-таки уроженец болот, на которых, особенно на крепях, для него довольно небольшого возвышения, чтобы подстлать травяную подстилку и положить сюда свои зеленые яйца. На трясины же и около окон — его любимая пища: сочные водоросли, лягушки и насекомые.

Болотами обездолены наши северные дремучие леса и с ними вся лесная Русь, счастливая еще тем, что истребление лесов пока не достигло здесь до водных источников, и глухие сюземы и беспредельные болота еще поят многоводные реки: Северная Двина от места образования своего из Сухоны и Юга течет 670 верст²⁷, принимая при этом такие же многоводные лесные притоки: Пинегу и Вагу (по 500 верст); река Мезень 700 и величественная Печора 2 тыс. верст, имеющая полверсты ширины в верховых течениях и до 1½ версты после того, как русло реки оставляет предгорье Урала. В самых устьях все эти реки разливаются так широко и многоводно, что выделить речной берег от извивов морского решительно нет никакой возможности. Устья северных лесных рек превращаются в настоящие морские заливы, чему способствуют также и морские приливы, нагоняющие соленую воду.

Вблизи болот и в болотистых лесах мы, конечно, не встретим самого главного представителя животного царства. Для знакомства с людьми мы должны возвратиться в березовые и сосновые леса, а главнейших их представителей славянского племени можем отыскать лишь на лесных опушках, каковыми обросли все большие северные реки. Только на реках могла устроиться жизнь земледельческих племен. В сырых лесах могли сберечься одни мелкие остатки чудских племен, некогда владевших всеми громадными северными лесами и завещавших пришлому сильному племени имена

всех живых урочищ, кое-что из обиходного лексикона, очень немного из обычаев и верований, некоторые части одежды и немногие приемы по обеспечению быта и жизни среди съедобных птиц и пушных зверей. Убереглись в лесах зыряне, вогулы, вотяки, черемисы, корелы и коренные финны различных родов и прозваний, только потому, что в этой исконной родине своей они находят удовлетворение племенным инстинктам, очень умеренным и ограниченным и без особенных требований, обыкновенно предъявляемых развитым умом других народов.

Инородцы живут в полном поработании могучими силами природы дремучих лесов, которые их обездолили и принизили почти до звериного состояния. Древесное царство, предназначенное для обеспечения жизни людей на земле и снабженное неисчислимым избытком скрытых даров и сокровищ к увеличению земных богатств, — для лесных обитателей финского племени превратилось в царство бед и несчастий. Леса выразились в их жизни только враждебными силами несокрушимого могущества. Они поддерживают жизнь этих племен лишь самым ничтожным количеством своих сокровищ. По этой причине лесные инородцы быстро вырождаются и исчезают с лица земли целыми племенами, если не догадаются, с примера и об руку с цивилизующим племенем, выйти на борьбу с могуществом девственных лесов, непобедимость которых оказывается обманчивою. Влияние окружающей природы на лесных инородцев непосредственно и громадно.

Насколько однообразны хвойные леса (за исключением лишь одних сосновых), в настолько же мере несложна и сходна в главных чертах и крупных частностях и самая жизнь лесных инородцев. Подметивши основные черты характера тех, которые живут по сю сторону Урала, наблюдатель делает громадное приобретение в том, что определяет характер всей группы племен, обитающих в лесах Сибири.

Это вечное и спокойное однообразие хвойных лесов (в особенности меланхолическое однообразие еловых) чрезвычайно сильно повлияло на умственное и нравственное развитие не только уроженцев, но и пришедших насельников севера. Влияние это приметно как в народном характере, так и в образе жизни. Характер лесного жителя всегда сосредоточенно-спокойный до невозмутимости. Одиночество, к которому стремится в лесу каждое дерево, постоянно рисует лес как бы осиротелым, как будто прежние товарищи (лиственные деревья) покинули их. Голосистые певцы предпочитают леса лиственные: в хвойных всегда по этой причине господствует тишина. Кажется, все замерло в сосредоточенной задумчивости и суровой неподвижности. Суровый характер настолько присущ борам и трещам, что на лицах лесных обитателей следы этой суровой задумчивости читаются ясно и прежде всех других. На уроженцах этих мест подобные черты лежат единственными и неизгладимыми. Вечный мрак хвойных лесов не мог не произвести в этом случае самого подавляющего влияния. «Лес, — говорит один из наблюдателей, до тонкости изучивший все лесные породы, — поет только в мольном тоне, и младенчествуящие народы поют исключительно в мольном тоне. Язык природы сделался и языком человека простого, самого близкого к природе». Дикие лесные обитатели располагают очень ограниченным словарем и весьма немногими идеями.

Под впечатлениями внешних картин дремучих сюземов и среди влияния лесных ужасов сложились верования первобытных племен. В высоких, едва доступных горных борах и в красивых рощах поселились высшие силы, народные божества, обязавшие охранение таковых мест строгою заповедью под страхом смертного наказания. Самые деревья, выделившиеся из ряда других массивностью и долголетием, сделались также жилищем богов и священными предметами, вследствие той же склонности первобытных народов к обоготворению природы.

Деревья необыкновенно глубокой старости, способные возбудить душевный трепет даже и в цивилизованном человеке, в глазах дикаря являются стоящими под нравственную защиту какого-то существа. В ветлужских лесах черемисы прославили богопочтением (возле деревни Адомнур) березу, разделенную на 18 больших ветвей, имевших как бы 84 вершины. Когда буря сломила одну из них и сбросила на сеянное поле, — хозяин последнего принял это за гнев Керемети и оставил хлеб неубранным в пользу бога. У вогул около Пельма охранялась двумя вооруженными людьми огромная лиственница, привлекавшая сюда народ из самых отдаленных лесов всего Приуралья. У оленных остяков и обдорских самоедов таким же священным местом была песчаная отмель на Ледовитом океане. У вотяков и мордвы освящены и заповеданы целые рощи, так что ни одно дерево не было срублено дерзкой рукой, и всякое поваленное бурей считалось признаком несчастья для всего верующего племени. Деревья с нависшими ягельями, украшающими их наподобие висячих бород, действуя на то же мистическое созерцание диких народов, попали в религиозный культ и сказки. Подобного рода деревьями, покрытыми до самой вершины мохом и в самом деле оживляющими хвойные леса, придавая им в то же время внушительный вид долговечности и обилия, такими деревьями украшаются жилища и владения богов и их избранных — богатырей. Той же чести удостоилась в особенности ель, вообще малопригодная, но выражающая своим наружным видом в высшей степени строгость, спокойствие и торжественность. В ее лесах, предпочтительно перед сосновыми борами, потребовали для себя места почитания зырянские и вогульские боги.

С деревьев перенесено почтение и на животное царство, обитающее в лесах. Особенное уважение оказано умному силачу — медведю, до такой степени, что жители лесов никогда не выговаривают его настоящее имя

(а говорят: «старик», «медовая лапа», «хозяин» и т. д.). Что замечательно — религиозное почтение к нему одновременно сохранилось у лесных зырян в Архангельской губернии и у гиляков, живущих в низовьях Амура. Змеи, кукушка и сова сделались также служительницами божества и толковательницами воли его. Богов объявилось много: в буре — бог, в грозе — другой, в огне — третий. Мороз оказался тоже самостоятельным божеством; всякая поражающая, потрясающая и истребительная сила природы стала богом, и всякий бог, по впечатлениям лесных стран и по опыту жизни, здесь (за малыми исключениями) объявился мстительным и злым. Для умилоствления он потребовал жертв и посредников. Посредниками явились шаманы; в число жертв включено все подходящее на их руку (исключены лягушки и все гады, насекомые, черви, свиньи). Страх божеского гнева получил самое широкое развитие. Мороз потребовал заповеди даже на ледяные сосульки, намерзающие зимою на крышах изб и на окнах. Если они намерзнут над воротами, — выламываются плетни и заборы и устраиваются новые въезды. Гром и молния, застигшие на пути, заставляют всякого черемисина срезать прутьи и бросать их поперек дороги и своего следа, и при этом ругаться, и т. п.

В этих верованиях и приемах, по крайней их многочисленности и распространению, чувствуются остатки самостоятельной и цельной религии (шаманской), которая почитается одной из самых ранних в язычестве. Судя по ее остаткам, она содержала много добрых и честных правил, но время исказило веру, а бродячая жизнь народов содействовала тому, что многое забылось и растерялось. Старые боги на новых местах оказались равнодушными ко многому, перестали наблюдать и заботиться о том: ленятся ли люди, работают ли, едят ли они сырое или вареное, пьют ли водку умеренно или упиваются до самозабвения. Но еще не потеряли боги любви к правде; еще любят они, когда люди

помогают друг другу в нужде, дают приют странникам и заблудившимся и равно для всех хлебосольны. Приятно богам, когда люди почитают старших и уважают родителей; не обижают друг друга, не воруют. Все эти добродетели свято и нерушимо сохраняются до сих пор во всех инородческих лесных племенах.

Несмотря на то, что строгие внушения опыта жизни в сырых и негостеприимных лесах породили бережливость во всем и скупость к деньгам, доведенную до скряжничества, лесные инородцы чрезвычайно гостеприимны. Всякий въезжает к ним во двор без спросу и получает в угощение все, что есть в доме. Водится же в доме (у всех лесовиков без исключения) только то, что беззаветно предлагается самую природою и достается дешевым трудом на досуге (ягоды, грибы, черемша или дикий чеснок, высушенный печным жаром заяц, провяленная солнцем рыба). Впрочем, лес выучил быть к пище неразборчивым, и сам лесовик охотно ест все, что попадает под руку. Сплошь и рядом на столе лесных инородцев появляются и такие произведения, которые добыты и натасканы про себя лесными зверями. Спрятанные в тайниках, они отысканы людьми и отобраны. Известно, что многие породы зверей собирают на зиму запасы съедобных корней. в роде вкусной сараны, земляных и кедровых орехов и т. д. Наибольшую помощь в этом случае оказывает белка. Позаботилась и сама природа о кухне, т. е. о растениях, могущих служить пищей, приготовив житницы даже и под снежным покровом. Во всю зиму сохраняются здесь ягоды: клюква, брусника, рябина, вороница, голубица и корень дягиля, как овощ. От обильной сырости некоторые травы остаются сочными до глубокой осени и, замерзая так, зимою доставляют хороший корм, стоит только открыть. При посещении гостем всегда сосредоточенно мрачный лесовик оживляется: встретивший от проезжего ответное угощение хлебом, а тем более водкой, он не знает пределов своему гостеприимству. Сырой и скупой лес

выучил его понимать нужду странствующего человека и достаточно поселил в душе страха за себя, за свое вероятное положение в тех же условиях в близком будущем. В то же время и та же природа облегчила для него возможность помощи: сохраняя ягоды под снегом замороженными, высушивая мясо, подвешенное летом на солнцепеке, природа указала удобные и столь простые способы сохранения продуктов в прок. Если таким образом в готовой услуге лесов зародыш гостеприимства, то испытанные опасности жизни в лесах и скитанье среди них сумели превратить этот спасительный обычай в нерушимый и общий народный закон. Отсюда и последствия: уважение к чужой собственности, приятный долг взаимной помощи в случае неудач и несчастий. Лесные обитатели живут разбросанно, малыми селениями, отдельными домами, не делающими улиц: видимо, по примеру лесов, все намеренно обособляются. Делают так, чтобы не теснить друг друга, предоставлять каждому и уберегать для себя возможно больше пространства дремучего леса. Но если посетит беда оплошавшего и зазевавшегося, все соседи несут ему посильную помощь. Это — счастливые, т. е. удачливые в промысле, но не богатые. Богачей нет и не может быть; по количеству скоплений в лесах полное равенство. Здесь может быть лишь крайняя нищета, не только оборванная и в лохмотьях, но и распухшая (оцинготевшая) с голоду.

В лесу каждый выбирает и хорошо помнит, по особым приметам, свой участок и считает большим преступлением охотиться в чужом. С этой же целью и селения (предпочтительно на устьях речек) выстраиваются на один, два и три дня ходу. В селениях редко бывает больше десятка юрт: сплошь и рядом попадают только с двумя и тремя домами.

Если крайняя нужда вынудит нарушить закон, — всякий спешит вознаградить за потребленное сторицею чем-нибудь из того, что имеет при себе: за взятого

с петли рябчика оставляет белку. Сторонясь от соседа, чтобы не помешать и не повредить, звероловы на отдыхе, после охоты, все в кучке. Охота, одинаковая участь и однородные опасности сдружают и соединяют вместе тех, которым удобнее и выгоднее дома и в жилищах жить особняком и сторониться. Образуется общество, хотя и временное, но дружное и плотное, благодаря тому, что условия лесной жизни сделали всех на столько похожими друг на друга, что более (даже и физиономиями) похожими быть нельзя.

Уважение к чужой собственности, и при том такой скудной, у инородцев доведено до религиозного обязательства и у всех лесных жителей представляется чрезвычайно выдающеюся добродетелью. Употребление железных замков совершенно неизвестно, а деревянными пользуются лишь в защиту от блудливого домашнего рогатого скота. Поразительное сходство в чертах характера и быта всех наших лесных инородцев и в данном случае не утрачивает силы и значения.

Все в лесных дебрях одинаково: природа, дозволяя лесным жителям жить одними инстинктами, совершенно лишила дара отвлечения и отняла способность изобретения. Нечем одному перед другим выделиться и взять над прочими перевес. Что знает один, другой ни на йоту больше; интерес одного — интерес общий. Всем одинаково указаны лишь два выхода: в лес за зверем и на реку за рыбой. Все без исключения половину года звероловы, другую — рыбаки, так как подчинились влиянию природы и совершенно на нее положились, и в силу того, что природа густых, сырых и дремучих лесов вообще скупа на дары и все-таки здесь не родная мать, а злая мачеха. Природные богатства свои она скрыла так, что их надо очень усиленно отыскивать и при этом очень изощренным умом. Разысканное следует искусно и терпеливо обрабатывать, чтобы превратить в какую-нибудь ценность. Между тем в этих-то именно свойствах человеческого духа природа лесным обитателям

отказала наотрез, утешив лишь тем, что выучила довольствоваться малым, наделила способностью голодать целый год и совершенно обходиться без пищи несколько дней кряду. Единственно на поиски пищи она обрекла всю их жизнь. Подобно белке и другим пушным зверям дремучих сырых лесов, человеку указана бродячая жизнь и в тех же видах исключения, что и в беличьем роде, где бывает белка сидячая и бродячая. Лесные люди живут по двое: бродят все лето, сидят всю зиму.

Как только появилась белка и выспела, лесовик бросает дом, семью и уходит в лес, иногда за сотни верст от зимнего жилья и семьи. По мере того как начнет бродить зверь по всем неоглядным пространствам лесов, оставляя обеденные деревья и отыскивая непочатые, таскается за нею и лесной человек. Он точно так же бродил бы бесконечно, если бы не сдерживался другими соблазнами, которые замыкают его в определенный круг. Это — либо лесная птица вблизи опушек лиственных лесов, либо речная рыба в раздолах и низменностях, по которым, в сокрушительном и опасном для людей избытке, или залегли болота, или текут реки. По этой причине у всех лесовиков непременно два жилья: одно — летник в виде шалаша, а другое бревенчатое в виде избы, где живут семьи. Как самоеды на тундре для оленей, калмыки и киргизы в степях для рогатого скота, так вогулы и зыряне в лесах для пушного зверя и птиц. Все мечты и желания сосредоточиваются здесь, как около единственного источника и исключительной причины нравственного и материального существования. Случайностям лесной жизни во всем и совершенно подчинена свободная воля разумных существ.

«Зимники» отчасти указывают на то, что полудикари севера заявили склонность к оседлой жизни и, в некотором смысле, успели уже резко выделиться и отличаться от настоящих дикарей, т. е. от племен, бродящих за оленями по тундре (лопары, самоеды, юкагиры

и т. д.). Те живут еще в разборных шалашах, т. е. пользуются жилищами самого первобытного вида, когда человек, оставив землянки и пещеры, покусился жить на земной поверхности и выработал вторую форму жилищ. Она свидетельствует, однако, о самой низшей степени развития. Лесные племена хотя и оставили за собою эту форму первобытного убежища на время охоты и промысла, но уже сделали крупный шаг к жилищам оседлых людей, срубленным из бревен, какие жаль кинуть. Они уже освещаются светом извне; в некоторых прорублены окна и, хотя большею частью эти окна не что иное, как щели, тем не менее жители лесов понуждались в стекле, хотя многие заменяют его рыбьим пузырем, а зимой даже кусочками льда. Одновременно и последовательно явилась надобность в дверях. Когда в сибирских лесах для некоторых дымовое отверстие в потолке служит вместе с тем и дверью, — в русских лесах завелись у многих такие строения, где дверь вырублена пошире и повыше и приподнята над землей. Сырость и холод заставили дикарей зажигать огонь в самом жилище и выучили, по этой причине, делать в ширину своего тела отверстие, — у лесовиков для той же цели явился очаг, хотя еще и без трубы. Это уже не убежище, как шалаш, но приют, т. е. лесная изба, зачаток и первообраз дома, это — жилище, не имеющее с первобытным шалашом ничего общего. Жилище еще очень грязно, ничем не отличается от скотских хлевов, но чистоплотности поучиться негде: самый лес, неопрятный и сорный, с поражающим избытком залит грязью, наполнен всевозможными паразитными насекомыми, какими кишит мох: и облепивший деревья, и заткнутый в пазы стен строений. Всякий инородец без исключения, медвежьим обычаем, не купается, не умывается: ни бань, ни рукомойников нет и в помине. В инородческих домах еще не видно скоплений и сбережений гражданского быта, но есть уже движимое имущество. Оно весьма скудно и занимает мало места,

но, увеличиваясь, может потребовать надстроек или пристроек, которые превратят уединенную «избушку на курьих ножках» в некоторое подобие дома. Впрочем, у лесных жителей еще все первобытно.

Одежда до последней вещи изготавливается самими хозяевами из того, что родится на деревьях или вырастает на животных: из бересты шляпы и обувь, из невыделанных и сырых шкур платье, надеваемое с плеч на руки, и опять обувь. Исподнее белье совершенно неизвестно, несмотря на то, что с незапамятных времен на глазах и под руками животная шерсть, но мы не находим здесь ни одного обрабатывающего орудия.

Средства перевозочные для встреч и взаимного обмена идей скудны. Вещевая мена в самом грубом состоянии. Один олень является на помощь и выручает в тех случаях, когда захочется обменять продукты лесного промысла на те ничтожные количеством предметы цивилизованной среды, которые можно перечислить в трех словах: свинец, порох, хлеб. Способ сообщения на слабых животных настолько несовершенен, что вовсе не может заменить собою желаемого способа перевозки и обнаруживает роковые последствия своих недостатков, когда над лесами разразится бедствие голодовок от неурожаев кедровых орехов, а стало быть, от отсутствия пушного зверя, при полнейшем отсутствии дорог. Где два оленя прошло, там до сих пор для лесных дикарей и дорога.

Пища ограничивается пределами лесных растений и животных. Не только нет самого первобытного орудия для превращения зерна в муку (несмотря на то, что на самой Печоре великолепные жерновые камни), но и употребление хлеба не усвоено. Разница в пище заключается лишь в том, что зимой едят свежую, летом сушеную и вяленую рыбу. Запасов не делается; дети природы прежде всего беспечны: и это их родовое и привилегированное качество. Вся забота состоит в том, чтобы быть сытым сегодня. Часто на другой день есть нечего,

часто поэтому постигает голодная смерть, невидная и неслышная за темными лесами, за дремучими борами и встречаемая с поразительным равнодушием.

Ржаной хлеб служит лакомством далеко не у всех, да и тот в смеси с высушенной и истолченной в порошок заболонью или мезгою, слизистой внутренней оболочкой сосны, еще не затвердевшей в древесный слой. Когда дерево в соку, эта мезга, срезанная лентами, служит одновременно и непосредственно пищею и лакомством. Отсутствие животных, годных к приручению, с ранних пор сделало рыболовство главнейшею необходимостью. Рыба потребляется в сыром виде, мороженой, наструганной в стружку.

Равенство перед бедностью является здесь как господствующей формой быта, самой древней и первобытной в отношениях человеческих обществ, подведенных могучими и враждебными силами природы под один уровень и поставленных под такой тяжелый обух. Выход из этого положения затрудняется еще тем, что даже и орудия речного и лесного лова хотя и остроумны, но первобытны. Изобретений в них никаких не встречается и улучшений не сделано.

На зверя и птицу устроены в лесах *путики*, т. е. на следах зверка или в лесных просветах, по которым любят летать тетерева и рябчики, кладутся или развешиваются петли или силки, сплетенные из конского волоса с затяжными узлами (удавками). Летящий рябчик попадает головой и виснет удушенным; тетерев, в полном экстазе семенящий ногами на ток, путается лапками. А так как эта порода птиц велика и сильна, то силки делаются из волоса, свитого вдвое, и тогда называются *пленкой*. Белка, в ветреную погоду, любит прыгать по земле и на тех же путиках успеваеет угодить какой-либо из резвых ног в ту же пленку. Она ставится на земле утвержденною (по одной) на колышке, или ввивается в бечевку, или наконец укрепляется на лубке, и в таком случае сюда присыпается приманка из любимой зверьком и птицей пищи.

Для волков и лосей путики устраиваются в виде изгороди, имеющей совершенно прямое направление, из жердей (прясла) или из целиком срубленных деревьев (засеки). Городьба такого вида тянется на большое расстояние и на длинном протяжении своим местами имеет несколько ворот или выходов, в которых вырыты глубокие волчьи ямы, прикрытые хворостом. Волк, олень и лось, наткнувшись на такой путик, поддаются обману: идут прямо вдаль, ищут проходов и в воротах и ямах свертывают себе голову или ломают ноги. Эта машина — самая дешевая и простая, усложняется для лося прилаженным самострелом (со стрелами луком), за который зверь задевает ногой, для волка — тем, что на шесте, сзади ямы, привязывается привада, т. е. кусок какого-нибудь тухлого мяса, которое убийственным для человека гнилым запахом приманивает зверя. Сюда заваливаются иногда лисицы, куницы и другие крупные и барышние звери. Подобным же способом остяки ловят гагар, гусей и уток на побережьях Ледовитого океана (до такой степени этот способ известен и употребителен). Выбирают на реке мысок или залив, закрытый по берегу тальником. Здесь прорубают просеки шириною в сажень для пролета птицы и устанавливают шесты, к верхним концам которых на блоках и толстых бечевках привязывают сети. Сеть лежит на земле в то время, когда один из ловцов спугивает стаю птиц. Они видят светлое место прогалины, а за нею воду, и летят в то время, когда сеть успели приподнять. Таким способом одному человеку удается добыть до сотни птиц в одни сутки. В противоположность остякам, вогулы гоняются по следам лося дней 5—6, до тех пор, пока утомленный зверь не позволит приблизиться на расстояние ружейного выстрела. Терпением осиливают и белку, сгоняя ее с дерева на дерево до утомления, при помощи собаки, и срубая топором ту сосну, с которой белка уже не спрыгивает.

Охота выучила бродячих инородцев ходить в лес со всем своим движимым имуществом на поясе и за пазухой: кремнем и огнивом, топором и ножом, а иногда с рогатиной на медведя. Беспрестанная практика выработала ходкие и неутомимые ноги. Сама природа озабочилась скелетировать зверолова крепышом, со здоровыми выносливыми плечами, среднего роста, самой фигурой готового на борьбу, требующую устойчивости и терпения. Глядя на него, кажется, что он высечен из камня или выкован из железа; мышечная система всегда развита довольно сильно.

Та же привада на крупных зверей кладется у капканов, кляпцев, у пастей и слопцов. В капкане стальная пружина направляет укрепленные на ней дуги или щипцы на шею или лапу зверя так, что ни то, ни другое, вытащить невозможно. Надо или ломать ногу, тащить капкан с собой, если он плохо привязан, или выждать хозяина, чтобы он поспешил довершить несчастье и покончил бы с тягостною жизнью. Тот же капкан, но только маленький, с привадою жиров, называемый кляпцом, ставится на заячьих тропах (вот почему на Пинежской ярмарке птица является большею частью давленною, а зайцы с переломанными ногами). Пасты — большие западни, устраиваемые на тех звериных лазах, т. е. обычных путях, по которым они бегают, протоптавши зимою снег или на черностопах, т. е. в осеннее, бесснежное время. В пастях — насторожки, за которые зверь неизбежно должен задеть и немедленно же свалить на себя затворку или крышку. Она его там и запирает, как захлопывается мышшь дверками мышеловки. Слопцы также требуют насторожки и неловкости зверя, которому и размозжает голову, или переламывает хребет большое бревно, подвешенное и прикрепленное к скользкой и чувствительной насторожке.

На птицу и зверя ходят лесные инородцы и с другими орудиями, также незамысловатого устройства. Весной расчищают «точок», где-нибудь на открытом месте. Приманкой пищи, или вабином (дудочкой, сделанной на

голос самки или птенца) привлекают птицу и кроют ее. Для этого издревле придуманы незамысловатые лучки, понцы и тайники. Лучок кроет сеткой, прикрепленной на обруче, и особенно пригоден зимой, когда зарывшаяся в снег куропатка или рябчик обессилели и, при внезапном свете ночью, тревожатся и обнаруживают свое место. Понцы — сеть перекидная, но устраивается из двух полотнищ сетки, также как и лучок, на обруче. Тайник тоже в два полотнища, но настораживается на двух шестиках. Не говорим о сетях и тенетах, которые собственно не ловушки, — ловушки тот снаряд, который настораживают, и зверь или птица *сами* туда попадают, как во всех описанных нами случаях.

Незамысловаты орудия, нехитры и пленники. На умных и хитрых зверей понадобились стрелы с крепкими наконечниками, чтобы стукать в морду зверка, тем оглушать его и не портить шкурки. В медведя и волка бросают стрелы с треугольным железным набалдашником, а со времени знакомства с русскими начали ходить на них: летом с винтовками и порохом, зимой — на берлоги с рогатиной. И среди инородцев проявились такие ревнивые охотники, которые стали добиваться до сорокового медведя, после чего — по поверью — зверь становится уже неопасным, и человек на всю жизнь от него застрахован. Впрочем, и на умника-медведя довольно простоты: достаточно бывает деревянного тяжелого чурбана, который подвешивается на веревке и загораживает облюбленное зверем и соблазнительное место, напр. вроде пчельника или овчарни. Он отбивает чурбан лапой и, получивши от него удар в щеку, отбрасывает в другую сторону, и, опять натолкнувшись на удар, начинает больше сердиться и толкать чурбан сильнее. Медведь виснет передней лапой на липовом дереве, когда повадится лакомиться бортевым медом, а хозяин его привесит преграду из толстой доски с дырочкой и гвоздями, наколоченными сверх доски наискось. Просунуть в дыру и меж гвоздями лапу можно,

ухватить в нее соты позволяется, но лапу с поноской назад протащить уже нельзя. Догадаться разжать лапу медведь не может, гвозди впиваются все больше и больше, по мере того как усилившаяся боль заставляет его трястись задними ногами и реветь недаровым матом, приглашающим на место преступления хозяина борти. Этому остается доколотить лакомку до смерти простой толстой палкой. Никакое другое хищное животное не позволит так одурочить себя.

В лесной охоте — вся жизнь лесных людей. Здесь они не чувствуют ни унижения, ни тяжелых давящих впечатлений. Дома ему скучно: дом напоминает неволю. Выросшие на свободе, они любят и ценят ее: ни для кого лесовик не господин, никому он не раб, работает где может или хочет, ест что Бог пошлет и, заплативши ясак, никого не боится. В семье нет тех наслаждений, которые щедро рассыпает весенним и летним временем веселая лесная природа. Желену он не любит, потому что выбирал не друга, а работницу, а потому заплатил за нее калым. Он привык смотреть на жену, как на купное рабочее животное, и потребовал всех услуг за нее в то время, когда лес сманил в свою ширь и на простор и развернул все разнообразные соблазны, насколько может видеть глаз.

Жене надо быть дома: детей рожать, кормить их, шить одежду и обувь. Детей рожают они с поразительной легкостью, без всякой посторонней помощи, и тотчас же принимаются за самые тяжелые работы. Искусство шить доведено ими до совершенства и является тою особенностью инородческих женщин, которая выдается рельефнее прочих. Если прибавить, что и жены дикарей страдают слабостью к нарядам и украшениям, как и все евины дочери, то мы об инородческих женщинах скажем в этих словах все, что только показывают они типического из своих темных затворов. Здесь, в глазах мужа, они оказываются гораздо дешевле и ниже его лохматой охотничьей собачонки.

Исключая охоты, инородец ленив и поразительно неохотлив ко всякому делу. К тому же и без него все сделано, а стало быть, дома лесному бродяге нечего делать. Дома охотник либо голодает, либо объедается до опьянения и обморока, когда подойдет случай. Дома он может изредка предаваться чувственному и животному наслаждению от опьянения покупной водкой. Тогда из молчаливого и сосредоточенного человека он превращается в дикого зверя. Что было скрыто до сих пор, то вырывается наружу. Пьяный немедленно начинает жестокую драку. Мы были свидетелями этих кровопролитий у самоедов, видели их у тунгусов, знаем о подобных проделках якутов и можем указать на то же самое между подстоличными чухнами. Явление это настолько характерно и знаменательно, что мы решаемся на нем остановиться.

Беспричинная и всегда очень свирепая драка дикарей напоминает нам рассказы охотников про маленькую дикую птицу, живущую на болотных островах в глуши дремучих лесов, — именно турухтанов. Они также любят драться; иногда дерутся по целым неделям. Эта страсть характеризует отряд куриных птиц, у которых она врожденная. Если где-нибудь на болоте есть твердое местечко, годное для арены, они тотчас собираются и, при восходе солнца, начинают битву. Самцы дерутся клювом, ногами и крыльями, а самки очень любят смотреть на бой самцов, тем более что служат предметом соревнования. Часто только вечер разделяет бойцов, но рано утром уже возобновляется эта более смешная, чем серьезная сцена. В самом деле, драка происходит только для шутки: победивший герой самодовольно и гордо ходит взад и вперед, как домашний петух, — и только.

Для чего дерутся лесные люди? А между тем это всегда и у всех одно и то же. Стоит только угостить их водкой, и, едва успеешь попотчевать, сцена драки готова. Все стояли смирно и молча, вдруг вскидывается

один и начинает колотить, без всякого вызова, причины и поводов, первого подвернувшегося. Мгновенно побоище делается общим, и нет сил и средств его прекратить. Очевидно, одно желание — заставить страдать товарища, нанести ему возможно большее количество ударов, самых тяжелых и по возможности кровавых. Судя по силе ударов, ясно, что большое озлобление вскипело на душе, крупная обида вымещается на свалившемся с ног товарище. И, наседая на него и сам получая удары, дикарь ни единым словом не объясняет причины гнева; как будто бы это общеупотребительный и заурядный гимнастический прием, а не грубо вылившийся порыв униженного сердца, выражение тайком накипевшего на душе недовольства безнадежною жизнью и отчаянным нравственным состоянием. Конечно, с драчливой болотной птицей тут только внешнее и случайное сходство. Оригинальное проявление искусственно возбужденных нервов скрывает за собою страшные подробности оскорбленного человеческого достоинства и угнетенного духа скудостью родины, незнагажденным трудом, ежечасным страхом голодной смерти. Драки бывают до того ожесточенны, что чувствуется намерение одного облегчить житейские страдания одним решительным ударом и равнодушную готовность другого принять его хоть бы и сейчас, когда подвернулся случай. Успокоенные буяны расходились в разные стороны как ни в чем не бывало. Преднамеренные убийства здесь величайшая редкость, но равнодушие к постылой жизни ежечасно и самыми яркими чертами выражается на охоте за зверями, когда человек идет с самым дешевым орудием против наиболее лютых и хитрых зверей и производит это на крутых скалах горных хребтов Урала и Станового. Еще очень недавно оставлен инородцами волжской группы (черемисами и вотяками) обычай «сухой беды», состоявшей в том, что обиженный, под увлечением мезтью, вешался на воротах обидчика.

Особенно грустно в описанном нами явлении то, что пьянство одно из последствий встречи цивилизующего племени с инородцами; что к этому орудию прибегают все купцы, как надежному для сближения и выгодному при плутнях обмена, и не покидают этого приема, несмотря на строгости правительственных запрещений и взысканий. Следы вырождения племен от злоупотреблений пьянства, в самых резких проявлениях, у всех перед глазами. Все бродячие народы как дети доверчивы, как дети невинны и незлобивы. Доброе и мягкое сердце, веками усвоенная простота в сношениях, доведенная до крайностей, позволяющая себя обманывать всякому, кому не лень, — вот поводы к бесконечной и ничем не сдержанной и бессовестной эксплуатации племен. Прежде всех других представителей сословий цивилизующего народа приселяется к лесным охотникам барышник, торгаш, мироед с гнилым товаром, поставленным в огромную цену.

Изменение климата, сильно зависящее от истребления лесов, в стране этих дикарей очень слабо: дожди продолжительны и обильны; все почти в прежнем первоизданном виде. Если смена хвойных пород лиственными, в круговом обмене природных явлений, — здесь также явление непрерывное и обязательное, то оно в таких малых размерах, что не может входить в серьезный расчет. Лесные люди не утратили в нравственном смысле подобия лесным деревьям и камням, обросшим мохом, но местами обнаружили перемену в экономическом быту соответственно ботанической смене лесов на пашни, превращению последних в пустоши, на которых в самом деле не медлили вырастать именно березники со своими лиственными товарищами и спутниками. Где явилось обилие и разнообразие строевого леса, где началось возделывание хлебных растений, там обязательно явилась и оседлость. Где этого нет, бродячая жизнь человеческого племени продолжает оставаться единственно приличною дремучим хвойным

лесам формой быта. До тех пор пока леса способны пропитывать громадные стада птиц и зверей и добыча их не делается ничтожной, земледелие не возникнет, и зверолов не делается оседлым (как сделали это турки — ближайшие родичи якутов и венгерцы — родные братья приуральских вогулов)..

Оставив лесных полудиких, перейдем к тем лесным жителям, которые, выходя на борьбу с первобытными лесами, умеют их побеждать и покорять, возделывают землю, умеют ткать, обделывать камень и дерево, строить корабли, добывать металлы; вместо первобытной мены продуктов ведут правильную торговлю и научились промышленным искусствам.

В лесах появился новый житель и властитель.

ГОРОДА ОЗЕРНОЙ ОБЛАСТИ

Государь Великий Новгород и Господин Псков. — Их родство и сходство. — Ядро первоначального поселения. — Детинец. — Стороны, концы и улицы. — Их значение. — Святыня, вдохновлявшая народную жизнь. — Святыня и древности св. Софии; фрески, корсунские иконы, ситгунские и корсунские ворота и проч. — Софийская ризница и ее редкости. — Кремлевская стена. — Обширность древнего Новгорода. — Место веча. — Вечевой колокол. — Варяжский двор. — Ярославов двор. — Дом посадницы Марфы Борецкой. — Обыденка. — Древность Рюрикова городища. — Спас Нередицы. — Исторические заслуги и упадок города. — Долбня. — Городские и окрестные монастыри. — Древний Плесков и нынешний Псков. — Ольга Российская. — Историческая народная святыня. — Довмонтова стена. — Баториев и шведский проломы. — Псковские церкви и их особенности. — Святые Троицы. — Другие псковские древности и святыни. — Буденик. — Завеличье. — Поганкины палаты. — Сиятная гора. — Захудалый город. — Пригороды Новгорода и Пскова: Изборск, Старая Ладога, Копорье, Бежецк, Остров, Великие Луки. — Бульни. — Порхов. — Белозерск. — По дороге к белорусской границе. — Города Тихвин и Кириллов с монастырями. — Города: Боровичи и Валдай с Иверским монастырем. — Боровицкие пороги. — Железополье и гвоздарный промысел. — Города Лодейное Поле, Вытегра, Череповец, Новая Ладога, Олонец и Пудога; Псковские Печоры и Новгородское Грузино. — Народные предания о Грозном Царе и о пещерах. — Памятники Петру Великому.

«О, славнейший граде Пскове великий! Почто убо сетуеши и плачещи!» И отвеща прекрасный град Псков: «Како ми не сетовати и не скорбети своего опустения? Прилетел бо на мя многокрылый, исполнь крыле львовых когтей и взя от меня три кедра Ливанова, и красоту мою и богатство, и чада моя восхити. Богу попустившу за грехи наша, и землю пусту сотвориша, и град наш раззориша, и людие моя плениша, и торжища моя раскопаша, а иные торжища коневым калом заметоша, а отец и братию мою разведоша, где не бывали отцы и деды и прадеды наша».

Псковская летопись I, 287.

Ядро первоначальных поселений и последующей народной жизни на лесистом севере России — «Государь Великий Новгород» с союзником своим «Господином Псковом», при тесной взаимной зависимости, представляют поразительное сходство в своих прошлых и настоящих исторических судьбах. Оба они, по времени сооружения своего, древнейшие из всех городов Русской земли — «изстаринные»; по происхождению — оба исключительно народные в самом разнообразном и широком значении с народным правлением, основанным на старинном славянском начале единогласия, т. е. города «вечевые». По значению экономическому и политическому, в смысле сильных (хорошо и надежно укрепленных) и живых (промышленных и торговых) пунктов, оба города сделались центрами исторической жизни для всего прошлого оседлого населения русского имени — городами «стольными и государями», державшими власть и первенство над соседними народами и городами, из которых все другие, в виду обоих старейших, низошли до значения подвластных «пригородов». Все другие города, соседние и дальние народы (первые насельники тех мест из инородческих племен финского происхождения), в качестве младших, находились в союзе с новыми пришельцами, главою которого сделался Новгород с почетным именем «господина» и с политическим правом сильного, выразившемся в коротком изречении: «кто против Бога и Великого Новгорода?» Псков или «Плесков» из древнего новгородского пригорода сделался самостоятельным его союзником, равноправным и независимым в значении младшего брата в семье, характерно и образно выраженном в сохранившемся до наших времен народном присловье: «сердце на Волхове, душа на Великой». В окончательное довершение сходства оба города, Новгород и Псков, по географическому положению своему, подобно всем древнейшим городам русским, упоминаемым первоначальною летописью, первыми на север (каковы: Старая Ладога, Изборск, Ростов, Галич, Переяславль, Бело-

зерск) стали приозерными и сделались пограничными. Они заняли места, наиболее близкие для торговых сношений и удобные для влияния на иноподданные племена, особенно густо населявшие побережья озер и близ Изборска и Ладоги, до сих пор живущие сплошным населением. В этом отношении Новгород и Псков (вместе со Смоленском) стали тем оплотом, о который разбились все враждебные нападения сильных соседей и выстоялась в самостоятельность вся великорусская народность, имея во главе Московское царство.

В 1862 году, 8 сентября, Новгород торжественно отпраздновал официальное тысячелетие, ознаменованное постановкой памятника, на площади, против св. Софии и в стенах древнего Кремля. В этом году, по летописному указанию, Рюрик переселился с дружиною и «мужами» своими из Ладоги и над Волховом срубил деревянную крепость, или город, который был тысячу с лишком лет тому назад «Новым» по отношению к Ладоге и другим лесным городкам. Новый город срублен был там, где теперь находится урочище, называемое «Городищем»: возвышенный остров, огражденный Волховом, малым Волховцем и притоками, очень удобный для построения крепости. Тем не менее с достаточною убедительностью доказывают, что первоначальным местом поселения в Новгороде был славянский конец или «Славно». На Городище укрепился князь; на Софийской стороне, где сохраняются остатки древнего Кремля, был центр самого города, несомненно образовавшегося из множества отдельных поселений, или слобод, слившихся вместе. В 1413 году Новгород, по описанию одного иноземного посетителя (Де-Лануа), был «изумительно большой город, расположенный в прекрасной равнине, окруженной большими лесами; местность низменная, затопляется водой и отчасти болотиста. Город окружен плохими стенами из плетня, набитого землею, хотя башни каменные». Из этих башен до настоящего времени сохранились девять; самые же стены, построенные в 1116 году Мстиславом Владимировичем, впоследствии

раздвигались и переделывались, а в настоящее время вновь переложены и все облицованы кирпичом с новым гребнем из зубчатых бойниц. Только наружные стены обиты кирпичом; внутренность наполнена булыжником, плитой, хрящом и белым камнем, залитыми известью. Перестройкою каменных стен 1302 года занимался знаменитый строитель московского Успенского собора Аристотель Альберти Фиораванти в 1490 году. Земляные бастионы вокруг — следы укреплений Петра I после Нарвской битвы. По описи Новгорода 1623 года, в Кремле насчитывалось 26 церквей, 152 двора и 36 лавок; в настоящее время церквей в нем только пять и между ними две соборные: св. София (холодная) и Входиерусалимская (теплая); при них Софийская звонница в два этажа с широким крытым крыльцом и с пятью арками на массивных сводах второго этажа, построенная на месте старой в 1436 году.

По причине своей обширности, а также по политическому значению, Новгород, наравне с немногими городами севера (Устюгом и Ростовом), получил заслуженное им прозвание «Великого». Прозвание это пошло к нему в то же время, как отличие от многих других Новых городов Русской земли, из которых наиболее известны: Северской на Десне, Нижний на Волге, Литовский (Новогрудок), Старицкий (Тверской губ.), Волынский (на Волыни) и Подольский (с начала XVII века, называвшийся Копай-городок).

Сама св. София — знаменитая святыня, вдохновлявшая всю политическую народную жизнь Новгорода, именем которой клялись и на нее приобретали отдаленные и дикие страны — представляет собою величественный храм, сложенный в виде четырехугольного столба (по образцу древней киевской Софии), с кровлею на восемь скатов и с шестью главами. Первоначально построенная в 989 году из дуба епископом Иоакимом Корсунянином, присланным сюда Владимиром Святым, имела 13 верхов и издревле славилась внутренним украшением. При ней заведена была шко-

ла, в которой некто Ефрем обучал детей христианскому закону и греческому языку. Софийская звонница, стоящая в стороне от собора, как совершенно отдельное сооружение, служит прототипом всех колоколен северных лесных городов. В 1045 году Новгородская София выстроена каменной на другом (нынешнем) месте; строилась в течение семи лет и освящена в 1051 году известным Лукою Жидятою при князе Владимире Ярославиче, внуке Владимира Святого. Рака с мощами святого князя-созидателя стоит почти у самых южных врат собора. Через 14 лет по основании каменная София была разграблена Всеславом Полоцким; в 1108 году стены собора были расписаны; в 1276 году обвалилась стена; через 4 года весь собор сгорел, но на другой же год исправлен и следы разрушения заглажены. Однако София горела потом еще несколько раз (1368, 1407 и др.). В 1439 году архиепископ Евфимий «омаза известью» весь храм.

Этот владыка оказался самым ревностным строителем Софийского собора. Он выстроил на владычном дворе целый корпус келий, названных по его имени «Евфимевыми палатами», и разобрал несколько ветхих приделов. Толстые стены этого здания, из плиты с частью кирпича, поддерживаются пятью контрфорсами. Наверху возвышаются шесть глав, из которых в одной хранятся церковные ризницы и соборная библиотека, а остальные пять составляют храмовые куполы, поддерживаемые десятью огромными четырехугольными столбами. Внутри собора тесно и темно. К настоящему времени в нем сохранились следующие замечательные остатки древностей и богатств, которым удалось уберечься от опустошительных нашествий Литвы и шведов, от домашних пожаров и от хищных рук Суздаля и Москвы:

1. Остатки фресок, которыми были украшены все церковные стены, сохранившиеся только в образах ангелов и пророков между окнами главного купола и в изображении Спасителя с благословляющею рукою на своде этого же купола. Про последнее в народе

существует живое предание, занесенное в Новгородскую Третью летопись: когда Спас написан был с благословляющею рукою, на другой день десница явилась со сжатою ладонью. После троекратного исправления от иконы был голос, воспрещавший писать руку благословляющею. «Аз в сей руке моей сей великий Новгород держу, а егда рука моя распространится, тогда будет граду сему скончание». Народное предание прибавляет к этому наблюдение старожилов, уверяющее, что рука действительно начинает раскрываться (и это в самом деле весьма характерно, по применению к нынешнему печальному состоянию города).

2. Чудотворная икона Софии Премудрости Божией, как выражение силы и действия Премудрости Божией: цветущий юноша, украшенный царскими одеждами, венцом и крыльями, сидит на троне, утвержденном на семи столбах. Над ним благословляющий Спаситель и огневидная книга на престоле. По бокам Божия Матерь и Предтеча.

3. Две древние корсунские иконы апостолов Петра и Павла и Богоматери, из которых первая считается древнейшею и называется цареградскою, одновременны введению христианства на Волхове, — и обе представляют остатки из числа тех шести корсунских икон, которые взяты Иваном Грозным в Москву, в дни падения Новгорода. Известно, что при уничтожении самостоятельности земель и удельных княжеств Москва, между различными способами привлечения к себе и возвеличения себя, рассчитанно пользовалась также одним из надежных: она переносила святыни городов в Москву и украсила таковыми между прочим весь нижний ярус Успенского собора. В числе других икон здесь помещены и Новгородский Спас, писанный греческим императором Мануилом, и икона Иерусалимской Богоматери и проч. Из других взятых икон Грозный через год возвратил только икону Первоверховных апостолов и, взамен Всемилоственного Спаса, прислал копию с него. Медные золоченые двери, устроенные в 1336 году св. архиепи-

скопом Василием в правом притворе Софийского храма, Грозный царь завез еще дальше Москвы и поместил их в Успенском монастыре Александровской слободы.

4. Бронзовые врата серебристого цвета, повешенные при входе в один из приделов св. Софии, пожертвованы, как трофеи, теми новгородцами, которые вместе с Емью в 1187 году взяли и разграбили шведский город Сигтуну. Врата эти, состоящие из двух половинок и, вероятно, бывшие городскими, имеют около 4 аршин в высоту и $1\frac{1}{3}$ арш. ширины, чрезвычайно изящной чеканной работы.

5. Другие врата, из двух бронзовых половин, составленных из множества пластин, прибитых к дереву, и называемые «корсунскими», находятся на паперти при главном входе в Софийский собор. Судя по изображениям и латинским надписям при них, эти врата сделаны в Магдебурге немцами не позднее XII столетия и точно также, по обычаю новгородцев приносить св. Софии все победные трофеи, представляют собою военную добычу и народное приношение храму. Другие достопамятности Софийского храма относятся к более позднейшим временам, большею частью к XVI веку и далее. Таковы: царское место, поставленное на месте святительского, устроенное теремком с шатровым верхом, и святительское место; таковы же и фрески над корсунскими вратами (1528), иконостасы главного храма и приделов, иконы, символически изображающие содержание каждого члена Символа Веры (также XVI века) и т. д. Наружный вид собора изменен незначительно, когда (с 1829 по 1837 год) перебирали заново северную сторону. Кровля, вместо восьмискатной, сделана коробом с узорчатыми кружевными подзорами по краям, а шаровидные главы устроены луковицей, т. е. остроконечными, как и изменения. В одной из шести глав хранятся церковные «кузни» или ризницы и софийская библиотека. Здесь из резко выдающихся древностей удалось уберечься, после расхищения Всеславом Полоцким, Деллагарди, Иоаннами III и IV, следующим редкостям: золотому потиру владыки

Евфимия, панагиару XIV века (сосуд, в котором носилась богородничная просфора), двум кратирам XV века, употреблявшимся при освящении воды, корсунской лампаде XI века, репидам медным золоченым XII века, посоху святителя Никиты 1108 года, княжеской короне XIII века, обложенной пунцовым атласом с нашитым золотом и серебром деисусом и горностаевым мехом по ободку. Кроме того, сберегаются здесь: 1) два сиона, употреблявшиеся при архиерейском служении во время большого выхода — единственные экземпляры этого рода церковных сосудов в виде блюда, посреди которого на четвероконечном кресте изображен Спаситель, а по краям утверждены пять полонн с привешенными к ним шестью двустворчатыми дверцами; 2) серебряный золоченый крест венецкой работы XII века и, по преданию, — великокняжеский; 3) деревянная резная панагия; 4) знаменитый белый клобук, или шапочка, с тремя воскрылиями, украшенными драгоценными камнями и жемчугом, присланный — по преданию — новгородскому епископу Василию Кадеке царьградским патриархом Филофеем, в знак особого отличия и уважения того, что Василий возведен в епископский сан из белых священников; 5) ризы св. епископа Никиты и Моисея и плащаница 1456 года. Затем остальные предметы или переделаны из древних наново (каковы посох из кости 1401 года, переделанный в 1703; Антониев крест 1212 года, переделанный в 1848), или сооружены позднее XV столетия. Таков между прочим большой софийский колокол (в 1614 пудов весу), перелитый в 1660 году. На двух папертях Софийского собора — Мартириевой и Корсунской — почитают св. мощи князей и владык новгородских.

В особенной кладовой собора хранятся древнейшие резные образа и деревянные изваяния святых, собранные по приказанию Петра со всей России, как не соответствующие уставам православной церкви. Халдейская печь, приспособленная к особенному церковному «действию», изображавшему трех отроков в огненной печи, сохранившаяся лишь в одном Новгороде, нахо-

дится в настоящее время в Академии художеств, в музее христианских древностей.

Волхов делит город на две неравные половины или стороны, столь прославившиеся взаимной враждой. Они сохраняют древние названия: левая — «Софийской», а правая — «Торговой». Обе соединены мостом; впрочем, древний волховский мост находился не в том месте, где находится нынешний.

Софийская сторона Волхова делилась на три конца: Прусский, Людин и Неревский, а Торговая сторона на два: Славенский и Плотницкий. Под этим оригинальным именем, усвоенным лишь двумя древними вечевыми городами, разумелись собственно не улицы, а известная часть города, группа строений или слобода, по концу которой, как по ядру первоначального поселения, назвался впоследствии ряд домов, образовавших улицы. Улицы и концы в древнем смысле представляли разновидность того же общинного строя жизни в городе, который вытекал из трудностей жизни в суровой стране (о чем мы уже имели случай упомянуть во втором нашем очерке) и так разнообразно выразился в сельском быту. Там даже пиры и братчины затевались в складчину и носили название сыпчин: медом, съестными припасами, солодом, ячменем и т. д. Каждый конец и каждая улица представляли отдельные корпорации: имели свое управление, делопроизводство, собрания; уличане, как и кончане, выбирали своих старост и, во время переговоров с чужеземцами, своих депутатов. Один другого считал ближе, чем жителя соседнего конца или улицы. Все улицы вместе составляли конец; все концы — целый Новгород. При общественных спорах это выражалось всего яснее; при нередких свалках и драках побежденные уличане, по обычаю, платились всею улицею по разверстке. Как за ненайденного убийцу платило все общество, так в делах политических и общественных представительство касалось только массы людей, которая одновременно жила и принадлежала к одному управлению. Общее правило: друг другу во всем помогать и из беды выручать, стоять

всем как один человек. Отсюда взаимные насмешливые прозвища жильцов одной улицы над соседними; отсюда и обычай для каждой улицы отдельного своего праздника — обычай, сохранявшийся на нашей памяти во многих старинных северных лесных городах, как в Галиче, Торжке, Болхове и проч. Эти праздники — вероятно, остатки уличанских братчин в храмовые праздники (покровщина, никольщина) — происходили на открытых местах и на свежем воздухе: на «нарочитых местах или при церквах, в память святых, мужи и жены сходящиеся пиры творят, и, упившеся, пляшут срамно и ина некая безобразия творят».

Таково было значение городских концов и улиц на лесном севере, где так сильно развит был дух товарищества, на условиях взаимной выгоды, где были артели купеческие, промышленные и даже военные — ушкунические и где, наконец, добровольные братчины (своего рода митинги) пользовались в народе уважением настолько, что им также предоставлено было самоуправление и самосуд. Болотистая почва, не позволившая Новгороду выдвинуться на самый берег Ильменя, мешала и на занятой городом площади устроиться сплошными и связными постройками, без перерывов, образуемых местами, наиболее потными и топкими. Город составлялся из такого рода застроенных островов и бесконечно тянулся в несдержимую ширь «куреньями», являясь таким образом очень большим, что и до сих пор можно проверить на беднейших и малолюдных городках, каковы в той же озерной Руси — Олонец и на Волге Балахна. Концы, или острова Новгорода успели еще в древности вытянуться в улицы и, постепенно подвигаясь к центру, стянуться вместе и составить то непрерывное целое, которое мы видим в настоящее время, в эпоху очевидного и современного упадка Новгорода. Несомненно то, что он был гораздо больше нынешнего, хотя и далеко не так громаден, как предполагали некоторые ученые. Мнение о древней обширности опровергалось еще в 1785 году академиком Озерецковским,

который писал: «Сему поверить трудно, что в окружности нынешнего города верхний земной слой нимало не толст, и тотчас под ним следует либо песок, либо глина; но когда бы там изстари было жительство, то бы чернозем или насыпная земля большую составляли толщу». То же самое подтвердил впоследствии и митрополит Евгений (см. «Русская История» Бестужева-Рюмина, стр. 310): «Где сколько-нибудь десятков лет жили дворами, тут обыкновенно бывает наносная черноземная почва. В самом городе она очевидно приметна, и на Торговой стороне, по набережным местам; инде аршин на 8—9 должно копать до материка, но выйдите за город, и вы везде увидите суглинистый чистый материк». Становится очевидным, что болотистая почва, нередко понижаемая волховской весенней водой, много мешала скученности населения и способствовала особенному устройству домов на сваях, что и теперь можно видеть из окон вагонов железной дороги на Волховской станции. Новгородским слободам, выстроившимся на возвышенных местах по болоту, так и не удалось слиться в такие сплошные города, как Москва и Петербург. Это, однако, не мешало составлять город и участвовать на вечевых собраниях и таким частям Новгорода, которые теперь значительно удалены от него: Рюриково Городище на две версты и Спас-Нередицы на три версты.

Место вечевых собраний предполагают в Славянском конце, где теперь Никольский собор, именуемый «Дворищенским», а прежде был двор Ярославов. Здесь, по преданию, близ Волхова, жил великий князь Ярослав Владимирович; тут же был Торг, или Торговище, как место публичных собраний народных. Вся эта местность носила название «Славно», и, вероятно, здесь поселились первые насельники города — славяне, потому что старинные фамилии знатнейших из них сохранялись долгое время. Здесь же, против Никольского собора, сохранилась башня, на которой висел вечевой колокол, по одним преданиям, отвезенный на колокольню Никольского Карельского монастыря, а по другим в Москву, где и висел

на башне у Спасских ворот. Но и здесь ему не повезло. По народной молве, он испугал звоном своим в полночь (а по другим во время проезда царя на коне внезапным звуком едва не сбросил седока) царя Федора Алексеевича и за это был снят с башни и сослан в 1681 году в Карельский монастырь. Из Славянского конца от веча прямо в Людин конец шел через Волхов знаменитый народными драками мост. В конце Знаменской улицы находится Знаменский собор, где хранится знаменательная святыня Новгорода — икона Знамения Богоматери, совершившая чудо во время осады города суздальцами. Церковь замечательна вполне сохранившимся наружным видом; а близ Никольского собора убереглась церковь Параскевы-Пятницы, выстроенная варягами. Народное предание, чтущее память знаменитой заступницы Новгорода — посадницы Марфы Борецкой, указывает место ее дома на углу улиц Рогатицы и Московской, на дворе частного дома, но несправедливо: дом Марфы был на Софийской стороне в Неревском конце, на улице Разважи, близ Тихвинской церкви.

Название древних улиц сохранилось до сих пор; имеются: Чудинова, Холопья, Рогатица, Людица, Путная, Щитная и проч. Сохранилась и обыденная церковь св. Андрея, как сохранились в Москве Илья и в Вологде Спас — обыденные, т. е. выстроенные «об один день» во время народных несчастий и для умиловления Божия гнева. Брался небольшой сруб, около 10 аршин длины и ширины и до 8 аршин высоты, а для алтаря другой прирубной квадратный сруб 6 аршин: начнут рубить с вечера, — за два часа до света срубят, к полудню святят. Деревянные обыденки перестраивали потом в каменные, оставляя за ними прежнее название и прибавляя им «всеградской», если производилась постройка (как в Вологде) всем городом, при полном единодушии.

Рюриково Городище, расположенное на правом берегу Волхова, представляет собою возвышение, имеющее около квадратной версты. От княжеского дворца на нем не осталось никаких следов; из шести церквей

убереглась только Благовещенская, построенная в 1099 году деревянной, в 1343 каменной; в 1584 году Грозный велел перекрыть ее новым тесом, но рука его была тяжела и здесь: по народному преданию, церковь пришла в запустение и стояла в таком виде почти двести лет. В прошлом столетии прихожане поусердствовали: стали исправлять церковь, обрубать топорами неровности стен и этим способом (как думают) уничтожили всю стенную живопись. Сохранилась лишь одна фреска в алтаре у жертвенника, изображающая положение во гроб Спасителя: Богоматерь держит в объятиях умершего Христа. Городище теперь простое село, жители которого промышляют рыбной ловлей и разводят огурцы, известные, впрочем, отличной засолкой.

Спас-Нередицкий монастырь замечателен Преображенскою церковью, достойною занять первое место в числе памятников новгородской старины. В ней в целости сохранились фрески 1200 года (сама церковь сооружена в 1198 году необыкновенно скоро — всего в течение 4 месяцев, из крупного булыжного камня и плиты). Полагают довольно основательно, что здесь, до развития Новгорода, собиралось вече. В 1611 году монастырь опустошили и разграбили шведы, но внутренность храма все-таки успела сохраниться в течение 680 лет. Между фресками особенно выделяется одна, на северной стене церкви: перед сидящим Спасителем стоит строитель храма — князь Ярослав Владимирович: на голове мягкая княжеская шапка с узорчатым розовым верхом и собольей опушкой; усы, борода и волосы густые и длинные; на плечах узорчатая проволока, а под нею светло-голубая ферязь с зеленым оплечьем — изображение, столь драгоценное для историков и археологов.

Исторические достопримечательности Новгорода, как и заслуги государственные и народные, — все в далеком прошлом, представляя богатое достояние истории и очень мало для настоящего. Вызванный народною волею на лесистом и безлюдном севере, выстроившийся на местах, обещавших земледельческую оседлость, но

потребовавших громадного запаса терпения, энергии, массы труда, Новгород, из множества подспорных занятий и промыслов, охотно и удачно отдался торговым, воспользовавшись счастливым положением на перепутье близ моря и на прямом пути из стран, богатых хлебом и пушным зверем, из Биармии. В Славянском конце, вблизи Варецкой улицы, стояло деревянное здание, состоявшее из кучи отдельных строений, обнесенных толстым забором, и носившее название «варяжского» (немецкого) двора. На ночь ворота двора запирались и на дворе спускались злые цепные собаки. Днем (когда только и дозволялось русским посещение) немецкий двор был ареною тех сделок, которые обогатили немецких купцов ганзейских городов, особенно Любека и Висби. Немцы больше всего привозили сюда и складывали в четырех клетях сукна разных сортов, полотна, сладкое вино (для церковных служб) и пиво, металлы и пергамент (а впоследствии писчую бумагу). Новгородцы меняли эти товары на произведения северной лесной природы, среди которых первое место занимали меха и шкуры — главнейшее богатство Новгородской земли. Меха, преимущественно куница и белки, т. е. куна и векша, вместо монеты, сделались даже единицами, выражавшими ценность. Товар этот был либо покупной, либо собранный в виде дани в новгородскую казну и на князя. Второе место товаров занимали: сало морских зверей, пух морских птиц, деготь и поташ, за которыми следовали серые и выделанные кожи, псковский лен и конопля, приволжский мед и воск и даже сибирское серебро, как редкость. От сношений и тесных связей с предприимчивым и богатым союзом ганзейских городов сам Новгород богател, укреплял свою самостоятельность, расширял власть и влияние, нравственное и материальное, выработал изумительную энергию и разнообразную предприимчивость, направленную на эксплуатацию богатств, и из князей призывался лишь тот, который приносил с собой право торговли в других частях Руси. Все силы направились только на между-

усобные распри и на большие приобретения, и черные люди были забыты совсем. Не стало в Новгороде правды и правого суда. От нападений врагов начали откупаться деньгами и выше богатства ничего не ставили.

«Худые мужики-вечники» стали кричать на вече за тех, кто больше им платил. Случилось, так, что, согласно народному присловию: «Новгородцы такали-такали, да Новгород и протакали». Внутренним разложением воспользовались недремлющие враги из соседей, между которыми (ливонскими немцами, литвою, шведами и суздальцами) в особенности тяжела была рука Москвы. Спасенный непроходимыми болотами от беспощадных татарских нападений, опустошивших всю Русь, от суздальцев, задерживавших ввоз хлеба в бесхлебную страну, чудом иконы Богоматери Новгород пал от одного удара, нанесенного рукой Грозного, московского царя, оставившего за новгородцами прозвание «долбежников» (от долбни, или от простой палки, окрашенной красной краской, и хранившейся будто бы в Софийском соборе, которою в 1570 году опричники Грозного били новгородцев). Но еще в 1494 году сорок девять немецких купцов препровождены были насильно в Москву, товары их конфискованы; церковная утварь и вся принадлежность немецкого двора взята в казну государеву. Уничтожились древние привилегии Ганзы, и затворились навсегда стены двора немецкого.

Со времени царствования Ивана III, Василья III и Ивана IV, когда бояре переселены были с новгородской улицы Лубяницы и сделали в Москве целый околоток Лубянку и большое село Сурцево, когда их многое множество водворили на посадах других русских городов, Новгород уже не поднимался. С тех пор как торговые и промышленные люди его разбрелись для промыслов и хозяйств в отдаленные страны (даже в Сибирь), старый Новгород уже не мог восстать в прежнем величии и славе, когда, по пословице, судил его только один Бог, когда велика была новгородская честь и сильно «слово», водившее к приобретениям целых земель, и когда честна была новгородская «душа». После того как выстроился

Петербург и расцвела Рига, пали оба богатые брата: старший — Новгород и младший — Псков. Им уже не в состоянии были помочь ни шоссейные, ни железные дороги (первому — соединяющие Петербург с Москвою, второму — две вместе, одна на Варшаву, другая на Киев). Новгород в нынешнем своем положении представляется одним из таких губернских городов, которые ведут самую ограниченную торговлю, отличаются скромным видом и тихой жизнью, не выделяясь из бедных губернских городов никакою резкою или характерною бытовою особенностью. Новгород — захудалый город в полном значении этого слова.

Новгород не сберег себя, но зато сохранил большие богатства в исторических памятниках, порожденных материальными богатствами его торгового люда: не только город, но и окрестности его разнообразятся и красуются множеством обширных и каменных монастырей. Между ними самый богатый, наиболее громкий известностью и на самом деле один из древнейших русских монастырей на севере — Юрьев. Он лежит при выходе Волхова из Ильменя, в трех верстах от города, красиво и внушительно вырисовываясь на горизонте белыми стенами, золотыми главами церквей и той старинной, высокой колокольной, в которой гармонически сочеталась башенная форма с обычною шатровой, усвоенной Новгородом и Псковом. Издали, из города, она кажется сотканною из кружева ажуром и стройно возносящеюся в небесную высь. Вид отсюда на город и озеро — очарователен. Убранство храмов лампадами, в некоторых случаях сгруппированными в целые панникадила, придает внутренности ту таинственность, которая столь внушительна именно здесь, в древнем монастыре, вблизи древнего города. Монастырь Юрьев основан был Ярославом Мудрым, при крещении принявшим имя Георгия (Юрия), около 1030 года и хранит древнейшую из всех грамот, донныне известных в России (1130) — грамоту Мстислава на село, данное «Святому Георгиеви с данями и с вирою и с продажами». Вместе с нею сберегает монастырь могилу беспо-

койного князя галицкого Димитрия Шемяки и живую, еще не остывшую память об архимандрите Фотии и Орловой-Чесменской, обогативших монастырь вкладами и новыми зданиями. В трех же верстах от Новгорода находится монастырь Деревяницкий и Кириллов, в пяти — Сквородский, в шести — Сырков; в 10 — Хутынский, в 12 — Вяжицкий, Клопский и Вишерский. Все девять очень древнего сооружения, как и четыре городских: Антониев мужской и женские: Духов, Зверин и Десятинский. Такое обилие монастырей на всем пространстве богомольной Руси повторяется только еще один раз, именно около города Москвы. Как и в Москве, — здесь, за Новгородским валом, огибавшим город на обеих сторонах Волхова, на значительное пространство во все стороны, простирались посадки, прилегавшие к загородным монастырям. Рассказавши о Новгороде, мы уже многое сказали из главнейшего и об его «меньшем брате Плескове», или Пскове, точно так же утратившем характер древнего русского народного города. Он также давно живет одними преданиями, совершенно потерявшими свой первоначальный источник и с тою особенностью, что утраты эти здесь искусственно вызываются и неискусно восстанавливаются. Всякому приезжему в город резко бросается между прочим в глаза стремление возобновить и натвердить намять об уроженке здешних мест — великой княгине святой Ольге Российской. На погост Лыбуту или, вернее — Выбуту, находящийся в 12 верстах от города (вверх по р. Великой), указывают, как на место родины благоверной княгини. Подводные камни или — потамошнему — слуды, расположившиеся в одном из двух рукавов, на которые разбивается река несколько ниже Лыбуты, носят название «Ольгиных слуд». Точно так же второй рукав, более удобный для прохода судов, получил имя «Ольгиных ворот». Уверяют также, что ближайшее к этим урочище Буденик есть место рождения Ольгина внука — равноапостольного князя Владимира Святого. В недавнее время, накануне 11 июля (дня памяти св. Ольги), озаботились установить крестный

ход в погост этот из Пскова. Буденик этот или погост Выбута находится в 12 верстах от Пскова, на левом берегу р. Великой, которая ниже погоста разделяется на два рукава. Видимая на рисунке церковь посвящена имени пророка Илии, как все древнейшие церкви, ставшие на местах языческого богопочтения. Когда построена церковь — неизвестно, но, судя по архитектуре, не позднее XV или XVI века. В самом городе Пскове указывают Ольгину гору и место (при впадении р. Псковы в Великую), обозначенное часовней, на котором Ольга водрузила деревянный крест, сохранявшийся в Троицком соборе до великого пожара в 1509 году. В это время «Ольгин крест» сторел, и вместо него сделан в 1623 году новый из дубового дерева, который и хранится в городском соборе у правого столба. На Завеличье (по ту сторону р. Великой) прямо против собора, около Успенской (Паромской) церкви, стоит «Ольгина часовня» на том — по преданию — месте, с которого княгиня видела, на противоположном берегу, три солнечных луча, предзнаменовавших построение тут *Троицкого* храма. Часовня эта и в народе носит название «Ольга Российская». При выезде в город попадает на глаза надпись на небольшом здании, имеющем название «Приюта св. Ольги», и в довершение всего говорят, что псковичи еще сверх всего долгое время хранили «сани Ольгины», на которых будто бы она приехала из Киева на родину, объезжая и осматривая свои земли, устанавливая погосты по р. Мсте и Великой и занимаясь рыбной ловлей и звериною охотою. Указывают даже «дворец Ольги», или тиунскую палату.

Родилась Ольга в крестьянском звании и была в селе Лыбуге перевозчицей — рассказывает предание и путает.

Раз перевозит она князя Всеволода. Увидел ее Всеволод и помыслил на Ольгу, а был женат. Стал ей говорить, а она ему такой ответ: «Зачерпни рукой справа водицы, испей». Зачерпнул князь и выпил. «Теперь слева возьми водицы, — попробуй». — «Никакой, — говорит

князь, — я разноты тут не вижу: все вода». — «Так-то и я, что жена твоя!» — добавила Ольга, которая была столь же красива, как и хитра. За ум да хитрость она в царицы попала; теперь во святых почивает.

С другой стороны, цельнее и яснее сохранился рассказ про Батура и царя Грозного. Народная память о них очень жива, и указываются целые ряды курганов, как следы нашествия Литвы и ливонцев.

Несомненною древностью является и величественным видом громадной твердыни поражает Довмонтова каменная стена, окаймляющая город на протяжении *более семи* верст и не имеющая себе соперниц в целой России. Смоленская стена, превосходящая все остальные русские сооружения этого рода, заключает в окружности неполные семь верст; стена московского Кремля имеет лишь 2 версты 40 саж., а обходящая Китай-город 2 версты 205¹/₂ саж.; в стене Троице-Сергиевой лавры 1 верста 146 саж., Соловецкого монастыря 421 саж., а Старой Ладogi 130 саж. и т. д. Против стены Довмонтовой еще очень хорошо сохраняется довольно высокий земляной вал, за которым вырыт глубокий ров, теперь превратившийся в непросыхающее болото. На углах впереди и в сторону к валу убереглись крупные земляные укрепления, служащие теперь местами для прогулок, точно так же, как некоторые (из 10) башни — предметом соблазнов для искателей кладов, число которых определено, народным поверьем, в размере 37 на всю городскую стену и ее башни. За пределами детинца, в Крому, было вымощенное место для торга — торговище, где у подножия башни, ближайшей к Св. Троице, висел вечевой колокол. Весь Псков, как и Новгород, разделялся на концы (Торговинский, Боловинский, Опоцкий, Городецкий, Богоявленский и Острые Лавицы), а целый город изображал собою соединение концов.

Башни разъединяют городскую стену на прясла (продольные линии стены) и перси (т. е. выступы), а самая стена окружает весь город, исключая лишь заречное Завеличье, ту часть или посад, в котором

велась торговля с ганзейскими городами и жили дворами немцы, до 1619 года не имевшие права входа в самый Псков. Следов иностранного двора в Завеличье не осталось. В плитяных башнях стены или в так называемых кострах и под ними пробиты были ворота: Великие, Малые, Лужские, Кумины, Сусоевы, Смердьи, Гремячие, а самая стена сверху покрыта была крышей и под нею можно было ходить кругом. Сохранились очень ясные следы иноземных нашествий в тех проломах стены, которые носят название «Баториева» и «Шведского» (короля Густава-Адольфа) подле Варлаамовской церкви. Впрочем, проломы эти в твердыни, стоявшей на западной грани Великой России, подобно другой столь знаменитой (Смоленской), оборонявшей также западную границу государства, — проломы псковской стены не представляют собою следов или остатков победы. Стефан Баторий (1581) ни осадой, ни обложением, ни бесчисленными приступами не мог одолеть города, защищаемого князем Василием Скопиным-Шуйским. Через 34 года эти же укрепления вторично выдержали осаду и остановили набег другого храброго завоевателя — Густава-Адольфа.

Внутренность крепости наполнена церквями, замечательными, впрочем, однообразием, взаимным сходством и поразительною простотою архитектуры. Выродилась она из обыкновенной формы деревянного сруба жилой избы, с четырехскатною крышею и с полукружием для алтаря. Церкви были невелики, но зато почти каждая из них имела под сводами подвалы, в которых, как в Новгороде, так и в Пскове, хранились товары купеческих товариществ. В самых церквях держались лари, где хранились купеческие книги, а также и самые товары. На это указывают разные ниши, пристройки и закоулки, до сих пор сохранившиеся в новгородских и псковских церквях, в старину считавшихся наименее опасными во время пожаров. Это обстоятельство, как местная особенность и отличие от Москвы, придавало церквям торговое значение, и храмы явились покровителями известного

вида торговли: новгородский Иван на Опоках ивановской компании, старорусский Борис и Глеб — купцов-прасолов и т. п. С западной стороны храмов, над входом в них, и вместо обычных башенных, отдельно стоящих колоколен, утверждены открытые арки или колонны по 3, 4, 7 в ряд, и в этих арках повешены колокола. Такая форма принята в Новгороде; она же, без всякого изменения и с малыми исключениями, применена и в большинстве псковских церквей, где эти башенки либо устроены прямо на крыше, либо над переднею пристройкою, или папертью, либо в той же форме отдельным сооружением и в таком случае с неизбежною пристройкою жилого помещения. Впрочем, как известно, псковские каменщики и зодчие пользовались уважением на Руси, наравне с итальянскими, и вызывались для постройки церквей не только в Москву, но и в другие дальние русские города. По этой-то причине архитектура одноглавых псковских церквей — низменных и тяжелых зданий с шатровыми колокольнями на арках (которые ниже самых церквей) — повторилась во многих подобных зданиях Москвы, Владимира, Ростова, Суздаля и т. д. Это общепринятый стиль храмов XVI и XVII веков.

Укрепления псковские разделялись на четыре части: Детинец, Довмонтова стена, Средний город и Кром, или внешняя стена, Над стенами Детинца величественно возвышается псковская святыня — св. Троица, столь же знаменательная и многоценная, настолько же вдохновительная и любезная народному сердцу Пскова, как София Киеву и Новгороду и Пречистая с мощами святителей Петра, Алексия и Ионы — Москве. За св. Троицу шли псковичи биться с врагами и умирать в бою; живя под ее покровом, Псков считал своих врагов врагами св. Троицы, — словом, это был патрональный храм всей Псковской земли.

Первоначальное построение храма Троицы Псковской приписывается св. Ольге, хотя прямое указание упадает на 1188 год и на имя св. князя Всеволода-Гавриила, построившего храм каменным. В 1363 году

стены храма рассыпались; построены новые в 1366 году, и с ними Троица просуществовала 320 лет. На месте встал вновь сооруженный храм, весь из тесаной плиты, начатый в 1682 году и вполне оконченный и освященный лишь в 1699 году. Он-то и сохранился до наших времен с некоторыми, вынужденными пожаром изменениями, и с теми святынями, которые представляют собою псковские драгоценности. В главном храме, на левой стороне между колоннами, серебряная рака с мощами благодетеля и защитника Пскова (которого не умели оценить новгородцы, изгнавшие его из своего города), св. благоверного князя Всеволода-Гавриила, и икона его супруги, весьма древняя и близкая к подлиннику с сохранением княжеской одежды, шапки и обуви. Направо, против раки, сохранилось древнее княжеское место и при гробницах Всеволода и Довмонта их мечи. Большой приписывают первому, меньший второму. Первый меч известен всем своею латинскою надписью «чести моей никому не отдам» (*honorem meum nemini dabo*). Литвин происхождения, князь Довмонт (принявший в Пскове крещение с именем Тимофея) сделался совершенно русским душою и не только был храбрым воином, но и благочестивым мужем. Он сдержал завоевательные стремления немецких рыцарей и отразил нападения своих соплеменников литовцев. Был приветлив и боголюбив, украшал церкви, честно проводил праздники, давал милостыню сиротам и вдовицам. Народ современный любил его, а потомки признали его святым мужем, чудотворцем и покровителем Пскова.

Изгнанный новгородцами Всеволод-Гавриил, принятый князем во Пскове, своим признанием ознаменовал самостоятельность всей Псковской земли. Народная память признала его местным первым патроном и святым, соорудителем патрональной церкви св. Троицы. До сих пор сохраняется предание о том, что, когда раскаявшиеся новгородцы захотели взять его тело, то никак не могли сдвинуть его с места. Святой, в знак христианского примирения с обидчиками, даровал им

один только свой ноготь, а все тело предоставил сооруженному им храму св. Троицы.

Из других резко выдающихся достопамятностей и святынь Пскова замечательны:

В церкви Покрова у Баториевского пролома икона чудотворной Псково-Покровской Божией Матери, драгоценной по изображению древнего города Пскова и событий из времени Баториевой осады.

Соборный Спас (Преображения) Мирожского монастыря в Завеличье — древнейшая из городских церквей, подобно новгородскому Спасу Нередицы, основанный в 1156 году и также успевший сохранить древние фрески, современные основанию храма, деревянную чашу или потир преп. Нифонта и чудотворную икону Мирожской Богоматери-Знамения, свидетельствующую о духовном родстве Пскова с Новгородом.

Древняя церковь Иоанна Предтечи в женском монастыре на Завеличье сложена из тесаной плиты с перекладкой кирпичами, несомненно вывезенными из иноземных стран. Строила церковь благоверная княгиня Евпраксия — тетка Довмонта и супруга Ярослава Владимировича (сына Мономаха, княжившего в 1214 году), деревянный посох, который сохраняется в монастырском соборе. С ним вместе показывают здесь еще крест с надписью, означающею, что он дан св. Иоанном Богословом преподобному Авраамию (Ростовскому) «победить идола Велеса».

К другим достопримечательностям Пскова принадлежат так называемые Поганкины палаты и развалины дома купца Иевлева, замечательные как образцы старинного устройства каменных домов частных владельцев. В Поганкиных палатах помещается теперь провиантский магазин. Вот какое впечатление произвели они на известного нашего историка Н. И. Костомарова: «Поганкины палаты поражают своею величиною, когда примем во внимание, что вообще домашняя жизнь в старину не требовала огромных домов. Это — трехстороннее здание или, лучше сказать, фасад с боковыми по

краям, разными по высоте флигелями. Правая сторона трехэтажная. Комнаты вообще очень светлы, особенно угольная. Там стоит каменный столб, украшенный обводами, и верно служил для поставца. Печей теперь нигде нет. Внизу подклеть опускается в землю и разделена на комнаты, которые освещаются одним окном наверху. Стены не обмазаны. Очевидно эти подклети не были обитаемы, но были кладовыми». Одноэтажная часть левой стороны включает две обширные комнаты, и была прежде поварней, как это видно по широким отверстиям, особенно посередине, где, как видно с первого раза, была большая печь, устроенная так, что вокруг нее можно было ходить. «Подобно Поганкиным палатам, еще два древние каменные дома сохранились во Пскове: один принадлежащий Друе и другой — Леонову; оба соседние в одной связи».

В виду города, над Великою, на отвесной скале, красуется древнейший монастырь Снетогорский (по горе Снятной), сожженный в 1299 году ливонскими рыцарями и вновь сооруженный на том же месте в 1310 году. Монастырь этот обладал большими богатствами, имея в своем владении рыбные ловли и преимущественно снетков (давших обители имя), которые в изобилии заходили под монастырскую кручу из Псковского (Талабского) озера.

Возвратимся в Псков, чтобы досказать о нем немного и повторить то же самое, что привелось сказать в заключение о его «государе» и старшем брате — Новгороде.

Город Псков до такой степени пришел в упадок, что не выделяется никакими замечательными частными постройками: все городские здания не отличаются красивою наружностью. Некогда обширный и населенный, считавшийся первым после Москвы, по пространству и богатству, русским городом, он после ряда испытаний в XVIII веке представлялся в виде старой развалившейся деревни. В 1446 году его посетила моровая язва, и, судя по местным летописям, в это время похоронено на го-

родских кладбищах 48 782 человека, и на монастырских 7 602. Положение на театре войн России с Ливониею, Польшею и Швециею не могло содействовать его дальнейшему развитию, а основание Петербурга и целый ряд Петровых распоряжений, по которым вся псковская торговля действительно направлялась к новосозданному порту, вконец и безвозвратно сгубили город. Ни пристани на реке, ни набережной, ни хорошей базарной площади в городе нет. Вместо товарных складов по берегу одни только поленицы дров; на Великой какие-то жалкие барки. К тому же Псков значительно утратил свой русский вид и облик; немецкое влияние отразилось очень ярко в архитектуре домов; на улицах немецкий язык бьет в ухо; гостиницы и торговые лавки принадлежат немцам. Близость Риги чувствуется, слышится и видится на каждом шагу, как бы в доказательство исторических причин от давних сношений и близкого соседства через неширокое озеро, по ту сторону которого лежит один из древнейших русских городов, основанный в 1030 году Ярославом Мудрым и получивший христианское имя князя — Юрьев. Город этот также онемечился вконец даже с переименованием в Дерпт и отступил от Руси по заветным и изведанным путям и приемам. Приемы издревле не благоприятствовали ни Пскову, ни Новгороду: Ганза вела торговлю оптом, розничная была запрещена; запрещалось даже привозить товаров более, чем сколько было нужно, чтобы держать немецкие товары в цене; для того же, чтобы не поднимать цены на русские, не дозволено было привозить денег более тысячи марок. «В продолжение трех столетий, — свидетельствует немецкий писатель, — Ганза сосредоточивала в своих руках всю внешнюю торговлю северной России. Если спросят, какую пользу или вред принесла она стране, то нельзя не признать, что, благодаря ей, Новгород и Псков лишены были самостоятельной торговли с западом. Россия в удовлетворении своих культурных потребностей

впала в полную зависимость и предана была произволу и беспощадному эгоизму немецких купцов». Известно, что торговым людям другого города — Торопца — запрещен был въезд в Данциг, каковому обстоятельству приписывают между прочим прозвание торопчан египчанами, т. е. обманщиками, нечестными торговцами. Когда немцы укрепились в Нарве, т. е. в нижних частях торгового пути к Балтийскому морю, и торговля Новгорода признала этот путь по Шелони для себя наиболее выгодным и удобным, Псков само собою начал терять торговое значение. Не помог ему и Иван-город, как торговый пункт, приладившийся на той же реке Нарве, против Нарвы, в противовес своему сопернику из немцев. Как последние остаточные следы некогда сильного торгового движения в этих местах в недавнее время, обнаружили в том, что по пути этого движения на почтовом приюте, в глухом лесу, в какой-нибудь заброшенной и забытой мещанской лачужке Торопца или Порхова и т. п., можно было встречать остатки дорогих сервизов из саксонского фарфора, столь редкого теперь и ценимого любителями «Сакса», и другие заграничные товары, приготовление которых очень давно уже оставлено. Но и эти следы и признаки исчезли теперь. С другой стороны, если судить о торговом движении нынешнего Новгорода по работе узкоколейной дороги его, то оказывается, что в Петербург оттуда перевозят: телят, сено и солому, а в Новгород: мануфактурные товары и пшеничную муку. В базарные дни на торговой городской площади продают исключительно сельские произведения. На 365 дней (в 1878 году) пришлось всего только 198 операционных торговых дней. Кротость и тишина, резко бросающиеся в глаза всякому посетителю площадей и улиц смиренного города, подтверждаются и уверениями местных жителей. Застой повсеместный, а тишина не нарушается даже базарным шумом и площадными ссорами и драками. Словом — весь городской интерес сосредоточен в Детинце, обрамленном рядом зубчатых бойниц петров-

ского времени. Кругом крепости идет отделенный от стен рвом очень недурной городской парк, насаженный в 1812 году пленными французами.

От двух остальных городов переходим к тем двум пригородам, которым оба они обязаны своим существованием, как первоначальным и позднейшим защитникам, принимавшим на себя первые удары врагов по сподую и близости к чужим границам.

Одним из больших и лучших пригородов псковских, называющийся и теперь этим именем, был, по всему вероятно, Изборск, находящийся в 29 верстах от Пскова близ Лифляндской границы. Некогда он имел значение центра всей Псковской земли, и, как и все пригороды, имел своего посадника, свое торговое место и свою покровительницу церковь (в Порхове — Никола, в Русе — Спас, в Изборске — Никола и т. д.), непременно свое вече и непременно свой детинец или крепость, т. е. собственно город. В Изборске каменные стены сохранились (возобновлены в 1837 году) на горе, которая круто спускается с трех сторон, но со стороны немецкой защищена стенами и рвом. Стены из плит очень толсты, из которых одна четырехугольная, а остальные круглые с узкими окнами. Теперь это — обыкновенное небогатое русское село. В полуверсте находится кладбищенская Никольская церковь, где был самый древний Изборск, и место до сих пор зовется Городищем. Ключи чистые и светлые под горою и теперь носят имя «славянских».

Развалины пограничного города и некогда столь важной крепости Копорья, находящиеся в Петергофском уезде Петербургской губ. и при д. Пригородной Слободе, свидетельствуют также о древности своего существования. Развалины эти, находящиеся в 87 верстах от Петербурга на плодоносной и высокой горе, служат маяком для мореходов, так как расстояние их от Финского залива не больше 12 верст. Стены сложены из плит. В 1803 году это место было отбито у шведов,

овладевших всею местностью в 1612 году. Церковь посвящена по обычаю Спасу Преображения. Оригинальна история этого города над р. Копоркою. В 1240 году немцы, овладевшие водою на погосте этого имени, покорили город и сделали его центральным местом управления. Пришли новгородцы — разорили его. Князь Димитрий Александрович построил там свой каменный город (в 1280 году). Новгородцы, поссорясь с князем, через два года опять разорили город, а в 1297 году сами отстроили его вновь.

Точно так же в доисторических временах теряется основание второго пригорода новгородского города, Старой Руссы, одного из трех самых важных в Новгородской земле после столицы как по торговле, так и по населению (Ладога, Новый Торг и Русса). Устроилась Русса при соединении рек Полисти и Порусии, и еще под 1201 годом упоминается в летописи о постройке здесь деревянного укрепления. На западе от нее был пригород Городец, а у самого озера селение Коростынь, известное по злополучному миру, приготовившему падение Новгорода.

Новгородцы издревле производили здесь выварку соли — обстоятельство столь важное в народном быту и служившее к возвышению экономического значения этой местности. Производство это несколько раз было оставляемо и возобновляемо вновь; Петр Великий возобновил соляные варницы в последний раз но, несмотря на то, что сам несколько раз посещал Руссу, промысел не удержался, по бедности рассола, не вознаграждающего затрат. Промысел древний принял новое направление: Старая Русса славится теперь минеральными источниками, целебное свойство которых столь известно, что в летнее время собирается сюда довольно большое количество больных, доставляемых теперь уже железною дорогою.

Та же участь, с разительным подобием во всех подробностях, постигла и однородный со псковским пригородом, Старую Ладогу — древний пригород Новгорода,

основание которого теряется в баснословной древности. Он представлял также некогда центр населения по Волхову, переименованный в село Успенское и уступивший первенство Новой Ладоге — уездному городу, находящемуся в 15 верстах ниже по Волхову и ближе к Ладожскому озеру. От города Ладоги (Старой) осталась одна только деревянная церковь, построенная на горе в 1116 году Павлом, ладожским посадником. Она уцелела потому единственно, что обращена в церковную ограду и что бедность жителей не позволила сломать ни маленькой древней церкви, ни ограды, чтобы выстроить на месте их просторные и лучшие. Эта Георгиевская церковь, как Ильинская в Изборске, принадлежит к числу древнейших храмов в России; время построения ее относят к XI веку. Под отбитою штукатуркою и здесь оказались старинные фрески, между которыми особенно замечателен, по оригинальности рисунка и свежести красок, образ Георгия Победоносца и изображение ада и рая.

Чрезвычайно толстые стены Старо-Ладожской крепости сложены из плиты, имеют 4 башни; пространство по внутренней кайме стен 530 шагов; в стенах были сделаны потайные ходы, идущие вниз под землю, а народное поверье ведет их под р. Волхов. Сохранились также остатки земляной насыпи, укреплявшей каменную твердыню с юга; множество курганов по обеим сторонам Ладоги сохраняются надгробными памятниками языческих времен.

Говоря о Пскове, нельзя забыть про Печоры; описавши Новгород, нельзя не упомянуть о Грузине.

Село Грузино, лежащее на Волхове в 80 верстах от Новгорода, некогда принадлежало Деревенницкому монастырю; Петр I отдал его Меншикову, а Павел I — графу Аракчееву, который его и прославил, сделав центральным пунктом измышленных им печальной памяти военных поселений. Аракчеев, основавший здесь новгородский кадетский корпус (переведенный теперь

в Нижний Новгород), в Грузии умер и погребен, сделавши этому селу особенную историю, содержание которой не укладывается в наш короткий рассказ.

В 47 верстах от Пскова, почти на самой лифляндской границе, лежат заштатные Печоры, получившие имя от древнего монастыря (1479), который, в свою очередь, заимствовал его от пещер, вырытых в горе по ручью Каменцу. Местность монастыря чрезвычайно красивая: среди групп вековых дубов высятся стены с бойницами и валом, так как обитель, будучи пограничною, всегда подвергалась опасности от внешних врагов. Баторий хотел ее взять, но не успел. Она не поддалась и потом ни ливонцам, ни литовцам, ни шведам, и сумела сохранить все святыни и драгоценности. Святыни: Псково-Печорская чудотворная икона Богоматери (Умиление) и Успения и резное изображение Николы, привлекающее к себе уважение не только русских крестьян, но и соседних латышей и ливов. Редкости и древности: католические сосуды и азиатская курильница, облачения, унизанные жемчугом, и вещи Грозного из его обихода и им подаренные: кошелек для денег, золотая цепь в два фунта весом, пороховница, серебряная чаша и ковш, седло и жестяная охотничья труба. Достопримечательности: две пещеры, из которых одна, называемая «Богом зданная», имеет 7 длинных подземных ходов. В одной из ветвей ее видны следы древней церкви.

Интересен рассказ о сооружении монастыря Псково-Печорского. Однажды отец с сыном, по прозванию Селищи, охотились в лесной пуще и услышали пение. Приняв его за пение ангелов, они объявили в городе, что нашли святое место. С дозволения веча получили право на владение и всю ту землю поделили между собой. Один из владельцев пошел рубить дерево на гору, откуда Селищи слышали пение. Срубленное дерево покатилося вниз и по пути переломало другие деревья и кусты. Оторвалась часть земли, и открылась пещера с надписью «Богом зданная пещера». На этот раз отшельников уже не

было, и жилище их под землю было завалено. Предание приписывает основание подземного жилья некоему Марку, и, по открытии его, в той же песчаной горе выкопал церковь священник Иоанн, родом из Москвы, постригшийся здесь в монахи с именем Ионы. Против храма, на столбах он построил две кельи. Преемник Ионы, Михаил, построил другую церковь. После разорения ливонцами и после падения Пскова монастырь стал известным и уважаемым: слава о нем распространилась, и пещеры сделались усыпальницами.

Народ сохраняет, впрочем, другое предание, записанное П. И. Якушкиным: «Царь Грозный ехал на Печоры, где в то время архимандритом был преподобный Корнилий. Стречал царя крестом и иконами. Благословил его Корнилий да и говорит: “Позволь мне, царь вокруг монастыря ограду сделать”. — Да велику ли ограду ты, преподобный Корнилий, сделаешь? маленькую делай, а большой не позволю. — “Да я маленькую, — говорит Корнилий: — я маленькую. Коль много захватит места воловья шкура, такую и поставлю”. — Ну, такую ставь! — сказал царь. Царь воевал под Ригою ровно семь годов, а Корнилий преподобный тем временем поставил не ограду, а крепость, да и царское приказание выполнил: поставил ограду на воловью кожу, разрезал на маленькие ремешки да и охватил большое место. Поехал царь Грозный назад из-под Риги, не доехал 12 верст до Печор, увидел с Марьиной горы — крепость стоит...

— Какая-токая крепость? — закричал царь. Распалился царь гневом и поскакал на Корнилиеву крепость. Преподобный вышел опять встречать царя, как царский чин велит, с крестом, иконами, колокольным звоном. Подскакал к Корнилию: “Крепость выстроил: на меня пойдешь!” Хвать саблей и отрубил голову, Корнилий преподобный взял свою голову в руки, да и держит перед собой. Царь от него прочь, а Корнилий за ним, всё за ним. Царь стал Богу молиться, Корнилий и умер. Так царь ускакал из Корнилиевой крепости в чем был, все оставил. После того под Опсков и не ездил».

Белоозеро, с XVIII столетия город, известный под именем Белозерска, по подобию Ладоги и Изборска, представлял тот пограничный пункт (с народом «весью»), который признан был тремя призванными варяжскими братьями удобным и важным для укрепления и был отдан Синеусу. Так как город укреплялся в неведомой стране, требовавшей осмотрительности и осторожности, и ставился на тех местах, где наиболее скучивались иноподобные жилища (вблизи озер), то первоначально выстроился также в отдалении от озера. Когда изведаны были свойства первоначальных насельников и ослабел страх опасности, город переселился на новое место, на самый озерный берег. Это мы замечаем и во всех других древнейших городах севера: Устюге, Торопце, Каргополе, Переяславле-Залесском, Новой Ладоге и др. (Новгород отстоит от Ильменя на 3 версты, Псков на 10 верст). То же самое и в Белоозере: место древнего городища, обозначающееся теперь рядом невысоких бугров, находится от нынешнего Белозерска в 17 верстах. В новом Белозерске, который, однако, постарше других городов старых, следы древности еще слабее и ничтожнее, чем во Пскове и в Новгороде. В западной части города сохранилась земляная четырехугольная насыпь, имеющая в окружности до 530 сажен и состоящая из вала и сухого рва. Острога или крепости, защищенной этим валом, нет и следов. Древнейшая из церквей, Успенская, построена в 1574 году, между тем первая здешняя церковь сооружена была при Ярославе I и посвящена имени св. Василия. Впрочем, множество церквей (19) поддерживают славу и красоту древнего города, в настоящее время более известного лишь по рыбному промыслу и особой порода вылавливаемой здесь рыбы — снетков (*Osmerus eperlanus*). Она идет в продажу сушеною под своим именем, а также под названием «суши и вандыша», представляя любимую и лакомую приправу ко щам и блинам по всему северу России до первопрестольной Москвы. Это подживляет торговое движение города, который

окончательно не заматерел в нищете по той причине, что искусственный водяной путь из Волги в Балтийское море проходит здесь под именем Мариинской системы — самой удобной и оживленной. Если от этого город, видимо, не богатеет, то в этом отношении он подчиняется общему закону попутных городов, имеющих возможность пользоваться только обретенными крохами. В городе на бурном озере, лежащем в отлогих берегах, устроена пристань.

К Белозерску, в озерной области России по древности основания приближается (кроме Старой Руссы) древний город Торопец, о котором, как о пригороде Смоленска, будет сказано в своем месте.

Более замечательны до торговле (заграничной — льном и хлебом) другие два древних псковских пригорода: Порхов по р. Шелони и оз. Ильмень и Остров по р. Великой и Чудскому озеру.

Порхов с посадом Сельцы, исключительно и удачно сосредоточивший свое внимание на торговле льном и кожами, породил из среды мещан и торгующих крестьян тот особенный тип промышленников, которые носят имя «булыней». Это — плутоватые перекупщики, которые бегают с фальшивым безменом по деревенским задворьям, выменивают на всякую бесценную дрянь и мелочь ценный трепаный лен. На нем они наживают хорошие деньги в Риге, но промыслом своим наносят большой вред земледельцам, пользуясь своими капиталами и крестьянским безденежьем и скупая лен за ничтожную цену еще на корню. В Порхове сохранились остатки каменных стен, построенных в 1387 году. *Остров* вполне оправдывает свое простое название и древнейший обычай новгородских славян при постройке новых городов в лесной и озерной области: собственно крепость, хорошо сохранившаяся, построена на острове, омываемом р. Великою и ее притоком или рукавом. Самый город лежит на берегу протока. Оба рукава завалены камнями (порогами), а потому на главном

устроен городом забор для рыбы, называемый заколом. Крепость небольшая, прямоугольная; из башен сохранились три, да Никольская церковь, да белое каменное здание — бывшая гауптвахта, с огородами. Сам город весьма представительен. Главная улица, идущая параллельно набережной (каковой в собственном смысле не имеется), весьма недурно обстроена.

Уже с шоссе моста в Острове вырисовываются красивые виды, открывающиеся с горы, и чем дальше к югу, тем они развертываются все лучше и разнообразнее. Дорога вступает в горы и идет через них и между ними, встречая озера и обнаруживая такие лесные виды, где гармонически сочетаются густые тени растительности с веселыми и светлыми тенями лесной реки, чем в особенности богат ваш разнообразный лесистый и озерный север. От лесного соседства очень много выигрывает р. Великая, не заслуживающая, впрочем, права в настоящее время на подобное прозвание. По мере удаления от ее берегов на юго-восток горы становятся весьма солидными и разнообразными по мере приближения их к узлу, выразившемуся в высоких прикрутостях, носящих название «Святых гор», с красивым маленьким монастырем. Целая цепь высоких холмов стягивается здесь в группу, и в самом центре, на самой высокой, устроилась Успенская церковь скромной и небогатой обители, господствующая верст на 20 в окрестностях. От подошвы монастырской горы, где стоит Никольская церковь, идет вверх широкими ступенями из дикого камня высокая лестница под каменными старинными сводами. Она приводит в верхний храм. Прямо против алтаря ее стоит белая мраморная пирамида памятника, забытого и небрежно сохраняемого. Пирамида эта означает место могилы нашего великого поэта А. С. Пушкина. От могилы его открывается во все стороны поэтический, разнообразный и очаровательный вид на горную цепь, где хвойные леса чередуются с березовыми; из-за них вырезается на трех горах — село Тригорское, воспетое

и любимое поэтом, и обозначается в отдалении родовое имение Пушкиных — Михайловское. У подошвы монастырской горы сверкает, как зеркало, светлое озеро в оправе веселой зелени лиственных деревьев. Всякий встречный считает обязанностью спросить: понравились ли вам Святые горы? — и всякому приходилось искренно отвечать одно и то же: «редкие места, — мало таких». Впечатление становится особенно рельефным и памятным, когда дорога, в контраст видимому, покидает горы и тянется по низменности, местами даже мокрой и болотистой, и на ней рассыпается маленький городок, *Новоржев*, самого унылого и мизерного вида. Хотя и стоит он на озере, а водой не похвалится, общая же физиономия его до сих пор оправдывает ту характеристику, какую шутя придал городку великий поэт в известном стихотворении:

Есть прескверный город Луга
Петербургского округа,
Хуже б не было его
Городишка на примете,
Если б не было на свете
Новоржева моего.

Этот новгородский пригород — Ржев — был окружен земляною насыпью до 400 сажень в окружности и считался пограничным с Литвою наравне с Опокою (нынешнею Опочкою) на Шелони — пригородом Пскова. На этом последнем городе выразился обычный народный прием постройки укрепленных мест, окопов и городков в XIII веке для защиты от литовцев. Обе волости — Ржевская и Великолуцкая — в данном отношении замечательны тем, что платили двойную дань и судные пошлины литовским князьям и Великому Новгороду.

За Новоржевом тянутся низкие и унылые места, от которых местные жители бегут в отхожий промысел, по большей части портняжничать по дальним деревням и городкам. В новоржевских деревнях между прочим

ткнут суровый холст, который очень годится для мешков в Рижском порте. Чем дальше от Новоржева, тем местность разнообразнее и селения поживее, а между ними богатое село Ашево с крикливыми и многолюдными ярмарками на Петра и Павла, с яркими цветами на ситцевых сарафанах женского населения, с золотыми и серебряными позументами на околышах головных повойников в виде колпачков. Видимо, все подготавливает к чему-то особенному, обещая людные и более обеспеченные селения и во всяком случае близость живого, торгового или промышленного города. В одном месте перебежала дорога через мост, перекинутый с одного берега на другой довольно узкой, текущей в песчаных берегах, р. Алты — древнеисторической. Вскоре забелелись и все девять церквей и стены Сергиевского монастыря большого города и старинного новгородского пригорода *Великих Лук*, старинного потому, что известие о нем как о городе встречается в Новгородской летописи под 1155 годом.

Как город, близкий к границе Великороссии, принявший на себя бесчисленное число ударов от внешних врагов, начиная с литовцев и Батория и кончая Лжедмитрием, Великие Луки сослужили большую службу Московскому государству.

Были они сильны, потому что умели отбиваться, и богаты были, потому что, по счастливому географическому положению, город расположился на равном расстоянии между двумя столь сильными пунктами, каковы Смоленск и Псков. В нем до сих пор сохраняются остатки приметной торговли. Река Ловать, которая под городом в особенности извивается прихотливыми и разнообразными коленами или луками (отчего и название города, как Новоржева — от ржавчины окрестных болот), помогает сплаву разных товаров прямо в озеро Ильмень, а стало быть в Петербург и за границу. Мещане занимаются огородничеством, выделкой юфти, которая считается лучшею, и продажею яблок в Петер-

бурге. Город довольно большой и так раскидан, что нет сомнения в том, что некогда он был велик и славен (и теперь в нем 18 церквей), что доказывается между прочим и тем прозванием («великие»), которыми удостоил его народ в числе только четырех других городов (в смысле больших или обширных). Отлично сохранился здесь высокий, с уступами, насыпной вал с каменными воротами и развалинами старых зданий, кирпичи которых однако выламываются и разбираются на новые здания. Во времена Баториевы замок здешний обнесен был до того высоким валом, что из-за него едва только выказывались кресты на церквах, а стены и башни обложены были до того толстым слоем земли, что каменные ядра зарывались в них безвредно.

Та же Ловать умеет поддерживать и направлять лесной и дровяной торг, обеспечивать плотничий промысел постройки барок и разных судов, предназначенных для Петербурга, не только для города Холма (лежащего на севере от Великих Лук), но и даже для всего Холмского уезда, неплодородного до того, что глинистый, перемешанный с песком грунт земли редко дает в хлебе больше двух зерен. Зато по р. Ловати от Холма судоходство вполне успешное.

Псковский пригород Холм — крайний предел владений на юге, напоминает о столь же древнем новгородском пригороде, стоящем на окраине новгородских владений — Бежецком Верхе, нынешнем городе Тверской губернии — Бежецке, послужившем впоследствии, в числе других, яблоком соблазна и раздора, когда усилилась Москва и задумала ослабить Новгород. Уже в XIV веке Михаил Тверской захватил Бежецкий Верх и посадил там (в 1370 году) своего наместника, а московский Дмитрий Донской убил его. Край этот, вместе с Новоторжским и Волоколамским, подвергался частым разорениям, и Новгород не в силах был охранять его.

Нынешний Бежецк стоит на новом месте, в 15 верстах от старого, и соблюдает старину в 13 церквах и во множестве курганов. Около последних живут карелы,

поселенные здесь царем Иваном, во время войны со Швецией, и дополненные вновь приселенцами того же племени с границ Финляндии, по воле Петра Великого. Эти карелы — православные, очень набожны, не держатся старого языка и нравов. Торговля русских довольно значительна и разнообразна: коровье масло, живая, битая и замороженная птица (в особенности гуси), здесь разводима для обеих столиц, а также холст, составлявший в прежнее время привилегию при поставках в казну. Здешние холщовые мешки из самых грубых сортов холста играют также видную роль на рыбинской пристани, а также и оригинальная торговля кошачьими мехами.

Холм нас вводит обратно в Новгородскую губернию, и для последовательности рассказа обращаем внимание на те города, которые живут сплавом и около этого дела, с побочными и от него зависящими промыслами. Все города эти искусственно вызваны к жизни и произведены в городской чин и звание при общем производстве сел и посадов в 1772—1780 годах. Некоторым удалось оправдать себя различными заслугами; другие так и остались бедняками-подростками. К числу первых относятся (на выбор и для примера): Тихвин, Кириллов, Боровичи, Вытегра, Новая Ладога, ко вторым: Олонец, Лодейное Поле, Череповец, Устюжна и Валдай. Первые поддерживаются сплавом судов и питаются от работ на трех системах каналов, соединяющих воды Волги с Балтийским морем: Мариинской (Вытегра и Новая Ладога), Тихвинской (Тихвин) и Вышневолоцкой (Боровичи). Вторые скудеют от неудачного, уединенного и беспомощного положения, как Олонец, Устюжна и Валдай; некоторым же из них (Лодейному Полю и Череповцу) не помогло и торговое движение, выражающееся в проходе судов, плывущих около них, но мимо.

В лето 6891 (1383), при великом князе Дмитрие Иоанновиче Донском, явилась икона Богоматери прежде на Ладожском озере, потом на р. Тихвине. Построена была церковь. Усердие доброхотных дателей соградило

монастырь, который был, до посещения императрицей Елизаветой, деревянным. С той поры он весь каменный и расположен в виде четырехугольного замка, огражденного стеною с башнями. Внутри обители 7 церквей при четырехэтажной колокольне и 2 церкви вне ограды. Монастырь обогащен различными вкладыми русских царей и усердных богомольцев, так как Тихвинская икона высоко почитается всем населением русского Севера. За обителью числилось в штате 4500 душ крестьян, и она сделалась одною из богатых и именитых. Этот монастырь справедливо носит прозвище «большого», отличающее его от другого тихвинского (Беседного) монастыря. Монастырская слободка, устраивавшаяся около стен и святыни, частью на холмистой местности, но более на низкой и мокрой, весною поймаемой водой, выросла в слободу, которая Петром Великим произведена в посад, а Екатериною Великою, в 1776 году — в уездный город Тихвин, давший свое имя особому виду судам, выстраиваемым городскими мещанами и подгородными крестьянами.

Несколько позднее явления Тихвинской иконы на своем месте (именно в 1397 году), на северном берегу Сиверского озера, поселился в выкопанной пещере выходец из московского Симонова монастыря, архимандрит Кирилл. Он искал крайнего уединения, ушел тайно и нашел место, вполне отвечающее уединенной жизни и созерцательной молитве, а потому срубил здесь деревянную церковь Успения и несколько келий. Монастырь (Кирилло-Белозерский) стал благонадежным приютом для многотрудной бедности и очень не-вдалеке, как бы чудом каким, превратился в обширный и богатый, так что сам по себе получил имя «города», — и совершенно основательно. Он состоит из двух монастырей (Большого и Ивановского), из которых в первом 9 церквей, во втором — две. Мощи преподобного почивают в серебряной позолоченной раке, окруженной серебряною решеткою. Сокровища монастыря были так

велики, что в трудных политических обстоятельствах могли служить важным пособием для целого отечества. Обитель находилась в большом уважении у царей, великих князей и богатых бояр. Монастырская слобода, современная обитель, в 1778 году названа городом *Кирилловым*, достаточные жители которого ведут дела с Рыбинском (по Шексне), а беднейшие занимаются рыбной ловлей и пользуются тремя годовыми ярмарками.

Боровичи замечательны едва ли не тем только, что на них кончаются боровицкие пороги р. Мсты (на Вышневолоцкой системе каналов), что они названы так из села Боровища, издревле существовавшего среди глухих боров, теперь совершенно и наголо уничтоженных, и что в городском Духовом монастыре хранится часть мощей св. Иакова Боровицкого. Самые мощи перенесены патриархом Никоном в Иверский монастырь, созданный им на одном из красивых островов Валдайского озера, в 1653 году, по образцу и плану Иверской лавры, что на Афонской горе. С падением Никона монастырь подвергся гонению и запустел, но шесть церквей его и ризница богаты до сих пор (см. выше: «Островные монастыри»).

Боровицкие пороги начинаются от селения, населенного лоцманами и называемого теперь «посадом» (Опеченским) вместо старинного названия «Рядок». Кончатся пороги в деревне Потерпелицах (ниже Борович), называвшейся в старину «Потерпелый ряд». Первое название типично характеризует состояние барок, страдавших от порогов и являвшихся сюда или надломанными, или разбитыми, а название «рядка» определяет особый вид народных поселений, вызванных искусственно и выстроенных в один порядок, или ряд, на берегу, прямо без улицы, с одною лишь набережною.

Маленький и бедный *Валдай* прославился очень красивым, среди гор на озере, местоположением, литьем маленьких зазвонных колокольцев и бубенчиков, которыми и «дарили того, кого любили», что очень было

кстати, когда на этот город шла дорога из Москвы в направление на Петербург. Кстати, были и мелкие вкусные баранки: «Да хорошие какие! А поцелуй в придачу» — по уверениям молодых торговок из городских мещанок. Город этот также позднейшего учреждения, и замечательно, что он назван так из селения, образованного из пленных поляков. При царе Алексее это село отдано было Иверскому монастырю, находящемуся в двух верстах, а городом стало считаться с 1772 года.

Колокола, колокольчики, бубенцы и проч. преимущественно сбываются в Москву; производство до 4 тыс. пудов меди; на двух колокольных заводах до 2 тыс. пудов. Литьем пряжек для крестьянских шляп занимаются несколько семейств и производят этого товара до 100 пудов в год. Кроме того, выковывают косари, серпы, противни, заслонки, косы и т. п. Замечательно, что не так давно эти кузнецы были зубными врачами и рвали зубы кузнечными клещами, а не то привязывали больного за зуб к наковальне и подносили ко рту раскаленное железо. Производством баранок и барашек (обварных крендельков), или бубликов, занимается до 30 пекарен. Пекут из привозной муки, покупаемой в Вышнем Волочке и Рыбинске. Случается, что в один раз кладут в затор по целому мешку пятипудового веса. Работа идет без отдыха, с песнями, с вечера одного дня до вечера другого, между пятью-десятью мастерицами. Зимой из разных мест приезжают сюда заказчики и увозят баранки возами, — особенно много во Псковскую губернию. В год, по приблизительному расчету, истрачивается на этот нетленный и несокрушимый зубами продукт до десяти тысяч мешков, или около 50 тысяч пудов муки. Некоторые мещане занимаются сбором заячьих шкур, а иные исключительно покупкою живых зайцев, которых и отправляют в Петербург.

В Валдайском уезде живут, между прочим, карелы, которые все исповедуют православную веру и говорят по-русски, но между собою придерживаются еще до

сих пор природного племенного наречия. По коверканию на свой лад русских слов они сразу обличают свою национальность, хотя по внешнему виду во всем похожи на настоящих русских людей.

До сих пор еще в городе живут так называемые «осташи» — потомки переведенных сюда при царе Алексее Михайловиче двух семей из Осташкова для содержания перевоза между монастырем и слободой и снабжения рыбою монастырской братии. Они размножились до того, что населяют теперь целую слободу, и рыбный промысел составляет главный источник их пропитания.

Около Валдая следует еще остановиться на родине преподобного Тихона Задонского, святые мощи которого открыты в нынешнее царствование. Это — село Корецкое, расположенное на высокой горе Корецкого озера, в чрезвычайно красивой местности. Близ одной из двух церквей (Покровской) сохраняются могилы родителей преподобного Тихона, отец которого был здесь дьячком. В самой церкви хранятся иконы: древняя чудотворная Покрова и явленная Параскевы — Пятницы, особенно чествуемой здесь гуляньями. Преподобный Тихон (Соколов) родился в 1721 году; обучался в Новгородской семинарии и в 1758 году постригся в монахи. Был он сначала учителем, потом префектом, а по получении сана архимандрита переведен в Тверскую семинарию ректором и учителем богословия; в 1761 году хиротонисан в кексгольмские епископы и назначен викарием Новгородской епархии. В 1763 году ему вверена Воронежская епархия. Тамошнюю семинарию он совершенно пересоздал. Одновременно с такими трудами учреждено им для народа публичное преподавание христианского закона по воскресеньям в соборе. Написал очень много монастырских наставлений, которые рассылал для публичного произнесения в сельских храмах, а краткие наставления были прибиты на церковных стенах. В 1767 году, из-за болезни, он был уволен от управления епархией и, поселившись

в Задонском монастыре, жил простым монахом: имел одну рясу, посещал больных. Здесь Тихон скончался в 1783 году. На месте его родины, где он вырос в великой нужде, нанимаясь в деревне Бор пахать поля, в 1864 году учреждена во имя Тихона женская обитель на том же месте, где издревле, в расстоянии одной версты от Корецкого села, существовал Покровский монастырь, разоренный шведами в XVII веке.

В 1777 году уездным городом называли Устюжну, о которой, впрочем, упоминается в первый раз в наших летописях в 1340 году, когда ее опустошила толпа новгородских удальцов-ушкуйников. Устюжна и впоследствии беспрестанно подвергалась набегам новгородцев, во время споров и ссор с московскими князьями. Это не давало ей возможности развиться в большой город, но не помешало укрепиться выработанному и усвоенному всею тамошнею местностью железному промыслу. Этим оправдывается старинное название Устюжны «железопольской», в отличие от Великого Устюга и в указание на богатство железной болотной руды, из которой выделяются известные «уломские гвозди» — имя, обратившееся в бранное прозвище городских мещан.

Гвоздарным производством занято до 200 селений, и на нем, а не на земле, сосредоточиваются все надежды тамошних жителей. Изделия эти идут и в Ригу и на юг России, во всем своем разнообразии: строевые, брусковые и сапожные. Куются гвозди в крестьянских кузницах по заказам местных и иногородних купцов, от которых положение кузнецов самое бедственное и зависимое. Выгоды скупщиков и купцов огромные; некоторые ездят сюда собственно из-за того, чтобы выгоднее закупить гвозди у нуждающихся кузнецов. Другие, привозя на продажу железо, охотно променивают его на гвозди. Количество приготавливаемых в течение года гвоздей всегда сбывается без остатка. С августа по сентябрь, в сухую погоду, приготавливают руду, доставая ее

из-под чернозема глубиною в аршин. Пригодную узнают по цвету и тяжести, и тогда снимают верхний слой земли, вырывают руду и переносят на высокие и сухие места. Здесь, складывая ее в кучи, оставляют месяца на два, чтобы проветрилась и просохла, а затем обжигают. Работают вдвоем; один управляет огнем, другой кует; женщины себя не исключают. Продажа изделий идет с октября по май, и из одной Уломской волости Череповского уезда вывозится в зимние месяцы до 25 тысяч пудов гвоздей. Когда начался этот промысел — неизвестно, хотя есть основание считать его довольно старинным; само же производство ежегодно возрастает. Оно состоит из обработки железа, кроме местной руды, еще из чешуи, или железной окалины, из обработки уклада, разрезки железных полос на прутья, выделки наковален, кос, лопаток, кованых котлов, лемехов, сошников и втулок.

Из остальных городов Озерной области вызваны к жизни: Лодейное Поле, Вытегра и Новая Ладога — Петром I.

Эти города, помня заботы о них великого хозяина земли Русской, хранят его памятники: *Лодейное Поле* за то, что Петр старался поднять значение двух слобод, слившихся в город (Меншевицы и Поля), устройством адмиралтейской верфи для постройки судов, или лодий (отчего и название города). Первые суда, вышедшие под русским военным флагом, построены здесь при самоличном присутствии Петра I (пинки, прамы и проч.) и руками олончан, издавна славившихся постройкою судов. Когда верфь за ненадобностью уничтожилась в 1830 году, пал и город, несмотря на то, что, по-видимому, выгодно стал на сплавной р. Свири.

Вытегорский чугунный памятник поставлен на том самом месте, где великий Петр размышлял о соединении Вытегры с Ковжей. Мысль его впоследствии осуществилась в Мариинской системе каналов, которая и придала значение новому городу, переименованному в

таковой в 1773 году из деревни Вянгги. Теперь хлебная городская торговля окончательно уничтожила следы темного происхождения города из бедной деревушки.

Новая Ладога воспользовалась своим удобным положением на устье Волхова и Ладожском озере, а жители — близостью столицы и каналов, все системы которых сходятся в Ладожском канале. Последний здесь в городе и начинается. Судходное дело оживляет край всем разнообразием соединенных с ним или вызываемых им промыслов. При начале Ладожского канала, начатого в 1718 году, а конченного 1731, на пирамиде находится следующая надпись: «Мужу славою Петру Великому, отцу отечества и проч. Он победил своих неприятелей; через него и мы наших победили. Сей канал дело праведно великое, действ своих несравненных не недостойное, замыслил и начал с лета Господня 1718. Ради отвращения кораблям и купечеству от Ладожского озера происходящих напастей, Император показал реке лучший путь, который, между победоносными оружиями, о пользе своих народов непостижимыми трудом и успехом старался».

Кстати, скажем и о памятнике в Лодейном Поле.

Лодейнопольский памятник чугунный; сооружен в 1832 году, на том месте, где стоял дворец царя Петра. Надпись на нем следующего содержания: «Да знаменует следы Великого сей скромный, простым усердием воздвигнутый памятник. Усердием петербургского второй гильдии купца Мирона Сафронова» (местного уроженца).

Памятник из гранитной пирамиды, увенчанной золотым шаром, на том месте, где Петр обдумывал план Мариинской системы, имеет следующие надписи — с одной стороны: «Зиждитель славы и пользы народа своего, Великий Петр, здесь помышляя о судходстве, отдыхал на сем самом месте, в 1711 году. Благоговейте, сыны России!» А на другой стороне: «Петрову мысль Мария совершила».

Из остальных памятников на следах и местах деятельности Великого строителя земли Русской в Олонецком краю остаются еще нижеследующие:

В Петрозаводске деревянная оштукатуренная соборная церковь Петра и Павла, построенная царем в 1703 году, во время второго посещения края. Пирамидальная церковь имеет четыре уступа, между которыми проведены были лестницы до самого верха, куда любил всходить царь. По его же плану за этим собором разведен сад, где несколько берез посажены собственноручно Петром, а в нижней части сада, под деревянною беседкою, хранится тот огромный камень, над которым, по преданию, был устроен алтарь походной государевой церкви. В верхней половине сада стоит чугунный бюст царя, в греческой тоге.

В Петрозаводском уезде, в 53 верстах, на Кончезере, на тамошних Марциальных водах, которые Петр посещал со своей семьей несколько раз, близ развалин дворца царицы Прасковьи, сохраняет народ две березы, называя одну — Петром, другую — Екатериною, в память посадки этих деревьев державными супругами. В Петропавловской церкви, стоящей в нескольких сажнях от вод, находятся образа́, пожалованные Петром и его супругою, точно так же, как и в городском петрозаводском Летнем соборе.

Не посчастливилось удачею в выборе места и остальным озерным городам.

Череповец (на р. Шексне), превратившийся в посад из монастыря Воскресенского, существовавшего здесь издревле и вновь отстроенного в 1644 году, до сих пор не сделался видом и значением своим выше тех, которые имел прежде в звании монастырской слободы. Сам себя он долгое время и очень упрямо не соглашался признать городом и продолжал называться дóма и в окрестном люде просто «монастырем», хотя монастырь упразднен и обращен в приходскую церковь в 1764 году, а селение названо уездным городом в 1780 году.

Бедный город *Олонец* замечателен равным образом только тем, что придал свое неважное имя разнообразному краю и некогда богатым железным заводам, выстроенным казною Петра I или частными людьми под его высоким и благодетельным покровительством. Собралось здесь в XV веке, на пустынном мысу при р. Олонке, население, по почину новгородского крестьянина Петра Дементьева Воронова, сведавшего о приволье мест, прибрежных Ладожскому озеру, в расчете на поживу рыбными промыслами. В первое время, в самом деле, Олонец стал главным городом западной части Обонежья, как Каргополь — восточной, по значению самого приволья, привлекавшего колонизацию: Олонец — рыбной ловлей, Каргополь — охотой на пушных зверей. В сущности, настоящий Олонец очень длинный, привольно раскинувшийся город: в нем трудно найти начало и определить конец, и уже нет никакой возможности отыскать не только что-нибудь достойное внимания и примечания, но даже и того, в чем насущно нуждается самый неприветливый голодающий проезжий. И если это за честь Олонцу в достопримечательность, то Пудога, или, по-книжному, Пудож, превратившийся в город также из погоста, существовавшего, впрочем, еще в XV веке, уже решительно ничем не замечателен. «Гербы вышесказанных городов по большей части с изображениями медведей», — замечает академик Озерецковский (в описании озера Ильмень), говоря простодушно, но остроумно и справедливо.

Пудога привела нас на берега второго по величине из озер наших — на озеро Онежское, но завела, собственно, в те лесные трупцы и непролазные сюземы, где мы уже имели случай достаточно побродить и присмотреться. Отсюда нашему рассказу только два приема для выхода: или возвратиться назад, или остановиться. Воспользуемся последним способом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Припущенниками* называются те, которые за известную ежегодную или единовременную плату, по заключенному договору на известное число лет, живут на башкирских землях. Почти не одна деревня припущенников, по окончании договорного срока, не оставила земель башкирских; из этого завелись сотни дел, которые обыкновенно оканчиваются тем, что припущенники оставляются на местах своего жительства.

² Священным именем служителя языческих божеств, именем *Волхва*, называлась на севере река, дорогая и родная новгородским славянам; Дорогобужами называли потом два (весьма отдаленные один от другого) города: один в земле кривичей смоленских; другой в земле Волынской, на р. Горыни, близ Луцка (некогда имевший своих удельных князей, но теперь уже не существующий).

³ Отсылаем между прочим на озеро Селигер, около которого деревни: Залучье, Заузье, Заозерье, Забузье, Заплавье, Заполк и Заболотье, — все расположены на левой стороне озера и прозваны так по отношению к живущим на юге. В Белоруссии это настолько последовательно, что, напр., имеются по три Заборья, и все расположены по северную сторону боров, т. е. хвойных лесов, выросших на сухих местах по горам и холмам. Точно так же Заольша расположена, считая с юга за рекой Ольшей. В том же смысле названы: два Заборовья, Задорожье, Закурья, Засулье (за рекой Сулой) и т. п. В Смоленской губ. мы встречаем между прочим Загусинье, Залужье, Запрудье, Загорье и проч., в непременно положительном смысле, какому подчинились даже целые страны, лежащие в противоположной стороне от коренного колонизационного движения народа, повременно на север, восток и юг: Заволочье, Закаменье (Сибирь), Забайкалье, Задонск, Заимский край, Закавказье и т. п.

⁴ Отсюда мы производим названия, кроме Прилук, города Полтавской губ., стоящего на луках или изгибах реки Удая, Великих Лук, псковского города, стоящего на чрезвычайно извилистой в том месте реке Ловати и прилуцких монастырей: Николаевского на Северной Двине и Спасского на реке Вологде. Отсюда обе реки Случи и городки Луцк и Лукомль, озеро Облучье, река Лучица, д. Залучьи, реки: Лучосы — притоки Межи (Смоленской губ. Белосельского уезда) и Западной Двины; отсюда и оз. Вселук — все в излучинах, отсюда и Семилучье и все количество этого звания селений, рек и озер, на св. Руси довольно значительное. В Поволжье (кстати заметить) значение луки перешло в название плесов с характерным усвоением этого имени целому городу (Костромской губ.).

⁵ Ва на языке зырян значит вода, отсюда и объяснение рек Пермского края, в особенности обилующего реками с подобным окончанием: Обва — луговая, Сосьва — приточная вода (рукава), Кушва — голая, бурная, Чусова — быстрая, Койва — шумная Вильва — новая, Ирньва — бабья, Оисва — медвежья, Челва — тихая и т. д.

⁶ Реки с окончанием на *ма* в особенности часто попадают в северной лесной России и в сравнении с реками иных финских окончаний (на *ва, ша, го, да, ра* и *за*) несравненно многочисленнее. Не говоря уже о реках губерний Архангельской, Олонецкой и Вологодской, мы в одной Костромской насчитали таковых 35 рек, около 20 в Новгородской губернии, около 10 во Владимирской и Нижегородской, но зато только 2 в Смоленской и ни одной в Белорусском крае. В смысле определения границ земель, занятых русским народом совместно с финскими племенами, замечательно то, что Клязьма крайняя река на юге, Вязьма на западе, Калуга на юге, Волга и Пскова на юго-западе этой страны. Точно так же Мшоло, приток Шелони, и Вазуза — самые южные реки и Нарова — западная и крайняя. Из рек, кончающихся на *ша*, самые южные Пекша — притоки Клязьмы; Ворша река Тверской губернии и уезда, Мокша, Еремша Нижегородской и Тамбовской губерний, а самые северные опять-таки архангельские: Никша, Грикша, Пекша, Кандалакша и пр.

⁷ Сам Чернигов — по всему вероятно — носит лесное название от *черней* в виду обилия смешанных лесов с преобладанием лиственных над хвойными в этой полосе России (черни — густое непроходимое чернолесье, отсюда и г. Чернь, Тульск. губ.). Едва ли не сюда же следует отнести и происхождение прозвания ручьев речек и рек *черными*, как наиболее всего вытекающих из чернолесья (лиственных лесов) и вследствие чего название селений: Чернотичи, Черныши, Чернушки, Чернявское, Чернины, Чернещины, Чернявьи и т. д. в целой массе тому подобных названий. Точно также наоборот, от преобладания на севере в верховьях Днепра хвойных лесов (сосен, елей и пихты) получил свое имя другой из самых древних и первых городов русских — Смоленск (882 г.) на том же основании, как и селения: Смоленичи, Смолин, Смолник, Смоляны и проч., а также г. Красный, Красники и т. п.

⁸ *От ольхи*: Ольховки, Ольшанки, Ольшаное, Ольховцы, Ольховатки. *От ивы или вербы*: Верба, Вербицкая, Вербичи, Вербки, Вербовки, Веребье, Ветлевки и пр. *От дуба*: Стародуб, Дубно, Дубны, Дубня, Дубовая, Дубосна, Дубовики, Дубовичи, Дубовки, Задубенье. *От липы*: Липецк, Липки, Липник, Липовец, Липенка, Липенщины, Лубны, Лубянк, Лубки и проч. *От вяза*: Вяз, Вязовка, Вязовская, Вязовск, Вязники (слобода на *Вязях* над г. Ярополчем), Вяжицкий Никольский монастырь (в 13 верстах от Новгорода на урочище Вяжище), даже Вишняки, Вишенки, Вишневки, Калинки, Калиновки, Калинины, Ясеновки, Ясиновки, Ясинок и т. д. в бесконечность.

⁹ Около Брянска на правом берегу р. Десны (Орловской губ.) до сих пор замечается несколько глубоких оврагов, стены которых 130—150 футов высотой. Подобное замечается и в Брянске Гродненской губ. (Бельского уезда).

¹⁰ Отсюда и многочисленные на Руси названия селений этого имени с придаточными прозвищами от людских имен или особенностей местности.

¹¹ С некоторыми в этих местах особенностями: так, напр., после образования лядины на следующий год засевают ее рожью и три года подряд собирают жатву. Затем оставляют, жгут лес далее, а вместе с тем переносят и избы. Такими подсеками или панами разливается по лесам население, и никакие старания и запрещения не в силах прекратить это переложное хозяйство, столь губельное для лесов и рек.

¹² Древним славянским именем, сохранившимся до сих пор за Карпатами, даже в названии большого столичного города Пешта.

¹³ В одной Черниговской губернии мы насчитали таких селений с прозвищем *будами* — 33, да около 20-ти имеется в Могилевской губернии (в ее южных уездах). Из 33 черниговских буд, названных просто — *будами* (без нарицательного придатка) имеется пять да шесть селений с именем *будищ*. Остальные буды большею частью называются именем соседнего селения в роде Спиридонова, Товстолесова, а в Могилевской губернии (Гомельского уезда) есть даже Жгунская буда, прямо указывающая на способ своего происхождения. Едва ли не к такого же рода урочищам следует отнести замечательное количество селений всех белорусских губерний (особенно Могилевской и северной части Черниговской) с прозванием *рай* (просто рай, раевки, раевщины, райгородки, райгорода и т. п., вероятно, в значении мест с разреженными лесами в виде сада и в противоположность гая. Отсюда, вероятно, и название рязанского. Зарайска (*города за раем*), вопреки поэтическому, но натянному объяснению.

¹⁴ Для сравнения возьмем белорусскую часть Черниговской губ. В ней на больших реках (Ипути, Беседи и Днепре) насчитываем только 13 селений, на лесных и глухих речках и ручьях 50, на озерах 17 и 51 деревня пользуется водою из колодцев. В то же время соседние великороссы и притом позднейшие пришельцы колодцами пользуются лишь в количестве 20 селений, но зато на реках и речках сидят в числе 68 селений (при этом число великорусских деревень, взятых нами для сопоставления, на 40 меньше числа белорусских).

¹⁵ Под Киевом Днепр обмелел до поразительной безнадежности. В Чернигове на том месте р. Десны, где несколько лет назад было купанье, теперь стоит хижина и вокруг нее разведен огород. Словом — подобных примеров не оберешься.

¹⁶ В этих местах еще недавно у крестьян любители могли скупать старинный фарфор — *вьесакс*.

¹⁷ Города на Десне: Чернигов, Сосница, Новгород-Северский, Трубчевск и Брянск находятся на правом берегу. На всем пространстве течения Днепра по Черниговской губернии на самой реке лежат только два селения, но в числе их столь известный в истории наидревнейший город Любеч (в 62 верстах от Чернигова в Городнянском уезде) — первый город на юге, взятый Олегом Новгородским (882 г.), известный в VIII веке торговлею с Грециею и в 1097 году прославившийся съездом князей по призыву Мономаха на устройство мира.

¹⁸ Прозвание Бобруйск, однородное с г. Бобровым с реками Бобр и множеством селений подобного имени, находится в зависимости от имени того животного (речной выдры), которое до сих пор нередко попадает в белорусских водах там, где леса еще дики и недоступны. В древнейшие времена торговля этими мехами была довольно известна.

¹⁹ В одной Черниговской губ. (по списку населенных мест в ее белорусской части) насчитывается 57 Рудней (16 просто Рудней), Руд, Руденок, Рудок, Рудовок. Не менее велико число селений этого звания в особенности по Витебской и Могилевской губерн., где некоторые Рудни успели уже утратить свое первоначальное имя (такова одна Рудня в Оршан. уезде Могилев. губ., носящая теперь другое имя; Киевской губ. Черкасского уезда — теперь с. Пекари; в 26 верстах от Рогачева деревня Тошица (тоже прежняя Рудня) и проч. Кроме Рудней часто встречаются в Белоруссии селения с именем Гуты (в одной Черниговской губ. таковых 40 селений) — позднейшего происхождения, в значении заводов стеклянной и медной посуды, с немецкого языка.

²⁰ Таково же множество селений с именами Крупец и Крупка в Черниг. и Могилев. губ., Волынской, Курской и даже Тульской; отсюда и Крупецкие монастыри Черниговской губ. (Ветхий и Новый) в 32 вер. от Конотопа, поместившиеся на крупцах — коротких притоках р. Сейма и недавно открытые близ Смоленска — монастырь Борисоглебский на Крупце-Смядыни, теперь уже иссохшем (осн. в 1145 г. и откр. в 1838 г.), и подземная церковь на Крупце, открытая из-под кургана близ деревни Шенной в 1865 г. На Крупцах этих — мельницы, окол — дупеля и бекасы, в воде карпы; вода всегда холодная и зимой не замерзает.

²¹ Подол, кроме Киева, сохранился за приречными частями городов: во Мстиславле, Могилеве и даже в Москве, где в 1436 году упоминается под этим именем нижняя часть Большого Посада к востоку от Кремля по левому берегу р. Москвы. г. Подольск Московской губ. по р. Пахре, Подолец, село Владимирской губ. Юрьевского уезда; Подол — волжская деревня Осташковского уезда Тверской губ.; село Полтавской губ. Гадячского уезда (оно же и Сребное) по р. Лысогорке; слобода Курской губ. Грайвороновского уезда по р. Ворскле; Подолье по р. Згаре, мест. Летицевого уезда Подольской губ. и т. д.

²² В тех же епархиях, по отношению к другим особенно чтимым святым, мы получаем следующую таблицу:

Во имя Бориса и Глеба	10 престолов	
"- Георгия.....	38	"-
"- Петра и Павла.....	20	"-
"- Св. Духа	17	"-

При этом мы принимаем древнее и доказанное историческими данными народное почитание к святым этих имен.

²³ В Великороссии в наибольшем употреблении, как известно, иконы, изображающие пророка Илию скрывшимся в пустыне и пещере за Иорданом и питаемым воронами, приносящими ему хлебы и мясо,

или призывающим небесный огонь на дрова и тельца перед вааловыми жрецами израильского царя Ахава. Изображение взятия Илии на небо в огненной колеснице в заиорданской пустыне принадлежит лишь старинным старообрядческим иконам, и вообще заметно исчезает в народной торговле. Для доказательства основной нашей мысли не будем ходить далеко и укажем прямо на с Ильеши (Ямбургского уезда, Петербургской губ. по нарвскому тракту в 90 вер. от столицы), куда в Ильин день собираются тысячи богомольцев поклониться в селе имени пророка Илии и чудотворному изваянию из дерева не св. пророка, а св. мученицы Параскевы, нарицаемой Пятницей.

²⁴ Кроме Кричева напоминают имя кривичей следующие селения: в Могилевской губ. два Кривска — один около Свержена (Рогачевского уезда), другой в Гомельском уезде (около границ Рогачевского), Кривичи, местечко Виленской губ. (Вилейского уезда) к сев.-вост. от Вилейки при р. Сервече. Если селения эти и не делают прямого указания на племя аборигенов страны, то, во всяком случае, они замечательны тем, что находятся среди групп курганов, а при некоторых имеются и городища.

²⁵ Из 40 человек очередных к рекрутскому набору на наших глазах с трудом набрано было 8 в Слуцке, 12 в Бобруйске кое-каких бедовиков. У большинства мы видели пальцы сведенными крюком и лишенными живучей способности и силы разгибаться и складываться хотя бы в кулак. Только здесь нам удалось видеть одеревенелые правые руки до того, что они казались кочергой, лишенными надлежащей свободы в произвольных мускульных движениях.

²⁶ Селения: Ковали, Копачи, Чайники, Зуи, Лешняки, Косячи, Прудники, или: Брехуны, Крутели, Кисели, Пугачи, Горяки и даже Магерки, или: Борисовщина, Богдановщина, Васюковщина, Монастырщина и даже Чертовщина.

²⁷ С Сухоною, если ее принять за главный исток Северной Двины, 1250 верст.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

произведений Сергея Максимова,
вошедших в собрание сочинений

	<i>Том</i>	<i>Стр.</i>
Белорусская Смоленщина	7	253
Бродячая Русь Христа ради	3	5
Год на Севере (<i>Часть I</i>)	3	485
Год на Севере (<i>Части I—III</i>)	4	5
Города Озерной области	7	409
Край крещеного света	7	5
Крестьянский быт	7	333
Лесная глушь	6	5
На востоке	5	5
Обитель и житель	7	175
Первобытный лес	7	363
Сибирь и каторга (<i>Части I—II</i>)	1	11
Сибирь и каторга (<i>Части II—IV</i>)	2	5

СОДЕРЖАНИЕ

КРАЙ КРЕЩЕНОГО СВЕТА

КРАЙ КРЕЩЕНОГО СВЕТА

I. ДРЕМУЧИЕ ЛЕСА.....	7
II. КАМЧАТКА И ЕЕ ЖИТЕЛИ.....	16
III. РЕКА АМУР И ЕЕ ОБИТАТЕЛИ.....	21
IV. ТУНГУСЫ.....	27
V. ЯКУТЫ.....	31
VI. ВОГУЛЫ.....	35
VII. ЗЫРЯНЕ.....	38
VIII. ВОТЯКИ.....	42
IX. ЧЕРЕМИСЫ.....	46
X. ЧУВАШИ.....	50
XI. МОРДВА.....	54
XII. КОРЕЛЫ И ЧУХОНЦЫ.....	56
XIII. ЭСТЫ И ЛИВЫ.....	61
XIV. ЛИТВИНЫ И ЛАТЫШИ.....	63

СТЕПИ

I. СТЕПИ.....	67
II. КОРЕННЫЕ МОНГОЛЫ И БУРЯТЫ.....	74
III. КИРГИЗЫ.....	80
IV. КАЛМЫКИ.....	86
V. БАШКИРЫ.....	91
VI. МЕЩЕРЯКИ И ТЕПТЯРИ.....	97
VII. ТАТАРЫ.....	99
VIII. ТУРКМЕНЫ.....	114
XI ЦЫГАНЕ.....	118

ГОРЫ

I. Горы.....	122
II. Кавказские горы и горские народы.....	126

III. Абхазцы, или азра	136
IV. Адыгейцы, или черкесы.....	138
V. Чеченцы, или кисты	144
VI. Лезгины	147
VII. Осетины.....	154
VIII. Грузинские народы.....	156
IX. Армянский народ.....	164
X. Курды.....	168
XI. Персы и татары.....	169

ОБИТЕЛЬ И ЖИТЕЛЬ
(Из очерков Белоруссии)

ОБИТЕЛЬ (СТРАНА КРИВИЧЕЙ).....	175
ЖИТЕЛЬ (ИЗ ОЧЕРКОВ БЕЛОРУССИИ).....	225

БЕЛОРУССКАЯ СМОЛЕНЩИНА С СОСЕДАМИ

I. ПОЛЕХИ.....	253
II. ПОЛЕСЬЕ	260
III. ТРИ СОСЕДА.....	270
IV. СМОЛЕНСКИЕ БЕЛОРУСЫ.....	289
V. ОЖЕРЕЛЬЕ РОССИИ.....	307
VI. СМОЛЕНСКИЕ ПРИГОРОДЫ.....	319

КРЕСТЬЯНСКИЙ БЫТ ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ.
ПЕРВОБЫТНЫЙ ЛЕС.
ГОРОДА ОЗЕРНОЙ ОБЛАСТИ

КРЕСТЬЯНСКИЙ БЫТ ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ. РАССКАЗ.....	333
ПЕРВОБЫТНЫЙ ЛЕС. РАССКАЗ.....	363
ГОРОДА ОЗЕРНОЙ ОБЛАСТИ. РАССКАЗ	409
ПРИМЕЧАНИЯ	456
УКАЗАТЕЛЬ.....	461

Сергей Васильевич Максимов

Собрание сочинений в семи томах
ТОМ СЕДЬМОЙ

Редактор *А. Полбенникова*
Художественный редактор *А. Балашова*
Технический редактор *О. Стоскова*
Корректор *Ю. Баклакова*
Компьютерная верстка *С. Шулаев*

Подписано в печать 10.02.10 г.
Формат 84 × 108¹/₃₂. Бумага офсетная.
Гарнитура «Журнальная». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 24,36. Уч.-изд. л. 22,07.
Заказ № 0925760.

Книжный Клуб Книговек.
127206, Москва, Чуксин тупик, 9.
www.terra.su

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

Литературное
приложение

ОГОНЁК

www.terra.su

ISBN 978-5-4224-0035-5

9 785422 400355

www.soyuzkniga.ru